

ОКУНЕВСКИЙ СБОРНИК 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ
ОБРЯД,
АНТРОПОЛОГИЯ,
ИСКУССТВО
И РИТУАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ

*Настоящий выпуск посвящен
Дмитрию Глебовичу Савинову (1941–2023) —
основателю серии «Окуневский сборник»*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

THE OKUNEVO COLLECTION

VOL. 3

MATERIAL CULTURE
AND FUNERAL RITE,
PHYSICAL ANTHROPOLOGY,
ART AND RITUAL PRACTICES

Saint Petersburg
2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ОКУНЕВСКИЙ СБОРНИК

Вып. 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД,
АНТРОПОЛОГИЯ, ИСКУССТВО
И РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Санкт-Петербург
2025

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of the RAS

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. В.В. Бобров; д-р ист. наук, проф., академик РАН В.И. Молодин (председатель);
д-р ист. наук, проф. РАН А.В. Поляков; канд. ист. наук Н.Ю. Смирнов (отв. секретарь);
д-р ист. наук, проф. А.А. Тишкин; К.В. Чугунов

Editorial Council:

Vladimir V. Bobrov, Dr. of Hist. Sci., Prof.; Vyacheslav I. Molodin, Dr. of Hist. Sci., Prof., Academician of RAS (chairman);
Andrey V. Polyakov, Dr. of Hist. Sci., Prof. of RAS; Nikolay Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sci. (secretary-in-chief);
Aleksey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sci., Prof.; Konstantin V. Chugunov

Редколлегия:

В.И. Молодин (отв. ред.), А.В. Поляков (отв. ред.), М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов, Е.О. Стоянов

Editorial Board:

Vyacheslav I. Molodin (editor-in-chief), Andrey V. Polyakov (editor-in-chief),
Maya T. Kashuba, Nikolay Yu. Smirnov, Evgeniy O. Stoyanov

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. Ю.Ф. Кирюшин (АлтГУ),
канд. ист. наук Вл.А. Семенов (ИИМК РАН)

Reviewers:

Yuriy F. Kiryushin, Dr. of Hist. Sci., Prof. (Altay State University);
Vladimir A. Semenov, Cand. of Hist. Sci. (Institute for the History of Material Culture of the RAS)

Окуневский сборник. Вып. 3. Материальная культура и погребальный обряд, антропология, искусство и ритуальные практики / Отв. ред.: В.И. Молодин, А.В. Поляков. — Санкт-Петербург : ИИМК РАН, 2025. — 236 с. : ил.

The Okunevo Collection. Vol. 3. Material culture and funeral rite, physical anthropology, art and ritual practices / Ed. by Vyacheslav I. Molodin and Andrey V. Polyakov. — Saint Petersburg : Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2025. — 236 p. : ill.

ISBN 978-5-6052467-4-9

«Окуневский сборник 3» — новый выпуск продолжающегося издания ИИМК РАН, цель которого — представление результатов новейших полевых исследований, введение в научный оборот материалов старых раскопок, представление глобальных концепций и гипотез частного характера, связанных с изучением памятников окуневской археологической культуры. Настоящий выпуск в своей структуре и принципах подачи материала сохраняет традиции, заложенные инициатором издания и редактором первых двух сборников (1997, 2006) — д.и.н., профессором Д.Г. Савиновым (1941–2023), и посвящен его памяти.

Издание адресовано археологам, историкам, студентам профильных вузов и широкому кругу читателей, интересующихся древним прошлым Енисейской Сибири.

"The Okunevo Collection 3" is a new issue of the ongoing series of the Institute for the History of Material Culture of the RAS, the purpose of which is to present the results of the latest field research as well as to introduce in the scientific turnover the materials of old excavations and present global concepts and parochial hypotheses related to the study of sites of the Okunevo archaeological culture. The structure and principles of data presentation of the present issue continue the traditions laid down by the founder of the series and editor of the first two collections (1997, 2006) — Doctor of History, Professor Dmitriy G. Savinov (1941–2023) and is dedicated to his memory.

The volume is addressed to archaeologists, historians, students and to a wide range of readers interested in the ancient past of Yenisei Siberia.

В оформлении обложки использована фотография Ширинского каменного изваяния (Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова). Фотография Яна Логинова, 2024

The cover features a photograph of the Shira stone sculpture (the Khakassia National Museum of Local Lore named after Leonid R. Kyzlasov). Photo by Yan Loginov, 2024

© Институт истории материальной культуры РАН, 2025
Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Science, 2025

© Коллектив авторов (фамилии выделены в содержании), 2025
Authors (names are marked in the contents), 2025

© Я. Логинов (фотография), 2025
Yan Loginov (photo), 2025

ISBN 978-5-6052467-4-9

DOI: 10.31600/978-5-6052467-4-9

Содержание

<i>В.И. Молодин, В.В. Бобров.</i> Предисловие к третьему «Окуневскому сборнику»	7
<i>В.И. Молодин, В.В. Бобров, А.В. Поляков.</i> Окуневская культура в научном творчестве профессора Д.Г. Савинова (некоторые историографические аспекты)	10
Материальная культура и погребальный обряд	
<i>А.А. Ковалев.</i> Баночные сосуды, орнаментированные наколами и отпечатками штампа, в керамике Монгольского Алтая периода ранней бронзы (к вопросу об окуневских параллелях)	21
<i>П.Б. Амзараков.</i> Исследования грота Сагархая в 2005–2006 годах	37
<i>А.В. Поляков, И.П. Лазаретов, П.Б. Амзараков, А.В. Громов, Н.И. Лазаретова.</i> Новые памятники окуневской культуры в верхнем течении реки Аскиз	45
<i>Л.Р. Кызласов (†), И.Л. Кызласов, А.В. Поляков.</i> Раскопки погребального комплекса Туим-Кольцо (предварительное сообщение)	73
<i>И.П. Лазаретов, А.В. Поляков.</i> Курганы окуневской культуры могильника Уйбат-Батень	93
<i>С.Н. Леонтьев, П.В. Герман.</i> Комплекс окуневской культуры кургана 1 могильника Сагайская Протока-4 (Аскизский район, Республика Хакасия)	108
<i>Н.В. Леонтьев (†), С.Н. Леонтьев.</i> Каменный очаг окуневской культуры со склона горы Моисеиха (Минусинский район Красноярского края)	126
<i>И.П. Лазаретов, А.В. Поляков.</i> Исследования кургана 2 могильника Красный Камень в Хакасии	130
Антропология	
<i>А.В. Громов, Н.И. Лазаретова.</i> Антропологические материалы из могильника окуневской культуры Уйбат-Чарков	153
<i>К.Н. Солодовников.</i> Материалы к антропологии окуневской культуры: краниологические находки из погребений уйбатского и разливского этапов	168
Искусство и ритуальные практики	
<i>Ю.Н. Есин, А.В. Поляков.</i> Жертвоприношение быка в окуневской культуре Южной Сибири	193
<i>О.С. Советова.</i> Антропоморфные изображения раннего бронзового века из Тепсейского археологического микрорайона	219
<i>А.Л. Заика, Т.А. Ключников, В.Е. Матвеев.</i> Окуневские изображения на скалах Батенёвского кряжа	226
Список сокращений	235

Contents

<i>Vyacheslav I. Molodin, Vladimir V. Bobrov. Foreword to the third “The Okunevo collection”</i>	7
<i>Vyacheslav I. Molodin, Vladimir V. Bobrov, Andrey V. Polyakov. Okunevo culture in the research activity of Professor Dmitriy G. Savinov (some historiographical aspects)</i>	10
Material culture and funeral rite	
<i>Aleksey A. Kovalev. Jar vessels with stroke and stamp ornamentation among Early Bronze Age Mongolian Altai potteries (on the issue of Okunevo culture parallels)</i>	21
<i>Petr B. Amzarakov. The investigation of Sagarkhaya grotto in 2005–2006</i>	37
<i>Andrey V. Polyakov, Igor P. Lazaretov, Petr B. Amzarakov, Andrey V. Gromov, Natalia I. Lazaretova. New Okunevo culture sites in the upstream of the Askiz River</i>	45
<i>Leonid R. Kyzlasov (†), Igor L. Kyzlasov, Andrey V. Polyakov. Excavations of the burial complex Tuim-Koltso (preliminary information)</i>	73
<i>Igor P. Lazaretov, Andrey V. Polyakov. The Okunevo barrows of the burial ground Uybat-Baten</i>	93
<i>Stanislav N. Leontyev, Pavel V. German. The Okunevo culture assemblage from barrow 1 of Sagaiskaya Protoka-4 burial ground (Republic of Khakasia, Askizsky district)</i>	108
<i>Nikolay V. Leontyev (†), Stanislav N. Leontyev. A stone fireplace from the slope of the Moiseikha Mountain (Minusinsky district, Krasnoyarsk Krai)</i>	126
<i>Igor P. Lazaretov, Andrey V. Polyakov. The investigation of the barrow 2 of the Krasny Kamen burial ground, Khakassia</i>	130
Physical anthropology	
<i>Andrey V. Gromov, Natalia I. Lazaretova. Anthropological materials from the Okunevo culture Uybat-Charkov burial ground</i>	153
<i>Konstantin N. Solodovnikov. Materials for the anthropology of the Okunevo culture: craniological finds from the burials of the Uybat and Razliv stages</i>	168
Art and ritual practices	
<i>Yuri N. Yesin, Andrey V. Polyakov. Bull sacrifice in the Okunevo culture of the South Siberia</i>	193
<i>Olga S. Sovetova. Anthropomorphic images of the Early Bronze Age from the Tepsey archaeological microdistrict</i>	219
<i>Aleksandr L. Zaika, Timofey A. Klyuchnikov, Vyacheslav E. Matveev. Okunevo images on the rocks of the Batenevsky ridge</i>	226
List of abbreviations	235

Предисловие к третьему «Окуневскому сборнику»

Яркое и во многом загадочное историко-культурное содержание окуневской культуры придает ей особую значимость среди археологических культур доандроновской бронзы, в значительном количестве выявленных сегодня на территории Евразии. Выделение этой культуры явилось важнейшим событием в отечественной, да и в мировой археологии второй половины XX в. Оно не только дополнило классическую периодизацию культур эпохи палеометалла Южной Сибири, связанную с именем С.А. Теплоухова, но и во многом предопределило открытие целой свиты аналогичных культур, по крайней мере на территории Западной Сибири, связанных с окуневской как хронологической позицией, так и целым рядом содержательных моментов в истории развития материальной культуры и этносов (История Сибири, 2022)¹.

Прошло почти 60 лет со времени выделения окуневской культуры Г.А. Максименковым и 50 лет с того момента, когда она была представлена им научному сообществу, в том числе в виде диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Открытие с редким единодушием было принято специалистами, что наглядно говорило о его перспективности. Более того, с тех пор практически каждое десятилетие раскопки памятников окуневской культуры открывали исследователям новые, часто сенсационные черты в ее характеристике. Одним из таких открытий последних лет стало обнаружение среди сопроводительного инвентаря в двух детских окуневских погребениях роговых миниатюрных фигурок, сопоставимых стилистически и семантически с монументальными каменными изваяниями (Поляков, Есин, 2015). Эти находки позволили окончательно обосновать культурную принадлежность

изваяний и создать достаточно перспективную платформу для исследования их семантического содержания и духовной культуры носителей окуневской культурной традиции в целом. В этой связи уместно отметить, что в истории изучения окуневской культуры изначально относительную самостоятельность приобрело искусствоведческое направление: богатейшие произведения наскального искусства, монументальная скульптура, мобильная пластика, декоративно-прикладное искусство требуют специального изучения. Небезынтересно и то, что именно в процессе изучения окуневского искусства впервые были выделены хронологические этапы, которые косвенно должны были соответствовать генезису самой культуры. Напомним, что только в середине 1990-х гг. при раскопках курганов в долине р. Уйбат были получены достоверные данные о раннем этапе окуневской культуры и его хронологии (Лазаретов, 1994; 1997), подтвердившие гипотезу М.Д. Хлобыстиной (Хлобыстина, 1973).

Впрочем, история изучения окуневской культуры зафиксировала не только обозначенные выше тенденции, но и сохранила весь спектр порой противоречивых идей и точек зрения на интерпретацию источников, а также набор взаимоисключающих концепций, на что неоднократно обращал внимание Д.Г. Савинов. Эта историографическая дискретность и разновекторность в познании окуневских древностей вызвали у него желание аккумулировать результаты исследований окуневской проблематики в самостоятельном сборнике, который сыграл бы роль эталонной модели на определенном этапе изучения культуры. Идея была блестяще реализована в первом «Окуневском сборнике», вышедшем под редакцией Д.Г. Савинова и М.Л. Подольского в 1997 г. с подзаголовком «Культура. Искусство. Антропология».

Сборник открывала фундаментальная статья, подготовленная Дмитрием Глебовичем и посвящен-

¹ Работы, упоминаемые авторами предисловия к сборнику, включены в список литературы к статье В.И. Молодина и др., посвященной анализу вклада Д.Г. Савинова в изучение окуневской культуры и публикуемой в настоящем сборнике (с. 7–19).

ная детальному анализу истории изучения окуневских древностей, с акцентом на дискуссионность базовых проблем изучения археологической культуры, а также указанием на первостепенные задачи, требующие решения. В сборник вошли статьи, посвященные недавно открытым погребальным комплексам, впервые были опубликованы окуневские материалы из *све*. Отдельный блок составляли работы, затрагивающие различные аспекты изучения, интерпретации и публикации памятников окуневского искусства.

«Окуневский сборник 2» с подзаголовком «Культура и ее окружение» под редакцией тех же ученых вышел в свет и стал достоянием научного сообщества в 2006 г. Во введении редакторы отметили, что за 10 лет, прошедшие после публикации первого сборника, кардинальных изменений в изучении феномена окуневской культуры и искусства не произошло и описанные в нем проблемы сохраняют свою актуальность (Окуневский сборник 2, 2006. С. 7). Значимость и исключительность второго «Окуневского сборника» обусловлена в первую очередь публикацией в нем архивных данных, касающихся раскопок уникальных памятников — Тас-Хазаа и Бельтыры, материалы которых долгое время вносили известный диссонанс в процесс изучения и осмысления ранних этапов эпохи бронзы Минусинских котловин, а также результатов раскопок курганного могильника Сыда V, исследованного М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой.

Важной составляющей сборника стали статьи, посвященные своеобразным памятникам Западных Саян и каракольской культуры Горного Алтая, а также проблеме соотношения окуневской и самусьской культур. Наконец, сборник содержал статьи, отразившие первый опыт исследования примеров сохранения и трансляции окуневской культурной традиции во времени и географическом пространстве Сибири.

С прискорбием приходится писать о том, что за 18 лет, прошедших после издания второго «Окуневского сборника», почти половина его авторов оставила этот мир. Вслед за М.П. Грязновым, М.Н. Комаровой и Г.А. Максименковым ушла уже целая плеяда выдающихся исследователей сибирских древностей и в том числе окуневской культуры. Мы склоняем головы, отдавая дань памяти нашим коллегам и товарищам Я.А. Шеру, Э.Б. Вадецкой, М.А. и Е.Г. Дэвлет, М.Л. Подольскому, М.Н. Пшеницыной, В.И. Матющенко, С.В. Студзицкой, Н.В. Леонтьеву,

Н.Ю. Кузьмину. Последним в этот мемориальный строй встал составитель и редактор двух «Окуневских сборников» Д.Г. Савинов.

Дмитрий Глебович поддерживал идею издания третьего «Окуневского сборника» и даже согласился быть его редактором, несмотря на тяжелую болезнь. Сама же идея возникла у специалистов более молодого поколения — археологов, работающих в Институте истории материальной культуры РАН, в частности у его директора А.В. Полякова. Объективные предпосылки для осуществления этого проекта были. За 18 последних лет в результате изучения окуневских древностей были получены прорывные по своему значению результаты.

Во-первых, утвердилась внутренняя периодизация развития культуры и, что очень важно, благодаря масштабным полевым исследованиям с усовершенствованной методикой раскопок погребальных комплексов был наполнен качественно новым содержанием ее ранний этап. Это позволило создать репрезентативную базу данных для решения узловых проблемы происхождения археологической культуры. Вместе с тем причины, обусловившие ее известную многокомпонентность, нуждаются в дальнейшем планомерном изучении.

Во-вторых, междисциплинарный подход к изучению окуневских древностей позволил получить новые сведения не только об аспектах жизни оставившего их населения, но и о самих физических носителях данной культурной традиции. Палеогенетические исследования открывают заманчивую перспективу изучения исторической судьбы носителей уникальной культуры и изобразительной традиции раннего периода эпохи бронзы в Минусинских межгорных котловинах Южной Сибири. Особенно перспективно это выглядит на фоне уже полученных данных по палеогенетике целого ряда культур раннего периода эпохи бронзы и неолита Сибири и в целом Северной и Центральной Азии, которые, конечно же, могут быть использованы при сравнительном анализе в работах профессиональных генетиков.

В-третьих, в окуневском искусстве выделено несколько стилистических традиций. Предстоит выяснить, отражают ли они тенденцию изменения искусства во времени или свидетельствуют о многообразии художественного выражения в творчестве окуневцев.

Наконец, в-четвертых, к началу третьего десятилетия XXI в. А.В. Поляковым была защищена доктор-

ская диссертация, легшая в основу монографии, посвященной хронологии и типологии процессов культурогенеза эпохи бронзы Минусинских котловин. Немаловажное место в ней было отведено осмыслению окуневской культуры, при этом автор рассматривал обозначенные выше проблемы (Поляков, 2022). С одной стороны, это казалось бы снижает актуальность издания специального тематического сборника. С другой, в упомянутой книге излагается новая концепция истоков и тенденции развития культуры, а также даются оригинальные трактовки ее характерных особенностей. Но ведь именно эти положения и требуют обсуждения, теоретического осмысления, наконец, подтверждения новыми археологическими источниками! И в этом аспекте издание третьего «Окуневского сборника» не теряет своей актуальности.

С уходом Дмитрия Глебовича Савинова у редакционного совета и редколлегии появились очевидные причины для внесения некоторых корректив в структуру и содержание издаваемого сборника. Было принято решение посвятить третий «Окуневский сборник» памяти Дмитрия Глебовича — замечательного человека, ученого-энциклопедиста, друга, а для многих — учителя. При этом в своем предисловии мы постарались сохранить стиль написанных им введений к предшествующим сборникам.

Открывает настоящее издание статья историографического характера, раскрывающая вклад Д.Г. Савинова в изучение окуневских древностей и исследование связанных с ними культурно-исторических проблем (В.И. Молодин и др.). Учитывая то, что очередной «Окуневский сборник» выходит через 18 лет после предыдущего, то вполне закономерно, что значительная часть статей посвящена публикации результатов исследования новых памятников окуневской культуры (П.Б. Амзараков, П.В. Герман, С.Н. Леонтьев, И.П. Лазаретов, А.В. Поляков).

Отдельное, но уже традиционное в рамках «Окуневских сборников» направление исследований —

изучение окружения окуневской культуры — маркирует большая работа аналитического плана о взаимовлиянии и характере контактов носителей окуневской и чемурчекской культурных традиций, на примере орнаментированных баночных сосудов (А.А. Ковалев).

Данью сложившейся традиции является издание неопубликованных материалов из старых раскопок, в частности погребального комплекса Туим-кольцо (Л.Р. и И.Л. Кызласовы, А.В. Поляков).

Несомненно, вызовут научный интерес результаты антропологических исследований (А.В. Громов и Н.И. Лазаретова), в том числе на сравнительном уровне — краниологических материалов культур окуневского круга Сибири и Центральной Азии (К.Н. Солодовников).

Самостоятельный раздел представляют статьи, посвященные окуневскому искусству и ритуальным практикам (Ю.Н. Есин и А.В. Поляков; О.С. Советова; А.Л. Заика, Т.А. Ключников и В.Е. Матвеев).

Даже из нашего краткого обзора несложно сделать вывод, что состав авторов третьего «Окуневского сборника» практически полностью изменился. В нем представлены статьи преимущественно современного поколения специалистов, менее зависимых от стереотипов устоявшихся концепций, свободно владеющих актуальной методикой фиксации, анализа и интерпретации археологических памятников, предметов материальной культуры и объектов древнего искусства, а также реализующих в своих исследованиях принцип междисциплинарности. Все это вселяет в нас уверенность в том, что изучение окуневской проблематики имеет позитивное будущее. И эти же обстоятельства придают третьему «Окуневскому сборнику» известное своеобразие. Надеемся, что он станет достоянием широкого круга отечественных специалистов, а также будет востребован представителями мирового научного сообщества, специализирующимися на изучении культурных традиций бронзового века Евразии.

*Академик РАН В.И. Молодин,
профессор В.В. Бобров*

Окуневская культура в научном творчестве профессора Д.Г. Савинова (некоторые историографические аспекты)

В.И. Молодин¹, В.В. Бобров², А.В. Поляков³

Статья посвящена анализу вклада Дмитрия Глебовича Савинова в изучение окуневской культуры — яркого, своеобразного и даже уникального явления эпохи бронзы Минусинских котловин. Сущность такой эмоционально окрашенной характеристики Д.Г. Савинов видел в синтезе обычной материальной культуры и «не обычного» искусства. Проанализированы основные разработки ученого, показана его важная роль как организатора коллективного творческого процесса. Отмечен его выдающийся вклад в изучение окуневского искусства.

Ключевые слова: Дмитрий Глебович Савинов, история науки, эпоха бронзы, окуневская культура, искусство, Минусинские котловины

Более полувека прошло с того времени, когда Г.А. Максименков выделил окуневскую культуру среди многочисленных археологических памятников среднеенисейского региона или, как еще принято называть эти территории, Минусинских котловин (Максименков, 1965). Археологические памятники бассейна Среднего Енисея легли в основу первой в Сибири периодизации культур эпохи палеометалла (Теплоухов, 1929). Впоследствии она стала эталоном для создания культурно-хронологических схем этого периода на территории других сибирских или центральноазиатских регионов. В периодизации С.А. Теплоухова, не потерявшей своей научной значимости до настоящего времени, окуневским комплексам не нашлось места на уровне такой дефиниции, как «археологическая культура». Для него это понятие являлось таксоном высокого уровня систе-

матики археологических источников (см.: Бобров, 1994). Незначительные в современном понимании окуневские материалы из выпускных погребений (понятых так лишь спустя многие годы) в более ранние курганы С.А. Теплоухов отнес к афанасьевской культуре, но при этом отметил их типологическое своеобразие.

В период выделения Г.А. Максименковым самостоятельной окуневской культуры свои позиции еще сохраняла старая концепция принадлежности окуневских комплексов позднему этапу афанасьевской культуры, что отразилось в работах А.Н. Липского, Л.Р. Кызласова, Я.И. Сунчунгашева, А.И. Мартынова и др. С точки зрения подходов к систематике источников и культурной атрибуции комплексов идентичный подход демонстрировали и сторонники принадлежности окуневских материалов раннему этапу андроновской культуры, например М.Н. Комарова.

В 1968 г. вышел в свет первый том академического издания «История Сибири», в котором окуневская культура с соответствующей ей характеристикой заняла свое место (Максименков, 1968), а в 1975 г. состоялась защита докторской диссертации Г.А. Максименкова, посвященной выделению и обоснованию новой археологической культуры. Эти события фиксируют конкретный этап в историографии окуневской культуры, однако тогда не только не были решены имевшиеся проблемы, наоборот, возникло еще больше дискуссий. В какой-то степени такая ситуация объяснялась тем, что в исследованиях

¹ Вячеслав Иванович Молодин — Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Новосибирск, 630090, Российская Федерация; e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3151-8457.

² Владимир Васильевич Бобров — Кемеровский государственный университет, ул. Красная, д. 6, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, пр. Советский, д. 18, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: bobrov@kemsu.ru; klae@kemsu.ru; ORCID: 0000-0002-9195-7275.

³ Андрей Владимирович Поляков — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: poliaikov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

постепенно стало принимать участие все больше специалистов — не только из академических центров европейской части России, но и из вузов Сибири.

Однако характеристикой указанного этапа стало редкое единодушие в рядах отечественных специалистов, определявших окуневскую культуру как яркое, своеобразное и даже уникальное явление. Важно, что подобные эмоционально окрашенные определения — не столько результат формально-внешнего восприятия культуры, сколько отражение ее сути. Недаром Д.Г. Савинов со свойственной ему проницательностью видел сущность такой характеристики в синтезе *обычной* материальной культуры и *«не обычного»* искусства.

Среди специалистов, отдавших дань изучению окуневских древностей, имя доктора исторических наук, профессора Дмитрия Глебовича Савинова занимает одно из ключевых мест — он был не только исследователем, но и организатором коллективного творческого процесса. В его самостоятельных работах и сборниках, изданных под его редакцией, анализировались узловые проблемы и аккумулировались основные результаты исследований окуневского культурного феномена. Именно он выступил организатором первой и по-прежнему единственной тематической конференции, посвященной окуневской культуре. Она прошла в 1995 г. в Санкт-Петербурге и вызвала живейший научный интерес. На конференции прозвучали десятки докладов, а их тезисы были опубликованы в специальном сборнике (Проблемы..., 1995).

Следующим шагом стал выпуск двух тематических сборников статей: «Окуневский сборник» (Окуневский сборник, 1997) и «Окуневский сборник 2» (Окуневский сборник 2, 2006). Под руководством Д.Г. Савинова была начата работа и над третьим сборником, который вы сейчас держите в руках. К сожалению, он не успел завершить этот труд, и его друзья и коллеги готовили к публикации очередной выпуск «Окуневского сборника» уже без его участия. Значение вышедших компендиумов невозможно переоценить, каждый из них — результат кропотливой исследовательской работы. Это собранные в нескольких томах основные источники, аналитические статьи и новейшие материалы, характеризующие окуневскую культуру. Необходимо отметить, что именно благодаря этим сборникам на сегодняшний день окуневская культура является одной из самых широкодоступных для анализа археологических культур не только в Сибири, но и в целом в Северной

Евразии. Свыше 80% всех археологических источников введено в научный оборот и находится в полном распоряжении ученых по всему миру. Это также одна из важнейших заслуг Д.Г. Савинова. Необходимо здесь отметить, что и научная серия «Афанасьевский сборник» появилась исключительно на волне успеха «Окуневского сборника».

Как показала практика, идея издания тематических сборников крайне продуктивна, а каждый новый выпуск дает мощный импульс для дальнейших научных исследований. Собранные под одной обложкой статьи разных авторов, посвященные различным аспектам исследования культуры, позволяют читателю полностью погрузиться в изучение окуневского феномена и сформировать комплексное представление об этих удивительных древностях. Такой формат издания крайне удобен для научной работы, так как содержит в концентрированном виде большую часть необходимых источников, гипотез и мнений. Без сомнения, эта серия будет продолжаться и далее, но Д.Г. Савинов навсегда останется в нашей памяти как ее основатель и самый заинтересованный участник.

Одному из авторов этой статьи памятно событие, главной движущей и регулирующей силой которого был Д.Г. Савинов. В 1994 г., как только завершился полевой сезон и материалы из новых раскопок поступили в ИИМК РАН, он, пользуясь присутствием в Санкт-Петербурге В.В. Боброва, решил устроить небольшой семинар по оценке комплекса уникального для того времени кургана Уйбат III/1, качественно исследованного И.П. Лазаретовым (Лазаретов, 1994; 1997). Кроме уже названных троих участников, в камеральной лаборатории присутствовали специалист в области неолита, сотрудник отдела палеолита ИИМК РАН Г.В. Силицына и художник Л.А. Соколова. По настоянию Д.Г. Савинова рассмотрению подвергся весь комплекс материалов — от вещественных комплексов до полевой документации. Научных фактов для обсуждения было более чем достаточно: впервые была обнаружена в пространстве кургана антропоморфная стела и еще один гранитный блок с изображением личины — в могиле 1; впервые было выявлено захоронение катакомбного типа; впервые после небесспорных раскопок А.Н. Липского в окуневском кургане зафиксировано ярусное захоронение. Предметы, сопровождавшие погребенных в могилах, дополняли эти данные. Вполне естественно, что обсуждение длилось много часов. Единодушным было мнение о том, что представленный комплекс следует

относить к раннему этапу окуневской культуры. Среди ряда других вопросов наибольшее внимание было уделено проблеме культурогенеза.

Приведенный сюжет из творческой биографии Д.Г. Савинова — свидетельство не только его заинтересованности в изучении конкретной культуры, но и умения точно определить значение археологического памятника для решения узловых проблем культурогенеза в эпоху палеометалла, а также открытости к диалогу и коллективному научному поиску.

В недавно изданной библиографии Д.Г. Савинова указано 19 работ, посвященных окуневской проблематике (Профессор..., 2023), среди которых 15 связаны с исследованием окуневского искусства. Кроме них, одна публикация касается материалов раскопанного им могильника на полуострове Стрелка на Большом озере, в районе села Парная (Савинов, 1981), другая — проблемы выделения позднего этапа окуневской культуры (Савинов, 2005). Еще две работы Д.Г. Савинова имеют обобщающий характер и заслуживают отдельного анализа.

Отчетливо прослеживается заинтересованность Дмитрия Глебовича прежде всего в изучении искусства окуневской культуры. Однако его пытливый ум не оставил без внимания и другие стороны этого уникального археологического феномена Северной и Центральной Азии.

В теоретическом и практическом аспектах принципиально важен доклад Дмитрия Глебовича «Окуневская проблема и некоторые подходы к ее решению», прозвучавший в 1995 г. на конференции «Проблемы изучения окуневской культуры», организованной и проведенной по его инициативе (Савинов, 1995). Во-первых, он обозначил два аспекта окуневской проблемы: «...формирование собственно окуневской культуры Минусинских котловин; вопросы, связанные с развитием окуневской культурной традиции, имевшей более широкий ареал» (Там же. С. 2–3). Во-вторых, он предложил своеобразный алгоритм решения этой проблемы, который сводится к тому, что при исследовании окуневской культуры следует различать явления разного порядка «...те, которые относятся к общему субстрату, те, которые указывают на продвижение носителей западного компонента, те, которые являются отражением окуневского влияния, те, которые указывают на продвижение окуневцев на юг в результате андроновской экспансии» (Там же).

Отметим, что предложенный алгоритм применим к исследованию материальной культуры и об-

рядовой практики, но не искусства, феномен которого заключается в принципиальном разнообразии видов изобразительной деятельности. Особое значение в этой связи приобретают другие два тезиса Д.Г. Савинова: для окуневской культуры и культур ее окружения общими чаще всего являются свидетельства изобразительной деятельности; именно так «должно было выглядеть искусство, вобравшее и аккумуляировавшее в себе различные культурные традиции» (Там же. С. 7). Через 20 лет он еще раз указал на два методических подхода к изучению окуневских древностей — формационный и цивилизационный. «На перекрестии этих двух подходов <...> раскрываются наибольшие возможности изучения окуневского искусства» (Савинов, 2015б. С. 68). Дмитрий Глебович всегда следовал этой идее и высказанным теоретическим принципам в научном познании окуневских древностей.

К проблемам изучения окуневской культуры Д.Г. Савинов вернулся через два года, опубликовав большую статью (Савинов, 1997а). Если первая работа, изданная в виде тезисов доклада, имеет стратегическую направленность, то вторая представляет собой банк данных о культуре за весь период ее исследования, сформировавшийся к середине 1990-х гг. Примечательно то, что Дмитрий Глебович, рассматривая историю изучения окуневской культуры и оценивая актуальные результаты по ключевым направлениям анализа, включает в историографический обзор и ее окружение. Именно такой подход соответствовал его собственной концепции — эпоха с ее доминирующими традициями, что в определенной степени и придавало окуневской культуре особый характер.

Эта историографическая работа привлекает не только исчерпывающей полнотой изложения истории исследования окуневских древностей, но также корректностью при анализе точек зрения специалистов на решение узловых и частных проблем. В работе нет прямой критики или оспаривания каких-либо идей — присутствует только их констатация. Однако сама работа построена так, что позиция автора по отношению к предложенным решениям дискуссионных проблем определяется достаточно уверенно. Чрезвычайно важной является мысль, сформулированная Дмитрием Глебовичем в конце статьи: «Вряд ли эту культуру следует рассматривать только как раздел периодизации древней истории Южной Сибири — ее значение гораздо шире и глубже. На самом общем таксономическом уровне оно заключается в том, что между двумя великими гео-

графическими поясами — таежными массивами Северной и горными хребтами Центральной Азии — существовала культурная общность, впитавшая в себя наследие прежних неолитических традиций, чутко воспринимавшая и перерабатывавшая в своей среде различного рода инновации» (Там же. С. 17).

Эта историографическая статья, по сути, играет роль фундамента, на котором строится дальнейшее исследование нерешенных или дискуссионных проблем окуневской культуры и, в какой-то степени, ее окружения.

Д.Г. Савинов не занимался специально проблемой происхождения окуневской культуры, но свою точку зрения излагал неоднократно. Одной из первых его работ, в которой была кратко обозначена окуневская проблема, стала глава «Южная Сибирь», написанная для коллективной монографии (Савинов, 1978). Проанализировав имеющиеся материалы и опубликованные данные, Д.Г. Савинов отметил, что южные параллели окуневскому изобразительному искусству находятся в пространстве от Передней до Восточной Азии. Он был убежден в том, что, взятые по отдельности, они не являются доказательствами, которые могли бы локализовать территорию происхождения, «но вместе они свидетельствуют об очень глубоких южных истоках если не самой окуневской культуры, то, во всяком случае, мировоззрения окуневцев, сохранившегося в памятниках искусства» (Там же. С. 129).

Спустя четверть века Д.Г. Савинов вернулся к проблеме происхождения окуневской культуры в обобщающей статье, посвященной скотоводческим обществам, обитавшим на территории Среднего Енисея в течение 3,5 тысячелетий (Савинов, 2004). Констатируя сложность и незавершенность решения проблемы, он полагал, что аккумулярованные к XXI в. археологические источники позволяют уверенно говорить о двухкомпонентном составе окуневской культуры. Приведенные им достаточно веские аргументы указывают на местный компонент, связанный с неолитической традицией. При этом Д.Г. Савинов высказал еще одну любопытную мысль: «Вполне вероятно, что это "лесное" население могло занять территории, освободившиеся после исчезновения афанасьевской культуры» (Там же. С. 114). Второй компонент, по его мнению, связан с приходом нового населения с развитым скотоводческим хозяйством. Многочисленные свидетельства, указывающие на характер этого компонента, пока не позволяют определить исходную территорию миграции

ранних скотоводов. Это подтверждает разнообразие географических регионов как центров миграции «протоокуневцев», представленных в работах специалистов. Д.Г. Савинов осторожно относился к данной проблеме, считая, что она требует новых материалов, убедительных фактов и дополнительных исследований. «Ясно одно: в результате симбиоза местных и привнесенных культурных традиций <...> на Среднем Енисее сложилась своеобразная и яркая "сибирская цивилизация", влияние которой так или иначе испытали все окружающие племена...» (Там же).

Впоследствии концепцию двухкомпонентного состава окуневской культуры Д.Г. Савинов развил в другой своей работе, посвященной окуневскому искусству (Савинов, 2019а).

Актуализируя в теоретическом и практическом аспектах проблему ранних скотоводов Евразии, ученый предложил оригинальный маршрут широтной миграции, произошедшей во второй половине IV тыс. до н.э. и приведшей к возникновению афанасьевской культуры на территории Южной Сибири (Савинов, 2019б). В историографии исследований афанасьевской культуры имеется множество работ, посвященных проблеме появления ранних скотоводов в Южной Сибири и близлежащих районах Центральной Азии. Миграционная концепция выделяется числом сторонников, постулирующих возникновение афанасьевского культурного феномена в результате продвижения скотоводческого населения с запада или юго-запада на восток. Маршрут этой миграции преимущественно прокладывали по казахстанским степям (А.П. Окладников, Н.Я. Мерперт, Э.Б. Вадецкая, Г.А. Максименков, А.А. Формозов, Н.Л. Моргунова, А.В. Фрибус, С.В. Цыб, Н.Ф. Степанова и др.), однако археологическими источниками он не подтверждался. Д.Г. Савинов предложил иной путь миграции ранних скотоводов — вдоль предгорий, обозначенный словно пунктиром археологическими памятниками, открытыми и исследованными в последние десятилетия. При этом, по его мнению, движение на восток чередовалось с освоением на какое-то время наиболее благоприятных для жизни мест (поэтапная миграция, по Д.Г. Савинову). Именно на этих «остановках» происходило активное формирование традиций новой культуры под воздействием как внутренних, так и внешних факторов (Савинов, 2019б. С. 179–180). Сама идея *этапности* впервые была обозначена Д.Г. Савиновым еще в работе 1997 г. (Савинов, 1997б. С. 211).

Д.Г. Савинов также высказал предположение о том, что «окуневцы и афанасьевцы, хотя бы частично, двигались по одному и тому же пути». Более того, он полагал, что окуневцы — представители второй волны миграции ранних скотоводов — наследовали систему расселения на Саяно-Алтае-Хангайском нагорье своих предшественников (Савинов, 2019б. С. 180). В данном случае он имел в виду свиту культур, родственных окуневской и выделенных в конце XX в. (см.: Молодин, 1991; 2002; Бобров, 1987).

Большое значение имеет обобщающая статья, посвященная историографии исследований по окуневской культуре, написанная Д.Г. Савиновым для первого «Окуневского сборника». Анализируя работы сторонников концепции западного происхождения культуры, в которых главным источником являлись образцы окуневского искусства⁴, он ясно обозначил комплекс археологических признаков в окуневской культурной среде, которых не было в местной традиции предшествующего времени (Савинов, 1997а. С. 15). В какой-то степени именно эта работа ставит точку в эволюции научных взглядов ученого на возникновение окуневской культуры от возможных южных истоков мировоззренческих идей до миграции групп ранних скотоводов на территорию Южной Сибири.

Хотя Д.Г. Савинов никогда не ставил перед собой задачу исследования окуневского феномена в аспекте материальной культуры, он прекрасно знал как вещевой состав окуневских комплексов, так и предметы из случайных находок или сборов. Периодизация — одна из узловых задач археологии вообще — постоянно находилась в центре внимания ученого. Примером тому является описанный выше «семинар», спонтанно организованный Д.Г. Савиновым для обсуждения раскопанных И.П. Лазаретовым окуневских памятников. Именно тогда он четко обрисовал археологические признаки раннего этапа окуневской культуры: было принято название — уйбатский, предложенное И.П. Лазаретовым, в обоснованной им периодизации развития культуры. Принимая эту двухчленную периодизацию в качестве определенного этапа познания окуневских древностей, Д.Г. Савинов все же не видел в ней отражения завершающего периода культуры.

В этом отношении показательна его фундаментальная статья, посвященная выделению стилей и иконографических групп изображений в окуневском искусстве (Савинов, 2006). В результате блестящего искусствоведческого анализа ему удалось четко описать изобразительную сущность искусства уйбатского и черновского этапов культуры, а также сделать вывод о том, что «дальнейшее развитие сложившегося на черновском этапе окуневского искусства носило уже более плавный, эволюционный характер» (Там же. С. 170). В этой связи небезынтересно заключение исследователя о том, что в качестве включений в черновскую стилистическую традицию можно рассматривать изображения в стиле «тощих быков» как более поздние (Там же. С. 171). Данная работа вышла в свет немногим позже статьи, в которой Д.Г. Савинов обосновывает и выделяет поздний этап окуневской культуры (Савинов, 2005).

В научных текстах Д.Г. Савинова рассматриваемую проблему нередко предваряет изложение теоретической позиции автора, напрямую влияющей на поиск путей ее решения. Показательным примером является указанная выше статья. Она начинается небольшим, но емким по содержанию абзацем, в котором Д.Г. Савинов, во-первых, поясняет свою приверженность трехчастной схеме периодизации, а во-вторых, описывает археологическую сущность ее этапов. Он, в частности, пишет, что «для становления культуры наиболее оправдано выделение типов памятников, образующих данную культурную общность; для периода расцвета сложившейся культуры — ее локальных вариантов; <...> для последнего, завершающего этапа главным становится поиск материалов, отражающих дальнейшую трансформацию культурной традиции» (Там же. С. 28).

Понимая всю сложность выделения заключительного этапа любой археологической культуры (тем более окуневской) на основании незначительного количества источников, тогда представленных в основном произведениями искусства, Д.Г. Савинов взял на себя такую ответственность. Он обосновал выделение третьего, позднего этапа окуневской культуры. Анализируя материалы памятников Стрелка, Разлив X, Черновая XI, а также привлекая изображения хищника и «тощих быков» на каменных плитах из могильников Бырганов и Бырганов V, композицию на горе Ызырых-Тас и костяную пластину «абаканского типа» из све Чебаки, он отмечает стилистические особенности всех этих произведений искусства, выполненных в различной манере: они «теряют свой

4 Отметим, что в настоящее время ситуация кардинально изменилась благодаря исследованиям, прежде всего А.В. Полякова и И.П. Лазаретова.

канонический облик, становятся более декоративными или, условно говоря "светскими", а кроме того, в трактовке образов, близки сейминско-турбинской изобразительной традиции» (Там же. С. 33). Именно эти особенности наряду с групповыми захоронениями в одной могиле характеризуют поздний, разливский этап окуневской культуры, с точки зрения Д.Г. Савинова. По его мнению, именно сейминско-турбинский компонент может маркировать хронологическую границу между черновским и разливским этапами.

В дальнейшем блестящая идея Д.Г. Савинова получила подтверждение в процессе полевых исследований, когда был раскопан еще один курган, который с полной очевидностью следует относить к разливскому этапу (Итколь II, курган 1). Новый комплекс продемонстрировал, что критерии выделения завершающего этапа окуневской культуры совершенно справедливы и не являются случайным сочетанием признаков.

Результаты исследования новых памятников позволили не только проверить и окончательно признать предложенные Д.Г. Савиновым критерии выделения комплексов разливского этапа, но и выявить новые (см.: Поляков, 2021). Так, важнейшим открытием стало обнаружение на черепках погребенных в кургане 1 могильника Итколь II постмортальных затылочных трепанаций. Впервые они были зафиксированы при раскопках могильника Разлив X (Пшеницына, Пяткин, 1993; 2006), и Д.Г. Савинов отмечал их как поздний признак. Однако они рассматривались как уникальное и совершенно особое явление, которое вряд ли будет повторяться. Раскопки кургана 1 могильника Итколь II привели к обнаружению новой большой серии трепанаций. Это потребовало вернуться к изучению краниологических материалов кургана Черновая XI, где тоже удалось найти следы трепанаций, которые не были замечены автором раскопок ввиду малочисленности черепов и их фрагментарности (Леонтьев, 2001). Были обнаружены и другие признаки, объединяющие эти три кургана, например, ритуальные захоронения «шкур» (череп и передние ноги) быков в насыпи курганов у западной стенки ограды.

Наконец, важнейшим фактором, который позволил окончательно поставить точку в выделении разливского этапа, стало получение новой серии радиоуглеродных дат, подтвердивших относительно позднюю хронологическую позицию этих курганов (см.: Поляков, 2017).

Таким образом, Д.Г. Савинов сыграл важнейшую роль в формировании современных представлений об относительной хронологии окуневских древностей, в рамках которых выделяются три последовательных этапа: уйбатский, черновской и разливский (Поляков, 2022). Исследования в этом направлении продолжаются и сейчас, появляются новые гипотезы, предлагающие более дробную периодизацию (пять хронологических горизонтов, по И.П. Лазаретову), однако наблюдения Д.Г. Савинова, охарактеризовавшего разливский этап и обосновавшего необходимость его выделения, всегда будут сохранять свою актуальность.

Замечательной особенностью Д.Г. Савинова как исследователя являлось восприятие произведений древнего искусства, фиксирующее множество деталей трактовки образа в единстве, а также профессиональное владение искусствоведческим анализом. Именно это позволило ему увидеть в искусстве памятника Разлив X новые черты окуневской изобразительной традиции. Можно заметить, что среди специалистов в области исследования памятников искусства, поддержку прежде всего получила идея раннего и позднего пластов традиции.

Окуневское искусство занимает одно из главных мест в научном творчестве Д.Г. Савинова. Его вклад в изучение этой сложной, разнообразной и неповторимой сферы духовной культуры невозможно переоценить. В исследованиях окуневских образов и композиций раскрывается особый талант Дмитрия Глебовича. Его работы представляют собой сложное «ажурное произведение», в котором органично переплетаются форма, стиль, манера изображения, изобразительные элементы предшествующих времен и заимствованные у современников из ближнего и дальнего окружения, наконец, содержательные сюжеты. Принципиально важным, на наш взгляд, является его подход к предмету исследования, многокомпонентность которого отвечала сущности самой культуры. Поэтому он ставил проблему не происхождения окуневского искусства, а его формирования. «Складывалось оно постепенно, питалось различными истоками, перерабатывая и соединяя в неповторимый мир только ему присущих образов и решений наследие разных традиций» (Савинов, 1997б. С. 202). Примером такого подхода является анализ шалаболлинской композиции на камне № 53, которая является, по сути, образцом раннего окуневского искусства, но имеет, по мнению Д.Г. Савинова, многочисленные элементы сибирского происхождения. Аналогии им

он прослеживает в петроглифах Байкала, Ангары, Алдана (Там же. С. 203). Однако в большей части его работ, посвященных окуневскому искусству, он видел западный след. Вместе с тем Дмитрию Глебовичу принадлежит уникальное наблюдение о том, что разнообразие стилистических приемов при передаче одного и того же образа объяснимо с точки зрения «проникновения различных групп скотоводческого населения, изобразительная традиция каждой из которых обладала своими особенностями» (Там же. С. 212). С этой точки зрения объяснимо появление в окуневском искусстве образов, напоминающих об изобразительных традициях Передней Азии, Средиземноморья и даже Древнего Египта.

Среди работ Д.Г. Савинова, посвященных искусству, наряду с анализом изваяний и конкретных образов особое значение имеет исследование изобразительных стилей, их существование в хронологическом пространстве. В основе этого исследования лежало стремление понять и объяснить закономерности многообразия окуневского искусства. Первоначальной задачей являлось выяснение специфики изобразительной сферы деятельности создателей этой необычной для сибирского региона культуры. Эта задача была Д.Г. Савиновым решена в работе, посвященной систематике художественного воплощения образов в различных видах искусства (Савинов, 2006). В работе представлены: анализ и характеристика четырех изобразительных стилей окуневского искусства, вклад коллег в их изучение и корректная критика точек зрения на решение проблем; специфика пяти иконографических групп в изображении личин; развитие образа фантастического хищника на широком фоне древнего искусства народов Евразии. Это очень емкое по содержанию исследование является не только образцом тактики изучения древнего искусства в целом (не только окуневской культуры), но также содержит ориентиры для дальнейших исследований. В частности, Д.Г. Савинов осторожно предполагает некоторое единство ангарского и минусинского стилей, возможность фигуративного искусства у «афанасьевцев», что после выхода в свет «Окуневского сборника 2» в 2006 г. было показано в ряде работ В.И. Молодина, посвященных территории Горного Алтая и Монголии.

Указанная выше работа Д.Г. Савинова явилась надежной основой для дальнейшего исследования окуневского искусства как в аспекте закономерности формирования и многообразия проявлений, так и в аспекте понимания и объяснения семантики. Результаты были изложены Дмитрием Глебовичем

в докладах на Российско-Германском археологическом научном симпозиуме в 2013 г. (Штральзунд, Германия) (Савинов, 2015а) и на IV Всероссийском археологическом съезде в Казани (Савинов, 2014). На его взгляд, в теоретическом и методическом отношении подобное исследование должно быть основано на взаимосвязанном рассмотрении таких аспектов, как генетический, хронологический, семантический, функциональный, образно-стилистический и региональный (Там же. С. 95). Аналитический ракурс изучения окуневской изобразительной традиции позволил ученому сделать ряд выводов. В частности о том, что невозможно построение единой линии развития окуневского искусства, так как для каждого из его видов можно отметить свои региональные особенности. О том, что функциональный аспект определяет образно-стилистические особенности конкретных групп изображений. И, наконец, о том, что развитие окуневской изобразительной традиции связано с бытованием и сосуществованием различных групп изображений, каждая из которых имела свое предназначение (Там же. С. 99). Такой подход к изучению искусства древних народов был использован впервые и, несомненно, является значительным вкладом в археологическую науку.

Немаловажное место в исследованиях Д.Г. Савинова занимала историческая судьба материальной и духовной традиции окуневской культуры в диахроническом плане.

Скифская эпоха отличается разнообразным по видам, жанрам и сюжетам искусством, которое в историческом аспекте демонстрирует всплески изобразительного творчества, например в сейминско-турбинское время у ранних скотоводов. Естественно, что искусство ранних кочевников восточных районов Евразийских степей явилось предметом самостоятельного исследования, в котором проблема происхождения заняла одно из ведущих мест. Она нашла освещение и в научном творчестве Д.Г. Савинова, в частности в работах, посвященных изучению оленных камней. С ними связаны его открытия на Северном Кавказе, в понимание которых как типа памятников и объекта древнего искусства он внес значительный вклад. Исследование этого вида памятников монументального искусства кочевников Евразии позволило ему выявить на оленных камнях Саяно-Алтайского нагорья признаки сохранения окуневской традиции (в широком значении этого понятия). По его мнению, эта традиция оказала значительно большее воздействие на внешний вид

и содержательное оформление оленных камней I типа. В какой-то степени он связывал «появление в Монголии крупных оленных памятников, вероятно игравших роль племенных (?) святилищ, определенные особенности их планиграфии... а также антропоморфные изображения на оленных камнях типа Ушкийн-Увэра и фигуры фантастических хищников» (Савинов, 1994. С. 155–156; 1998. С. 70–73). Дмитрий Глебович не исключал того, что крестообразная планировка херексуров Монголии и Саяно-Алтая могла иметь корни в окуневской культурной традиции. Существенное значение имеет реконструированная им тенденция развития древних религиозных практик от тотемистических центров и ритуальных комплексов окуневской культуры к культовым сооружениям, своеобразным степным «храмам» кочевников (Савинов, 1994. С. 156).

Образ фантастического хищника — ведущий в окуневском искусстве — не мог не найти освещения в научном творчестве Д.Г. Савинова. Доклад, опубликованный в сборнике материалов Международной конференции в честь 100-летия М.И. Артамонова — руководителя его дипломной работы в стенах Ленинградского государственного университета, — на наш взгляд, отражает концептуальную позицию Д.Г. Савинова в вопросе происхождения скифского или скифо-сибирского звериного стиля. Ее можно воспринимать как важный шаг к решению более глобальной проблемы — происхождения скифской триады и, соответственно, культур скифского мира в степной Евразии. Анализируя частный образ в окуневском искусстве и прослеживая его генетическую связь с идентичным персонажем в искусстве ранних кочевников, он вписывает в процедуру исследования общую скифо-сибирскую проблематику. Такой подход составляет особенность научного творчества профессора Д.Г. Савинова. В опубликованных тезисах доклада он поставил вопрос об отношении окуневских аналогий к изображению фантастического хищника в искусстве культур Средиземноморья, Закавказья, Галиции, Беотии, Аттики и предположил наличие общего прототипа этого образа. Отдавая дань заслугам исследователей, которые отмечали формирование элементов звериного стиля на основе окуневских традиций, он сформулировал версию о том, что подобные образы проникали из зоны древних цивилизаций в Центральную Азию и формировались в среде местной изобразительной традиции, в частности на территории Южной Сибири — окуневской. Затем следовало распространение

переработанного образа с востока на запад (Савинов, 1998. С. 73). Как справедливо отмечал автор, этот вариант развития исторических событий «снимал остроту противостояния центральноазиатской и переднеазиатской теорий происхождения скифо-сибирского звериного стиля» (Там же). Позднее эти же идеи были высказаны Д.Г. Савиновым в фундаментальной работе, посвященной окуневскому искусству (Савинов, 2006).

Анализ исторической судьбы окуневской культуры (традиции) в научном наследии нашего друга, талантливого ученого-энциклопедиста профессора Д.Г. Савинова был бы неполным без рассмотрения его идей, связанных с культурогенезом. В какой-то степени мы уже коснулись этого, отмечая следы окуневской традиции в культовых памятниках культур скифского времени Центральной Азии и Южной Сибири. В монографии, посвященной ранним кочевникам Верхнего Енисея, Дмитрий Глебович более конкретно обозначил окуневский след в алды-бельской культуре Западных Саян. Анализ компонентов этой культурной традиции, связанных с наследием эпохи бронзы, позволил ему сделать вывод о том, что размещение нескольких погребений в каменных ящиках в пределах одной ограды совпадает с принципом погребений в курганах окуневской культуры и что «устройство каменных ящиков окуневской и алды-бельской культур весьма близко напоминает друг друга» (Савинов, 2002. С. 93).

Разумеется, следует понимать, что многие концепции, сформулированные ученым, являются дискуссионными и требуют серьезных доказательств, однако читателя-специалиста не может не подкупать смелость идей, широта эрудиции Дмитрия Глебовича и глубокое знание предмета, позволяющие принимать во внимание его точку зрения.

Окуневская тематика — только часть научного наследия профессора Дмитрия Глебовича Савинова, но она ярко демонстрирует огромный объем его знаний и высочайший уровень профессионализма. Красноречивым свидетельством его вклада в изучение окуневской культуры является хотя бы тот факт, что ни одна научная публикация на эту тему не обходится без ссылок на его работы. Таким образом, завершая обзор весомого вклада Д.Г. Савинова в изучение окуневского феномена, необходимо подчеркнуть, что именно его стараниями и благодаря его энтузиазму были достигнуты столь важные и разнообразные результаты. Приняв эстафету от первооткрывателя окуневской культуры Г.А. Максименкова, он пронес

по своему жизненному и научному пути особую любовь к этим памятникам и передал ее следующим поколениям.

Литература

- Бобров, 1987 — Бобров В.В. Некоторые аспекты смены археологических культур // Смены культур и миграции в Западной Сибири / отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: Томск. гос. ун-т, 1987. С. 80–83.
- Бобров, 1994 — Бобров В.В. С.А. Теплоухов и некоторые проблемы современной археологии // Методология и историография археологии Сибири / отв. ред. Л.Ю. Китова. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. С. 69–80. (ИЛАИ; вып. 18).
- История Сибири..., 2022 — История Сибири: в 4 т. Т. 1: Каменный и бронзовый век / отв. ред. М.В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 654 с.
- Лазаретов, 1994 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники долины р. Уйбат (к вопросу о второй волне индоевропейцев в Южной Сибири) // Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму [ИИМК РАН]. 5–7 апреля 1994 / [отв. ред. В.М. Массон]. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 20–23. (Археологические изыскания; вып. 14).
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Леонтьев, 2001 — Леонтьев С.Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая XI // АЭАЕ. 2001. № 4. С. 116–123.
- Максименков, 1965 — Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 168–174. (МИА; № 130).
- Максименков, 1968 — Максименков Г.А. Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири: в 5 т. / отв. ред. А.П. Окладников. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 165–171.
- Молодин, 1991 — Молодин В.И. Развита бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. К.В. Сальникова / ред. колл.: Н.А. Мажитов и др. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1991. С. 9–13.
- Молодин, 2002 — Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Т. 1: Древность и Средневековье / отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. С. 97–142.
- Окуневский сборник, 1997 — Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. 358 с.
- Окуневский сборник 2, 2006 — Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. 364 с.
- Поляков, 2017 — Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков, 2021 — Поляков А.В. К вопросу о выделении разливского этапа окуневской культуры // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2021. С. 170–175.
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков, Есин, 2015 — Поляков А. В., Есин Ю. Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // АЭАЕ. 2015. Т. 43. № 2. С. 43–57.
- Проблемы..., 1995 — Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докл. конф. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: [ИИМК РАН], 1995. 79 с.
- Профессор..., 2023 — Профессор Дмитрий Глебович Савинов. Сводная и тематическая библиография / отв. ред.: Н.Ю. Смирнов, М.Т. Кашуба. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 112 с.
- Пшеницына, Пяткин, 1993 — Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив-Х // КСИА. 1993. № 209. С. 58–67.
- Пшеницына, Пяткин, 2006 — Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Курганы Разлив Х — памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 82–94.
- Савинов, 1978 — Савинов Д.Г. Южная Сибирь // Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблема исторических контактов) / отв. ред.: А.И. Першиц, А.М. Хазанов. М.: Наука, 1978. С. 128–145.
- Савинов, 1981 — Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 111–117.
- Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994, 208 с.
- Савинов, 1995 — Савинов Д. Г. Окуневская проблема и некоторые подходы к ее решению // Проблемы изучения окуневской культуры. Тез. докл. конф. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: [ИИМК РАН], 1995. С. 2–7.
- Савинов, 1997а — Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 7–18.
- Савинов, 1997б — Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Там же. С. 202–212.
- Савинов, 1998 — Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника, окуневская традиция и звериный стиль // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. М.И. Артамонова, 9–12 декабря 1998 г.: Тез. докл. / ред. колл.: Г.В. Вилинбахов и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 70–73.

- Савинов, 2002 — Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Савинов, 2004 — Савинов Д.Г. Население Среднего Енисея в эпоху сложения скотоводческих обществ (III тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.) // *Journal of Turkic Civilization Studies*. 2004. No. 1. С. 107–134.
- Савинов, 2005 — Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТПАИ. 2005. Вып. 1. С. 28–34.
- Савинов, 2006 — Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Электис Принт, 2006. С. 157–190.
- Савинов, 2014 — Савинов Д.Г. Стратиграфия искусства окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 92–97.
- Савинов, 2015а — Савинов Д.Г. Стратиграфия окуневского искусства // Искусство бронзового века: Материалы междунар. симпозиума, 15–19 апреля 2013 г., Штральзунд, Германия / под ред. С. Ханзена, В.И. Молодина. Новосибирск; Берлин: Изд-во НГУ, 2015. С. 19–53.
- Савинов, 2015б — Савинов Д.Г. Северный/сибирский компонент окуневской изобразительной традиции // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015 г., г. Ханты-Мансийск / отв. ред. Н.М. Чаиркина. Ханты-Мансийск: Б.и., 2015. С. 268–272.
- Савинов, 2019а — Савинов Д.Г. «Дыхание восточных цивилизаций» в изобразительных памятниках окуневской культуры // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. 1: Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рожд. патриарха евразийской археологии В.М. Массона / отв. ред.: В.А. Алёшкин, Л.Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 209–212.
- Савинов, 2019б — Савинов Д.Г. «Ранние скотоводы» эпохи палеометалла восточной части евразийских степей // Мобильность и миграции: концепции, методы, результаты. Мат-лы V Междунар. симпозиума (Денисова пещера (Алтай, Россия) 19–24 августа 2019 г.) / отв. ред.: В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 174–182.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л.: Изд-во Гос. Рус. муз., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.
- Хлобыстина, 1973 — Хлобыстина М.Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы в Южной Сибири // СА. 1973. № 1. С. 24–39.

Okunevo culture in the research activity of Professor Dmitriy G. Savinov (some historiographical aspects)

Vyacheslav I. Molodin⁵, Vladimir V. Bobrov⁶, Andrey V. Polyakov⁷

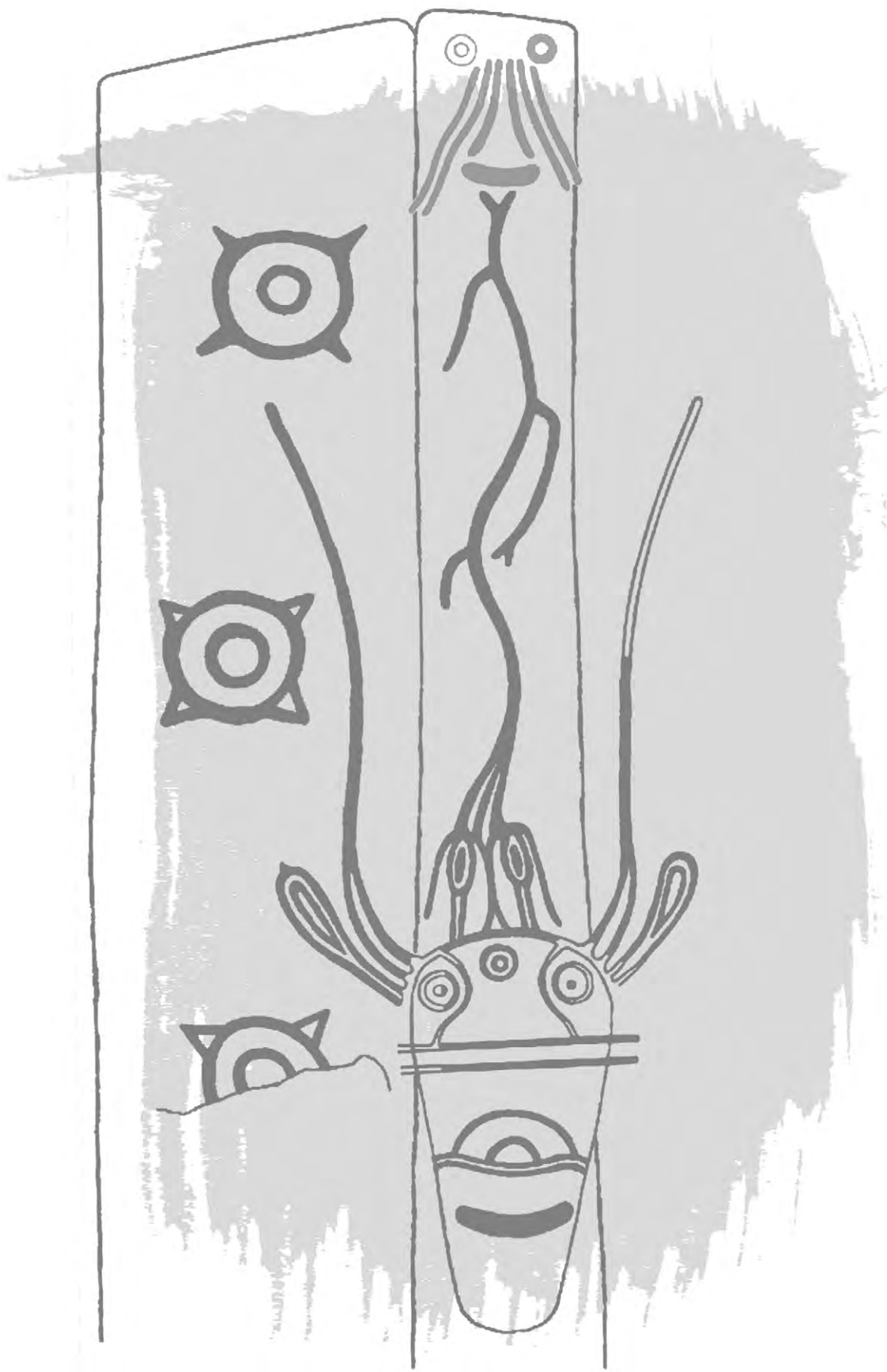
The article analyzes Dmitry G. Savinov's contribution to the study of the Okunevo culture — a bright, peculiar and even unique phenomenon of the Minusinsk Basin Bronze Age. Savinov saw the essence of such emotionally coloured characteristic in the synthesis of ordinary material culture and 'not ordinary' art. The main development results of the scholar are analyzed, his important role as an organizer of the collective creativity is shown, and his outstanding contribution to the study of Okunevo art is noted.

Keywords: *Dmitriy G. Savinov, history of science, Bronze Age, Okunevo culture, art, Minusinsk basins*

⁵ Vyacheslav I. Molodin — Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, 17 Academic Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-3151-8457.

⁶ Vladimir V. Bobrov — Kemerovo State University, 16 Krasnaya st., Federal State Budget Scientific Centre "The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry of the Siberian Branch of the RAS", 18 Sovetskiy ave., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: bobrov@kemsu.ru; klav@kemsu.ru; ORCID: 0000-0002-9195-7275.

⁷ Andrey V. Polyakov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Баночные сосуды, орнаментированные наколами и отпечатками штампа, в керамике Монгольского Алтая периода ранней бронзы (к вопросу об окуневских параллелях)

А.А. Ковалев¹

Одним из ведущих признаков чемурчекского культурного феномена является появление в районе Монгольского Алтая начиная со второй четверти III тыс. до н.э. керамических и каменных сосудов эллипсоидных или мешковидных форм, без выделения шейки и венчика, иногда с прочерченным орнаментом: треугольными фестонами, горизонтальными линиями. Наряду с этим в чемурчекском контексте также известны несколько глиняных баночных сосудов, орнаментированных наколами и отпечатками штампа. Особенности орнаментации (разреженные линзовидные наколы) четырех невысоких банок из уезда Алтай (КНР) показывают связь с традициями «одиновско-крохалевской» керамики Сибири и Восточного Казахстана. С влиянием керамических традиций степного Алтая можно связывать появление на сосуде из кургана Ягишийн ходоо 3 (Булган сомон) наlepных рассеченных валиков и уголко-вых наколов. Сплошная орнаментация тулова округлыми наколами или группами параллельных рядов наколов на двух сосудах из высокогорной части Монгольского Алтая может быть следствием влияния как каракольской (?), так и окуневской культуры. Особый интерес представляет сосуд из кургана Хадат овоо 1 (Булган сомон), по форме близкий к посуде «новоселовской» традиции раннего этапа окуневской культуры, но орнаментированный рядами отпечатков отступающей лопаточки. Все эти сосуды в чемурчекском контексте появились как результат широкой межкультурной коммуникации и не могут использоваться как аргумент в решении вопроса о происхождении отличительных особенностей чемурчекского феномена. Аналогии среди материалов окуневской культуры можно объяснить влиянием западносибирских керамических традиций на культуру предков населения Восточного Казахстана и Среднего Енисея бронзового века еще до чемурчекской миграции, что не исключает непосредственных контактов чемурчекского и окуневского населения.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, Восточный Казахстан, Горный Алтай, Синьцзян, Западная Монголия, ранний бронзовый век, чемурчекский культурный феномен, окуневская культура, одиновская культура, елунинская культура, каракольская культура, керамика, орнаментация

Период ранней бронзы Монгольского Алтая характеризуется распространением чемурчекского культурного феномена. Термин «феномен» был введен мной не случайно, поскольку разнородность и многокомпонентность культуры населения этой

территории во второй половине III — начале II тыс. до н.э. были очевидны даже по тем отрывочным данным, которыми мы располагали в конце 1990-х гг. (см.: Kovalev, 1999; Ковалев, 2005; 2007). Чемурчекский культурный феномен, по моему мнению, заключается в одновременном (не позднее середины III тыс. до н.э.) появлении в западных предгорьях Монгольского Алтая (от Алтайского края до Заалтайской Гоби) следующих традиций круга культур, связанных с западноевропейским «атлантическим» мегалитизмом

¹ Алексей Анатольевич Ковалев — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117036, Российская Федерация; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

(Ковалев, 2011; 2012; 2015а; Kovalev, 2022а; 2022б): 1) архитектура погребальных сооружений и их склеповый характер, архитектура ритуальных оград, 2) своеобразная каменная скульптура, 3) особые виды геометрических композиций в росписях гробниц, орнаментах и т.п., 4) формы и декор сосудов, 5) специфические изображения «параболических» и прямоугольных антропоморфов, появление сланцевых «идолов». Наряду с пришлыми традициями на рассматриваемой территории развивалось и наследие местного населения; также прослеживаются признаки влияния соседних археологических культур: афанасьевской, елунинской, возможно, каракольской и окуневской (Ковалев, 2005; 2012. С. 52, 54; 2017а; 2017б; 2019).

Однако предложенная мной модель формирования чумурчекского культурного феномена по большей части не обсуждается в специальной литературе. Многие исследователи, игнорируя специфику чумурчекских памятников, обращают внимание только лишь на те их характеристики, которые им знакомы по материалу хорошо изученных культур Сибири и Саяно-Алтая. Так, И.П. Лазаретов выдвинул идею о существовании «окуневско-чумурчекской общности» (включая «каракольцев» и «чаа-хольцев»), которая появилась в результате миграционного потока с территории Восточной Европы (Лазаретов, 2017; 2019). Специфика архитектуры, погребального обряда, сосудов, росписей и скульптуры чумурчекского населения, по его мнению, компенсируется единичными случаями совпадений того или иного признака, которые на самом деле являются следствием межкультурной коммуникации и не дают оснований в пользу наличия единого «миграционного потока». Беспомощно выглядят попытки вывести чумурчекскую «культуру» из культур окуневской и афанасьевской, предпринимаемые некоторыми западными и китайскими исследователями. Скажем, П. Вэйминцзя вместе с А. Бэттс решили, что чумурчекский феномен имеет сибирское происхождение, поскольку «афанасьевские и окуневские» (sic!) могилы аналогичны чумурчекским склепам, а для чумурчекской «культуры» якобы характерна керамика, украшенная штампом; также, по их мнению, культурное единство подчеркивается самим фактом распространения в Минусинских котловинах и Монгольском Алтае каменной скульптуры — неважно, какого типа (Wei Ming Jia, Betts, 2010; Betts et al., 2019). Смешав воедино материалы раскопок разнородных в культурном отношении памятников севера и юга Монгольского Алтая (наряду с чумурчекскими ящи-

ками и афанасьевские курганы) и приплюсовав афанасьевские сосуды из чумурчекских склепов, Му Цзиньшань нашел истоки чумурчекского феномена, что неудивительно, в афанасьевской культуре (Му Цзиньшань, 2019).

В обзорных работах китайских авторов либо в обосновании их авторских трактовок происхождения и внешних связей чумурчекской «культуры» большую роль играет факт присутствия в чумурчекском контексте или просто на севере Монгольского Алтая той или иной разновидности глиняных сосудов. При этом в сводных таблицах якобы чумурчекской керамики приводятся изображения всех сосудов, обнаруженных в пределах чумурчекских оград, в том числе, например, тюркского горшка из ограды Кэрмуци М16 (см.: Варенов, 2002), а также ему подобных случайных находок (Шяо Хуйцю, 2018. С. 27; Ван Бо, 2020. С. 81, рис. 2). Исследователей не интересует выделение специфических черт, присущих керамике раннего бронзового века Монгольского Алтая, поэтому эллипсоидные сосуды без орнамента или с подчеркнутыми треугольниками рассматриваются в одном ряду с яйцевидными сосудами с выделенной шейкой и отпечатками штампа, представляющими афанасьевскую традицию, а также с плоскодонными банками, покрытыми наколами или штамповкой, находящими аналогии в памятниках периода ранней бронзы Алтая и Минусинских котловин.

На мой взгляд, опубликованные результаты раскопок, каталоги музеев и свод керамических сосудов, найденных на территории Синьцзяна (см.: Ван Бо, 2020) позволяют выявить отдельные традиции керамики Монгольского Алтая, связанные с чумурчекским контекстом, и выдвинуть предположения о характере их взаимодействия, в результате которого сосуды могли там появиться. Ранее мной были опубликованы все керамические сосуды афанасьевского облика, найденные в чумурчекских гробницах, а также сосуды афанасьевской культуры с территории Синьцзяна, в форме и орнаментации которых проявляется чумурчекское влияние, вплоть до сосуда типичной афанасьевской формы, выполненного из камня (!). Наличие «смешанных» комплексов и данные радиоуглеродного датирования свидетельствуют о том, что афанасьевское и чумурчекское население сосуществовали на севере Синьцзяна в первой половине III тыс. до н.э., а орнаментация некоторых афанасьевских сосудов Горного Алтая и Среднего Енисея отражает влияние чумурчекских изобразительных традиций на коренные «афанасьевские» территории (Ковалев, 2017а; 2019).

Отличительные признаки сосудов собственно чемурчекской традиции, не имеющей прототипов в Сибири, Центральной и Внутренней Азии, отмечены мной в вышеуказанных статьях 1999–2022 гг. К ним можно отнести: эллипсоидные, мешковидные формы без выделения шейки и венчика, с округлым или уплощенным дном, без орнамента или с орнаментом: прочерченными треугольными фестонами, горизонтальными линиями, а также горизонтальными рядами округлых ямочных вдавлений. Эти признаки имеют и глиняные, и каменные сосуды, причем находки последних в комплексах более многочисленны.

В настоящей работе (рис. 1) приведены практически все керамические сосуды данного облика, большинство из которых найдено в чемурчекских каменных склепах Монгольского Алтая по обе стороны китайско-монгольской границы; аналогичных каменных сосудов насчитывается раза в два больше (см.: Тишкин и др., 2012; Ковалев, 2011. Рис. 21; 27; 2012. Рис. 1; 2015а; и др.). Каменные сосуды такой формы, произведенные чемурчекскими мастерами, найдены и за пределами Монгольского Алтая — сосуд со свицовой «пломбой» из села Лаптев Лог Угловского района Алтайского края с прочерченными треугольными фестонами, фигурками животных и человека (Кирюшин, 2002. Рис. 132–136), а также сосуд с медной «скрепой» из погребения 6 Каракола (Горный Алтай) (Кубарев, 2009. Рис. 119). Нет никаких оснований связывать их с местными елунинской и каракольской культурами; это свидетельство активных внешних контактов носителей чемурчекского феномена. Также импортом являются каменные сосуды простейших баночных форм (см. ниже), в том числе с медными «скрепами», найденные на могильном поле Аймырлыг (Тува) (Стамбульник, Чугунов, 2006. Рис. 4; 11; 18; 27).

Специфические форма и орнаментация этих глиняных и каменных сосудов находят убедительные аналогии в керамическом материале финального неолита (конец IV — начало III тыс. до н.э.) Южной Франции, Бургундии, Средней Роны, французской Юры и запада Швейцарии (Kovalev, 2022a. P. 782–786; 2022b. P. 541–543).

Среди каменных сосудов, обнаруженных в чемурчекском контексте, большую долю занимают простейшие баночные формы с прямыми или несколько скругленными стенками, без орнамента или имеющие орнамент в виде треугольных фестонов под устьем. В принципе, такие сосуды могут представлять собою вариант вышеописанного стандарта,

хотя баночные емкости подобных пропорций характерны для целого ряда соседних археологических культур. Однако три из четырех глиняных сосудов подобной формы, найденных в чемурчекских гробницах, украшены орнаментом, выполненным в том числе нетипичными для чемурчекской керамики оттисками палочки или лопаточки. Несколько аналогичных банок с наколами и оттисками штампа хранятся в музее городского округа Алтай. Способ орнаментации этих сосудов также находит широкие аналогии в памятниках периода ранней бронзы Сибири, Алтая и Восточного Казахстана. Поэтому появление в чемурчекском контексте не только указанных приемов нанесения орнамента, но и самой посуды баночных форм можно рассматривать как свидетельство межкультурного взаимодействия, влияния чужеродных традиций на носителей чемурчекского культурного феномена. Можно предположить, что собственно чемурчекские традиции проявляются в намеренном «скруглении» стенок баночных сосудов и стремлении к горизонтальной симметрии их профиля (см.: Ковалев, 2011. С. 197, рис. 21, 10–13).

Впервые глиняные баночные сосуды с прямыми или несколько скругленными стенками в чемурчекском контексте были обнаружены в 1963 г. при раскопках так называемого могильника Кэрмуци. Неорнаментированная банка с горизонтально-симметричным скругленным профилем происходит из каменного ящика в ограде М2 (у селения Кайнар, бывш. 2-я бригада) (Ковалев, 2015а. С. 242, рис. 2, 4). Сосуд осмотрен мной в Институте культурных реликвий и археологии Синьцзяна. Его размеры: высота — 10 см, диаметр устья — 8 см; поверхность коричневого цвета, хорошо залощена.

Вторая банка с расширяющимися кверху, скругленными у устья стенками была обнаружена в каменном ящике № 1 ограды М7, расположенной также у селения Кайнар (рис. 2, 1). Сосуд, судя по опубликованной единственной фотографии (Синьцзян вэйуэр, 1985. С. 74), светло-коричневого цвета, залощен. Размеры: высота — 11 см, диаметр устья — 10 см; под устьем имеется горизонтальный желобок, на 2,0–2,5 см ниже которого прослеживается еще одна неглубокая горизонтальная линия или небольшой уступ. Между этими линиями располагаются несколько композиций, состоящих из пяти параллельных прочерченных косых линий, между которыми нанесены ряды глубоких оттисков уголка граненой палочки. Близкое композиционное решение мы видим в оформлении орнаментального пояса на сосуде,

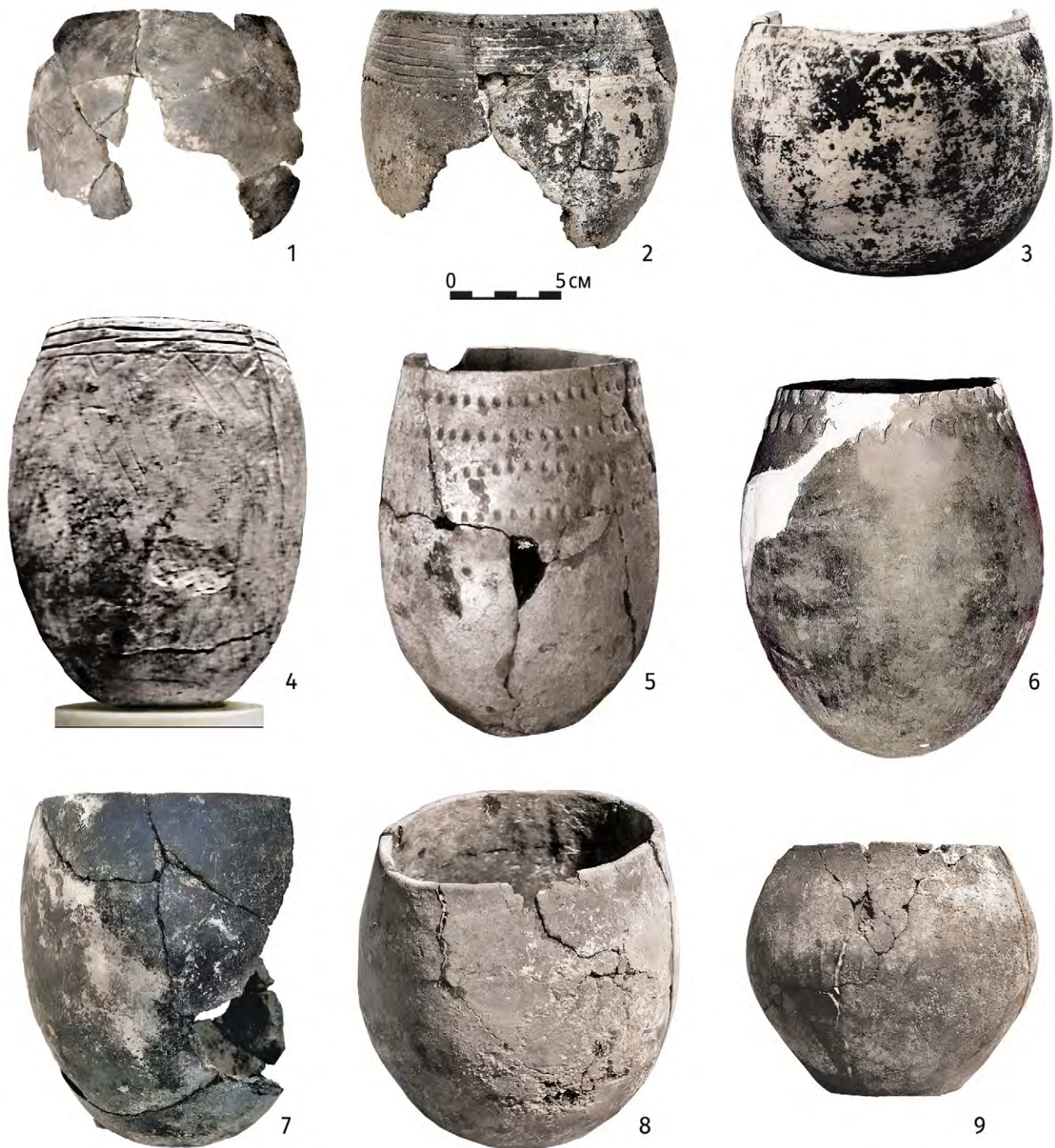

Рис. 1. Керамические сосуды чемурчекской традиции из монгольской (1, 2, 7–9) и китайской (3–6) частей Монгольского Алтая (без масштаба): 1 — Ягшийн ходоо, курган 1; 2 — Улаан худаг II-3; 3 — могильник Кэрмуци, случайная находка; 4 — Болатэ (Борат) 3-2, курган M18; 5 — могильник Кэрмуци, курган M16; 6 — уезд Бурчун, случайная находка; 7 — Улаан худаг I, курган 12; 8 — Хадат овоо, курган 1; 9 — Халзан узуур II, курган 2 (1, 8 — по: Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б; 2, 7 — по: Тишкин и др., 2015а; 3–6 — по: Ковалев, 2015а; 9 — по: Тишкин и др., 2015б)

Fig. 1. Pottery vessels of Chemurchek ceramic tradition found in Mongolian (1, 2, 7–9) and Chinese (3–6) parts of Mongolian Altai (without scale): 1 — Yagshiin khuduu, no. 1 barrow; 2 — Ulaan khudag II-3 barrow; 3 — Keermuqi burial ground, chance find; 4 — Bolate (Borat) 3-2, M18 barrow; 5 — Keermuqi burial ground, M16 barrow; 6 — Buerqin county, chance find; 7 — Ulaan khudag I, no. 12 barrow; 8 — Khadat ovoo, no. 1 barrow; 9 — Khalzan uzuur II, no. 2 barrow (1, 8 — after Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б; 2, 7 — after Тишкин и др., 2015а; 3–6 — after Ковалев, 2015а; 9 — after Тишкин и др., 2015б)

Рис. 2. Баночные сосуды с орнаментацией наколами: 1–3 — чемурчешские гробницы (1 — Кэрмуци, курган М7, ящик 1; 2 — гробница АЖМ12 (2010 г.); 3 — курган Аавын хух уул 5-3); 4–6 — случайные находки в уезде Алтай; 7 — могильник Сазньсаи (уезд Урумчи), курган М37 (1 — по: Синьцзян вэйуэр, 1985; 2 — по: Ковалев, 2015а; 3 — по: Төрбат, 2016б; 4–6 — по: Цемуэрцекэ вэньхуа, 2016; 7 — по: Ковалев, 2015в)

Fig. 2. Jar-shaped pottery vessels with stroke ornamentation: 1–3 — Chemurchek tombs (1 — Keermuqi M7 barrow, stone cist no. 1; 2 — AJM12 (2010) barrow; 3 — Aavyn khukh uul 5-3 barrow); 4–6 — Aletai county, chance finds; 7 — Saensayi burial ground (Urumqi county), M37 barrow (1 — after Синьцзян вэйуэр, 1985; 2 — after Ковалев, 2015а; 3 — after Төрбат, 2016б; 4–6 — after Цемуэрцекэ вэньхуа, 2016; 7 — after Ковалев, 2015в)

найденном в каменном ящике «булганского типа» Аавын хух уул 5-3, раскопанном германо-монгольской экспедицией в нескольких метрах от исследованной нами в 2010 г. гробницы с росписями Хух удзурийн дугуй 1-1 (Булган сомон Ховд аймака) (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б. С. 310–342). Результаты работ германо-монгольской экспедиции известны

пока только по нескольким заметкам в альбомах, в одном из которых опубликовано описание и фотография этого сосуда с указанием его высоты — 10,3 см (Төрбат, 2016б. Т. 32, 34–35, 37) (рис. 2, 3). В описании сосуда говорится, что он имеет «яйцевидное» дно, однако, судя по фотографии, дно у него не может быть «яйцевидным», оно должно быть округлым

и в середине уплощенным (сосуд сфотографирован стоящим без дополнительной опоры). Мы условно включаем его в нашу подборку, хотя по своей форме он, скорее, примыкает к сосудам чемурчекской традиции. Под устьем сосуда нанесены два горизонтальных желобка, поле между которыми занято чередующимися «решетками» из прочерченных линий и косыми крестами, образованными рядами наклонных оттисков округлой в сечении, приостренной палочки. Самый нижний ярус орнаментального пояса представлен горизонтальным рядом округлых ямочек, обычных для сосудов чемурчекской традиции.

Еще один баночный глиняный сосуд, орнаментированный наколами, найден также в гробнице «булганского типа» АЖМ12, раскопанной в 2010 г. в районе шоссе G217, то ли в уезде Бурчун, то ли в уездном городе Алтай (раскопки проводились в четырех волостях) (Ковалев, 2015а. С. 248, рис. 4, 3, 4). Ван Бо приводит полный шифр этого кургана как АЖМ, где первая буква может означать наименование уезда Алтай или волости Алагак на его территории, где проводились раскопки (Ван Бо, 2020. С. 84). Сосуд опубликован в трех китайских статьях (Синьцзян вэйуэр, 2010. С. 51–53; Синьцзян вэнь, 2013. С. 17–18; Ван Бо, 2020. С. 84). Необходимо отметить, что описание сосуда, а также его фотография, опубликованные в 2010 г., показывают, что рисунки этого предмета во всех статьях, а в статье Ван Бо также и фото, искажены, а именно растянуты по горизонтали на 125 %; в настоящей статье приведено фото из публикации 2010 г. (рис. 2, 2). Глиняный сосуд, судя по рисунку, имеет несколько скругленные стенки. Размеры: высота — 13 см (в публикации 2013 г. ошибочно указано 10,4 см), наибольший диаметр тулова — 13 см, диаметр устья — 12,5 см, диаметр дна — 9,8 см, толщина стенок — 0,8 см, толщина дна — 0,6 см. Поверхность серо-черного цвета, отощитель — песок. Под устьем проведена горизонтальная бороздка, под ней — четыре-пять горизонтальных рядов вдавлений (авторы публикации считают их ногтевыми, однако это, скорее всего, наколы наклонной линзовидной (?) в сечении приостренной палочки), ниже — косые прочерченные линии, образующие треугольные фестоны и штриховку.

Как минимум три глиняных баночных сосуда с кольчатой орнаментацией хранятся в фондах музея городского округа Алтай (Ван Бо, 2020. С. 84, рис. 4, 2–4); скорее всего, они происходят из ограбленных местными жителями погребальных памятников (рис. 2, 4–6). Одна из этих банок (рис. 2, 5) представляет почти точную аналогию сосуду из АЖМ12: она имеет желобок под

устьем, четыре горизонтальных ряда линзовидных наколов и прочерченные ниже штрихованные треугольники. Размеры: высота — 11,9 см; диаметр устья — 13 см. Другой сосуд — с прямыми стенками (рис. 2, 4) — имеет высоту 11,5 см и диаметр устья — 12,7 см. Под устьем у него линзовидной в сечении палочкой нанесена линия наколов, расположенных почти вертикально, с наклоном вправо, ниже которой вся поверхность сосуда заполнена аналогичными горизонтальными наколами. Третий сосуд имеет сильно суженное дно с выгибом стенки над ним, выпуклые стенки и стянутое устье (рис. 2, 6). Размеры: высота — 9,4 см, диаметр устья — 10,3 см, диаметр дна — 6 см. Судя по единственной опубликованной фотографии, дно сосуда может быть не округлым, а многоугольным, но в публикации эта особенность не отражена. Стенки сосуда покрыты орнаментом из вертикальных рядов горизонтальных наколов, сделанных линзовидным (?) в сечении орнаментиром.

К описанным выше сосудам по размерам и форме можно причислить глиняную банку, фрагменты которой обнаружены в могильной яме кургана М37 могильника Сазньсаи, расположенного в северных предгорьях Тянь-Шаня, в уезде Урумчи, что примерно в 450 км к югу от городского уезда Алтай (Ковалев, 2015в. С. 294, рис. 1) (рис. 2, 7). Сосуд был изготовлен из очень рыхлого теста с включениями крупного песка, поэтому сильно раскрошился. Диаметр его дна, по данным публикации, — 8 см, стенки скруглены. Хотя полностью профиль не собирается, но по сохранившимся фрагментам можно заключить, что высота сосуда едва ли превышала 10–12 см. Под венчиком горизонтальный ряд ямочных вдавлений, а ниже стенки покрыты наколами палочки, образующими несколько групп параллельных друг другу наклонных линий. Памятник относится к особой культуре конца III тыс. до н.э., погребальный обряд которой (погребение на повозке, установленной в фигурную яму) зафиксирован также в чемурчекских курганах «алкабекского» типа Восточного Казахстана (Ковалев, 2015в; 2018).

Шесть из семи приведенных глиняных сосудов объединяет не только форма (банки с прямыми или несколько скругленными стенками), но и использование при декорировании отпечатков приостренного орнамента, выполненных в технике накалывания. В двух случаях (рис. 2, 1, 3) эти наколы использовались для дополнения композиций орнаментального пояса, образованного прочерченными линиями под устьем сосуда, что может свидетель-

ствовать о восприимчивости чемурчекских мастеров к каким-то инокультурным влияниям. Наколы палочки на сосуде из Сазньсаи образуют подобие параллельных отпечатков гребенчатого штампа, что встречено также на афанасьевском сосуде из погребения в кургане М74 могильника Водохранилище Алэтэмулэ (Алтынэмель) (уезд Юйминь (Чаганьто-кай)). Судя по результатам радиоуглеродного анализа, это один из самых поздних памятников афанасьевской культуры, датированный XXV–XXIV вв. до н.э. (Ковалев, 2019. С. 199, рис. 7, 6).

Монотонные линии разреженных наколов, vyplненных линзовидным в сечении орнаментом, которыми украшены четыре сосуда из уезда Алтай (рис. 2, 2, 4–6), находят аналогии в орнаментации керамики раннего бронзового века Восточного Казахстана. Среди керамики, обнаруженной на поселениях Шауке 4, Шауке 8а, Лесное 3, Нурбай 8, Новая Шульба IX, Павлодарский, Мичурино-1, имеются фрагменты баночных сосудов с несколько выпуклыми стенками, украшенных отпечатками линзовидного орнамента, выполненными способом накалывания (Мерц, 2017. Рис. 60, 1, 2, 5–7, 15, 25, 26, 28, 29). И.В. Мерц относит эти сосуды к VI группе, подгруппе Б своей классификации (Мерц, 2017. С. 114–117, рис. 60; 61; 2021. Рис. 2), происхождение которой связывает с влиянием населения лесостепной полосы Западной Сибири, с «одиновско-крохалевской» традицией (Мерц, 2021). Ареал ее распространения охватывает не только правобережное Прииртышье в пределах западной части Кулундинской равнины, но и район Верхнего Прииртышья, примыкающий к зоне распространения чемурчекских памятников Джунгарии (Там же. Рис. 1). На исследованных поселенческих комплексах эта керамика залегает совместно с фрагментами елунинской посуды, появление которой в Восточном Казахстане, согласно ^{14}C -датам, относится к первой половине III тыс. до н.э. (Там же. С. 147). Из керамики областей, расположенных севернее, наиболее близкими к рассматриваемым синьцзянским сосудам являются баночные емкости с тем же типом орнаментации, происходящие с поселения Новенькое-6 на той же Кулундинской равнине (Локтевский район Алтайского края) (Абдулганеев, 1985. С. 125–128, рис. 5–7). Автором публикации эта керамика также связывалась с одиновской традицией. На одиновских и крохалевских памятниках найдены сосуды открытых форм, орнаментированные рядами разреженных линзовидных наколов (см.: Молодин, Полосьмак, 1980. Рис. 4; 6–9; Молодин, 1981. Рис. 6–8).

По опубликованным материалам стоянок Восточного Казахстана сложно сделать вывод о возможности проникновения вверх по Иртышу населения лесостепной зоны, тем более что, в отличие от одиновских и крохалевских сосудов, как рассматриваемые сосуды из уезда Алтай, так и большинство керамических банок подгруппы VIБ (по И.В. Мерцу) из Прииртышья и Новенького-6 не имеют выдавленных изнутри «жемчужин» под венчиком. Однако находка сосудов одиновского облика в синьцзянском уезде Хабахэ (Каба), в зоне распространения чемурчекских памятников «булганского» типа и «типа Кэрмуци» (см.: Ковалев, 2015а) (рис. 3), может рассматриваться как свидетельство непосредственного присутствия мигрантов из Барабинской степи не только на Верхнем, но и на Черном Иртыше. Два почти целых сосуда происходят, вероятно, из разрушенного погребения. Они не только практически одинаковой формы, но и, по описанию Ван Бо, имеют одинаковые размеры: высота — 22 см, диаметр устья — 22 см, диаметр дна — 8,8 см (Ван Бо, 2020. С. 83). Это сосуды с узким дном, расширяющимися вверх выпуклыми стенками и короткой выделенной шейкой. У первого сосуда (рис. 3, 1) под неорнаментированной шейкой нанесен горизонтальный ряд округлых ямочных вдавлений, ниже — вихреобразно изгибающиеся вертикальные полосы, образованные наколами орнамента линзовидного сечения. Второй сосуд (рис. 3, 2) украшен наколами узкой щепки непосредственно под венчиком, ниже которого шейка не орнаментирована, переход к тулову обозначен горизонтальной полосой «жемчужин». Тулово сосуда покрыто многочисленными вертикальными наколами линзовидного в сечении орнамента, часть из которых, вероятно, также наносилась по вихревым траекториям. Наиболее близкими аналогиями можно считать два сосуда из одиновских комплексов могильника Тартас-1: погребение № 247 (сосуд 1) и погребение № 365 (Тартас-1, 2022. С. 292–295, 438–442, рис. 392; 576). Вихреподобные линии из наколов палочки зафиксированы и на керамической банке, хранящейся в Павлодарском областном музее (Мерц, 2021. Рис. 2, 29).

При почти полном отсутствии данных о периоде «доандроновской бронзы» в юго-восточном регионе Казахстана, примыкающем с запада к территории распространения чемурчекского культурного феномена, особый интерес вызывают материалы раскопок небольшой стоянки Дали в предгорьях Джунгарского Алатау (Аксуский район Алма-Атинской области) (Hermes et al., 2021). За несколько сезонов раскопок

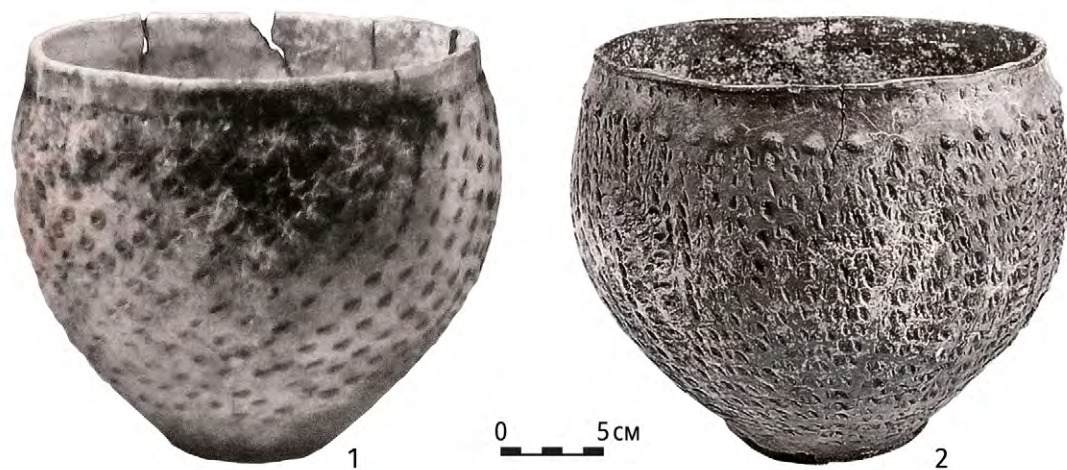

Рис. 3. Глиняные сосуды с орнаментацией «жемчужинами» и наколами из музея уезда Хабахэ (Каба)
(по: Цемуэрцекэ вэньхуа, 2016)

Fig. 3. Pottery vessels with squized convexities and stroke ornamentation in Habahe county museum
(after Цемуэрцекэ вэньхуа, 2016)

на стоянке был вскрыт в общей сложности 71 кв.м площади и прослежены культурные слои, относящиеся к трем фазам ее заселения. Методом AMS получены семь радиоуглеродных дат для первой фазы и 15 дат — для второй фазы, согласно которым, после калибровки первая фаза была датирована приблизительно 2700–2500 гг. до н.э., а вторая — 1800–1500 гг. до н.э. (Ibid. Tab. 1, fig. 6). Керамика первой фазы обнаруживает большое сходство с материалами памятников Восточного Казахстана периода ранней бронзы, а также с керамикой чемурчекской традиции. Один из сосудов параболической формы по своей орнаментации в точности соответствует находке из чемурчекской гробницы Улаан худаг II-3 (Ховд аймак Монголии) (рис. 1, 2): под устьем у этого сосуда расположены пять горизонтальных желобков между двумя полосками ямочных вдавлений (Ibid. Fig. 8, c). Три сосуда округлого или параболического профиля украшены рядами отпечатков линзовидного орнамента, как вертикальных, так и горизонтальных (Ibid. Fig. 8, a, b, g). Эти находки показывают, что орнаментация рядами наколов линзовидного в сечении штампа применялась на территории Юго-Восточного Казахстана как минимум на первоначальном этапе расселения чемурчекских мигрантов (вторая четверть III тыс. до н.э.; см.: Kovalev, 2022a. P. 772).

Другим направлением поиска аналогий, естественно, является керамический комплекс окуневской культуры, для которого ведущими являются простейшие баночные формы. Сплошная орнаментация

стенок сосудов наколами линзовидного в сечении орнамента характерна для керамики черновского этапа, но встречается и на раннем — уйбатском — этапе окуневской культуры (Поляков, 2022. Рис. 62; 63; 77; 78). Однако, согласно данным радиоуглеродного датирования, появление окуневской культуры на Енисее можно отнести к XXVI в. до н.э., ее уйбатский этап датируется концом XXVI–XXIII вв. до н.э., а черновский этап — XXII–XX вв. до н.э. (Там же. С. 187–188).

Таким образом, упомянутые выше памятники Казахстана оказываются или более древними, чем окуневская культура, или как минимум синхронными началу ее бытования. Наиболее древние погребения одиновской культуры могильника Сопка-2/4А В.И. Молодин, учитывая данные стратиграфии, ¹⁴С-датирования, аналогии в инокультурных памятниках, датирует XXIX–XXVII вв. до н.э. (Молодин, 2012. С. 189–194). Стоит упомянуть, что ряды разреженных наколов линзовидного или овального в сечении орнамента иногда присутствуют на афанасьевской керамике (см.: Грязнов, 1999. Рис. 11, 3; Вадецкая, 1986. Рис. 4; 12; 24; Погожева, 2006а. Рис. 41–43; Степанова, 2023. Рис. 6). Поэтому большую вероятность, на мой взгляд, имеет предположение о взаимосвязи керамики Верхнего и Черного Иртыша, с одной стороны, и Среднего Енисея, с другой, с более древними керамическими традициями лесостепной зоны Западной Сибири (что не исключает возможности непосредственных контактов «чемурчекцев» и «окуневцев» в ходе торговых операций или «ритуальных путешествий»).

В двух чемурчекских гробницах, исследованных нашей экспедицией в Булган сомоне Ховд аймака Монголии, были обнаружены крупные баночные сосуды с необычной для собственно чемурчекской традиции орнаментацией, которые необходимо рассмотреть отдельно от небольших простейших банок, о которых шла речь выше. Сосуд из кургана Ягшийн ходоо (Ягшийн хууу) 3 (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б. С. 259, рис. 65; 66) (рис. 4, 1, 2) эллипсоидной формы с наибольшим расширением несколько выше середины высоты, устье срезано, его край уплощен, дно плоское. Цвет поверхности серый, в изломе черепок имеет черный цвет. Размеры: высота — 25,3 см; диаметр тулова — около 20 см; диаметр устья — около 19 см; диаметр дна — около 8,5 см; толщина стенок — около 1 см; толщина дна — около 1,1 см. По внешнему краю устья нанесен ряд подтреугольных в разрезе углублений, ниже сформированы два горизонтальных валика, рассеченные косыми отпечатками подовального в сечении штампа, ниже которых нанесена орнаментальная композиция из фигур, образованных рядами угловых наколов. По профилю сосуд подобен схожим по размеру неорнаментированным глиняным сосудам чемурчекской традиции (рис. 1, 7, 8), однако его орнаментацию нужно признать следствием инокультурного влияния. Рассеченные валики и вдавления по срезу венчика характерны для елунинской керамической традиции Алтая и Восточного Казахстана (см.: Кирюшин, 2002. С. 49–50). Ряды «из оттисков угла дощечки или палочки» также зафиксированы на керамике с местонахождений Алтайского края. Появление этого вида орнаментации связывается с распространением «вишневатских» традиций Северного Казахстана и Приишимья (Кирюшин, 2002. С. 50–51; Редников, 2010. С. 40–41, рис. 5, 1–3). Ближайшая находка баночного сосуда с валиком и вдавлениями по срезу венчика была сделана нами в чемурчекском кургане «алкабекского типа» Булгарты 1 (Курчумский район Восточно-Казахстанской области) (Ковалев и др., 2014. Рис. 151–154). Ряды подтреугольных наколов угла дощечки украшают керамику из могилы 1 могильника Канай на Бухтарминском водохранилище и с поселения Шауке 3 близ Павлодара (Мери, 2017. Рис. 59, 4, 11). При этом фрагменты сосудов с валиками и угловыми отпечатками были найдены на поселении Кара-Тенеш в Горном Алтае (Чемальский район) (Погожева, 2006б. Рис. 16, 2, 3). Такая же орнаментация зафиксирована на фрагментах сосудов из 6-го и 7-го слоев стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея (Семенов, 2018. Рис. 142, 3; 192, 5).

Сосуд № 2 из гробницы Хадат овоо 1 (рис. 4, 3, 4) (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б. С. 359, рис. 209–212) имеет округлое дно с небольшим уплощением в центре (центр дна деформирован). Высота и наибольший диаметр — около 22 см. Прослеживается несколько отогнутый венчик. Устье сосуда плоское. Толщина стенки — около 0,9–1,0 см. Черепок в изломе двуслойный, внутренний слой черный, наружный — коричневатый. Изнутри сосуд сильно закопчен, имеет черный цвет, наружная поверхность светло-коричневая. Внешняя поверхность сосуда сплошь покрыта рядами отпечатков отступающей лопаточки (вероятно, как прямого бокового ее края, так и скругленного окончания). Этот орнамент распространяется и на округлую часть дна. Сосуд находит ближайšie аналогии в керамике «новоселовской» традиции Среднего Енисея. Для нее также характерна округлая форма дна с небольшим уплощением и заполнение стенок и округлой части дна монотонным орнаментом: в большинстве случаях овального или линзовидного в сечении орнамента (Виноградов, 2022. С. 219–221; Леонтьев, 2006. С. 261–262). Происхождение «новоселовского» типа керамики связывается с предшествующим неолитическим горизонтом, однако сам он относится к уйбатскому этапу окуневской культуры (см.: Поляков и др., 2022. С. 15–16). В то же время представляется необычным сплошное покрытие стенок сосуда наносимыми под очень острым углом отпечатками лопаточки, имеющей закругленный и спрямленный края.

На территории высокогорья Монгольского Алтая (бассейн верхнего течения р. Кобдо (Ховд), Баян-Ульги аймак), обозначенной мною как «чемурчекская ритуальная зона», к настоящему времени исследованы пять «малых» и две из трех «гигантских» ритуальных оград (Ковалев, 2015б; Ковалев, Мунхбаяр, 2015; 2022). Архитектура этих сооружений соответствует стандарту чемурчекских погребальных памятников китайской части Монгольского Алтая; на плитах «гигантских» оград нанесены изображения «божеств», характерные для тех же чемурчекских памятников; ритуальные площадки с порталами, сопровождавшие «гигантские» ограды, аналогичны ритуальным пристройкам, зафиксированным на чемурчекских погребальных сооружениях в Ховд аймаке Монголии. Однако такие же площадки строились с восточной стороны от курганов окуневской культуры (они обнаружены и в Туве, где сооружались отдельно), а изображения животных на плитах «гигантских» оград, несомненно, отражают развитие изобразительных

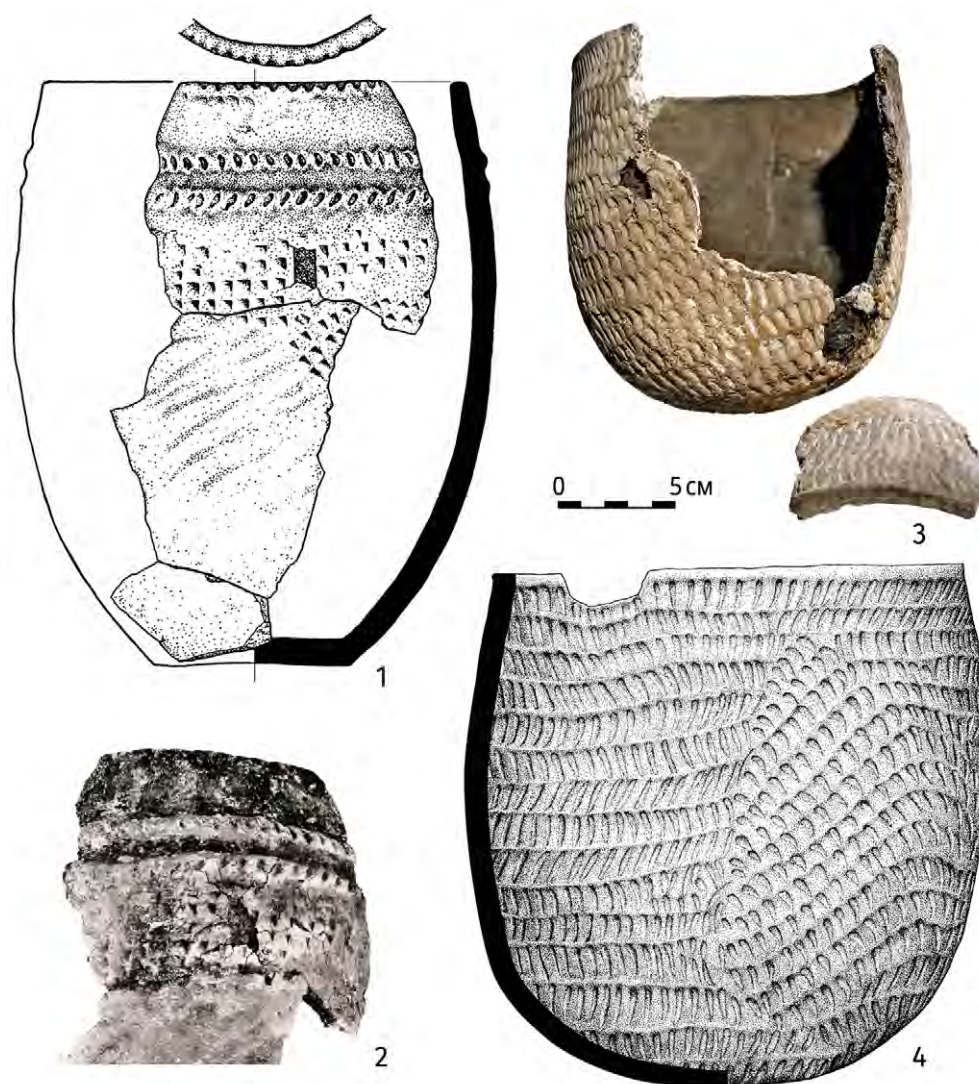

Рис. 4. Глиняные сосуды с орнаментацией в технике накалывания из чемурчекских гробниц сомона Булган (Ховд аймак) (по: Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б)

Fig. 4. Pottery vessels with stroke ornamentation from Bulgan sum (Khovd aimag) Chemurchek type barrows (after Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б)

традиций Сибири и Саяно-Алтая. Хотя, как прослежено в ходе наших раскопок, ограды имели ритуальный характер, в их пределах устраивались и погребения: в ограде Хулагаш безынвентарное погребение в каменном ящике было совершено в период функционирования сооружения, а в «малых» оградах Хул уул (Кулала ула), Хундий говь (Кумди гови) и Хуурай говь (Кургак гови) № 2 захоронения производились после засыпки центральной ритуальной ямы и устройства насыпи. Строительство оград и совершение в их пределах погребений по данным радиоуглеродного анализа можно датировать периодом с XXVIII по XXIII в. до н.э. (Kovalev, 2022a. P. 772). Исследования ДНК и физической антропологии погребенных показывают

преобладание восточноевразийского компонента (Ковалев и др., 2020). Таким образом, указанные сооружения использовались не только чемурчекскими общинами бассейна Черного Иртыша, но и их северными соседями.

В ритуальных оградах Баян-Ульги обнаружены фрагменты трех глиняных сосудов. Обломки верхней части неорнаментированного сосуда эллипсоидной формы (чемурчекского стандарта ?) найдены в насыпи «гигантской» ограды Чулуут булаг (размеры ограды 60×40 м) при работах на небольшом раскопе, заложенном в 2019 г. в ее северо-западном углу. Фрагменты двух сосудов найдены при раскопках «малых» оград Хар хошуу (Кара тумсик) и Тахилгат удзуур-5 № 31.

Двойная ограда Хар хошуу была полностью исследована нашей экспедицией в 2004 г. (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а. С. 216–226) (рис. 5, 1). Центральная часть памятника была разрушена грабительскими перекопами, в заполнении образовавшейся после этого ямы были собраны разрозненные кости взрос-

лого человека, костяной наконечник стрелы, фрагменты костяных предметов, из чего можно заключить, что здесь имело место погребение. Обнаружение в заполнении ямы большого количества древесных углей и отдельных обломков костей животных, как и в ритуальных ямах других исследованных нами

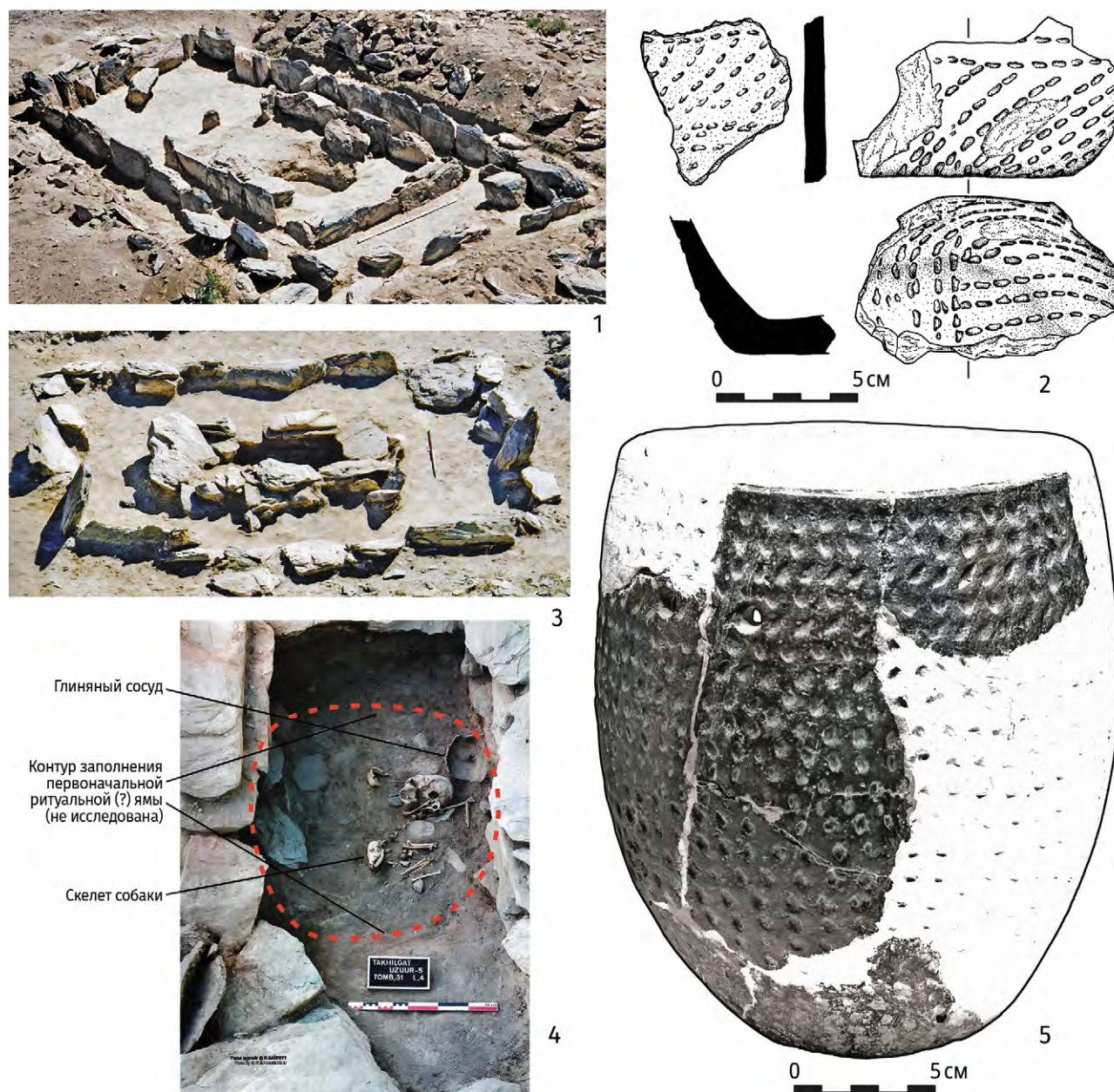

Рис. 5. «Малые» ритуальные ограды Баян-Ульги и находки в них глиняных сосудов с орнаментацией в технике накалывания: 1, 2 — ограда Хар хошуу; 3–5 — ограда Тахилгат удзуур 5 № 31 (1, 2 — по: Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а; 3 — по: Алдармөнх, 2016; 4, 5 — по: Төрбат, 2016а, 4 — с добавлением пояснительных обозначений)

Fig. 5. «Small» ritual enclosures in Bayan-Olgii aimag and potteries with stroke ornamentation found in them: 1, 2 — Khar khoshuu enclosure; 3–5 — Takhilgat uzuur 5 no. 31 enclosure (1, 2 — after Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а; 3 — after Алдармөнх, 2016; 4, 5 — after Төрбат, 2016а, 4 — with additional marks and notes)

«малых» оград, указывает на наличие первичной ритуальной ямы, в которую это погребение было впущено. В заполнении ямы были также обнаружены фрагменты стенки и придонной части от сосуда с уплощенным дном (рис. 5, 2). Керамика хорошего обжига, серого цвета. Сосуд украшен орнаментом, составленным из групп параллельных рядов наколов палочки; орнамент переходит со стенок на дно. Размеры: вероятный диаметр дна сосуда — около 8–9 см; толщина стенок — около 0,8 см; толщина дна — 1,2 см.

Ограда Тахилгат удзуур-5 № 31 обнаружена на левом берегу р. Цагаан-гол в июне 2004 г. автором и идентифицирована как ритуальная структура, однотипная раскопанным нами оградом Хул уул, Хуурай говь, Хундий говь, Хар хошуу (Kovalev, Erdenebaatar, 2009. Р. 155; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 90). В том же году она была зафиксирована Ц. Турбатом в ходе работ по учету памятников археологии Цэнгэл сомона (Монгол алтайн, 2009. Т. 328). В вышеуказанных общедоступных статьях 2009–2010 гг. на русском и английском языках нами указывалось, что все раскопанные в 2004 г. ограды изначально использовались как открытые площадки с ритуальными ямами посередине. На следующем этапе яма засыпалась камнями и землей, камнями плотно забивалось внутреннее пространство ограды, образуя плоскую платформу. После этого в центр платформы с ее поверхности впускались одиночные погребения. Не обратив на это внимания и проигнорировав при раскопках очевидные признаки, указывающие на аналогичную стратиграфию, в 2011 г. Я. Бемманн и Ц. Турбат приняли не вполне удачную попытку исследовать памятник. Отчет о раскопках не опубликован, о результатах можно судить по двум публикациям в альбомах и статье с сообщением об исследовании ДНК человека, чей череп был найден в кургане (Holland et al., 2014; Алдармөнх, 2016; Төрбат, 2016а. Т. 28–29).

Как ясно видно на опубликованных в 2016 г. фотографиях, в центре раскопщиками были зачищены плиты обкладки впущенной в насыпь ямы (их было видно и до раскопок) (рис. 5, 3, 4). Эти плиты с внешней стороны опирались на каменную засыпку, которая заполняла всю площадь ограды на момент устройства впускной ямы. На дне (?) этой впускной ямы, судя по фотографии (рис. 5, 4), был исследован скелет собаки, находившейся в анатомическом порядке, а также разрозненные кости человеческого черепа и фрагменты глиняного сосуда. Несмотря на то что некоторые кости скелета собаки были перемещены раскопщиками, их расположение говорит о том, что останки собаки были первоначально уложены на пе-

ревернутый человеческий череп. Фрагменты сосуда лежали под человеческим черепом, к востоку от него, а также у передних ног собаки. Таким образом, во впускной яме с каменной обкладкой стенок было вначале совершенно захоронение человеческого черепа с нижней челюстью (или головы; вряд ли всего тела) и глиняного сосуда. Впоследствии это захоронение было разрушено при устройстве погребения собаки. Зачистив пространство между стенками впускной ямы на уровне вышеуказанных находок, исследователи прекратили раскопки, хотя, как это следует из фотографии, они при этом наткнулись на верхушки камней, заполнявших ритуальную яму — основную для всего сооружения, которая осталась неисследованной. Судя по фотографии, диаметр ямы был не менее 1,5 м, а захоронение черепа и сосуда был произведено на поверхности ее заполнения. Этот памятник нуждается в тщательном исследовании, в том числе из-за его якобы афанасьевской атрибуции (см. вышеуказанные работы). Недавно по этому комплексу была опубликована ¹⁴C-дата COL1538.1.1: 4133±35 л.н. (2873–2580 calBC с вероятностью 95,4 %) (Ventresca Miller et al., 2022. Tab. S2). К сожалению, неясно, какой материал анализировался. Дата соответствует раннему периоду функционирования «малых» оград (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а. С. 227–229).

Высота глиняного сосуда (рис. 5, 5), как указано в публикации, составляет 21 см. Он имеет эллипсоидную форму с уплощенным дном, несколько отогнутый венчик. Стенки сосуда сплошь покрыты горизонтальными рядами наколов палочки, причем похоже, что в верхней части (пять верхних рядов) использовался более уплощенный, возможно, линзовидный в сечении орнаментир, а ниже — более округлая палочка. Переходил ли орнамент на дно сосуда, неизвестно.

Оба сосуда из «малых» ритуальных оград находят аналогии в материалах окуневской культуры. Однако сопоставить их можно также и с керамикой с местонахождений Горного Алтая, о раннем бронзовом веке которого нам известно пока крайне мало. Группами параллельных рядов наколов палочки украшены стенки и дно некоторых сосудов черновского этапа окуневской культуры, в частности из могил 10 и 38 кургана Верхний Аскиз I-2 (Ковалев, 1997. Табл. XII, 1, 10). Сплошное заполнение стенок наколами округлого в сечении орнамента без выделения фриза под устьем встречено на керамике новоселовской группы и ряда других сосудов уйбатского этапа (Поляков, 2022. Рис. 62, 11, 13, 14; 63, 1, 2, 8). В то же время округлыми наколами и группами параллельных рядов мелких

наколов палочки сплошь украшены стенки сосудов бронзового века, фрагменты которых были обнаружены на поселениях Кара-Тенеш и Лебедь-1 в Горном Алтае (Погожева, 2006б. Рис. 8, 3–5; 10, 9; 15, 6; 44, 7, 8, 11, 13). Не исключено, что эта керамика со временем будет отнесена к каракольской культуре. Рядами овальных наколов орнаментированы стенки и дно сосуда, найденного на могильном поле Аймырлыг в Туве, возможно, происходящего из каменного ящика XIII-8 (Стамбульник, Чугунов, 2006. Рис. 17).

Итак, предпринятый в настоящей статье обзор баночных сосудов раннего бронзового века, орнаментированных наколами и отпечатками штампа, найденных на территории Монгольского Алтая, показывает, что эти находки не могут служить не только доказательствами происхождения окуневской культуры и чемурчекского культурного феномена из одного источника, но и бесспорными свидетельствами непосредственных контактов чемурчекского и окуневского населения. Некоторые общие признаки формы и орнамента можно объяснить влиянием западносибирских керамических традиций на культуру предков населения Восточного Казахстана и Среднего Енисея бронзового века еще до чемурчекской миграции. Другие аналогии, возможно, появились в результате контактов «окуневцев» и «чемурчекцев» с населением Горного Алтая и Западного Саяна. Эти контакты и даже непосредственное общение жителей Монгольского Алтая и Среднего Енисея могли проходить и в ходе определенных ритуальных практик, в частности паломничества к сакральным урочищам высокогорья Монгольского и Горного Алтая, известным как средоточие писаниц и ритуальных архитектурных сооружений (не только святилищ Баян-Ульги, но и оград Горного Алтая, с одной из которых были взяты каменные плиты с рисунками, использованные в перевернутом положении для ящиков Каракола). Религиозный оттенок контактов носителей окуневской культуры и чемурчекского культурного феномена проявляется в характере заимствований. В Туве и окуневской культуре появляются чемурчекские ритуальные площадки со стелами и «очагами», плиты окуневских ящиков начинают расписывать геометрическими узорами, по абрису некоторых окуневских личин формируют выпуклый валик. С другой стороны, в чемурчекском искусстве важнейшую роль приобретают анималистические образы (рисунки быков, лошадей, оленей, хищников, птиц), истоки которых усматриваются в традициях населения Сибири и Саяно-Алтая.

Литература

- Абдулганеев, 1985 — Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 117–129.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э.Б. Сибирские курильницы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 50–59.
- Варенов, 2002 — Варенов А.В. Средневековые древности из могильника Кээрмуци в Восточном Туркестане (Синьцзяне) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 253–262.
- Виноградов, 2022 — Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинского края (по материалам керамических комплексов древних поселений). СПб.: ИИМК РАН, 2022. 272 с.
- Грязнов, 1999 — Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.
- Кирюшин, 2002 — Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 294 с.
- Ковалев, 1997 — Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.
- Ковалев, 2005 — Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рожд. Юрия Федоровича Кирюшина / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 178–184.
- Ковалев, 2007 — Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен (статья 1999 года) // «А.В.». Сб. науч. трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова / науч. ред. С.В. Хаврин. СПб: Культ-информ-пресс, 2007. С. 25–76.
- Ковалев, 2011 — Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // РАЕ. 2011. № 1. С. 183–244.
- Ковалев, 2012 — Ковалев А.А. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию выдающегося российского археолога М.П. Грязнова / ред. колл. В.А. Алёшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 49–57.
- Ковалев, 2015а — Ковалев А.А. Чемурчекские памятники Синьцзяна: артефакты, комплексы, погребальные сооружения // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: МИСР, 2015. С. 240–279.
- Ковалев, 2015б — Ковалев А.А. Бассейн верхней Кобдо как чемурчекская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сб. статей, посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. С. 391–395.

- Ковалев, 2015в — Ковалев А.А. Сазньсаи — новая культура бронзового века восточноевропейского происхождения на Тянь-Шане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумурчакский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: МИСП, 2015. С. 293–306.
- Ковалев, 2017а — Ковалев А.А. Афанасьевская культура в Синьцзяне // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 245–267.
- Ковалев, 2017б — Ковалев А.А. Роль чумурчакского культурного феномена в формировании и развитии культур бронзового века Сибири и Казахстана // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. Т. I. С. 260–262.
- Ковалев, 2018 — Ковалев А.А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей, Санкт-Петербург, 28–30 ноября 2016 года / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 25–33.
- Ковалев, 2019 — Ковалев А.А. Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2019. С. 188–209.
- Ковалев, Мунхбаяр, 2015 — Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Чумурчакский ритуальный комплекс Хар чулуут 1 в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумурчакский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: МИРС, 2015. С. 155–214.
- Ковалев, Мунхбаяр, 2022 — Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Петроглифы на чумурчакских ритуальных оградах в высокогорье Монгольского Алтая (3 тыс. до н.э.): репертуар образов // Төв Азийн эртний нүүдэлчдийн хадны зураг (чулуун зэвсгийн сүүл, хүрлийн эхэн үе). Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн хүрээлэн, 2022. С. 84–95.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010 — Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.) / ред. колл. А.В. Цыбиктаров и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 89–103.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а — Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чумурчакского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумурчакский культурный феномен. Ч. I. Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2014. С. 163–234.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б — Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования чумурчакских курганов в Булгансомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003–2010 годах // Там же. С. 235–406.
- Ковалев и др., 2014 — Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатай С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане (1998–2000 годы) // Там же. С. 9–162.
- Ковалев и др., 2020 — Ковалев А.А., Солодовников К.Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А.И., Зубова А.В. Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чумурчакском святилище Хулагаш (Баян-Ульги аймак Монголии) // БААЭ. 2020. № 1 (48). С. 77–94.
- Комарова, 1981 — Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 76–90.
- Кубарев, 2009 — Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 263 с.
- Лазаретов, 2017 — Лазаретов И.П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. Т. I. С. 284–289.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Окуневско-чумурчакская общность: феномен эпохи ранней бронзы и проблема синхронизации культур // Маргулановские чтения — 2019: Материалы Междунар. археолог. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: Глобус, 2019. С. 132–144.
- Леонтьев, 2006 — Леонтьев С.Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 260–272.
- Мерц, 2017 — Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 345 с.
- Мерц, 2021 — Мерц И.В. Одино-крохалевский тип керамики Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 143–148.
- Молодин, 1981 — Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 63–75.
- Молодин, 2012 — Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Молодин, Полосьмак, 1980 — Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Исследование памятника Крохалевка-4 // Археологический поиск (Северная Азия) / отв. ред. В.Е. Медведев. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–62.
- Погожева, 2006а — Погожева А.П. Афанасьевская культура // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая / науч. ред. В.И. Молодин. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 18–48.
- Погожева, 2006б — Погожева А.П. Эпоха бронзы // Там же. С. 49–59.
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

- Поляков и др., 2022 — Поляков А.А., Смирнов Н.Ю., Фрибус А.В. Предисловие редакторов // Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинского края (по материалам керамических комплексов древних поселений). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 10–16.
- Редников, 2010 — Редников А.А. Ранний бронзовый век на территории Кулундинской равнины Алтайского края // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Слово, 2010. С. 38–48.
- Семенов, 2018 — Семенов Вл.А. Тоора-Даш — многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2018. 340 с.
- Стамбульник, Чугунов, 2006 — Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 292–302.
- Степанова, 2023 — Степанова Н.Ф. Курильницы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. Вып. 3. С. 129–133.
- Тартас-1, 2022 — Тартас-1 — перекресток культур и эпох / Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н. и др.; отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1. 535 с.
- Тишкин и др., 2012 — Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Пять плюс, 2012. С. 104–114.
- Тишкин и др., 2015а — Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Исследования чемурчекских памятников в долине реки Буянт (Ховд аймак Монголии) в 2007–2008 годах // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: МИРС, 2015. С. 6–41.
- Тишкин и др., 2015б — Тишкин А.А., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Исследования чемурчекских памятников в долине реки Буянт (Ховд аймак Монголии) в 2009 году // Там же. С. 42–99.
- Алдармөнх, 2016 — Алдармөнх П. Афанасьевы соёлын булш. Монголын археологийн өв. III. Монголын эртний булш оршуулга. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн, 2016. Т. 31–35 (на монг. яз.).
- Монгол Алтайн, 2009 — Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд — I. Баян-Өлгий аймаг / Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискар П.Х. Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2009. 424 т. (на монг. яз.).
- Төрбат, 2016а — Төрбат Ц. Неолит-энеолитийн шавар сав // Монголын археологийн өв. VI. Монголын эртний шавар сав. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн, 2016. Т. 24–31 (на монг. яз.).
- Төрбат, 2016б — Төрбат Ц. Хүрлийн үеийн шавар сав // Монголын археологийн өв. VI. Монголын эртний шавар сав. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн, 2016. Т. 32–45 (на монг. яз.).
- Ван Бо, 2020 — Ван Бо [王博]. Синьцзян гунъюань цянэ 2700 — цянэ 800 нянь дэ су вэнь тао [王博. 新疆公元前 2700 — 前 800 年的素纹陶] Керамика с простым орнаментом в Синьцзяне 2700–800 гг. до н.э. // Сибу каогу. 2020. № 2. С. 77–104 (на кит. яз.).
- Му Цзиньшань, 2019 — Му Цзиньшань [牧金山]. Гуаньюй Цемуэрцекэ вэньхуа лайюань [关于切木尔切克文化来源] О происхождении культуры Чемуэрчек // Коувэнь сидун: Шуй Тао сяньюшэн юй ци дицзы вэньсюэ цзи [叩问西东: 水涛先生与其弟子问学集 / 南京大学历史学院编著] Спрашивая о Западе и Востоке: Сборник исследований г-на Шуй Тао и его учеников. Пекин: Вэньчу-баньшэ, 2019. С. 106–117 (на кит. яз.).
- Синьцзян вэйуэр, 1985 — Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу каогу яньцзюсю [新疆维吾尔自治区文物考古研究所] Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского АР. Синьцзян гудай миньцзю вэньу [新疆古代民族文物] Культурные реликвии древних народностей Синьцзяна. Пекин: Вэньчу-баньшэ, 1985.
- Синьцзян вэйуэр, 2010 — Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу каогу яньцзюсю [新疆维吾尔自治区文物考古研究所] Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского АР. Алэтай ши, Буэрцзинь сянью гу муцзан каогу фацзюэ цзяньбао [阿勒泰市, 布尔津县古墓葬考古发掘简报] Краткий отчет об археологических раскопках в городском уезде Алтай и уезде Бурчун // Синьцзян вэньу. 2010. № 1. С. 47–54 (на кит. яз.).
- Синьцзян вэньу, 2013 — Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю [新疆维吾尔自治区文物考古研究所] Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Синьцзян Алэтай дицю гу муцзан фацзюэ цзяньбао [新疆阿勒泰地区古墓葬发掘简报] Краткий отчет о раскопках погребальных сооружений в округе Алтай, Синьцзян // Вэньу. 2013. № 3. С. 15–19 (на кит. яз.).
- Цемуэрцекэ вэньхуа, 2016 — Цемуэрцекэ вэньхуа [切木尔切克文化] Культура Чемуэрчек / Алэтай дицюй вэньу цзюй, Алэтай дицюй боугуань [阿勒泰地区文物局, 阿勒泰地区博物馆] Бюро культурного наследия округа Альтай, Музей округа Альтай — авт.-сост. Урумчи: Синьцзян кэсюэ цзюшу чубаньшэ, 2016 (на кит. яз.).
- Шао Хуйцю, 2018 — Шао Хуйцю [邵会秋]. Синьцзян шицянью шици вэньхуа гэцзюй дэ яньцзинь цзи ци юй чжоу линь вэньхуа дэ гуаньси [新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻文化的关系] Эволюция культурной модели Синьцзяна в доисторический период и его связь с соседними культурами. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2018. 432 с. (на кит. яз.).
- Betts et al., 2019 — Betts A., Jia P., Abuduresule I. A new hypothesis for early Bronze Age cultural diversity in Xinjiang, China // Archaeological Research in Asia. 2019. Vol. 17. No. 1. P. 204–213.
- Hermes et al., 2021 — Hermes T.R., Doumani Dupuy P., Henry E.R., Meyer M., Mar'yashev A.N., Frachetti M.D. The Multi-Period Settlement Dali in Southeastern Kazakhstan: Bronze Age Institutional Dynamics along the Inner Asian Mountain Corridor // Asian Perspectives. 2021. Vol. 60. No. 2. P. 345–381.
- Hollard et al., 2014 — Hollard Cl., Keyser Chr., Giscard P.-H., Turbat Ts., Bayarkhuu N., Bemmam J., Crubezy E., Ludes B. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers // Forensic Science International: Genetics. 2014. Vol. 12. P. 199–207.

- Kovalev, 1999 — Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Hemirxek // *Eurasia Antiqua*. 1999. Bd. 5. S. 135–178.
- Kovalev, 2022a — Kovalev A.A. Megalithic traditions in the Early Bronze Age of the Mongolian Altai: the Chemurchek (Qie'muerqieke) cultural phenomenon // *Megaliths of the World* / Ed. by L. Laporte et al. Oxford: Archaeopress, 2022. P. 767–789.
- Kovalev, 2022b — Kovalev A.A. The Chemurchek (Qie'muerqieke) Cultural Phenomenon As a Result of Western European Migration to Dzungaria and the Mongolian Altai (on Archaeological Data) // *Cultures in Contact: Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission* / Ed. by Ch. Baumer et al. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. S. 531–555 (Schriften zur vorderasiatischen Archäologie; Bd. 19)
- Kovalev, Erdenebaatar, 2010 — Kovalev A.A., Erdenebaatar D. Discovery of New Cultures of the Bronze Age in Mongolia according to the Data obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition // *Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on "Archaeological Research in Mongolia"* held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007 / Ed. by J. Bemmman et al. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität Bonn, 2009. P. 149–170.
- Ventresca Miller et al., 2022 — Ventresca Miller A.R., Wilkin Sh., Hendy J., Turbat Ts., Batsukh D., Bayarkhuu N., Giscard P.-H., Bemmman J., Bayarsaikhan J., Miller B.K., Clark J., Roberts P., Boivin N. The spread of herds and horses into the Altai: How livestock and dairying drove social complexity in Mongolia // *PLoS ONE*. 2022. No. 17 (5). Art. no. e0265775. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0265775>
- Wei Ming Jia, Betts, 2010 — Wei Ming Jia P., Betts A.A. Re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // *Journal of Indo-European Studies*. 2010. Vol. 38 (3–4). P. 275–317.

Jar vessels with stroke and stamp ornamentation among Early Bronze Age Mongolian Altai potteries (on the issue of Okunevo culture parallels)

Aleksey A. Kovalev²

One of the prominent features of the Chemurchek cultural phenomenon is an appearance of pottery and stone ellipsoidal or bag shaped vessels in the Mongolian Altai region since the second quarter of the 3rd millennium BC. These vessels without a distinct neck and rim sometimes were decorated with incised ornamentation in shape of triangular festoons and horizontal lines. Several pottery jar vessels decorated with stroke and stamp ornamentation are also known in the Chemurchek context. Ornamentation of four small jars discovered in Aletai County (Xinjiang) (sparse lens-shaped strokes) shows a connection with “Odinovo-Krokhalevka” ceramic traditions spread in Siberia and Eastern Kazakhstan. Applied dissected ridges and corner strokes on a vessel from the Yagshiin Khuduu 3 barrow (Bulgan sum, Khovd aimag) can be associated with the influence of the Steppe Altai ceramic traditions. Entire ornamentation of the body with rounded strokes or with groups of parallel rows of strokes, registered on two vessels from the highland part of the Mongolian Altai, can be a consequence of both Karakol (?) and Okunevo influences. Of particular interest is the vessel from the Hadat ovoo 1 barrow (Bulgan sum), close in form to the “Novoselovo” tradition of the early stage of the Okunevo culture, but ornamented with rows of a spatula imprints. All these vessels appeared in the Chemurchek context as a result of broad intercultural communication and cannot be used as an argument in resolving the issue of the origin of specific features of the Chemurchek cultural phenomenon. The Okunevo analogies can be explained by the influence of Western Siberian ceramic traditions on the culture of the ancestors of the Eastern Kazakhstan and the Middle Yenisei basin population even before the Chemurchek migration, which does not exclude direct contacts between the Chemurchek and Okunevo populations.

Keywords: *Mongolian Altai, Eastern Kazakhstan, Steppe Altai, Mountain Altai, Xinjiang, Western Mongolia, Early Bronze Age, Chemurchek cultural phenomenon, Okunevo culture, Odinovo culture, Elunino culture, Karakol culture, pottery, ornamentation*

² Aleksey A. Kovalev — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov st., Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

Исследования грота Сагархая в 2005–2006 годах

П.Б. Амзараков¹

В статье вводятся в научный оборот результаты археологических исследований 2005–2006 гг. в гроте Сагархая на территории Республики Хакасия. В пределах грота на площади 8 кв.м были изучены культурные напластования, содержавшие показательную серию материалов окуневской археологической культуры раннего периода эпохи бронзы. Для остеологических материалов были сделаны палеозоологические определения. Также была получена радиоуглеродная дата (по нагару на фрагменте керамического сосуда).

Ключевые слова: Минусинские котловины, Республика Хакасия, Усть-Абаканский район, ранний период эпохи бронзы, окуневская культура, грот Сагархая

Грот Сагархая расположен на территории Республики Хакасия, в 10 км к ССВ от с. Чарков Усть-Абаканского района. Грот расположен в центральной части одноименной горы. Горы Сагархая (911 м), Холбагаз (1056 м) и Отопчалой (1041 м) обрамляют небольшую, закрытую со всех сторон долину с местным топонимом — Чазыпохаях, и являются доминирующими вершинами этой территории. С вершины Сагархая открывается обзор на Салбыкскую («царскую») долину и Уйбатскую («Могильную») степь. Падь Чазыпохаях также изобилует могильниками, в составе которых имеются курганы различных хронологических периодов — от раннего этапа эпохи бронзы (окуневская культура) до эпохи раннего средневековья.

Ближайший изученный памятник окуневской культуры — могильник Уйбат-Батень (результаты его исследования опубликованы в настоящем сборнике) расположен в 5 км к югу на ручье Хазынчаста. На сегодняшний день исследовано два кургана из трех известных в его составе. По берегам этого ручья располагается еще несколько одиночных курганов этого времени. В 10–12 км к западу и юго-западу от грота, на берегах реки Уйбат, расположено самое крупное из известных скопление могильников окуневской культуры. На отрезке в 13 км между поселками Усть-Бюрь и Чарков исследовано уже

девять могильников, относящихся к окуневской культурной традиции, и известно еще не менее десяти неизученных курганов (Поляков, 2022. Рис. 47; Кызласов, 1962; 1986; Леонтьев, 1995; Лазаретов, 1997; Гультов и др., 2006; Наглер, Парцингер, 2006; Лазаретов, Поляков, 2018).

«Сагархая» переводится с хакасского как «скала с острыми каменными выступами». По устному сообщению В.Я. Бутанаева, с горой и, конкретно, с гротом Сагархая, связаны легенды местного населения о происхождении хакасов: в этом гроте волчица вскармливала последнего уцелевшего мальчика древнего рода, родоначальника хакасов, изрубленного врагами². По всей видимости, это вариант местной интерпретации известного для тюркских этносов сюжета, аналогичного легенде о происхождении тюрков рода Ашина (Мифы..., 1992). Также с гротом Сагархая были связаны обряды местного населения, обеспечивающие взаимосвязь с потусторонними силами: духом горы, *таг ээзи* и духами подземного мира (в частности, в грот уносили колыбели умерших детей).

Грот имеет не карстовое, а неотектоническое происхождение и расположен на высотной отметке в 706 м БСВ (рис. 1). Высота расположения грота от подножия скальных выходов горы равна примерно

¹ Петр Борисович Амзараков — НПО «Археология и историко-культурная экспертиза», ул. Торосова, д. 9А, пом. 118Н, Абакан, 655016, Республика Хакасия, Российская Федерация; e-mail: petr_amzarakov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4094-9459.

² Приношу глубокую благодарность д.и.н., профессору В.Я. Бутанаеву за многочисленные консультации, а также возможность сослаться на неопубликованные материалы из его полевых записей.

Рис. 1. Вид на грот Сагархая со стороны подъема.
Фото автора

Fig. 1. A view on Sagarkhaya grotto from the acclivity.
Photo by the author

20 м, вход ориентирован на запад. Подъем к гроту проходит по небольшому логу, скальные выходы дна которого имеют форму ступенек, что позволяет достаточно легко подняться по ним. Непосредственно возле входа в грот находятся два чашеобразных углубления в горизонтальном скальном теле скалы, в результате чего по утрам и/или после дождя в них скапливается по 30–50 литров воды. В дальнем конце грота имеются два «световых окна» (сквозных отверстия) в потолке. Аналогичные световые окна есть в гроте Двуглазка, где были исследованы слои мустьерского времени (Абрамова, 1981). Внутренняя площадь грота, примерно 60–70 кв.м, завалена глыбами скальной породы, упавшими с потолка и с дальней восточной стенки. Учитывая то, что глыбы не «вросли» в землю, можно считать, что обрушение произошло относительно недавно (**рис. 2**).

В 2005–2006 годах работы по выявлению и изучению археологического контекста грота проводились отрядом ХО ВООПИК под руководством автора. Разведочные мероприятия, проведенные в 2005 г. (закладка двух шурфов площадью 1×1 м), выявили в гроте следы обитания людей в ранний период эпохи бронзы (окуневская культура) и эпохи хунну (таштыкская культура) (Амзараков, 2006).

Грот Сагархая стал не первым памятником такого типа, содержащим материалы окуневской культуры. В 1998 году А.И. Готлибом были проведены исследования грота Све-Таг, в котором кроме окуневских и тагарских материалов были обнаружены еще более

Рис. 2. Вид от капельной линии грота. Фото автора
Fig. 2. A view from the grotto's drip line.
Photo by the author

древние — афанасьевские (Готлиб, 2012). Этот памятник имеет огромное значение, так как на его площади все эти три культурных горизонта находились друг над другом и были разделены стерильными прослойками из мелкой каменной крошки. В дальнейшем подобные объекты не исследовались, хотя данный тип памятников играет важную роль в процессе изучения особенностей хозяйственного уклада окуневского населения.

В 2006 г. в нижней части грота Сагархая на месте шурфа № 1 2005 г., выявившего наличие окуневского слоя, были проведены раскопки.

Раскоп был разбит в 1 м от капельной линии грота, у южной скальной стенки, в относительно свободном от упавших глыб пространстве. Он имел прямоугольную форму и размеры 2×4 м (**рис. 3**). Его южным бортом стала скальная стенка грота. Раскоп был заложен на глубину 0,4–0,7 м от современной поверхности и доведен до сплошного слоя обломков скальной породы, образующих плотный конгломерат, нарушение целостности которого было невозможно без существенного расширения площади работ. Дальнейшие исследования были приостановлены ввиду опасности обрушения (скатывания) больших глыб скальной породы, лежащих к востоку и частично попадающих в сам раскоп. Помимо этого, приходилось учитывать сильный уклон внутренней поверхности грота, при котором дальнейшее углубление в нижней его части могло спровоцировать глобальный оползень в пределах всего грота. Было принято решение законсервировать раскоп на этом уровне.

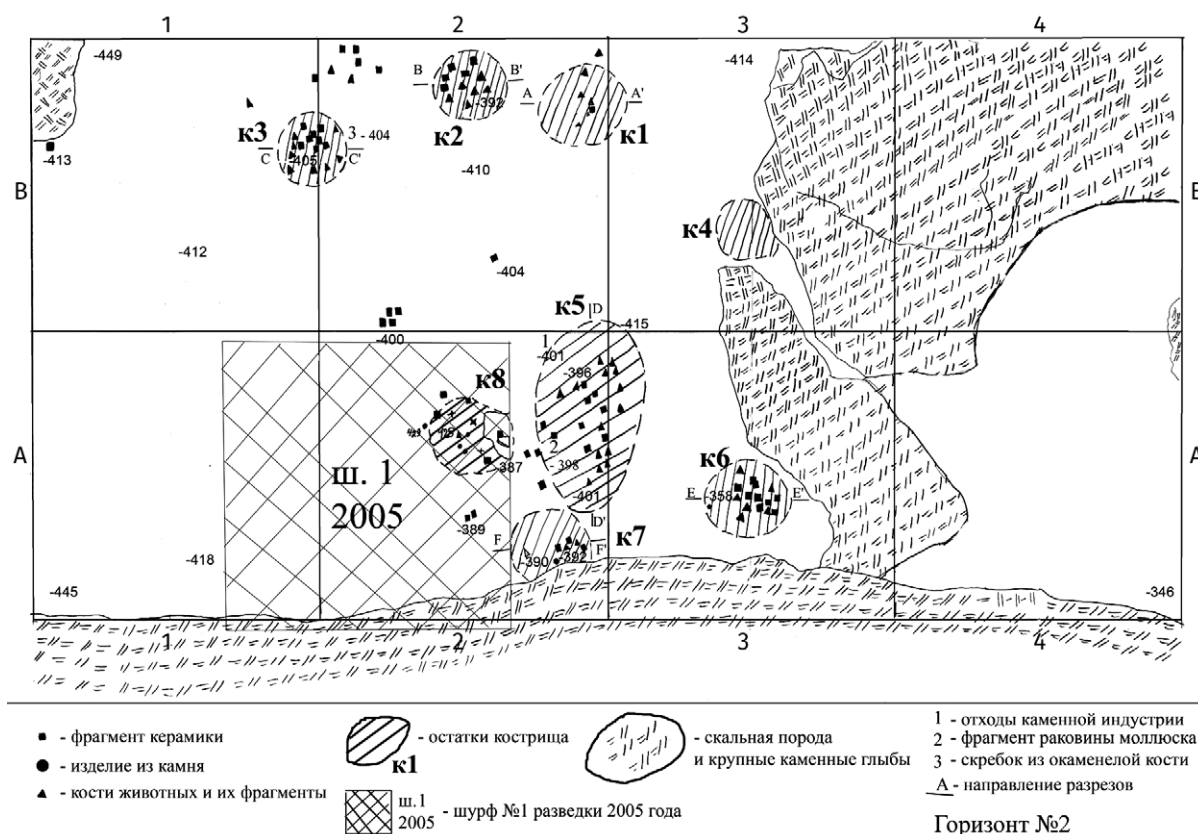

Рис. 3. Грот Сагархая. План раскопа № 1 2006 г.

Fig. 3. Sagarkhaya grotto. A plan of the excavation no. 1 (2006)

В пределах раскопа была разбита квадратная сетка (размеры квадратов — 1×1 м). Все находки фиксировались поквратно, с указанием горизонта. На общий план раскопа были нанесены скопления находок, а также кострища, даны их нивелировочные отметки.

Стратиграфическая ситуация, зафиксированная в пределах раскопа:

1. Слой помета птиц и летучих мышей. Мощность от 2 до 6 см;
2. Современная дневная поверхность. Серая пылевидная супесь. Мощность 3–10 см;
3. Слой перекаленной земли. Мощность 1–5 см;
4. Слой легкого суглинка коричневого цвета с примесью мелкообломочного материала. Нижняя часть слоя изобилует остеологическими находками и фрагментами керамики. Мощность 10–40 см;
5. Коренной слой заполнения пещеры из дресвы красноватого цвета и деградировавших обломков скальной породы. Включает в себя конгломерат обломочных горных пород.

Основная часть находок происходила из подошвы слоя 4. На этом же горизонте было зафиксировано восемь кострищ с фрагментами горелого дерева и кос-

тей. Они выглядели как округлые прослойки прокаленной земли с углями диаметром 0,5–0,6 м и мощностью около 5 см. Только одно кострище имело более крупный размер и овальную форму — 1,2×0,7 м. Максимальная концентрация археологических материалов зафиксирована как в самих кострищах, так и вокруг них. Это позволяет уверенно интерпретировать их как комплексы окуневской культуры.

Самыми массовыми находками стал сильно фрагментированный остеологический материал, а также более крупные костные останки (кости черепа, чаще всего челюсти и зубы животных). Характер повреждения остеологического материала демонстрирует намеренное его расщепление в процессе приготовления пищи и изготовления костяных предметов (костяных скребков, шильев, проколов, а также наконечников стрел). В меньшем количестве зафиксированы отходы каменной индустрии.

Самыми значимыми в плане археологической идентификации материалами стали фрагменты керамических сосудов, найденные в этом же горизонте. Всего было обнаружено 87 фрагментов (не менее чем от шести сосудов) (рис. 4, 5). Пять из них типологически,

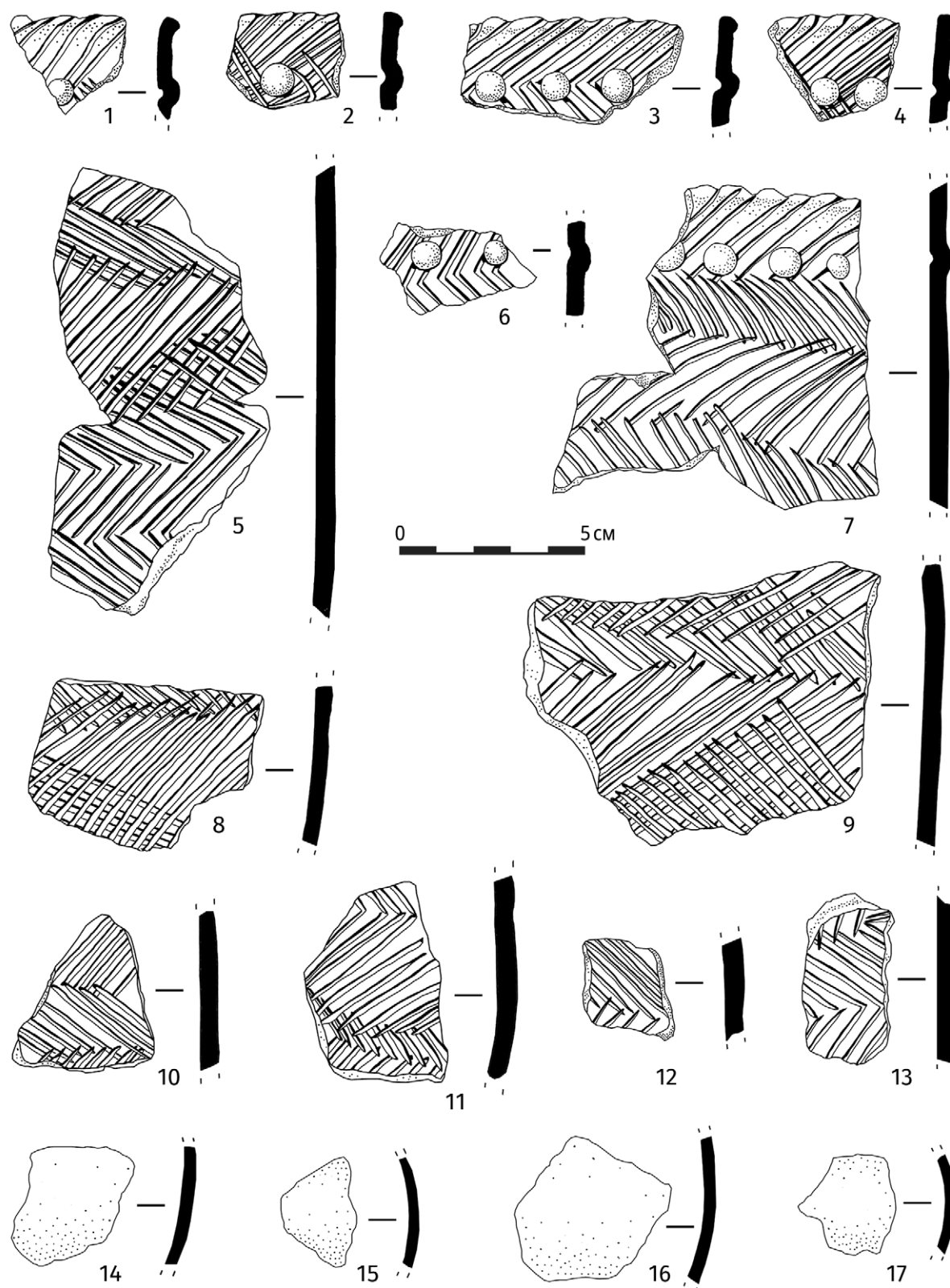

Рис. 4. Фрагменты сосудов: 1–13 — сосуд № 1; 14–17 — сосуд № 2. Все — керамика

Fig. 4. Vessels' fragments: 1–13 — vessel no. 1; 14–17 — vessel no. 2. All — ceramics

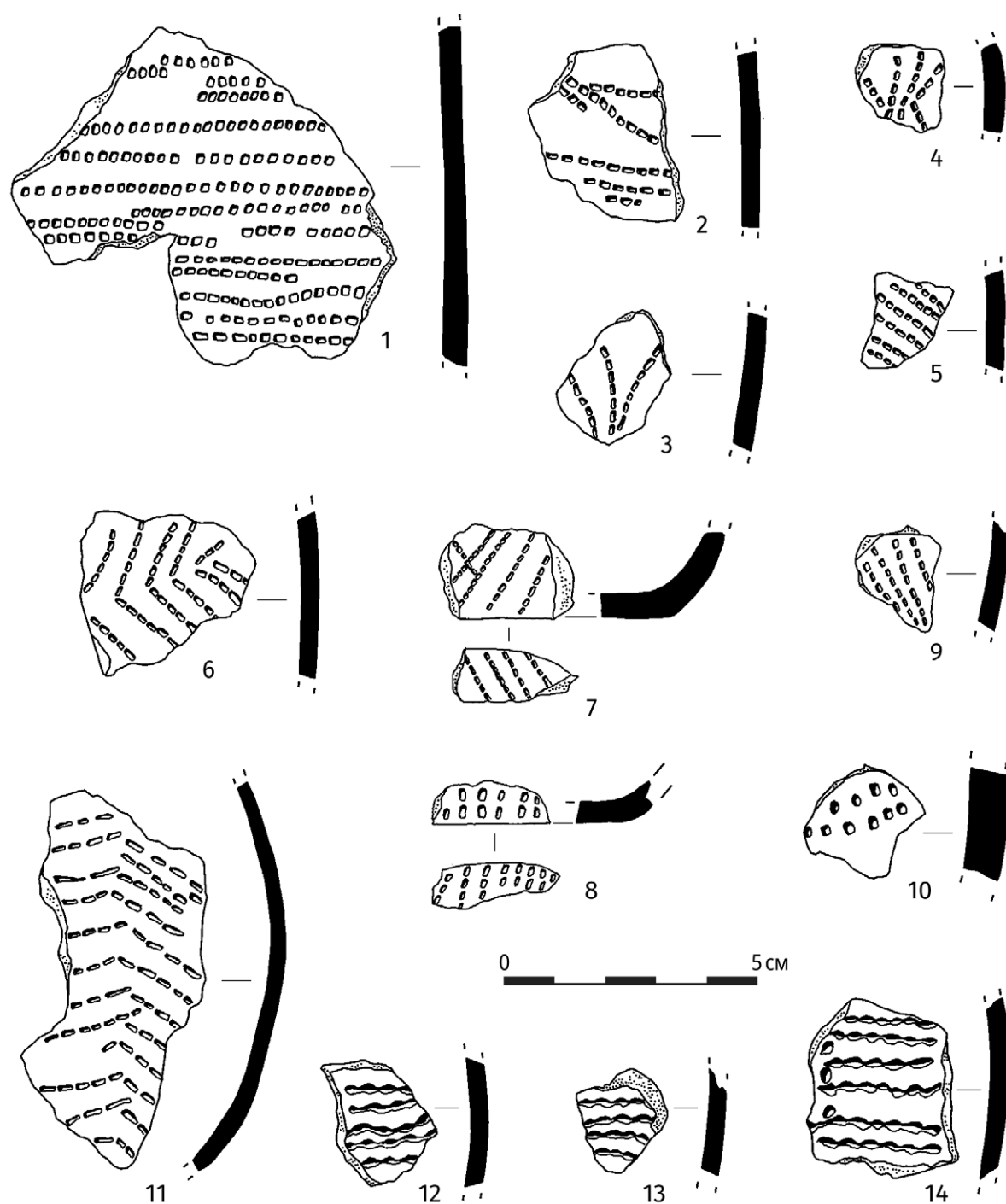

Рис. 5. Фрагменты сосудов: 1–9 — сосуд № 3; 10 — сосуд № 5; 11 — сосуд № 4; 12–14 — сосуд № 6. Все — керамика
Fig. 5. Vessels' fragments: 1–9 — vessel no. 3; 10 — vessel no. 5; 11 — vessel no. 4; 12–14 — vessel no. 6. All — ceramics

на основе морфологических и орнаментальных признаков, могут быть уверенно датированы окуневским временем (за исключением лощеного сосуда № 2, вероятно относящегося к тагарской культуре). Тесто сосудов высокого качества, тонко отмученное, одной сырьевой базы. Сосуды изготовлены в технике ручной лепки, ленточным способом.

Керамический сосуд № 1. Фрагменты плоскодонного сосуда баночной формы, орнаментированного наклонными оттисками гладкого штампа, образующими вертикальный зигзаг. Под венчиком расположены выдавленные изнутри концом палочки «жемчужины», а по верхнему краю ногтевые оттиски (рис. 4, 1–13).

Керамический сосуд № 2. Фрагменты сосуда, предположительно баночной формы. Лощеный, без орнамента (рис. 4, 14–17).

Керамический сосуд № 3. Фрагменты сосуда, предположительно баночной формы. Орнамент нанесен оттисками зубчатого штампа, в некоторых случаях в горизонтальной плоскости, а иногда образующими вертикальный зигзаг (рис. 5, 1–9).

Керамический сосуд № 4. Фрагменты сосуда, предположительно баночной формы. Орнамент нанесен оттисками зубчатого штампа, пересекающимися под тупым углом и образующими узор в виде горизонтального зигзага (рис. 5, 11).

Керамический сосуд № 5. Фрагмент толстостенного сосуда. Орнамент выполнен наколами концом палочки (рис. 5, 10).

Керамический сосуд № 6. Фрагменты сосуда. Орнамент в виде горизонтальных рядов оттисков зубчатого штампа (рис. 5, 12–14).

Из индивидуальных находок стоит отметить следующие:

1. Фрагмент изделия из бересты. Состоит из двух совмещенных слоев бересты с четырьмя отверстиями в одну линию (залегал в покровной части слоя 4, скорее всего, относится к этнографическим материалам) (рис. 6, 1);

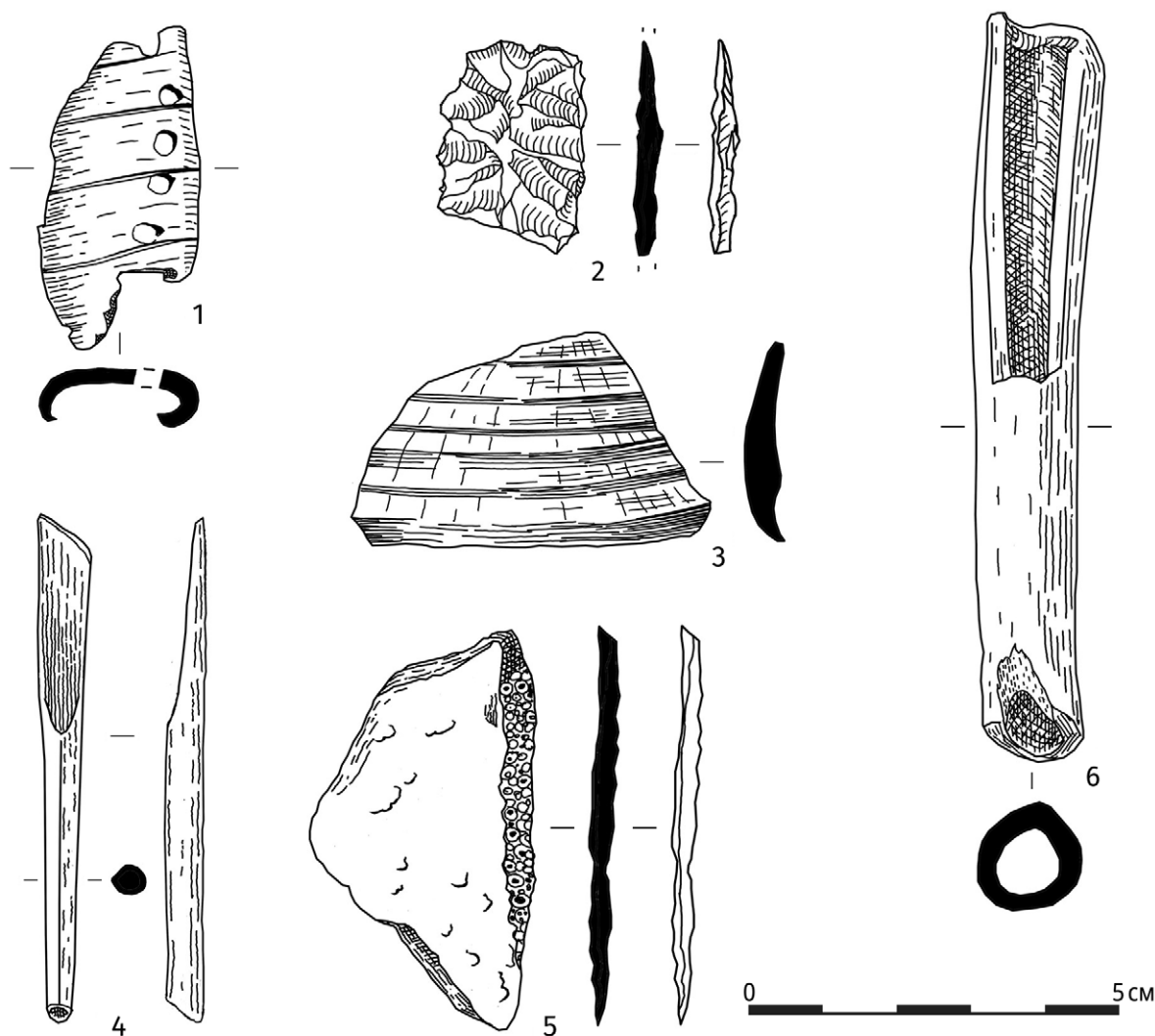

Рис. 6. Археологические находки: 1 — фрагмент изделия; 2 — наконечник стрелы; 3 — стерженок; 4 — фрагмент морской раковины; 5 — скребок; 6 — игольник. 1 — береста; 2 — кремнь; 3, 5, 6 — кость; 4 — раковина моллюска

Fig. 6. Archaeological finds: 1 — artifact's fragment; 2 — arrowhead; 3 — rod; 4 — a fragment of a seashell; 5 — endscraper; 6 — needle case. 1 — birch bark; 2 — silex; 3, 5, 6 — bone; 4 — mollusk's shell

2. Обломок каменного наконечника стрелы (рис. 6, 2);

3. Костяной стерженек цилиндрической формы, подтесанный с двух сторон у одного из окончаний (рис. 6, 3);

4. Фрагмент раковины морского двусторчатого моллюска (рис. 6, 4);

5. Скребок из фрагмента окаменелой трубчатой кости. Режущая кромка подработана ретушью (рис. 6, 5);

6. Игольник из трубчатой кости животного с заощенной поверхностью (рис. 6, 6).

К сожалению, только костяной игольник и обломок наконечника стрелы можно уверенно связать с окуневской культурой. Учитывая наличие в гроте материалов скифского времени, остальные предметы не могут быть уверенно соотнесены с ранним периодом бронзового века.

Общее количество фрагментов костей животных, обнаруженных в раскопе № 1, — свыше 300. Большинство из них представляет собой мелкие костяные осколки, не поддающиеся определению. Исследование видового состава животных проводилось в Зоологическом музее Хакасского государственного университета канд. биол. наук А.А. Асочаковым (определение количества особей не осуществлялось). В результате были получены интересные данные:

Овца — 46 %;

Кабан — 32 % (более половины — фрагменты черепов и зубы);

Корова — 14 %;

Птица — 5 %;

Косуля, марал и лиса — около 1 %.

Таким образом, по остеологическому материалу грот Сагархая ближе к степным стоянкам окуневской культуры, где также преобладают кости одомашненных животных, в первую очередь овцы и коровы (Поляков, 2022. С. 117). В материалах горных крепостей-све они составляют не более 14 %, там преобладают кости косули и, в меньшей степени, марала и кабана. Особой спецификой грота Сагархая является очень высокий процент костей кабана.

В 2008 г. А. Гассом была получена радиоуглеродная дата по образцу нагара с одного из фрагментов керамики (сосуд № 1) грота Сагархая (Gass, 2011. Abb. 51, Tab. C). Исследование проводилось в лаборатории радиоуглеродного и изотопного анализа им. Г.В. Лейбница при университете им. Христиана Альбрехта в Киле методом ускорительной масс-спектрометрии (индекс KIA-35274). Полученный результат

(3575±30) после калибровки в программе OxCal указывает на хронологический отрезок 2026–1779 calBC (рис. 7), что соответствует финальной части окуневской культуры (Поляков, 2017). Однако эта единичная дата не позволяет считать, что грот не использовался окуневским населением в более ранний период.

Помимо материалов окуневской культуры, важной находкой из нижнего уровня исследованных слоев грота Сагархая следует считать скребок, сделанный из окаменевшей кости животного, что, возможно, свидетельствует об использовании грота человеком еще в эпоху плейстоцена.

В целом результаты проведенного исследования позволяют считать грот Сагархая перспективным памятником для дальнейшего изучения.

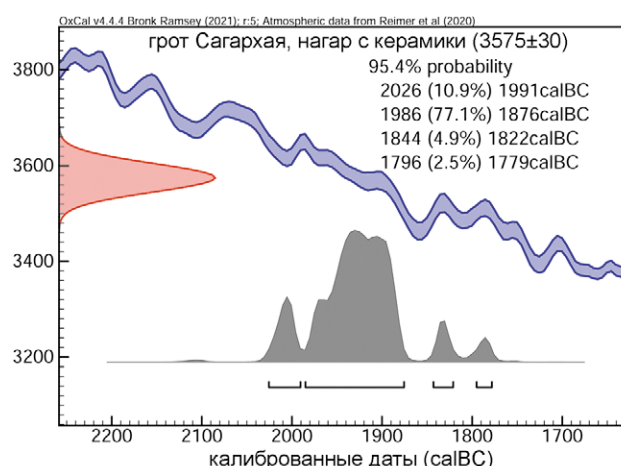

Рис. 7. Результаты радиоуглеродного датирования нагара на керамическом сосуде

Fig. 7. Results of carbon dating of the burnt deposition the ceramic vessel

Литература

- Абрамова, 1981 — Абрамова З.А. Мустьерский грот Двуглазка в Хакасии (предварительное сообщение) // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 74–78.
- Амзараков, 2006 — Амзараков П.Б. Грот Сагархая — новый тип памятников окуневской культуры // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы 46-й Регион. (2-й Всерос.) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. Красноярск, 28–30 марта 2006 г. / отв. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-та, 2006. Т. 1. С. 81–82.

- Готлиб, 2012 — Готлиб А.И. Грот Све-Таг — археологический комплекс афанасьевской эпохи на севере Хакасии // Афанасьевский сборник-2 / отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. С. 103–112.
- Гультов и др., 2006 — Гультов С.Б., Подольский М.Л., Цыганков И.Н. Окуневский курган «94-й километр» // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение / ред. колл. Д.Г. Савинов и др. СПб.: Электрис Принт, 2006. С. 120–124.
- Кызласов, 1962 — Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на речках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.
- Кызласов, 1986 — Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 296 с.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост. М.Л. Подольский, Д.Г. Савинов. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. №3 (23). С. 41–69.
- Леонтьев, 1995 — Леонтьев Н.В. Два окуневских кургана долины реки Уйбат / Проблемы изучения окуневской культуры. Тез. докл. конф. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: [ИИМК РАН], 1995. С. 26–28.
- Мифы..., 1992 — Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с.
- Наглер, Парцингер, 2006 — Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение / ред. колл. Д.Г. Савинов и др. СПб.: Электрис Принт, 2006. С. 104–119.
- Поляков, 2017 — Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Gass, 2011 — Gass A. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2011. 177 S.

The investigation of Sagarkhaya grotto in 2005–2006

Petr B. Amzarakov³

The article presents the results of 2005–2006 archaeological research in Sagarkhaya grotto (the Republic of Khakassia). Within the grotto, on the area of 8 sq.m were studied cultural layers, which contained a representative series of Okunevo archaeological culture materials (the Early Bronze Age). Palaeozoological determinations were made for the osteological materials. A radiocarbon date (based on carbon deposits on a ceramic vessel's fragment) was also obtained.

Keywords: Minusinsk basin, Republic of Khakassia, Ust-Abakansky district, Early Bronze Age, Okunevo culture, Sagarkhaya grotto

³ Petr B. Amzarakov — Scientific and Production Association “Archaeology and Historical-Cultural Expertise”, 9A Torosov st., 118H room, Abakan, 655016, Republic of Khakassia, Russian Federation; e-mail: petr_amzarakov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4094-9459.

Новые памятники окуневской культуры в верхнем течении реки Аскиз¹

А.В. Поляков, И.П. Лазаретов, П.Б. Амзараков,
А.В. Громов, Н.И. Лазаретова²

В статье представлены результаты исследований двух курганов окуневской культуры, расположенных в верхнем течении реки Аскиз (Аскизский район Республики Хакасия). Изученные погребения датируются ранним уйбатским этапом (XXVI–XXIII вв. до н.э.). Особое значение имеет могила 1 кургана Казановка-8, где были зафиксированы многочисленные подзахоронения, являющиеся важной частью погребального обряда окуневской культуры

Ключевые слова: Республика Хакасия, Минусинские котловины, окуневская культура, эпоха бронзы, курганы, антропология

В 2020 г. на территории Аскизского района Республики Хакасия возле д. Казановка проводились масштабные археологические исследования, связанные с проектируемым строительством вторых путей железнодорожной линии на перегоне Югачи — Казановская. Были выявлены и исследованы десятки различных археологических объектов, датированных от афанасьевской культуры и до Средневековья. Часть памятников уже введена в научный оборот (см.: Богданов и др., 2020; Выборнов и др., 2021; Поляков и др., 2022). В том числе были исследованы новые объекты окуневской культуры: одиночный курган

Казановка-8 и частично разрушенный курган 1 могильника Казановка-12 (рис. 1).

Первые исследования погребений окуневской культуры в долине р. Аскиз были проведены А.Н. Липским в 1950 г. в нижнем ее течении (Липский, 1952). Под курганом тагарской культуры им были найдены остатки более древнего сооружения: части ограды и каменный ящик с малопотребованным погребением. А.Н. Липский датировал их афанасьевским временем, но на современном уровне знаний нет сомнений в отнесении этой могилы к окуневской культуре. В 1958 г. при исследовании под горой Хара-Хая трех афанасьевских курганов (могильник Верхний Аскиз) А.Н. Липский в одном из сооружений (курган 2) обнаружил впускное окуневское погребение (Материалы по энеолиту..., 2012. С. 217–220, рис. 5, 8–11). Значительно более масштабные исследования проводились в 1991 г. А.А. Ковалевым и С.В. Хавриным. На территории поселка Верхний Аскиз были изучены два кургана, давшие чрезвычайно обширный и интересный материал (Ковалев, 1997; Хаврин, 1997).

Новые обнаруженные и исследованные могильники Казановка-8 и Казановка-12 на сегодняшний день расположены выше всех ранее известных окуневских объектов по течению р. Аскиз. Они были сооружены всего в 1 км друг от друга, поэтому географическое описание их местоположения может быть объединено. Курганы располагаются на самом верхнем остепненном краю долины р. Аскиз. Буквально в нескольких километрах к СЗ от них, в районе станции Югачи, степи полностью исчезают и начинается подтаежная зона. В месте расположения курганов

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье (FMZF-2025-0008) и темы НИР «Центры этно- и культурогенеза и контактные зоны в Евразии и Америке в конце плейстоцена и голоцене (по данным физической антропологии, археологии и этнологии)».

² Андрей Владимирович Поляков, Игорь Павлович Лазаретов, Наталья Ивановна Лазаретова — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: poliakov@yandex.ru, lazaretov@yandex.ru, natasha-lazaretova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469, 0000-0002-9054-6220, 0000-0002-4055-9656; Петр Борисович Амзараков — НПО «Археология и историко-культурная экспертиза», ул. Торосова, д. 9А, пом. 118Н, Абакан, 655016, Республика Хакасия, Российская Федерация; e-mail: petr_amzarakov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4094-9459; Андрей Викторович Громов — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Университетская наб., д. 3, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3263-3801.

Рис. 1. Карта исследованных памятников окуневской культуры в долине р. Аскиз (1 — Аскиз, раскопки А.Н. Липского, 1950 г.; 2 — Верхний Аскиз, раскопки А.Н. Липского, 1950 г.; 3 — Верхний Аскиз I, раскопки А.А. Ковалева и С.В. Хаврина, 1991 г.; 4 — Казановка-8, раскопки И.П. Лазаретова, 2020 г.; 5 — Казановка-12, раскопки И.П. Лазаретова, 2020 г.)

Fig. 1. A map of investigated Okunevo culture sites in the Askiz River valley (1 — Askiz, excavations by Albert N. Lipsky, 1950; 2 — Verkhny Askiz, excavations by Albert N. Lipsky, 1950; 3 — Verkhny Askiz I, excavations by Alesey A. Kovalev and Serghei V. Khavrin, 1991; 4 — Kazanovka-8, excavations by Igor P. Lazaretov, 2020; 5 — Kazanovka-12, excavations by Igor P. Lazaretov, 2020)

ширина степной долины составляет около 3 км. Оба объекта находятся на правом берегу р. Аскиз, на значительном расстоянии от современного русла (около 250–300 м). Курган Казановка-8 был построен на уровне первой речной террасы, а Казановка-12 — на уровне второй. Интересно отметить, что между ними на таком же расстоянии от реки располагается могильник афанасьевской культуры, состоящий из двух частей — Казановка-9 и Казановка-13 (Выборнов и др., 2021; Поляков и др., 2022).

Оба кургана очень сильно пострадали в результате строительства железной дороги в 1960-х гг.: отсутствует большинство каменных конструкций, практически уничтожены насыпи и могилы, находящиеся выше уровня древнего горизонта. Сохранилась только незначительная часть захоронений, которые также пострадали в результате антропогенного воздействия³.

³ По сообщению местных жителей, когда при строительстве железной дороги трактором прокладывали параллельную ей грунтовую дорогу, частично проходящую по площади кургана Казановка-8, из его насыпи были извлечены человеческие кости и несколько черепов.

Одиночный курган Казановка-8

Одиночный курган Казановка-8 располагался в Аскизском районе Республики Хакасия, на правобережье р. Аскиз, на западной окраине д. Казановка, в 0,86 км к СЗ от школы, в 0,39 км к СЗ от платформы о.п. Историческая, у пересечения грунтовой дороги с железнодорожной линией. Он находился на пологом склоне сопки высотой 516 м, ближе к ее подошве с СВ стороны.

До начала работ курган представлял собой слабо выраженную в рельефе земляную насыпь, сильно потревоженную действующей грунтовой дорогой и инфраструктурой железнодорожной линии. С учетом повреждений ее диаметр на начало раскопок составлял 12 м, а высота не более 0,4 м. Северо-восточный и северный края насыпи подрезаны грунтовой дорогой, в результате чего обнажились каменные конструкции из вертикальных плит красного девонского песчаника. На площади насыпи наблюдаются остатки и других каменных конструкций, хотя общая система в их размещении не прослеживается.

Степень повреждений была такова, что установить место расположения центра кургана и его конструктивных элементов было невозможно. В результате были заложены три бровки, согласно стратиграфии которых выявлено, что насыпь кургана уничтожена полностью. Каменные конструкции сохранились только местами. Ограда прослежена по трем сторонам кургана, кроме северной, где она была полностью уничтожена грунтовой дорогой. Удалось зафиксировать только отдельные вертикальные плитки расклинки, которые позволяют установить, что ограда подквадратной формы сооружалась из вертикальных плит песчаника. На северо-западной стенке плиты ограды образуют два параллельных ряда, установленных с разрывом в 0,7–0,8 м. Возможно, это следы ее расширения и преобразования в курган-«матрешку», состоящий из нескольких оград, вписанных друг в друга. Такие конструкции уже неоднократно были отмечены в целом ряде окуневских могильников (Лазаретов, 2019. С. 18). В таком случае первоначальная ограда с центральной могилой 1 могла иметь размеры 8,5×8,5 м, а после расширения при строительстве могилы 2 — 10×10 м (рис. 2).

Судя по сохранившимся развалам камней, вся площадь кургана была в один слой вымощена мелкими плитками песчаника, а его насыпь сложена из материкового грунта. При разборке насыпи обна-

ружен обломок плиты песчаника с изображением в виде концентрических кругов (рис. 3).

Внутри кургана сохранились две расположенные параллельно могилы. Никаких других сооружений обнаружить не удалось.

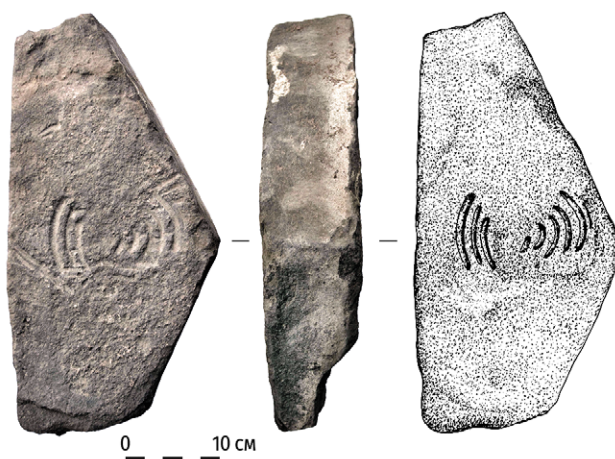

Рис. 3. Одиночный курган Казановка-8. Камень с фрагментом изображения из заполнения насыпи (по И.П. Лазаретову)

Fig. 3. Single barrow Kazanovka-8. A stone from the mound's infilling with the fragment of some image (after Igor P. Lazaretov)

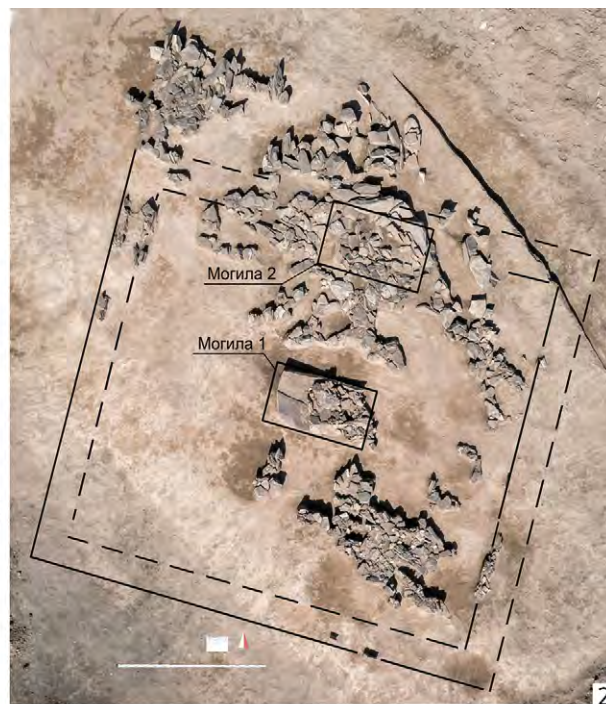
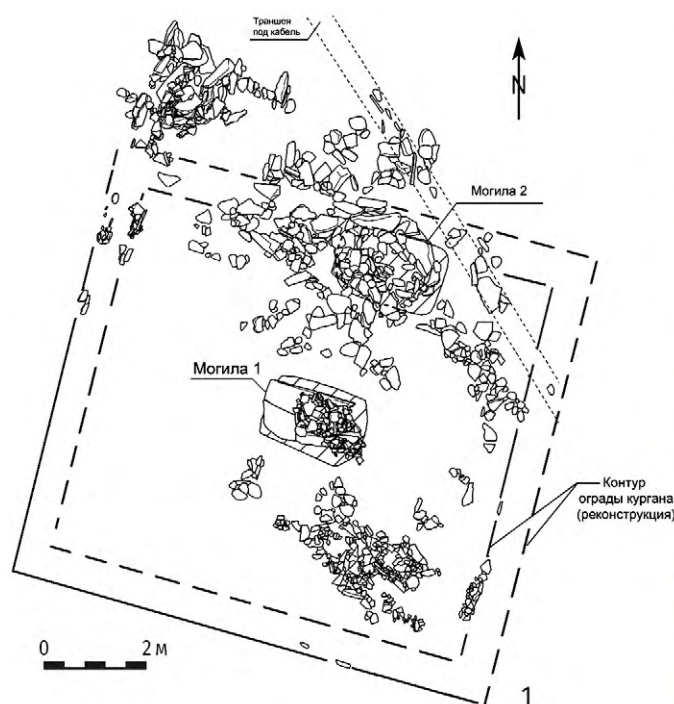

Рис. 2. Одиночный курган Казановка-8, остатки ограды: 1 — план; 2 — фотография (по И.П. Лазаретову)

Fig. 2. Single barrow Kazanovka-8, enclosure's remnants: 1 — plan; 2 — photo (after Igor P. Lazaretov)

Могила 1. Находилась в южной части кургана и содержала как минимум пять уровней последовательных захоронений. Перекрытие могилы сделано из нескольких толстых плит песчаника, располагавшихся на уровне древней дневной поверхности. Впоследствии они были пробиты, а в проломе устроено захо-

ронение двух детей в возрасте около 6 и 6–7 лет (скелеты 10, 11). Дети уложены параллельно друг другу, на левом боку головой в ЮЗ направлении. Ниже, в самом заполнении могилы встречены разрозненные кости еще трех детей 2–3, 3–5 и 6–7 лет (скелеты 7–9) (**рис. 4**). Достоверно установить культурную

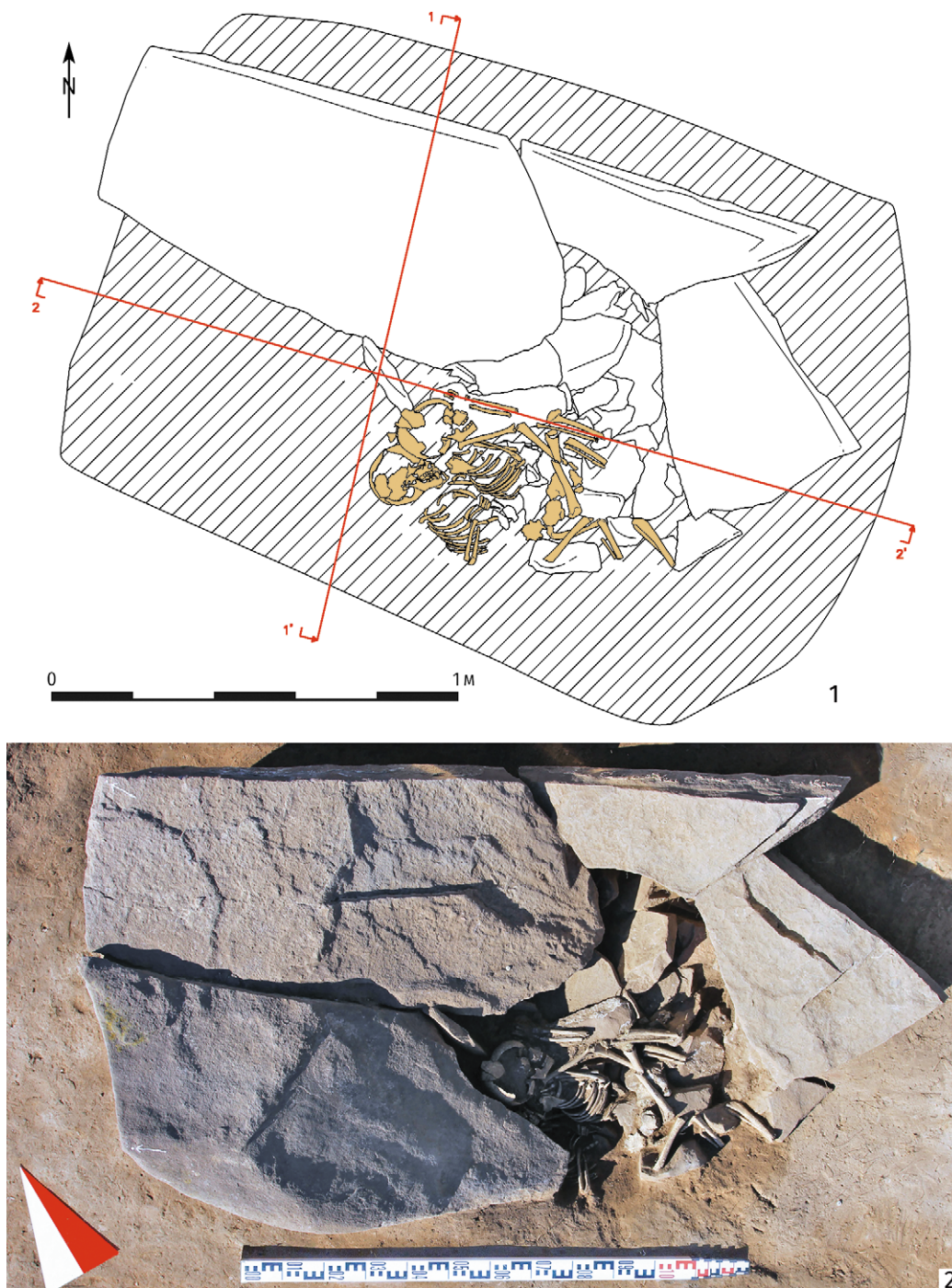

Рис. 4. Одиночный курган Казановка-8, могила 1, детские захоронения на уровне перекрытия: 1 — план; 2 — фотография (по И.П. Лазаретову)

Fig. 4. Single barrow Kazanovka-8, grave 1, children's burials on the level of overlap: 1 — plan; 2 — photo (after Igor P. Lazaretov)

принадлежность детских захоронений без радиоуглеродного и генетического анализов невозможно, однако их ориентировка и поза самих погребенных не противоречат окуневской датировке всего комплекса захоронений могилы 1.

Могила представляла собой грунтовую яму прямоугольной формы с округленными углами, ориентированную длинными сторонами по линии ЗСЗ–ВЮВ. Ее размеры — 1,7×1,2 м, глубина — 1,6 м от уровня «материка». В ходе разборки верхней части заполнения могилы обнаружены небольшой каменный пест и мраморная подвеска с отверстием в верхней части (рис. 5).

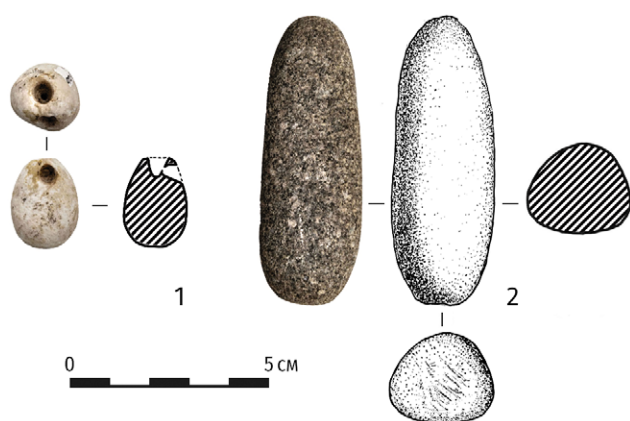

Рис. 5. Одиночный курган Казановка-8, могила 1. Артефакты из камня, обнаруженные в верхней части заполнения (по И.П. Лазаретову)

Fig. 5. Single barrow Kazanovka-8, grave 1. Stone artifacts, found in the upper part of the infilling (after Igor P. Lazaretov)

На нижнем уровне, непосредственно на дне могилы, была захоронена молодая женщина (скелет 1), уложенная головой на запад на правом боку (рис. 6; 7). Ее левая рука согнута в локтевом суставе и лежала кистью перед лицом, правая слабо согнута и почти полностью находилась под телом. Ноги погребенной также согнуты в коленях. Скелет частично потревожен при последующих подзахоронениях. Правая бедренная кость немного смещена, левая отсутствует (была обнаружена выше уровнем). Возле локтя правой руки зафиксировано два скопления зубов сурка (рис. 8). После частичного снятия скелета и подчистки под нижней частью грудной клетки были обнаружены игольник с костяной иглой внутри, кольцо с насечками по краю и подвеска из зуба марала с просверленным отверстием (рис. 9). По-

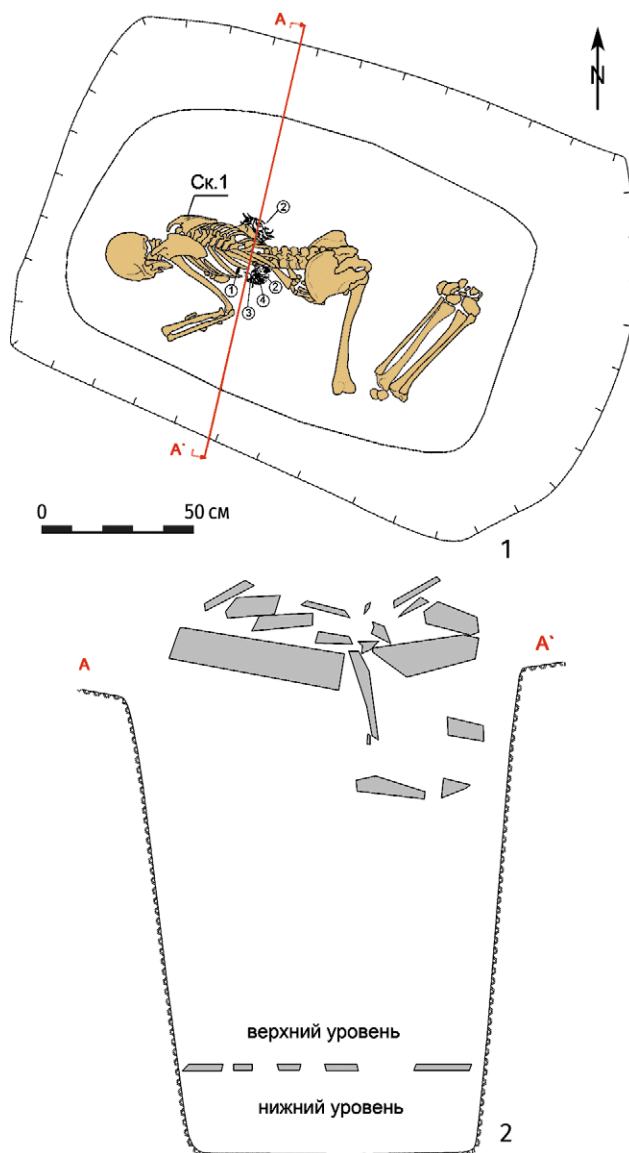

Рис. 6. Одиночный курган Казановка-8, могила 1: 1 — план на уровне дна могилы; 2 — профиль (по И.П. Лазаретову)

Fig. 6. Single barrow Kazanovka-8, grave 1: 1 — plan on the level of the grave's bottom; 2 — profile (after Igor P. Lazaretov)

димому, это остатки украшенной зубами сурка сумочки и ее содержимое⁴.

Выше уровня дна примерно на 0,3 м обнаружено скопление костей, принадлежавших пожилому мужчине (скелет 2). Оно располагалось поверх плиток

⁴ По всем морфологическим признакам скелет 1 определяется антропологами как мужчина. Однако сама поза погребенного и сопровождающий его инвентарь характерны для женского захоронения. Окончательную ясность в этот вопрос внесли результаты генетического анализа, подтвердившие, что данный индивид является именно женщиной.

Рис. 7. Одиночный курган Казановка-8, могила 1. Захоронение на дне могилы, фотография. Вид с востока (по И.П. Лазаретову)

Fig. 7. Single barrow Kazanovka-8, grave 1. A burial on the grave's bottom (photo). View from the east (after Igor P. Lazaretov)

песчаника, уложенных в один слой на земляной подсыпке, и были сдвинуты к разным бортам могилы без какой-либо системы и сочленения (рис. 10). Скелет 2 оказался практически полным, за исключением правой бедренной кости⁵. Вероятно, ему принадлежит мраморный шар с отверстием (рис. 11, 3) и подъязычная кость мелкого парнокопытного животного (рис. 11, 1).

⁵ На этом же уровне залегали еще несколько разрозненных человеческих костей, ошибочно определенных как скелет 6. Последующий антропологический и генетический анализ показал, что все они принадлежат другим индивидам, захороненным в данной могиле. При публикации материалов мы не стали менять полевую нумерацию скелетов, поскольку она закреплена в результатах генетического и радиоуглеродного анализов.

Рис. 8. Одиночный курган Казановка-8, могила 1. Захоронение на дне могилы, фотография. Деталь, после снятия части скелета. Вид с востока (по И.П. Лазаретову)

Fig. 8. Single barrow Kazanovka-8, grave 1. A burial on the grave's bottom (photo). Detail, after removal of a part of skeleton. View from the east (after Igor P. Lazaretov)

В дальнейшем, поверх перемещенного скелета 2 были уложены еще три человека (скелеты 3–5). Их кости находились в сочленении и сохранили анатомический порядок (рис. 10). Погребенные 3–5, вероятно, были уложены в могилу практически одновременно, но в определенной последовательности, что устанавливается по взаимному перекрытию костей: первоначально скелет 3, затем 4 и, наконец, 5.

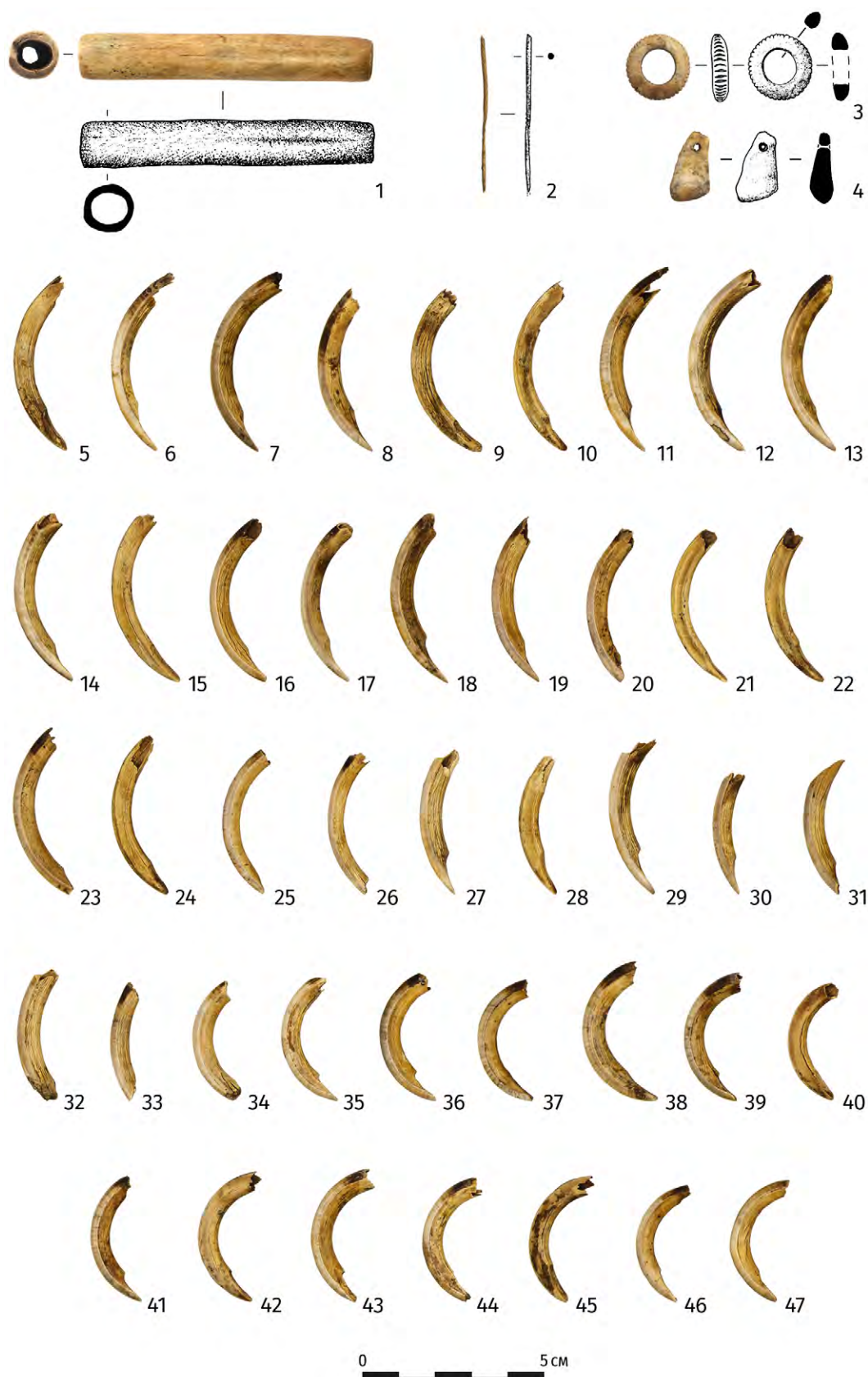

Рис. 9. Одиночный курган Казановка-8, могила 1, артефакты со дна могилы, сопровождавших скелет 1: 1–4 — артефакты из костей и зубов; 5–47 — резцы сурка (по И.П. Лазаретову)

Fig. 9. Single barrow Kazanovka-8, grave 1, artifacts from the grave's bottom accompanying the skeleton 1: 1–4 — artifacts from bones and teeth; 5–47 — marmot's incisors (after Igor P. Lazaretov)

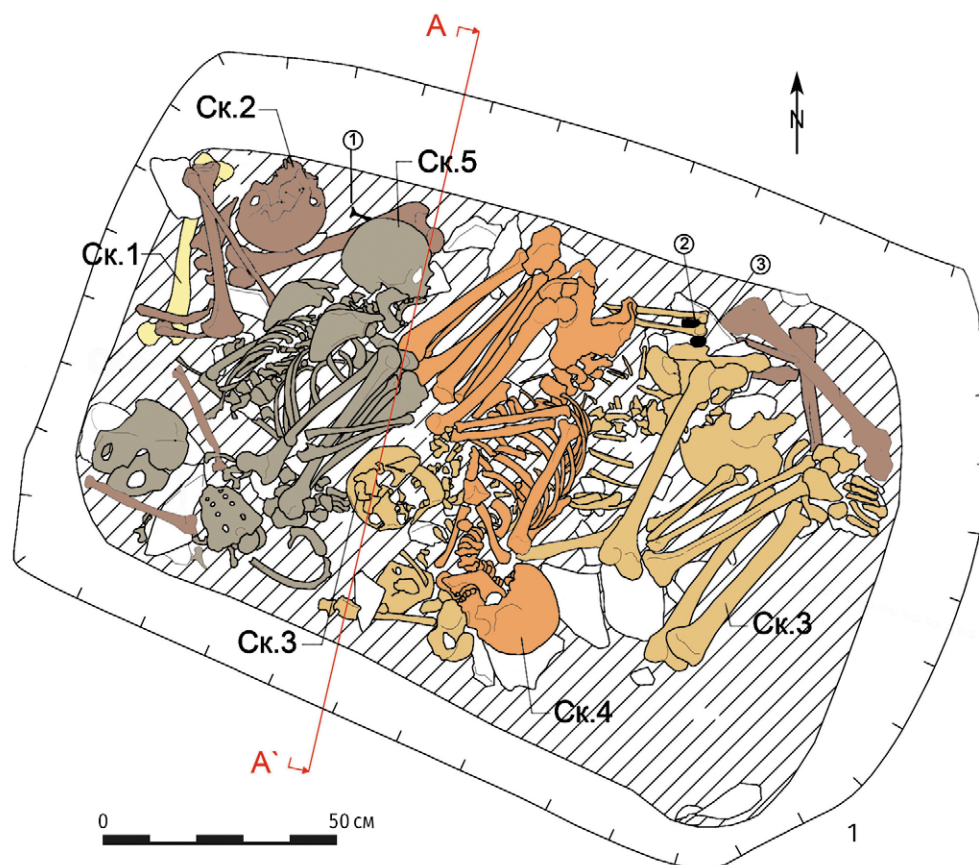

Рис. 10. Одиночный курган Казановка-8, могила 1, впускное захоронение верхнего уровня:
1 — план; 2 — фотография (по И.П. Лазаретову)

Fig. 10. Single barrow Kazanovka-8, grave 1, inlet burial of the upper level: 1 — plan; 2 — photo
(after Igor P. Lazaretov)

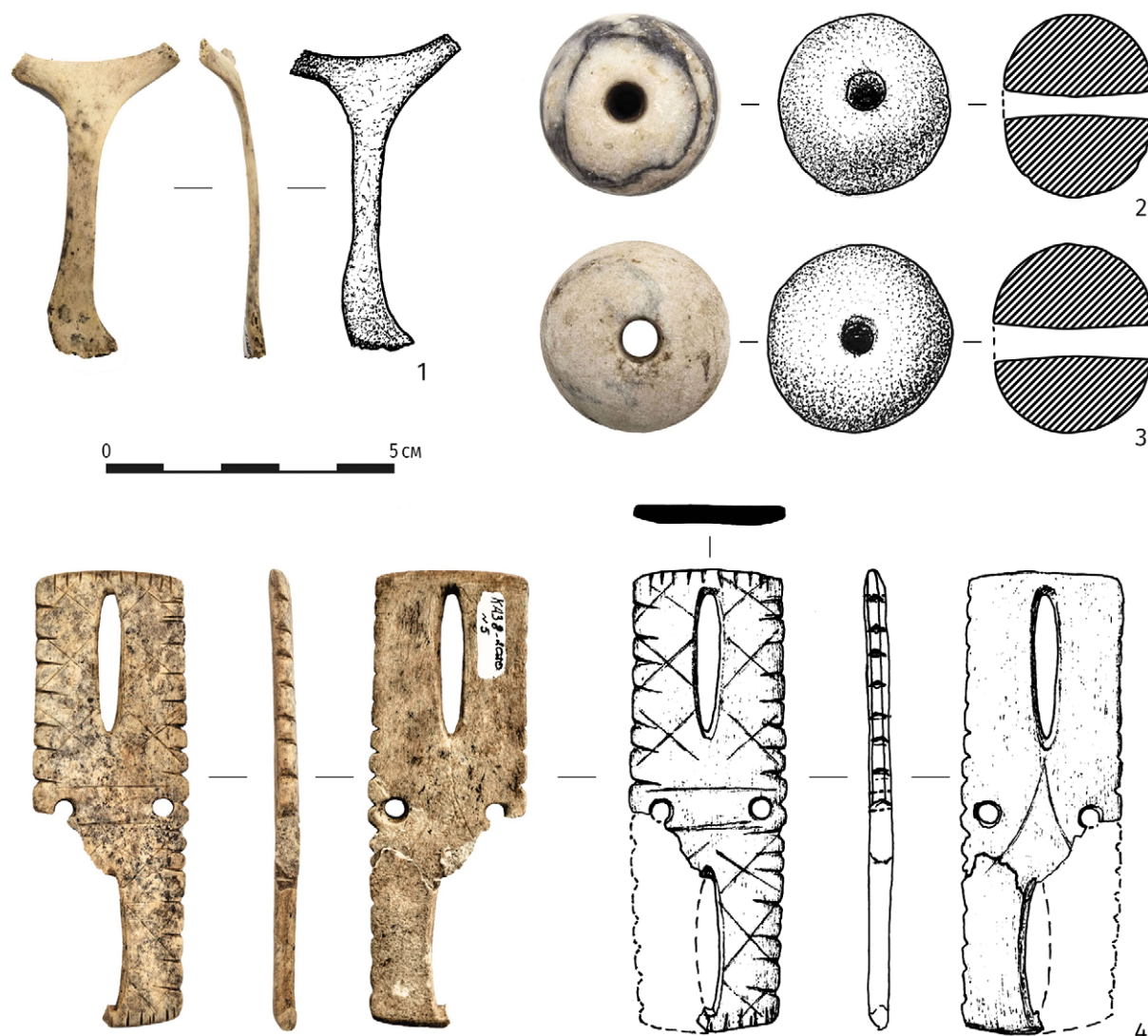

Рис. 11. Одиночный курган Казановка-8, могила 1, впускное захоронение верхнего уровня: 1–4 — сопровождающие артефакты. 1, 4 — кость; 2, 3 — камень (по И.П. Лазаретову)

Fig. 11. Single barrow Kazanovka-8, grave 1, inlet burial of the upper level: 1–4 — accompanying artifacts. 1, 4 — bone; 2, 3 — stone (after Igor P. Lazaretov)

Скелет 3. В юго-восточной части могилы погребен крупный пожилой мужчина, уложенный на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Он ориентирован головой на запад. Сохранность костей плохая, череп раздавлен. В результате естественных процессов кости ног завалились вправо. В районе его пояса находился мраморный шар с отверстием и костяная орнаментированная пластина с прорезями (рис. 11, 2, 4).

Скелет 4. В центральной части могилы, поверх скелета 3, захоронена пожилая женщина. Она лежала поперек могилы, на левом боку, скорченно и была ориентирована головой на юг. Сопроводительного инвентаря при ней не обнаружено.

Скелет 5. В северо-западной части могилы захоронена пожилая женщина (?). Она также лежала поперек могилы, на левом боку, скорченно, но была ориентирована головой на север. Ее ноги сильно подогнуты, и правая рука их обхватывала. Крестец и кости таза смещены со своих мест, вероятно, при совершении последующих детских подхоронений. Сопроводительного инвентаря при скелете не обнаружено.

Последовательность захоронений в данной могиле можно реконструировать следующим образом. Первоначальным здесь является погребение со скелетом 1. Через какое-то время представители окуневского населения вскрыли могилу и сделали земляную подсыпку, поверх которой был уложен слой каменных

плиток. При этом был поврежден нижний скелет — перемещены его бедренные кости, уже утратившие связи. Возможно, был извлечен какой-то сопроводительный инвентарь, так как все вещи, которые сохранились, находились непосредственно под скелетом. Затем на новом уровне было совершено захоронение мужчины (скелет 2). Через какое-то время его кости, уже утратившие связи, были сдвинуты к стенкам могилы, а на освободившемся месте последовательно, с небольшим хронологическим разрывом захоронены еще три человека (скелеты 3–5). К моменту погребения первой группы детей (скелеты 7–9) связи последнего из взрослых (скелет 5) уже распались. Его тазовые кости и крестец оказались сдвинуты со своих мест. Кости первой группы детей, в свою очередь, также утратили сочлененность на момент обустройства последних захоронений (скелеты 10 и 11). Все это указывает на весьма длительный период функционирования могилы 1. Она использовалась в качестве погребального комплекса как минимум несколько десятилетий.

Могила 2 (рис. 12; 13). Располагалась к северу от могилы 1 примерно на расстоянии 2 м, параллельно ей. Она была перекрыта на уровне древней поверх-

Рис. 12. Одиночный курган Казановка-8, могила 2. Захоронение на дне могилы, фотография. Вид с востока (по И.П. Лазаретову)

Fig. 12. Single barrow Kazanovka-8, grave 2. Burial on the grave's bottom (photo). View from the east (after Igor P. Lazaretov)

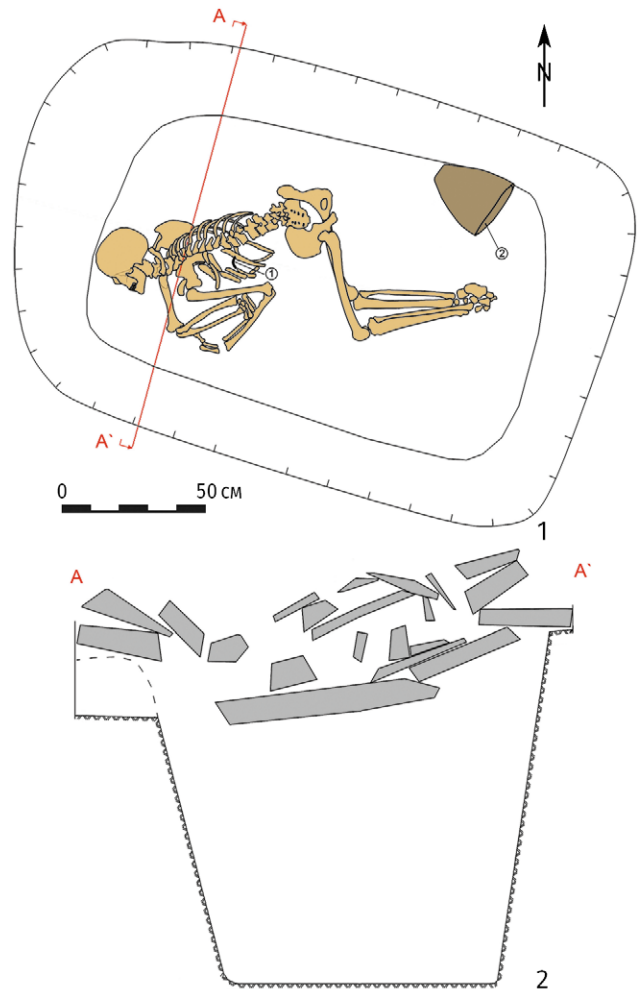

Рис. 13. Одиночный курган Казановка-8, могила 2: 1 — план на уровне дна могилы; 2 — профиль (по И.П. Лазаретову)

Fig. 13. Single barrow Kazanovka-8, grave 2: 1 — plan of the grave's bottom level; 2 — profile (after Igor P. Lazaretov)

ности каменными плитами, заметно просевшими в яму. Погребение совершено в прямоугольной грунтовой яме с округленными углами, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ. Ее размеры — 1,8×1,2 м, глубина — 1,4 м. При разборке заполнения на высоте около 0,5 м от дна обнаружен обломок костяного залощенного изделия из ребра животного с заостренным краем и следами окисла от контакта с медным предметом (рис. 14, 12). Также в придонной части ямы найдены 11 зубов сурка и два зуба соболя (рис. 14, 1–11, 14, 15). На дне могилы зафиксировано погребение молодой женщины, лежавшей на правом боку со слабо подогнутыми ногами. Ее руки располагались перед грудной клеткой, как бы обхватывая какой-то не сохранившийся предмет.

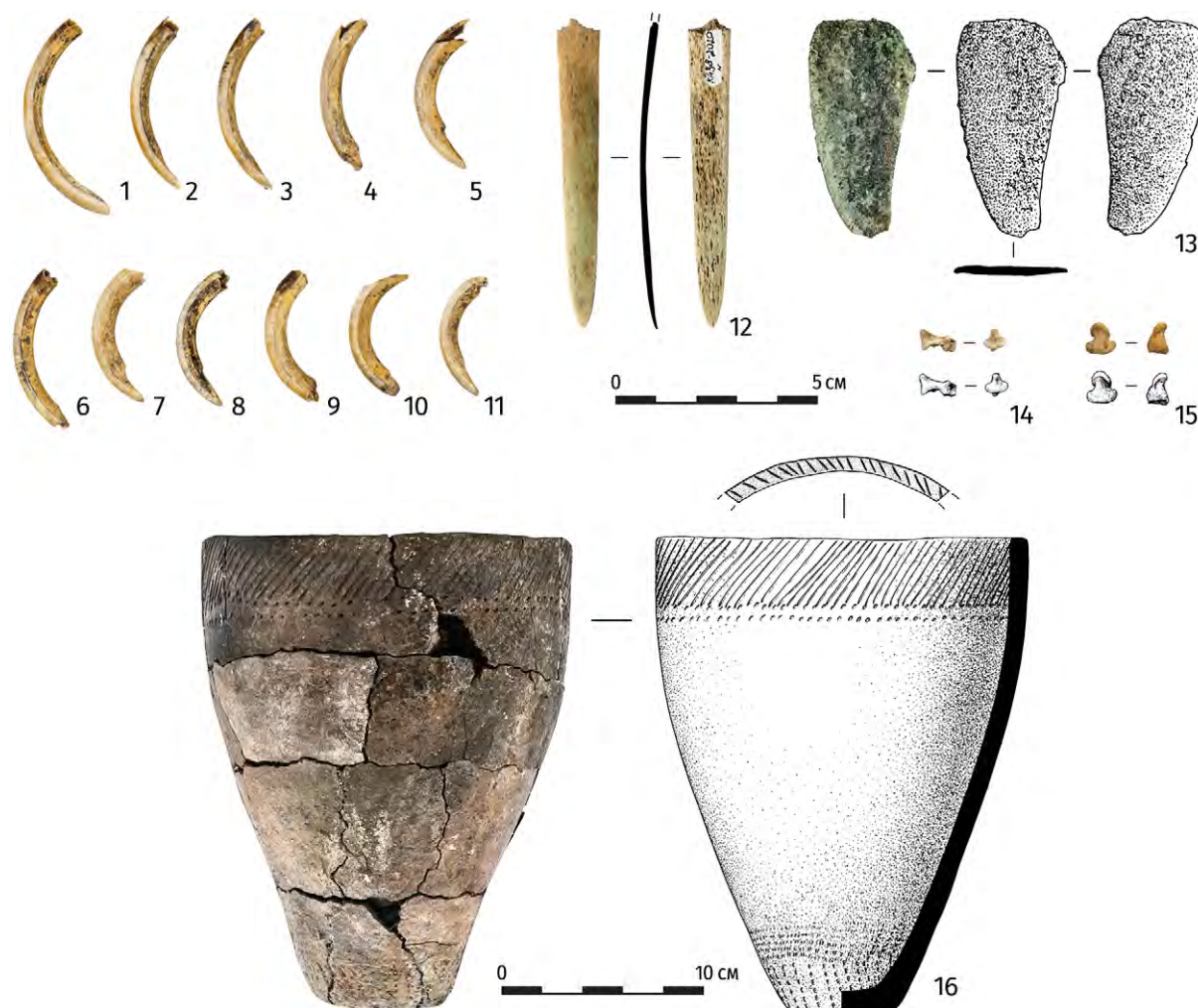

Рис. 14. Одиночный курган Казановка-8, могила 2: 1–15 — артефакты из заполнения и со дна. 1–11, 14, 15 — зубы; 12 — кость; 13 — медь (?); 16 — обожженная глина (по И.П. Лазаретову)

Fig. 14. Single barrow Kazanovka-8, grave 2: 1–15 — artifacts from the infilling and from the bottom. 1–11, 14, 15 — teeth; 12 — bone; 13 — copper (?); 16 — ceramics (after Igor P. Lazaretov)

В ногах женщины, в северо-восточном углу могилы находился развал керамического сосуда баночной формы с небольшим плоским дном (рис. 14, 16). Срез венчика плоский, украшенный насечками. От венчика вниз спускаются частые косые резные линии, оканчивающиеся двумя точками. От придонной части вверх идут вертикальные линии, нанесенные мелкозубчатым штампом. При извлечении грунта, заполнявшего сосуд, в нем был обнаружен медный (?) нож листовидной формы без выраженного насада (рис. 14, 13).

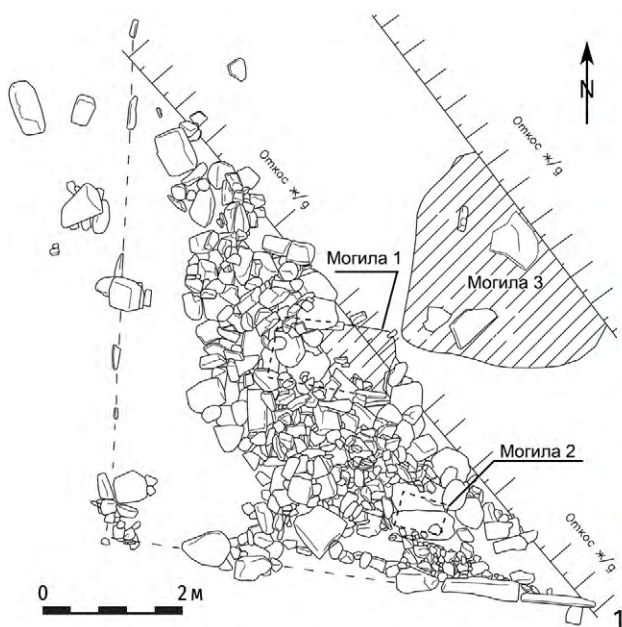
Курган 1 могильника Казановка-12

Курганный могильник Казановка-12 расположен в Аскизском районе Республики Хакасия, на правом берегу р. Аскиз, в 0,6 км от крайних строений д. Ка-

зановка, в 1,9 км к СЗ от школы, в 1,4 км к СЗ от платформ о.п. Историческая, на западной стороне железной дороги (рис. 1). Курганы образуют группу, расположенную на локальной возвышенности, прорезанной железнодорожной линией. Курган 1 — крайний северный в этой группе. Он более чем наполовину уничтожен при строительстве железной дороги. Сохранившаяся часть насыпи имела размеры 14×7 м и высоту около 0,5 м. На ней прослеживаются отдельные плиты вертикальной ограды. В откосе, спускающемся к железной дороге, видна вертикально вкопанная плита ограды. На самом откосе лежат камни от разрушенных конструкций кургана. Кроме того, при зачистке откоса обнаружены многочисленные кости человека от шести разных скелетов, а также фрагменты сосудов, преимущественно биджин-

ского этапа тагарской культуры. Остальные объекты этого могильника относятся к периоду поздней бронзы и тесинской культуре.

В результате раскопок установлено, что сохранилось менее третьей части первоначального кургана, который, вероятно, имел размеры 12×12 м (рис. 15).

сделана не из плиты, а сложена методом цистовой кладки.

Судя по особенностям размещения (в теле насыпи), он датируется окуневской культурой. В его заполнении находились разрозненные человеческие кости юноши около 18 лет (лопатка правая, плечевая

Рис. 15. Курганный могильник Казановка-12, курган 1, остатки ограды: 1 — план; 2 — фотография (по И.П. Лазаретову)

Fig. 15. Kazanovka-12 burial ground, barrow 1, enclosure's remnants: 1 — plan; 2 — photo (after Igor P. Lazaretov)

Он был развернут по линиям 3–В и С–Ю. Большая часть его захоронений была полностью уничтожена. Сохранился только западный угол ограды, в котором обнаружены две полностью сохранившиеся могилы 1 и 2, а также могила 3, большая часть которой также уничтожена. По всей видимости, первоначально курган окуневской культуры был перекрыт земляной насыпью, сформированной из гумусированного грунта. Поверх эта насыпь была облицована каменными плитами небольшого размера в один-два слоя.

Могила 1. Представляла собой невысокий каменный ящик, полностью находившийся в насыпи кургана. Перекрытие практически не сохранилось. Он располагался к западу от предполагаемого центра сооружения. Размеры его устанавливаются приблизительно (1,7×0,8 м), так как восточная стенка отсутствовала полностью, а северная — частично (рис. 16; 17, 1). Высота ящика не более 0,6 м. Он был ориентирован по оси 3–В. Восточная стенка, возможно, была

левая, локтевая правая, лучевая правая, ребра, позвонки, большая берцовая левая), девушки около 18 лет (череп, нижняя челюсть, рукоятка грудины, позвонки, ребра, две ключицы, две лопатки, две локтевые, лучевая левая, крестец, две тазовые, две большие берцовые, две малые берцовые, фаланги) и ребенка около 1–1,5 лет (малая берцовая).

В заполнении также находились фрагменты от одного керамического сосуда окуневской культуры, сплошь покрытого прямоугольными наколами, дополненными под венчиком двумя горизонтальными линиями (рис. 17, 5–11). На одном из фрагментов имеется сквозное отверстие. Кроме того, в заполнении обнаружены: костяной черешковый наконечник стрелы (рис. 17, 4), фрагмент бронзового предмета (рис. 17, 3), фрагмент железного предмета и неорнаментированные фрагменты сосудов тесинского облика. На дне могилы ничего не сохранилось. Вероятно, первоначально это была окуневская могила,

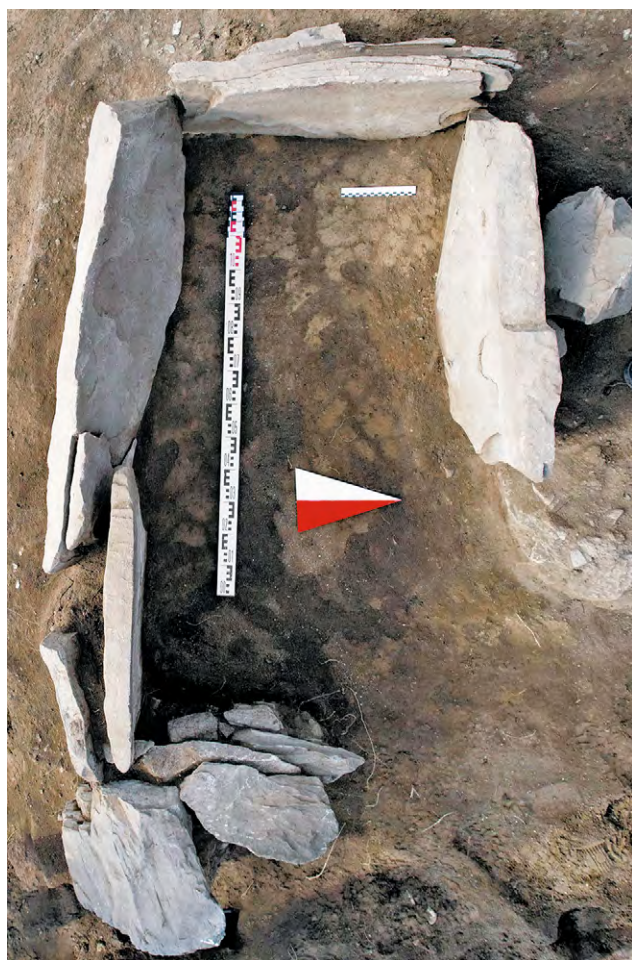

Рис. 16. Курганный могильник Казановка-12, курган 1, могила 1. Дно погребения и сохранившихся каменных конструкций, фотография. Вид с востока (по И.П. Лазаретову)

Fig. 16. Kazanovka-12 burial ground, barrow 1, grave 1. Bottom of the burial and of the extant stone constructions (photo). View from the east (after Igor P. Lazaretov)

в которую впоследствии было впущено погребение тесинской культуры. Еще 10 могил этого времени располагались в 10 м к ЮЗ от кургана.

Могила 2. Располагалась возле южной стенки ограды с внутренней стороны. До начала работ была видна неповрежденная плита перекрытия. После разборки верхнего слоя плит облицовки насыпи и снятия плит перекрытия могилы обнаружен каменный ящик из четырех каменных плит с раскладкой, впущенный в насыпь кургана (рис. 18). Его размеры — 0,4×0,3 м, высота ящика — 0,5 м. Он ориентирован длинной стороной вдоль южной стенки ограды по линии З-В. Ящик был перекрыт в два слоя сплошными каменными плитами на всю площадь.

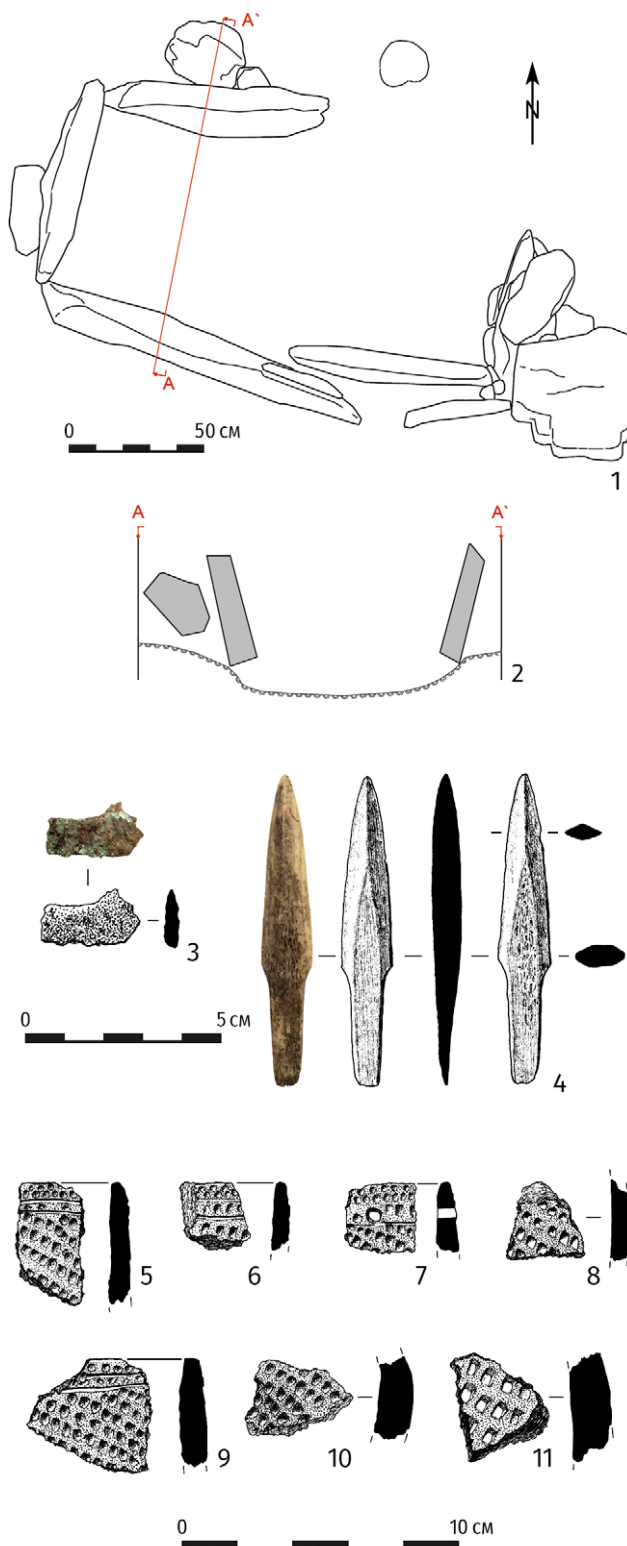

Рис. 17. Курганный могильник Казановка-12, курган 1, могила 1: 1 — план; 2 — профиль; 3–11 — артефакты. 3 — медь (?); 4 — кость; 5–11 — обожженная глина (по И.П. Лазаретову)

Fig. 17. Kazanovka-12 burial ground, barrow 1, grave 1: 1 — plan; 2 — profile; 3–11 — artifacts. 3 — copper (?); 4 — bone; 5–11 — ceramics (after Igor P. Lazaretov)

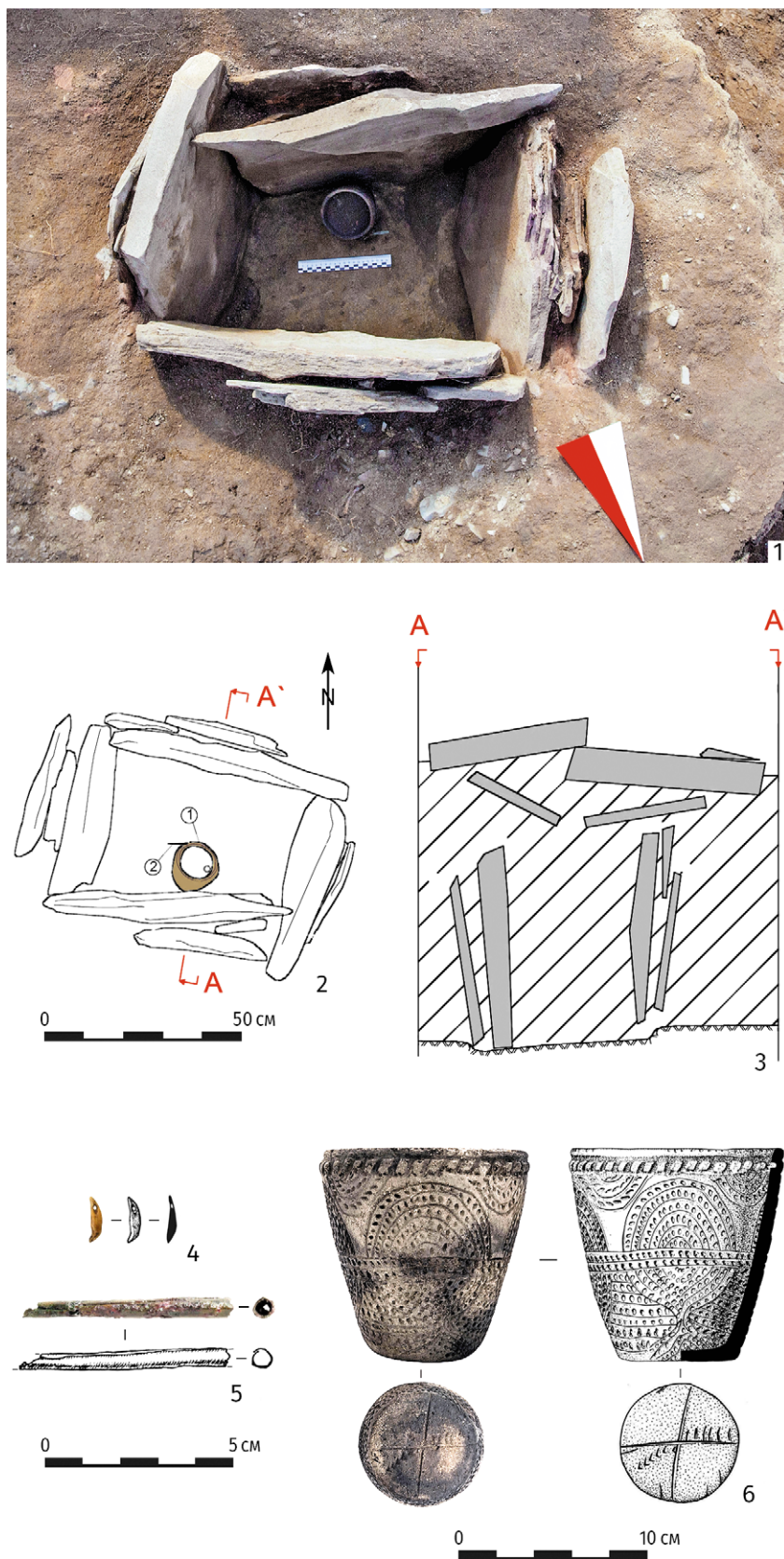

Рис. 18. Курганный могильник Казановка-12, курган 1, могила 2: 1 — фотография; 2 — план; 3 — профиль; 4–6 — артефакты. 4 — зуб; 5 — медь (?); 6 — обожженная глина (по И.П. Лазаретову)

Fig. 18. Kazanovka-12 burial ground, barrow 1, grave 2: 1 — photo; 2 — plan; 3 — profile; 4–6 — artifacts. 4 — tooth; 5 — copper (?); 6 — ceramics (after Igor P. Lazaretov)

В могиле находилось непо потревоженное захоронение младенца, датирующееся окуневской культурой. Сохранилась только часть его костей, перемещенных норными животными (череп, две плечевые, две локтевые, две лучевые). Ориентировка и положение тела не устанавливаются. В могиле находился богато орнаментированный керамический сосуд с выдавленными изнутри «жемчужинами» под венчиком (рис. 18, 6). Внутри сосуда найдена подвеска с отверстием из клыка животного (рис. 18, 4). Рядом с сосудом обнаружена медная (?) пронизка в виде свернутого в трубочку листка металла, вероятно, использовавшаяся в качестве игольника (рис. 18, 5).

Могила 3. Находилась к востоку от могилы 1, вплотную к ней. Вероятно, первоначально это была центральная могила окуневского кургана. Сохранилась только ее часть — юго-западный угол. Остальная часть могилы была уничтожена при прокладке железнодорожной линии. Она представляла собой грунтовую яму, первоначальные размеры которой не устанавливаются. Могила содержит впускные погребения, имеющие различную хронологию.

Нижний уровень могилы, вероятно, связан с окуневским временем, на что указывает мраморный шарик с отверстием, обнаруженный в заполнении (рис. 19, 3). К сожалению, кости людей на всех уровнях находились в перемешанном состоянии и выделить те из них, которые соотносятся именно с нижним уровнем, невозможно. Конструкция первоначальной могилы представляла собой грунтовую яму, вытянутую по линии 3–В, шириной 1,1 м (рис. 19, 1, 2). Ее длина точно не устанавливается, но не менее 1,5 м; глубина от уровня «материка» составляла 1,7 м. На дне в положении *in situ* находились плечевая и кости ступни взрослого человека, на основании которых можно установить, что погребенный был ориентирован головой в западном направлении.

Позднее в верхней части могилы (на уровне 0,5 м от уровня «материка») было последовательно совершено еще два захоронения. Сначала погребение биджинского этапа тагарской культуры в деревянном срубе, в котором позднее своих погребенных захоронили представители тесинской культуры. Все они были сильно потревожены в результате нескольких проникновений. Таким образом, фактически в одной могиле было последовательно совершено три погребения различных эпох с перерывом сначала в 2000, а затем 400 лет. К сожалению, в силу ограбленности установить связь конкретных скелетов с этими хронологическими этапами невозможно. Всего в могиле были обнаружены кости девяти человек.

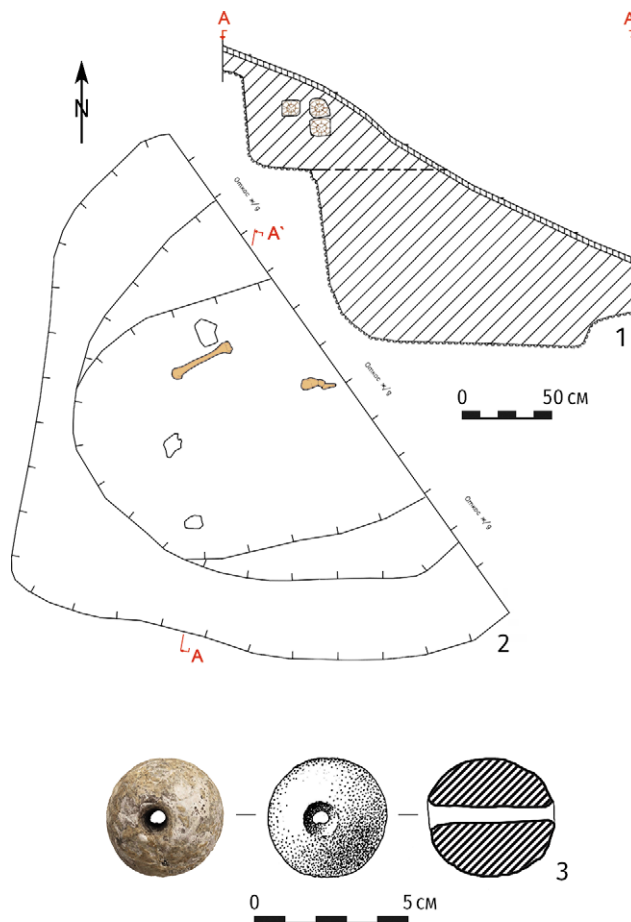

Рис. 19. Курганный могильник Казановка-12, курган 1, могила 3: 1 — профиль; 2 — план; 3 — мраморный шарик (по И.П. Лазаретову)

Fig. 19. Kazanovka-12 burial ground, barrow 1, grave 3: 1 — profile; 2 — plan; 3 — marble ball (after Igor P. Lazarev)

Результаты и обсуждение

Несмотря на практически тотальное уничтожение курганов Казановка-8 и Казановка-12 (курган 1), все же имеются некоторые интересные наблюдения. На основании особенностей сопроводительного инвентаря курганы следует относить к раннему периоду окуневской культуры (конец XXVI — XXIII в. до н.э.). Можно полагать, что они функционировали отчасти синхронно, с учетом продолжительной хронологии подзахоронений в кургане Казановка-8. К раннему периоду курганы отнесены на основании использования обширных и глубоких грунтовых ям, зафиксированных случаев положения тел погребенных на боку, особенностей керамических сосудов и наличия руководящих типов инвентаря: многочисленных мраморных шариков с отверстием,

костяного колечка с насечками по краю и обломка залощенной костяной пластины. Однако эти данные еще не подтверждены результатами радиоуглеродного датирования.

Конструкции курганов очень сильно повреждены и сохранилось крайне мало элементов, которые можно было проанализировать. Следует полагать, что они представляли собой традиционные для окуневской культуры подквадратные ограды из вертикально вкопанных плит среднего размера — 10–12 м в поперечнике. Как это чаще всего и происходит, наблюдается два этапа их использования. Первоначальные захоронения совершались с уровня древнего горизонта: могилы 1 и 2 кургана Казановка-8 и могила 3 кургана 1 могильника Казановка-12. Потом в пределах ограды устраивалась земляная насыпь, тем самым завершая первый этап использования кургана. Затем следовал второй этап, на котором в уже существующую насыпь кургана совершались впускные погребения. В случае с курганом 1 могильника Казановка-12 — это могилы 1 и 2, которые полностью находились в теле насыпи. В кургане Казановка-8 наличие таких погребений следует предполагать на основании сообщений местных жителей о черепках и костях людей, которые были обнаружены при повреждении насыпи сооружения.

Если исходить из дробной периодизации окуневской культуры, то все погребения курганов Казановка-8 и Казановка-12 укладываются в рамки трех последовательных хронологических горизонтов: уйбатского, тасхазинского и лебяжинского (Лазаретов, 2019)⁶. Основные погребения нижнего уровня представляют собой обширные грунтовые ямы прямоугольной формы с округленными углами схожего размера и значительной глубины: до 1,7 м от уровня «материка», а следовательно, от древнего горизонта еще больше. Подобные сооружения встречаются исключительно в ранний период существования окуневской культуры. Центральное захоронение кургана Казановка-8 может относиться как к уйбатскому, так и к тасхазинскому хронологическому горизонту.

⁶ В отношении периодизации окуневской культуры между авторами статьи существуют определенные разногласия. А.В. Поляков придерживается трехчастной схемы деления культуры на этапы, уже ставшей традиционной, тогда как И.П. Лазаретовым продвигается более дробная периодизация, состоящая из пяти последовательных хронологических горизонтов (ср.: Лазаретов, 2019; Поляков, 2022). Данное обстоятельство не влияет на понимание общей последовательности развития окуневских комплексов, а носит сугубо терминологический характер.

Вероятнее всего, оно функционировало на протяжении длительного времени, охватывающего оба эти периода. Верхнюю границу его использования определяют последние детские погребения могилы 1, совершенные на левом боку. К моменту формирования лебяжинского хронологического горизонта эта поза уже не встречается: все захоронения (и мужские, и женские) совершались тогда исключительно на спине. Центральное погребение кургана Казановка-12 также можно датировать только в пределах двух ранних хронологических горизонтов: уйбатского и тасхазинского. Его верхнюю хронологическую границу определяет мраморный шарик со сквозным отверстием. В захоронениях лебяжинского хронологического горизонта такие изделия малого размера отсутствуют и уступают место крупным шаровидным предметам диаметром 6–7 см (Там же. С. 42).

Более определенно можно установить относительную дату могилы 2 кургана Казановка-8. Присутствие зубов соболя и детали декора сосуда из этого погребения указывают на его принадлежность к тасхазинскому хронологическому горизонту культуры. Такие особенности окуневской посуды, как отсутствие орнамента дна и выделение придонной зоны особым орнаментальным фризом, впервые проявляются именно в этот период. На сосудах уйбатского хронологического горизонта дно украшалось в обязательном порядке, а тулово и придонная часть декорировались единообразно (Там же. С. 40). На несколько более поздний возраст этой могилы относительно центрального захоронения также указывают ее локализация в пределах кургана, потребовавшая перестройки и расширения первоначальной ограды.

Наиболее поздними среди захоронений рассматриваемых памятников являются могилы 1 и 2 кургана Казановка-12. Они оформлены в виде стандартных каменных ящиков, впущенных в насыпь уже существующего кургана и перекрыты плитами на уровне древней поверхности. Подобные конструкции с заглублением на 0,5–0,6 м получают массовое распространение в поздний период существования окуневской культуры. Важным датирующим артефактом в этом случае является сосуд из могилы 2, украшенный пояском «жемчужин» под венчиком. Данный элемент характерен для ранней посуды. Подобное сочетание ранних (сосуды с «жемчужником») и поздних (стандартные каменные ящики) признаков прослеживается только в курганах лебяжинского хронологического горизонта (Лазаретов, Поляков, 2018б).

С. 43; *Лазаретов*, 2019. С. 42). По традиционной трехчастной периодизации такого рода комплексы должны занимать промежуточное положение между комплексами уйбатского и черновского этапов (*Лазаретов*, 1997. С. 36–37).

Рассматривая материалы публикуемых памятников, следует обратить особое внимание на могилу 1 кургана Казановка-8. Долгое время из-за недопонимания роли впускных погребений исследователи считали, что в окуневской культуре существует устойчивая традиция совершения ярусных захоронений. Прежде всего это касалось грунтовых ям с заплечиками и заглубленных каменных ящиков, перекрытия которых залегали значительно ниже уровня дневной поверхности. Предполагалось, что на нижнем уровне располагалось привилегированное погребение, а на его перекрытии захоранивались рядовые члены общества. Причем верхнее и нижнее погребения устраивались одномоментно либо с небольшим хронологическим разрывом (Там же. С. 33). Исследования последних лет показали ошибочность таких представлений. При исследовании непотревоженных захоронений такого рода оказалось, что верхняя часть их погребальной камеры заполнялась каменным закладом или материковым грунтом. Для совершения вторичного захоронения его приходилось разбирать и обустривать вторичную могилу практически заново. Такой тип погребений не вполне корректно называть ярусными. Хорошо сохранившаяся могила 1 кургана Казановка-8 показывает, что мы имеем дело с последовательными впускными захоронениями в одну могильную яму. Причем хронологический разрыв между двумя актами захоронений оказывается довольно велик. Нижнее погребение было частично повреждено при совершении более позднего захоронения. Одна бедренная кость оказалась частично перемещена, а вторая извлечена полностью. При этом остальные части посткраниального скелета не были сдвинуты. То есть в момент подхоронения связки полностью разложились и не удерживали скелет в сочленении. Для подобных процессов требуется значительный промежуток времени. Если учесть, что данная могила содержит как минимум пять последовательных горизонтов захоронения, период ее функционирования должен составлять несколько десятилетий, если не веков.

Более того, ярусное погребение подразумевает, что существуют две погребальные камеры, каждая из которых имеет собственное перекрытие. В данном случае мы можем уверенно утверждать, что отдель-

ное перекрытие над нижним и последующими захоронениями отсутствовало. Общее перекрытие располагалось на уровне древнего горизонта. Для более позднего захоронения была сделана подсыпка из грунта, скрывшая нижний скелет, которая была вымощена поверх в один слой небольшими плитками песчаника. Таким образом, пример данной могилы показывает, что мы имеем дело с традицией последовательных подхоронений в уже существующие могилы, а не с одномоментной ярусной конструкцией.

Отдельного изучения заслуживает традиция положения тела при его помещении в могилу. Бытует стереотип, что окуневская культура представлена исключительно одной погребальной позой — на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. Изучение материалов раннего периода существования окуневской культуры показало наличие и другой устойчивой традиции. Удалось проследить представительную серию погребений, в которых человек, в подавляющем большинстве случаев женщина, был положен в другой позе — на боку с согнутыми коленями (*Лазаретов*, 1997. С. 36; *Поляков*, 2020а. С. 104; 2022. С. 106). В могилах 1 и 2 кургана Казановка-8 у некоторых погребенных наблюдается именно такое положение тела. Так, в верхнем погребении могилы 1 находится скелет мужчины старческого возраста, который как раз и демонстрирует традиционную позу захоронения — на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх (скелет 3). Однако здесь же присутствуют еще два женских скелета, сохранившие сочленение и, по наблюдениям антропологов, также являющиеся останками представителей окуневской культуры. Они уложены фактически поперек могилы в сильно скорченном положении на левый бок. В нижнем ярусе этой же могилы, а также в могиле 2 покойники были захоронены на правом боку. Если суммировать данные по сохранившимся погребениям раннего периода окуневской культуры, то окажется, что в них все женщины и даже некоторая часть мужчин захоронены именно на боку — левом или правом (*Лазаретов*, 2019. С. 24). Помимо гендерной составляющей этот обычай имеет явную тенденцию развития во времени: на уйбатском хронологическом горизонте культуры на боку погребены все женщины и некоторая часть мужчин, на тасхазинском — только женщины. На лебяжинском хронологическом горизонте и мужчины, и женщины уже захоронены в единой позе — на спине с ногами, согнутыми и поднятыми коленями вверх.

Интересным и во многом необычным является сопроводительный инвентарь, который находился в погребениях. Он хоть и не многочисленный, но весьма показательный. У погребенного на дне могилы 1 кургана Казановка-8 было зафиксировано только одно скопление предметов, находившихся непосредственно под телом. Основу его составляла большая россыпь зубов сурка, украшавших сумочку, в которой находились остальные предметы. Небольшой костяной игольник с иглой внутри является традиционным атрибутом женских захоронений⁷. Они сохраняют свое значение на протяжении всей окуневской культуры. Здесь же присутствовала подвеска с отверстием из зуба марала и костяное колечко с насечками по краю. Последнее изделие относится к числу руководящих типов и характеризует исключительно погребения раннего периода окуневской культуры.

Выше уровнем, где сохранились непотревоженными три скелета, только у одного из них (скелет 3) присутствует сопроводительный инвентарь. На его поясе располагались мраморный шарик с отверстием и орнаментированная костяная пластинка с прорезами. Аналогичные мраморные шарики встречаются исключительно в погребениях мужчин, причем находят их в положении *in situ* всегда на поясе. Как и костяные колечки, они являются хронологическими маркерами раннего периода окуневской культуры и позднее не встречаются. Костяная пластинка является уникальной находкой, назначение которой пока остается неясным. Возможно, это ритуальный предмет, на что указывает большое количество солярных символов в виде крестов, нанесенных на его поверхность.

Кроме того, в заполнении могилы на разных уровнях было обнаружено еще четыре изделия, которые сложно связать с каким-то конкретным скелетом. Только еще один мраморный шарик с отверстием с большой долей вероятности следует связывать с мужским скелетом 2, отдельные кости которого находились на втором уровне могилы. Очень редкой, но не уникальной находкой является подъязычная кость мелкого парнокопытного животного. Учитывая, что ее поверхность заполирована, можно считать ее амулетом или каким-то ритуальным предметом.

В верхней части заполнения могилы был найден небольшой каменный пест из гальки со следами сра-

ботанности на одном конце. Похожие изделия были представлены в значительном количестве в курганных насыпях могильника Итколь II. Предполагается, что они использовались для растирания охры. Также в заполнении была найдена подвеска из мрамора со сквозным отверстием в верхней части. Подобное изделие было обнаружено в погребениях окуневской культуры в могильнике Уйбат-Хулган (Кызласов, 1962. С. 117, рис. 4, 1). Интересно отметить, что все эти изделия, хотя и аналогичны по материалу мраморным шарам, но меньше по размеру, имеют овальную в профиле форму и отверстие в верхней части. Вероятно, они относятся к категории женских украшений, в отличие от мраморных шаров.

Необходимо обратить внимание, что в этой могиле, где в разное время было погребено пять взрослых человек и пять детей, не обнаружено сосудов. Более того, в заполнении могилы не найдено ни одного фрагмента керамики. То есть отсутствие сосудов не является следствием проникновений в могилу, а отражает некую особенность погребального обряда. В подавляющем большинстве могил раннего периода окуневской культуры каждому погребенному полагалось по одному или по два керамических сосуда. В данном случае их должно было быть не менее 10. Причины этого явления пока не вполне ясны, однако вместе с другими особенностями данного захоронения не исключено, что здесь похоронена особая группа окуневского населения.

В могиле 2 кургана Казановка-8 представлен другой интересный сопроводительный инвентарь. Здесь следует обратить внимание на крупный баночный сосуд не совсем обычной для окуневской культуры формы и объема (рис. 13, 16). Его отличают крупные размеры, нехарактерные для посуды, которую обычно обнаруживают в погребениях. Фрагменты подобных более крупных сосудов встречаются на стоянках, а сами они рассматриваются как бытовая или кухонная посуда. Она отличается скудной орнаментацией в верхней части, что справедливо и в отношении данного сосуда. На этом основании можно предположить, что в могилу был поставлен обычный бытовой сосуд.

Из общего ряда этот сосуд выделяет и редкая форма. Банки вытянутых пропорций в отдельных случаях известны для захоронений начального периода окуневской культуры. Подобные слабопрофилированные сосуды усеченно-яйцевидной формы с зауженным дном даже выделены в особую бельтыро-камыштинскую группу (Леонтьев, 2006. С. 262–264,

⁷ Поза погребенного и весь сопроводительный инвентарь данного захоронения указывают на его женскую принадлежность, хотя по антропологическим данным оно определяется как мужское.

рис. 2). Примечательно, что они явно тяготеют к ранним окуневским захоронениям, зачастую устроенным в афанасьевских могильниках. Если добавить к этому наличие характерных «расчесов» на внутренней стороне сосудов (Там же. С. 262), то возникает вопрос, а не является ли данный тип посуды «наследием» афанасьевской культуры? Наибольшая концентрация такого рода сосудов прослеживается в западных и юго-западных районах Хакасии, что, возможно, указывает на место наиболее тесных контактов двух культур. Намечается определенное последовательное развитие их форм во времени: от усеченно-яйцевидных сосудов со слабо выделенным венчиком (Лазаретов, Поляков, 2018б. Рис. 6, 39; Леонтьев, 2006. Рис. 2, 1, 3, 5; Наглер, Парцингер, 2006. Рис. 3, 1) до вытянутых банок (Лазаретов, Поляков, 2018б. Рис. 8, 3; Леонтьев, 2006. Рис. 2, 2, 4; Поляков, 2022. Рис. 62, 13, 14). Сосуд из могилы 2 кургана Казановка-8 явно относится к последней группе, что неудивительно, учитывая относительно поздний возраст данного захоронения в пределах раннего уйбатского этапа.

Необычна и орнаментация этого сосуда. В придонной части располагаются вертикальные отпечатки, нанесенные зубчатым штампом. От венчика вниз спускаются косые линии, заканчивающиеся двумя точками. Аналогичные линии с точками на конце используются при изображении некоторых «солнцеликих» персонажей в окуневском искусстве. Они относятся исключительно к раннему окуневскому пласту художественной традиции, что является еще одним подтверждением относительно раннего возраста данного погребального комплекса (Поляков, Есин, 2017).

При разборке заполнения сосуда было обнаружено лезвие медного ножа листовидной формы без черешка (рис. 14, 13). Подобные изделия более характерны для позднего периода существования окуневской культуры, однако они изредка встречаются и в ранних памятниках. Наиболее интересно его местоположение. Это первый для окуневской культуры случай нахождения ножа в сосуде. Подобная традиция известна для предскифского времени (III и IV этапы периода поздней бронзы). Предполагается, что нож первоначально лежал на деревянной крышке сосуда, а после ее разрушения оказывался внутри. Возможно, в данном случае имела место подобная ситуация.

Кроме того, в заполнении могилы при его разборке были найдены и другие предметы: обломок

заостренной и заполированной костяной пластины со следами окислов бронзы, а также зубы соболя и сурка (рис. 14, 1–12, 14, 15). Последние традиционно являются украшением одежды и сумочек в погребениях женщин. Судя по всему, в могилу все-таки было совершено проникновение и часть предметов, вероятно, медных, оказались изъятыми. Возможно, они находились в сумочке вместе с костяной пластиной. Лезвие ножа не было замечено, так как находилось в сосуде.

Заполированные костяные пластины с заостренным концом, изготовленные из ребра животного, являются важным диагностирующим признаком. Они встречаются исключительно в погребениях раннего периода окуневской культуры (Поляков, 2022. Рис. 67, 8–10). Однако их назначение пока остается неясным. Можно только отметить, что на некоторых экземплярах выделяется ручка, а встречаются они преимущественно в погребениях женщин. Возможно, как и костяные игольники с иглами внутри, они как-то связаны с изготовлением одежды. Например, использовались в ткацком производстве в качестве «ножа» (бральницы) для подбивания ниток.

Курган 1 могильника Казановка-12 сохранился гораздо хуже, поэтому инвентарь немногочисленный и практически оторван от контекста. В могиле 1 обнаружены фрагменты от сосуда, орнаментированного наклонными отпечатками зубчатого штампа, вероятно по всей поверхности, и двумя резными линиями под венчиком (рис. 17, 5–11). В заполнении этой же могилы найден неопределимый фрагмент пластинчатого медного изделия и качественный костяной наконечник стрелы с черешковым насадом. Последний с равной степенью вероятности может происходить, как из первоначального окуневского захоронения, так и из более позднего впускного тесинского.

В стандартном каменном ящике могилы 2 обнаружен богато орнаментированный небольшой баночный сосуд, украшенный под венчиком пояском «жемчужин» (рис. 18, 6). Подобное сочетание позднего по своей конструкции погребального сооружения и сосуда раннего облика в нем возможно только на лебяжинском хронологическом горизонте культуры. Орнамент сосуда явно носит символический характер. Его можно с осторожностью интерпретировать как изображение «мирового древа». Кроме сосуда, в могиле найдена крупная пронизка или миниатюрный игольник, свернутый из медного листа (рис. 18, 5).

Наконец, из заполнения могилы 3 кургана Казановка-12 происходит мраморный шарик со сквозным

отверстием, который явно указывает на мужскую принадлежность данного захоронения (рис. 19, 3). Такие шары регулярно встречаются только в ранний период существования окуневской культуры и четко маркируют захоронения мужчин и мальчиков.

Антропологические данные

В курганах могильника Казановка-12 антропологических материалов, относящихся к раннему этапу окуневской культуры и пригодных для изучения по традиционным измерительным методикам, к сожалению, не сохранилось. В результате нашем распоряжении оказались только костные остатки 11 индивидов из могильника Казановка-8: двух мужчин, четырех женщин и пяти детей в возрасте от 2–3 до 6–7 лет (подробнее возраст детей см. выше). Для взрослых индивидов приведены краткие описания морфологии и индивидуальные измерения черепов (Приложение 1) и посткраниальных скелетов (Приложение 2). Вычислять средние значения признаков для такой малочисленной группы мы сочли нецелесообразным. У скелетов 2, 3, 4, 5 из могилы 1 из-за прижизненной утраты резцов верхней челюсти потребовалась реконструкция альвеолярного края для восстановления простиона, который использовался при измерении угла выступления носа.

Исследование краниологических и остеологических материалов проводилось по стандартной методике (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Помимо измерения костей посткраниального скелета были рассчитаны индексы пропорций и массивности скелетов. Выборка мужских и женских посткраниальных скелетов из могильника Казановка-8 охарактеризована с опорой на разработки градаций метрических категорий трубчатых костей А.А. Хохлова и А.П. Григорьева (Хохлов, Григорьев, 2020. Табл. 3; 4), а мужская — также на рубрикации остеометрических размеров, составленных для населения земного шара (Пежемский, 2011. С. 311–318, табл. 4,1–4,3; 5,1; 5,4). Рост рассчитывался отдельно по правой и левой сторонам по формулам К. Пирсона и А. Ли, М. Троттер и Г. Глезер — для европеоидного и монголоидного мужского населения, для женщин — К. Пирсона и А. Ли, М. Троттер и Г. Глезер для европеоидного населения. В описаниях погребенных указан интервал от минимального до максимального значения.

Возраст взрослых индивидов определен с учетом данных, полученных при использовании программы TA 3 (Transition analysis 3) (Milner et al., 2019; 2020).

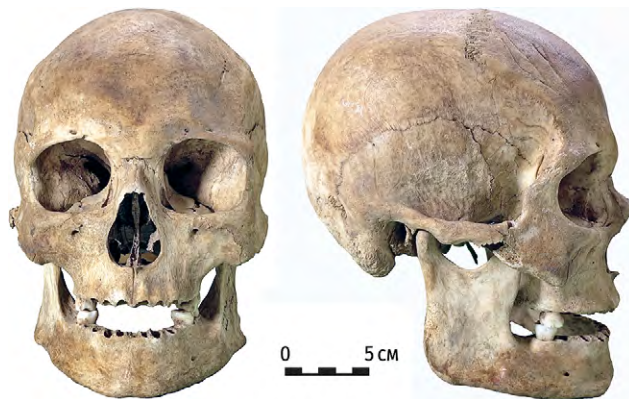

Рис. 20. Череп из могильника Казановка-8, могила 1, скелет 1 (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 20. A skull from Kazanovka-8 burial ground, grave 1, skeleton 1 (photo by Natalia I. Lazaretova)

Казановка-8, могила 1, скелет 1. Череп с нижней челюстью (рис. 20) и полный посткраниальный скелет очень хорошей сохранности принадлежали женщине 25–30 лет. Пол индивида определен при выполнении полногеномного анализа (два образца — клык нижний левый и выпил левой бедренной кости). Интересно, что морфологически индивид определяется скорее как мужчина. Череп и посткраниальный скелет с хорошо развитым рельефом, массивные. Строение таза также вызывает вопросы, так как седалищная вырезка, вход в таз и край седалищно-лобковой ветви мужского типа, лобковый угол меньше 90°, вентральная дуга на лобковой кости, скорее, женского типа, а крестец слабо изогнут (рис. 21; 22). Медиальные эпифизы ключиц в стадии прирастания. Череп брахикранный, мозговая коробка высокая, очень широкая при средней по размеру длине. Лицо средневысокое и очень широкое. Орбиты также средневысокие и очень широкие. Нос по высоте и ширине средних размеров. Симотический указатель попадает в категорию больших, при малой ширине носовых костей. Угол выступления носа очень большой. При этом лицевой скелет слабо профилирован в горизонтальной плоскости.

Посткраниальный скелет массивный, абсолютные размеры длинных костей большие, за исключением плечевых — средних по длине, но больших по значениям поперечных диаметров и окружностей диафизов. Левая ключица относится к категории очень больших по длине, правая — большая с сильным изгибом диафиза. Мышечный рельеф развит хорошо. Относительно пропорций скелета можно

Рис. 21. Таз женщины из могильника Казановка-8, могила 1, скелет 1. Вид спереди и сверху (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 21. A woman's pelvis from Kazanovka-8 burial ground, grave 1, skeleton 1. Front and plan view (photo by Natalia I. Lazaretova)

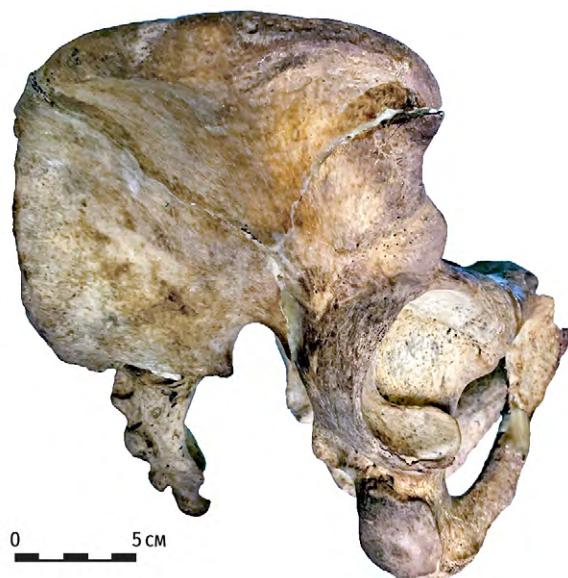

Рис. 22. Таз женщины из могильника Казановка-8, могила 1, скелет 1. Вид сбоку (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 22. A woman's pelvis from Kazanovka-8 burial ground, grave 1, skeleton 1. Side view (photo by Natalia I. Lazaretova)

говорить о значительном укорочении плечевых относительно других костей, как уже отмечалось выше. Длина тела составила 159,2–164,5 см.

Казановка-8, могила 1, скелет 2. Череп с нижней челюстью очень хорошей сохранности и полный посткраниальный скелет принадлежали мужчине 60–70 лет (**рис. 23**). Отдельные кости отличаются хрупкостью, крошатся. Череп брахикранный, мозговая коробка средней высоты, очень широкая при

Рис. 23. Череп из могильника Казановка-8, могила 1, скелет 2 (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 23. A skull from Kazanovka-8 burial ground, grave 1, skeleton 2 (photo by Natalia I. Lazaretova)

большой по размеру длине. Лицо высокое и очень широкое. Орбиты также средневысокие и очень широкие. Нос по высоте большой при средней ширине. Симотический указатель попадает в категорию больших, при средней ширине носовых костей. Угол выступления носа средний. Лицевой скелет средне профилирован на верхнем уровне и слабо — на среднем.

Посткраниальный скелет данного мужчины характеризуется средними размерами длинных костей. Судя по ним, длина тела человека составила около 167,4–171,7 см. По указателям массивности выделяются большеберцовые кости, которые оказываются в пределах больших величин. Индексы пропорций указывают на удлинение лучевой кости относительно плечевой и большеберцовой костей, остальные соотношения длин попадают в категорию средних значений.

Казановка-8, могила 1, скелет 3. Череп с нижней челюстью очень хорошей сохранности и полный посткраниальный скелет принадлежали мужчине 50–65 лет (**рис. 24**). Отдельные кости отличаются хрупкостью, крошатся. На большинстве суставов наблюдаются возрастные дегенеративные изменения.

У индивида фиксируется деформирующий артроз обоих тазобедренных суставов, особенно с правой стороны. Череп мезокранный, мозговая коробка высокая, очень широкая и очень большая по длине. Лицо средневысокое и очень широкое. Орбиты также средневысокие и очень широкие. Нос по высоте и ширине малых размеров. Симотический указатель попадает в категорию больших, при малой ширине носовых костей. Угол выступания носа очень большой. Лицевой скелет средне профилирован на верхнем уровне и слабо — на среднем.

Продольные размеры длинных костей данного индивида выше средних. По указателям массивности большеберцовые кости характеризуются как средние по значению, а плечевые — в границах малых значений. Индексы пропорций средние для соотношения лучевой кости по сравнению с плечевой и больше-

Рис. 24. Череп из могильника Казановка-8, могила 1, скелет 3 (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 24. A skull from Kazanovka-8 burial ground, grave 1, skeleton 3 (photo by Natalia I. Lazaretova)

берцовой и малые для всех остальных. Вычисленный прижизненный рост равен 172,7–177,8 см.

Казановка-8, могила 1, скелет 4. Череп с нижней челюстью и полный посткраниальный скелет принадлежали женщине 60–70 лет (**рис. 25**). Кости очень хорошей сохранности, за исключением костей туловища и таза. Череп брахикранный, мозговая коробка очень высокая, по длине и ширине попадает в категорию очень больших значений. Лицо большое по высоте и очень широкое. Орбиты также большие по высоте и очень широкие. Нос средневысокий при очень большой ширине. Симотический указатель очень большой, при средней ширине носовых костей. Угол выступания носа большой. Лицевой ске-

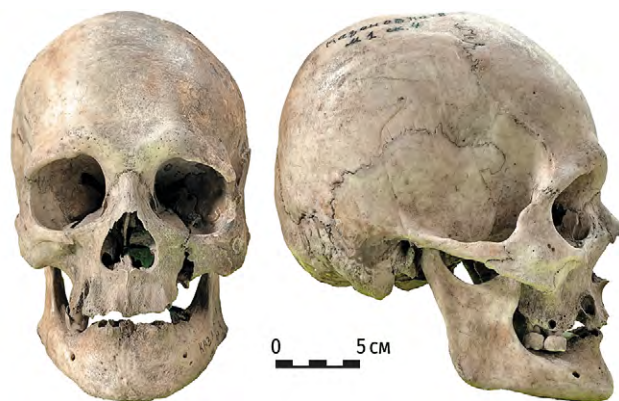

Рис. 25. Череп из могильника Казановка-8, могила 1, скелет 4 (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 25. A skull from Kazanovka-8 burial ground, grave 1, skeleton 4 (photo by Natalia I. Lazaretova)

лет резко профилирован на верхнем уровне и средне — на уровне зигомаксиллярных точек.

Посткраниальный скелет характеризуется в основном средними размерами длинных костей. Поперечные диаметры и окружности выше средних, что свидетельствует, скорее, о более крепком телосложении. Относительно пропорций скелета можно говорить о средних значениях индексов. Длина тела индивида равна 152,6–155,6 см.

Казановка-8, могила 1, скелет 5. Череп с нижней челюстью и полный посткраниальный скелет принадлежали женщине старше 70 лет (**рис. 26**). Кости в большей части очень хорошей сохранности. Череп брахикранный, мозговая коробка средневысокая, очень широкая при большой по размеру длине. Лицо большое по высоте и ширине. Орбиты также средневысокие и очень широкие от максиллофронтале и широкие от дакриона. Нос по высоте средних размеров при малой ширине. Симотический указатель попадает в категорию очень больших, при средней ширине носовых костей. Угол выступания носа очень большой. Лицевой скелет имеет средние значения углов горизонтальной профилированности. На большинстве суставов наблюдаются возрастные дегенеративные изменения. У данного индивида фиксируются переломы носовых косточек в дистальной части и диафиза правой локтевой кости в дистальной трети. Два поясничных позвонка полностью срослись между собой телами и дугами. На остальных наблюдается сильное снижение высоты тел позвонков и их сплюснутость.

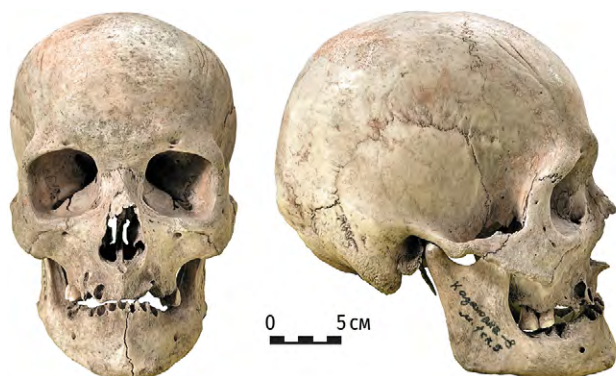

Рис. 26. Череп из могильника Казановка-8, могила 1, скелет 5 (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 26. A skull from Kazanovka-8 burial ground, grave 1, skeleton 5 (photo by Natalia I. Lazaretova)

Рис. 27. Череп из могильника Казановка-8, могила 2 (фотография: Н.И. Лазаретова)

Fig. 27. A skull from Kazanovka-8 burial ground, grave 2 (photo by Natalia I. Lazaretova)

Костяк женщины в целом средней массивности, со средними длинами костей, гармоничным соотношением костей конечностей. Вычисленный прижизненный рост равен 156,9–161,8 см.

Казановка-8, могила 2. Череп с нижней челюстью и полный посткраниальный скелет принадлежали молодой женщине 20–25 лет (рис. 27). Большая часть костей очень хорошей сохранности, однако правая половина черепа сильно пострадала в процессе археологизации и незначительно постмортально деформирована, потребовалась реставрация. Медиальные эпифизы ключиц не приросли. Отчетливо видны следы прирастания эпифизов остальных костей. Череп брахикранный, мозговая коробка очень широкая при большой длине. Ее высотный диаметр визуально определяется как большой, ушная высота также большая. Лицо большое по высоте и ширине. Орбиты также высокие и очень широкие. Нос по высоте средних размеров и большой ширины. Симметрический указатель попадает в категорию больших, при средней ширине носовых костей. Угол выступания носа средний. Лицевой скелет резко профилирован в горизонтальной плоскости.

Кости посткраниального скелета этой молодой женщины определяются как средние по длине и большие и средние по поперечным размерам и окружностям. Из пропорциональных особенностей следует отметить значительное удлинение большеберцовых костей по отношению к бедренным и лучевых по сравнению с плечевыми. Вычисленная длина тела индивида составила 153,8–156,9 см.

Таким образом, для женской серии данного кургана характерны кости посткраниального скелета средней длины с хорошо развитыми поперечными размерами. На этом фоне значительно выделяется скелет 1 из могилы 1 своими крупными размерами и массивностью. По размерам и пропорциям костей скелета мужчины отличаются от женщин и друг от друга. Характеризуя особенности морфологии черепа мужчин и женщин из Казановки-8, можно отметить брахикранию всех индивидов, кроме одного из мужчин, который обладал мезокранным черепом. Для большинства индивидов фиксируется несколько ослабленная горизонтальная профилированность при сильном выступании носа. На данном этапе морфологические характеристики людей из Казановки могут быть использованы в основном при формировании суммарных серий раннего этапа окуневской культуры.

Выводы

Подводя итог краткой характеристике материалов двух исследованных курганов, следует отметить, что у авторов нет сомнений в их ранней хронологической позиции в рамках окуневской культуры. Курганы, исследованные С.В. Хавриным и А.А. Ковалевым на территории поселка Верхний Аскиз, напротив, датируются поздним временем и относятся к черновскому типу. Таким образом, в долине р. Аскиз уже представлены материалы основных периодов развития окуневской культуры. Недостаёт пока только захоронений самого позднего (разливского) хронологического

пласта. Однако это не удивительно. На сегодняшний день изученные памятники финала окуневской культуры единичны. Их поиск и исследование на юге Минусинских котловин сейчас является одной из важнейших научных задач (Лазаретов, 2019. С. 44; Поляков, 2020б).

Литература

- Алексеев, 1966 — Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев, Дебец, 1964 — Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Богданов и др., 2020 — Богданов Е.С., Солод Ю.А., Захарова И.П., Выборнов А.В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2020. Т. XXVI. С. 861–868.
- Выборнов и др., 2021 — Выборнов А.В., Нестерова М.С., Тимошенко А.А. Курганы афанасьевской культуры на могильнике Казановка-13 в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2021. Т. XXVII. С. 928–935.
- Ковалев, 1997 — Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.
- Кызласов, 1962 — Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. № 4. С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018а — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. 2018. № 2 (22). С. 21–46.
- Лазаретов, Поляков, 2018б — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Леонтьев, 2006 — Леонтьев С.Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 260–272.
- Липский, 1952 — Липский А.Н. Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК. 1952. Вып. 17. С. 67–77.
- Материалы по энеолиту..., 2012 — Материалы по энеолиту Хакасии из архива А.Н. Липского // Афанасьевский сборник – 2 / отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. С. 210–224.
- Наглер, Парцингер, 2006 — Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 104–119.
- Пежемский, 2011 — Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.
- Поляков, 2020а — Поляков А.В. Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры // АВ. 2020. Вып. 26. С. 98–110.
- Поляков, 2020б — Поляков А.В. Проблема финала окуневской культуры // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре / отв. ред.: А.П. Деревянко и др. Самара: Самар. гос. социально-пед. ун-т, 2020. Т. 1. С. 323–324.
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков, Есин, 2017 — Поляков А.В., Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 339–343.
- Поляков и др., 2022 — Поляков А.В., Амзараков П.Б., Лазаретов И.П. Новые материалы афанасьевской культуры из раскопок могильника Казановка-9 (Республика Хакасия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2022. Вып. XXVIII. С. 298–307.
- Хаврин, 1997 — Хаврин С.В. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.
- Хохлов, Григорьев, 2020 — Хохлов А.А., Григорьев А.П. К методике оценки метрических данных по основным абсолютным признакам и указателям скелета человека (по антропологическим материалам некрополей г. Самары XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2020. № 3. С. 68–76.
- Milner et al., 2019 — Milner G.R., Boldsen J.L., Ousley S.D., Getz S.M., Weise S., Tarp P. Transition Analysis 3 (TA3) Trait Manual. Public Distribution Ver. 1. Online. 2019. URL: https://www.statsmachine.net/software/TA3/docs/TA3_Trait_Scoring_Manual_1.0.pdf (дата обращения: 16.05.2023).
- Milner et al., 2020 — Milner G.R., Boldsen J.L., Ousley S.D., Getz S.M., Weise S., Tarp P. TA3 Installation and Software User Guide: Version 0.16. Online. 2020. URL: https://www.statsmachine.net/software/TA3/docs/TA3_Installation_Software_User_Guide-0.16.pdf (дата обращения: 16.05.2023).

Приложение 1. Индивидуальные размеры и указатели черепов из могильника Казановка-8

№	Признак	КАЗАНОВКА-8					
		мог. 1, ск. 1	мог. 1, ск. 2	мог. 1, ск. 3	мог. 1, ск. 4	мог. 1, ск. 5	мог. 2
		♀	♂	♂	♀	♀	♀
1	Продольный диаметр	174.0	189.0	197.5	185.0	178.0	178.0
8	Поперечный диаметр	149.0	152.0	152.0	154.0	147.0	148.0
8:1	Черепной указатель	85.63	80.42	76.96	83.24	82.58	83.15
17	Высотный диаметр	131.5	135.0	137.0	144.0	127.0	–
20	Ушная высота	115.0	117.0	116.5	125.0	113.5	121.0
5	Длина основания черепа	101.0	105.0	101.0	109.0	94.0	–
9	Наименьшая ширина лба	101.0	98.0	99.5	100.0	92.0	100.5
10	Наибольшая ширина лба	122.0	123.0	127.0	126.0	120.0	126.0
29	Лобная хорда	112.7	114.5	115.3	118.4	107.0	116.0
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	138.57	139.45	144.76	130.97	145.01	131.95
32	Угол профиля лба от n	80.0	75.0	81.0	81.0	83.0	87.0
11	Ушная ширина	138.0	140.0	131.0	138.5	134.0	120.0
12	Ширина затылка	116.0	117.0	118.0	119.0	115.0	–
40	Длина основания лица	101.7	–	–	–	–	–
43	Верхняя ширина лица	112.0	114.0	110.5	109.0	105.0	106.5
45	Скуловой диаметр	140.0	148.5	140.0	134.0	135.0	124.0
46	Средняя ширина лица	100.2	102.0	101.2	102.0	97.7	95.0
48	Верхняя высота лица	68.0	–	–	–	–	72.0
51	Ширина орбиты от mf	46.0	46.0	45.3	47.0	43.0	43.0
51a	Ширина орбиты от d	41.2	42.0	–	45.0	39.2	–
52	Высота орбиты	34.5	35.0	35.0	35.2	33.5	35.4
52:51	Орбитный указатель от mf	75.00	76.09	77.26	74.89	77.91	82.33
52:51a	Орбитный указатель от d	83.74	83.33	–	78.22	85.46	–
54	Ширина носа	25.0	25.5	24.0	28.2	23.3	26.0
55	Высота носа	49.4	56.0	49.5	48.0	48.0	49.0
54:55	Носовой указатель	50.61	45.54	48.48	58.75	48.54	53.06
MC	Максиллофронтальная ширина	17.2	18.8	19.0	16.5	18.5	21.0
MS	Максиллофронтальная высота	5.9	6.4	7.5	7.3	6.6	7.5
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	34.3	34.0	39.5	44.2	35.7	35.7
SC	Симотическая ширина	7.5	8.4	9.0	9.0	9.0	8.4
SS	Симотическая высота	3.3	4.2	5.2	6.0	5.5	3.8
SS:SC	Симотический указатель	44.0	50.0	57.8	66.7	61.1	45.2
DC	Дакриальная ширина	23.0	22.0	–	20.0	21.5	–
DS	Дакриальная высота	12.1	14.0	–	11.5	13.0	–
DS:DC	Дакриальный указатель	52.6	63.6	–	57.5	60.5	–
77	Назомаллярный угол	145.39	141.26	141.02	138.28	143.47	139.81
∠zm'	Зигомаксиллярный угол	139.00	138.30	139.32	135.85	132.12	128.66
72	Общий лицевой угол	85.0	87.0	91.0	83.0	85.0	87.0
75(1)	Угол выступания носа	34.0	25.0	35.0	28.0	31.0	24.0

Сокращения (здесь и далее): мог. — могила; ск. — скелет.

Приложение 2. Индивидуальные измерения костей посткраниального скелета
из могильника Казановка-8

№ п/п	Полевой шифр	Сторона	Пол	Плечевая										
				Н1	Н2	Н3	Н9	Н10	Н4	Н14	Н5	Н6	Н7	Н7а
1	Казановка-8, мог. 1, ск. 1	Правая	♀	328.0	327.0	58.0	–	–	69.5	33.0	27.4	20.5	71.0	78.0
2		Левая		330.0	328.0	57.0	48.9	54.7	69.5	32.4	35.2	20.0	68.0	74.0
3	Казановка-8, мог. 1, ск. 2	Правая	♂	–	–	–	–	–	68.9	31.0(?)	24.1	18.4	64.0	68.0
4		Левая		342.0	–	53.0	44.5(?)	50.0	69.9	33.0	24.6	18.7	63.0	67.0
5	Казановка-8, мог. 1, ск. 3	Правая	♂	307.0	305.0	49.0	41.0	46.2	62.6	31.7	27.0	20.2	67.0	75.0
6		Левая		302.0	299.0	48.0	41.6	47.2	–	31.4	27.4	20.2	66.0	75.0
7	Казановка-8, мог. 1, ск. 4	Правая	♀	291.0	286.0	48.0	41.7(?)	45.9(?)	62.5	31.6	25.3	20.2	64.0	72.0
8		Левая		285.0	283.0	48.0	42.1	46.9	63.2(?)	31.3	24.5	19.6	63.0	70.0
9	Казановка-8, мог. 1, ск. 5	Правая	♀	319.0	314.0	–	41.8	46.5	62.5	28.4	25.5	16.5	60.0	68.0
10		Левая		319.0	314.0	47.0	41.7	46.5	–	29.0	26.0	16.6	60.0	70.0
11	Казановка-8, мог. 2	Правая	♀	≥299	–	–	–	–	59.4	29.7	26.3	20.0	64.0	74.0
12		Левая		299.0	296.0	45.0	38.5	44.4	58.4	26.8	25.5	20.0	63.0	74.0

Приложение 2 (продолжение 1)

№ п/п	Плечевая		Лучевая						Локтевая								
	Н8	Н7/Н1	Р1	Р2	Р4	Р5	Р3	Р3/Р2	U1	U2	U11	U12	Ucl	Ucsd	Ucmd	U3	U3/U2
1	–	21.65	255.0	236.0	22.6	14.0	47.0	19.92	277.0	241.0	17.6	19.6	23.3	–	56.0	41.0	17.01
2	160.0	20.61	254.0	236.0	20.3	13.8	43.0	18.22	274.0(?)	241.0	16.5	18.5	–	–	53.0	43.0	17.84(?)
3	–	–	255.0	239.0	21.3	11.5	42.0	17.57	–	–	15.3	20.2	–	–	56.0	41.0	–
4	148.0	18.42	256.0	241.0	20.7	11.4	40.0	16.60	272.0	243.0	14.3	18.5	19.8	–	51.0	40.0	16.46
5	136.0	21.82	240.0	223.0	21.6	12.2	44.0	19.73	258.0	226.0	15.8	20.0	20.3	24.2	55.0	47.0	20.80
6	136.0	21.85	235.0	221.0	22.3	13.5	42.0	19.00	256.0	227.0	14.7	20.5	20.0	24.0	55.0	43.0	18.94
7	–	21.99	217.0	203.0	22.4	13.0	47.0	23.15	239.0	209.0	15.0	18.8	17.0	22.7	51.0	43.0	20.57
8	137.0	22.11	216.0	202.0	21.2	12.0	48.0	23.76	–	–	13.5	17.9	–	–	49.0	42.0	–
9	136.0	18.81	–	218.0	17.5	11.3	38.0	17.43	–	–	13.3	15.3	–	19.3	43.0	38.0	–
10	135.0	18.81	233.0	219.0	16.7	11.4	40.0	18.26	252.0	224.0	12.9	15.6	17.9	19.5	44.0	38.0	16.96
11	–	21.40(?)	235.0	220.0	20.6	13.3	44.0	20.00	253.0	224.0	12.8	17.0	17.9	21.0	46.0	41.0	18.30
12	130.0	21.07	–	–	19.1	13.0	43.0	–	253.0	226.0	12.6	16.4	–	21.7	44.0	40.0	17.70

Приложение 2 (продолжение 2)

№ п/п	Ключица						Лопатка							Крестец			
	С1	С2а	С5	С4	С6	С6/С12	С1	С2	С7	С8	С11	С12	С13	ОS1	ОS2	ОS4	ОS5
1	144.0	38.0	13.2	11.0	39.0	27.08	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	155.0	33.0	12.3	11.6	39.0	25.16	178.0	113.0	148.0	95.0	50.5	45.5	33.7	–	–	–	–
3	159.0	31.0	11.4	1.6	37.0	23.27	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	–	32.0	11.4	10.8	36.0	–	–	–	–	–	–	41.9	31.5	–	–	–	–
5	148.0	28.0	12.3	12.0	40.0	27.03	165.0	101.0	137.0	81.0	47.6	40.7	28.0	131.0	124.5	–	–
6	150.0	31.0	12.3	11.8	40.0	26.67	162.0	–	–	–	–	41.4	28.3	–	–	–	–
7	133.0	25.0	12.4	11.3	37.0	27.82	–	–	–	–	–	–	–	118.0	105.5	–	–
8	139.0	23.0	11.8	11.4	36.0	25.90	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9	–	26.0	10.1	9.0	29.0	–	–	97.0	137.0	84.0	–	36.8	27.2	124.0(?)	113.1(?)	–	–
10	136.0	25.0	10.4	7.9	30.0	22.06	145.0(?)	96.0	136.0	82.0	40.3	36.2	26.8	–	–	–	–
11	≥132	–	–	–	–	–	–	–	–	–	43.0	39.0	25.4	102.0	93.0	98.0	91.0
12	≥132	–	9.8	9.8	31.0	23.48(?)	–	–	–	–	–	39.0	25.7	–	–	–	–

Приложение 2 (продолжение 3)

№ п/п	Безымьянная		Бедренная										
	P1	P12	F1	F2	F21	F6	F7	F9	F10	F15	F16	F19	F18
1	228.0	183.0	459.0	456.0	95.0	29.7	32.5	42.1	27.6	33.6	32.5	53.0	53.9
2	–	–	458.0	458.0	97.0	30.0	33.7	43.4	28.5	36.4	32.3	53.1	54.2
3	–	–	487.0	–	88.0	32.1(?)	27.8(?)	34.7	30.5	–	–	–	–
4	–	–	486.0	483.0	–	36.0	29.3	36.0	31.3	–	–	≥53.3	–
5	218.0(?)	177.0	444.0	438.0	81.0	30.0	29.0	39.0	27.3	31.8	31.7	51.6	52.0
6	220.0	175.0	447.0	443.0	81.0	29.7	28.5	38.8	26.3	30.6	29.6	51.7	51.8
7	–	–	410.0	404.0	80.0(?)	26.6	28.0	35.2	25.8	31.7	29.6	50.0	50.0
8	–	–	411.0	406.0	81.0	26.8	28.1	38.0	24.7	33.7	27.4	48.0(?)	49.0(?)
9	206.0	163.0	432.0(?)	–	–	26.6	25.8	33.3	22.2	30.2	27.8	45.3	45.4
10	210.0	158.0	436.0	430.0	77.0	25.1	25.0	34.0	21.4	–	–	45.7	45.7
11	197.0(?)	–	415.0	412.0	73.0	28.2	27.5	33.5	27.5	27.7	25.3	42.2	42.2
12	–	–	416.0	414.0	74.0	27.8	28.0	31.4	28.1	27.2	24.8	41.9	41.8(?)

Приложение 2 (продолжение 4)

№ п/п	Бедренная						Большая берцовая							
	F8	F17	F20	F6/F7	F10/F9	F8/F2	T1	T1a	T3	T6	T8	T8a	T9	T9a
1	97.0	108.0	168.0	–	–	21.27	366.0	372.0	83.0 (?)	61.0	38.5	44.5	24.3	24.4
2	98.0	110.0	168.0	89.02	65.67	21.40	370.0	374.0	–	59.0	40.0	47.4	24.8	25.2
3	97.0	–	–	115.47	87.90	–	–	–	–	55.0	34.5	40.1	24.8	27.0
4	100.0	–	–	122.87	86.94(?)	20.70	382.0(?)	390.0	–	54.0	34.1	40.8	24.1	26.3
5	89.0	100.0	163.0	103.45	70.00	20.32	362.0	365.0	71.0	54.0	27.5	37.5	22.8	27.8
6	90.0	97.0	161.0	104.21	67.78	20.32	360.0(?)	366.0	73.0	51.0	27.8	37.0	23.4	29.5
7	84.0	96.0	156.0	95.00	73.30	20.79	334.0	336.0	72.0	55.0(?)	27.9	31.1	22.9	26.8
8	85.0	97.0	150.0	95.37	65.0(?)	20.94	328.0(?)	336.0	–	55.0	27.6	31.3	22.0	24.7
9	81.0	95.0	142.0	103.10	66.67	–	–	–	–	–	25.4	34.0(?)	20.5	22.6(?)
10	78.0	–	142.0	100.40	62.94	18.14	345.0(?)	352.0	71.0	49.0(?)	24.4	30.6	20.6	23.3
11	86.0	85.0	134.0	102.55	82.09	20.87	355.0	359.0	66.0(?)	50.0	26.4	32.7	22.6	26.4
12	85.0	84.0	131.0(?)	99.29	89.49	20.53	354.0	359.0	66.0(?)	–	26.7	32.2	22.3	26.0

Приложение 2 (окончание)

№ п/п	Большая берцовая					Малая берцовая				Указатели пропорций тела				
	T7	T10	T10a	T9a/T8a	T10b/T1	Fi1	Fi2	Fi3	Fi4	R1/H1	H1/F2	R1/T1	T1/F2	(H1+R1)/(F2+T1)
1	43.0	96.0	109.0	54.83	23.22	–	15.2	11.5	43.0	77.74	71.93	69.67	80.26	70.92
2	44.0	98.0	114.0	53.16	23.24	363.0	16.1	13.0	46.0	76.97	72.05	68.65	80.79	70.53
3	43.0	93.0	103.0	67.33	–	380.0(??)	18.5	13.5	53.0	–	–	–	–	–
4	44.0	91.0	103.0	64.46	20.94(?)	380.0(??)	17.6	14.4	52.0	74.85	70.81	67.02(?)	79.09(?)	69.13(?)
5	38.0	81.0	98.0	74.13	21.27	–	16.0	12.5	47.0	78.18	70.09	66.30	82.65	68.38
6	37.0	81.0	101.0	79.73	21.39(?)	356.0	15.5	13.6	47.0	77.81	68.17	65.28(?)	81.26(?)	66.87(?)
7	38.0(?)	80.0	91.0	86.17	23.05	327.0	1408.0	12.6	44.0	74.57	72.03	64.97	82.67	68.83
8	38.0	79.0	88.0	78.91	22.56(?)	327.0	14.7	12.5	43.0	75.79	70.20	65.85(?)	80.79(?)	68.26(?)
9	–	74.0	91.0(?)	66.47	–	–	13.5	9.9	41.0	–	–	–	–	–
10	37.0(?)	70.0	83.0	76.14	19.13(?)	340.0	12.8	9.9	39.0	73.04	74.19	67.54 (?)	80.23(?)	71.23(?)
11	36.0	78.0	91.0	80.73	21.13	347.0	16.0	8.9	–	78.60(?)	72.57(?)	66.20	86.17	69.62(?)
12	37.0	78.0	89.0	80.75	20.90	–	–	344.0	15.2	–	72.22	–	85.51	–

Примечания: названия используемых размеров и указателей см. в статье А.В. Громова, Н.И. Лазаретовой «Антропологические материалы из могильника окуневской культуры Уйбат-Чарков» данного издания, Приложение 1.

New Okunevo culture sites in the upstream of the Askiz River

Andrey V. Polyakov, Igor P. Lazaretov, Petr B. Amzarakov,
Andrey V. Gromov, Natalia I. Lazaretova⁸

In 2020, extensive archaeological research was conducted in the upstream of the Askiz River (Askizsky District, Republic of Khakassia), during which two new barrows of the Okunevo culture were excavated (**fig. 1**). They were very badly damaged during the railroad construction, but some important information was preserved. Of great scientific importance is the study of a unique burial in grave 1 of the Kazanovka-8 barrow (**fig. 2–11**). It was possible to identify at least five consecutive stages of burials in one grave, which resulted in the burial of 11 people. According to preliminary data, all of them were Okunevo culture bearers, and the grave was not disturbed at a later time. It is noteworthy that both in this grave and in the neighboring grave 2 (**fig. 12–14**) there are rare for Okunevo culture cases of burial in the position on the right side. A unique carved bone plate with numerous images of crosses (**fig. 11, 4**) should be mentioned among the inventory found in this barrow. Probably, it is a sacral object with a special meaning. In addition, in grave 2 was found a household, not ceremonial, vessel, which is also extremely rare (**fig. 14, 16**). The other barrow (Kazanovka-12, barrow 1) was much more damaged (**fig. 15–19**). In fact, only a child's box inlet in the mound was preserved, where besides a pendant made of a tusk and a large copper (?) spacer beadanopulently decorated vessel was found (**fig. 18**). According to the sum of archaeological features: the prevailing types of artifacts (marble balls, bone ring with incisions, bone knife-like plate, marmot tusks), peculiarities of vessel design, funeral ritual (burials on the right side) and burial structures (deep ground pits) — both of these barrows are dated to the early Uibat stage of the Okunevo culture (26th–23th centuries BC).

Keywords: *Republic of Khakassia, Minusinsk basin, Bronze Age, Okunevo culture, barrows, physical anthropology*

8 Andrey V. Polyakov, Igor P. Lazaretov, Natalia I. Lazaretova — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: poliakov@yandex.ru, lazaretov@yandex.ru, natasha-lazaretova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469, 0000-0002-9054-6220, 0000-0002-4055-9656; Petr B. Amzarakov — Scientific and Production Association “Archaeology and Historical-Cultural Expertise”, 9A Torosov st., 118H Room, Abakan, 655016, Republic of Khakassia, Russian Federation; e-mail: petr_amzarakov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4094-9459; Andrey V. Gromov — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS, 3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3263-3801.

Раскопки погребального комплекса Туим-Кольцо (предварительное сообщение)¹

Л.Р. Кызласов², И.Л. Кызласов³, А.В. Поляков⁴

В статье представлены результаты раскопок в 1984–1985 гг. Л.Р. и И.Л. Кызласовыми уникального памятника окуневской культуры — кургана Туим-Кольцо в Ширинском районе Республики Хакасия. На основании конструктивных элементов, типологических особенностей и радиоуглеродной даты его следует относить к черновскому этапу (XXII–XIX вв. до н.э.). Большое значение имеют его конструктивные особенности. Это сооружение относится к числу особых курганов, на поверхности насыпи которых выложены каменные диагонали от углов к центральной могиле. В одном из углов ограды сохранился вертикальный «угловой» камень высотой 0,6 м, а в остальных прослеживаются следы установки аналогичных стел. Таким образом, материалы этого кургана доказывают, что традиция установки «угловых» камней зародилась задолго до скифского времени. Важнейшей особенностью кургана является частично сохранившееся вокруг него кольцо или изначальная дуга из менгиров диаметром чуть более 80 м. Все эти элементы демонстрируют особое сакральное значение этого сооружения.

Ключевые слова: Республика Хакасия, средний бронзовый век, окуневская культура, черновский этап, курган, менгиры

В ходе подготовки первой академической истории Хакасии Л.Р. Кызласов, возглавлявший Хакасскую археологическую экспедицию МГУ, стремился закрыть белые пятна в науке о древностях и целенаправленно проводил раскопки ранее археологически не изучавшихся памятников Хакасско-Минусинской котловины. В 1970–1971 гг. таковыми были древнейшие изваяния и менгиры (Кызласов, 1971. С. 218; 1972; 1986; История..., 1993. С. 13, рис. 6). В 1978 г. в ходе марш-

рутных обследований северной Хакасии на правом берегу р. Туим между поселками Турик и Малый Спирин, в 9 км к ЮЮЗ от районного центра Шира (рис. 1), был обследован объект, не имевший аналогий. Он был образован гранитными менгирами, правильно расположенными вокруг земляного кургана дугой, выгнутой к востоку, имевшей длину 81 м. Памятник был описан, составлен его глазомерный план (Кызласов, Кызласов, 1978. № 7742, л. 33–35; № 7742а, рис. 116–118; № 7742б, рис. 25). Поскольку объект поначалу был воспринят как остатки кольца-кромлеха, он получил название Туим-Кольцо⁵. Ближе к реке располагался разновременный могильник из 12 курганов афанасьевской, окуневской, карасукской и тагарской культур (могильник Узун-Харых).

¹ И.Л. Кызласов подготовил свою часть исследования в рамках Государственного задания ИА РАН № НИОКТР 122011200266-3; А.В. Поляков свою часть — в рамках программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Леонид Романович Кызласов (1924–2007) — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский пр., д. 27/4, Москва, 119234, Российская Федерация.

³ Игорь Леонидович Кызласов — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.

⁴ Андрей Владимирович Поляков — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

⁵ По сообщению Л.Р. Кызласова, В.П. Левашева после переезда из Минусинска в Москву в 1946 г. просила его заняться исследованием ряда важных намеченных ею для этого памятников, среди которых находилось «каменное кольцо» из менгиров возле Большого Спирина улуса (по ее словам, о нем рассказал редактор Хакнациздата). По сообщению Н.В. Леонтьева (1984 г.), настоящий объект вошел в картотеку археологических памятников, составленную В.П. Левашевой в 1930-х гг. для Минусинского музея.

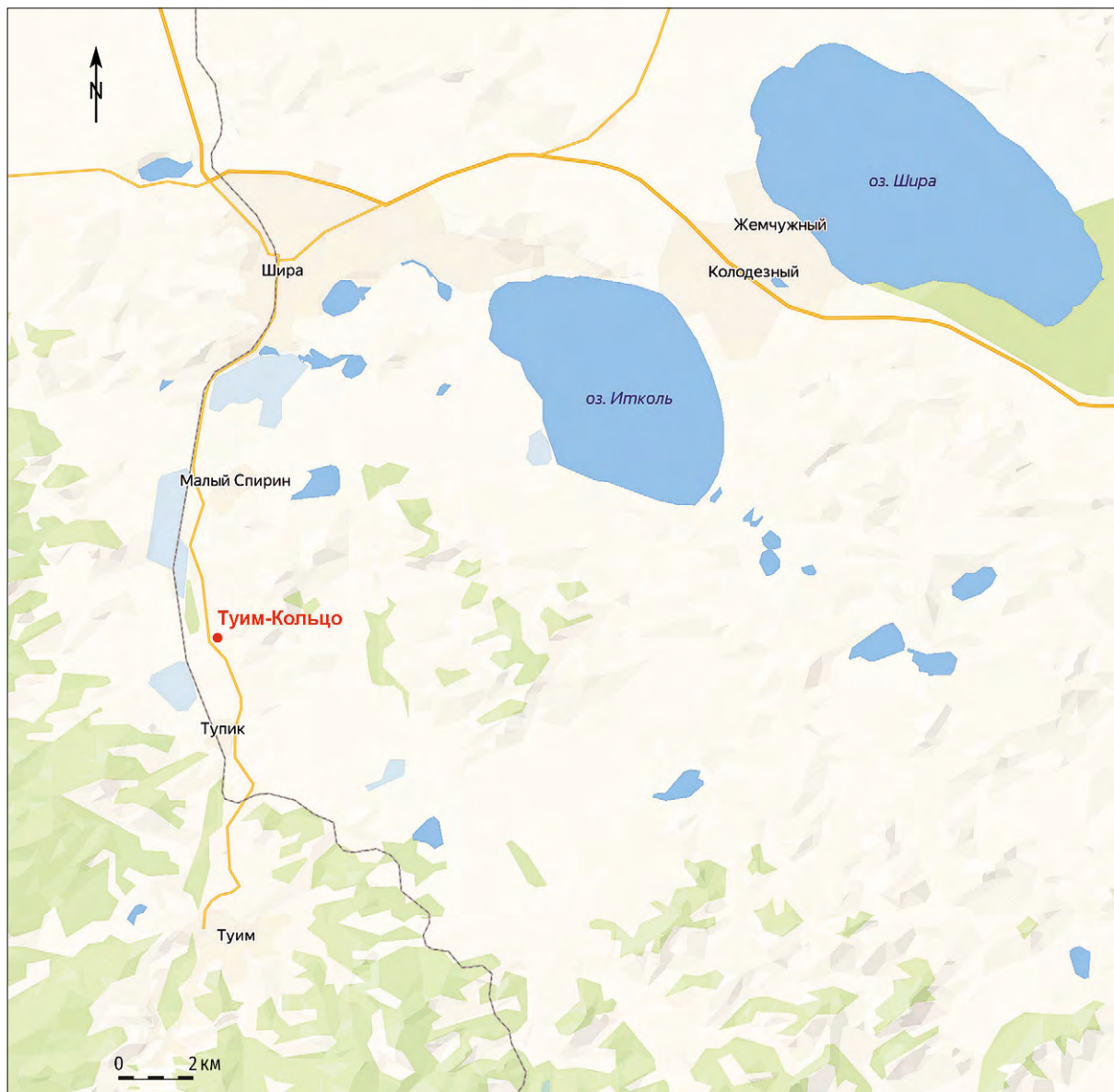

Рис. 1. Погребально-ритуальный комплекс Туим-Кольцо в Ширинском районе Республики Хакасия

Fig. 1. Burial and ritual complex Tuim-Koltso (Shirinsky district, Republic of Khakassia)

В начале 1980-х гг. дорога, проходящая по западной поле объекта, была расширена и спрямлена. Эти работы нанесли серьезные повреждения кургану и его кромлеху. Л.Р. и И.Л. Кызласовы решили провести раскопки памятника. В 1984 г. был исследован центральный курган, в 1985 г. — вся остальная площадь внутри дуги менгиров (Кызласов, Кызласов, 1984. № 10650; 1985. № 11149). Кроме того, в 1985 и 1986 гг. были проведены раскопки на могильнике Узун-Харых.

Несмотря на то что к началу 1990-х гг. был подготовлен текст и беловые рисунки, опубликовать материалы этих исследований не удалось. В литературе кратко представлены только общие результаты

работ на этом уникальном объекте (Кызласов, Кызласов, 1986; 1987; Кызласов Л., 1987; Кызласов, 1989. С. 207–209; Кызласов, Мылтыгашева, 2001. С. 173–174). В то время Л.Р. Кызласов считал его энеолитическим и, исходя из находок, относил к концу III тыс. до н.э. За прошедшие годы датировка окуневской культуры была углублена, а на новых раскопанных памятниках зафиксированы элементы, свойственные Туимскому кромлеху. Цель данной статьи, написанной по инициативе А.В. Полякова на основании личного архива Л.Р. Кызласова и данных его полевых отчетов, — предварительно представить этот объект⁶.

⁶ Обработка рисунков выполнена А.В. Поляковым.

В дальнейшем предполагается полная публикация материалов этих раскопок.

На момент первой научной фиксации памятник представлял собой невысокий оплывший курган, с северной, восточной и южной сторон окруженный полукольцом из гранитных менгиров высотой 0,6–1,2 м. Их было 14, пронумерованных против часовой стрелки с юга на север. Все они расположены плоской стороной к центру сооружения (**рис. 2**). Раскопки выявили ямы не сохранившихся и упавших менгиров (**рис. 2, А–Г, 23**), тем самым можно считать,

что первоначально их было 18. Диаметр кромлеха, возможно, составлял около 82 м, расстояние между камнями дуги на ЮВ половине — 9,29 м, на СВ — 7,82 м. Поскольку западная часть комплекса сильно повреждена (сохранившаяся длина его дуги — 80 м, расстояние в точке максимального удаления от центра — 60 м), установить, было ли это кольцо или полукольцо, невозможно. Исходя из диаметра сооружения, его ЮЗ часть могла сохраниться за полотном дороги. Однако подтверждение этого отсутствует.

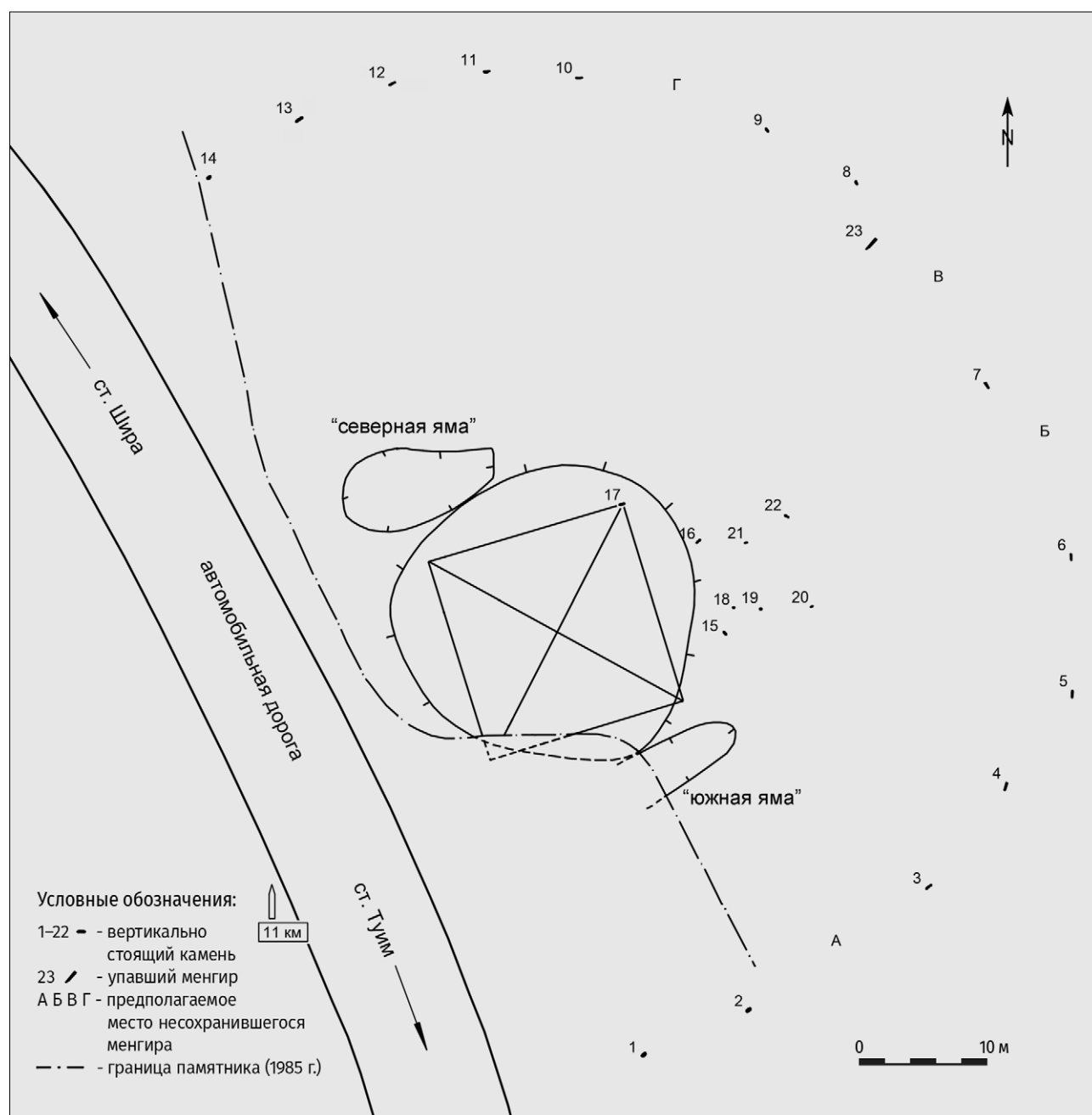

Рис. 2. Туим-Кольцо. Общий план (курган с кромлехом)

Fig. 2. Tuim-Koltso. General plan (a barrow with cromlech)

В насыпи кургана и к востоку от него внутри кольца располагались восемь менгиров, сохранивших первоначальное положение (№ 15–22). Шесть из них образовывали два ряда, отходящих на ВСВ.

К началу раскопок в 1984 г. на своих первоначальных местах уже отсутствовали камни № 1, 2 и 14, а менгир № 13 был повален. При расширении дороги еще больше пострадала западная часть сооружения, в том числе и насыпь кургана. Она представляла собой хорошо задернованный земляной бугор диаметром около 24 м и высотой 0,7 м. В ее центре, с небольшим смещением к ЮЗ, фиксировалась грабительская воронка диаметром около 5 м и глубиной до 0,2 м. В СВ поле кургана в 5–6 м от центра стоял столб действующей телеграфной линии. В южной части насыпи в результате ее разрушения обнажились камни ограды.

В ходе снятия насыпи и дальнейших раскопок внутри дуги менгиров были обнаружены кости животных и предметы, связь которых непосредственно с курганом не очевидна, хотя некоторые из них могли быть выброшены из могил (рис. 3). В СВ поле насыпи, на краю грабительской воронки, были обнаружены разрозненные кости человеческого скелета: плюсны и ребра, а также их обломки.

После снятия насыпи обнажилась конструкция ограды, представляющая собой развернутый по оси ЗЮЗ–ВСВ квадрат размерами около 16×16 м из вкопанных вертикально плиток песчаника (рис. 4), установленных в земляные канавки глубиной в 0,20–0,26 м от древней дневной поверхности, на которой они изначально возвышались лишь на 0,10–0,12 м. По трем сторонам плитки образовывали один ряд, по ЮВ — два. В ВСВ углу ограды сохранился вертикальный менгир (№ 17) размерами 63×42×22 см. Нет сомнений, что аналогичные камни были установлены и в других, ныне разрушенных углах ограды.

Площадь ограды разделена по диагоналям на четыре сектора сплошными вымостками камня. Соединяя углы ограды с ее центром, они прерывались, освобождая место для захоронения № 4. Плиты укладывались встык или внахлест, на некоторых участках очевидно, что кладка велась от центра к углам кургана. Вымостки имели два слоя. Песчаниковые плиты первого лежали на погребенной почве, массивные туфовые второго — на насыпной, толщиной в 0,2 м и более. Нижние ряды были уже (примерно 0,5 м), средняя ширина верхних составляла около 1 м.

На площади внутри ограды было зафиксировано пять каменных могильных ящиков: четыре в цен-

тральной (№ 1, 2, 4, 5) и один (№ 3) в южной части (рис. 4). Исключая могилу № 4, все они были поставлены на погребенный дерн и, лишь немного углубляясь в почву, целиком находились в курганной насыпи.

Ящик № 1 частично разрушен грабительской воронкой (рис. 5). Его примерные размеры по внешней стороне составили 2,2×1,4 м. В сохранившейся части высота его плит составляла до 0,6 м. Он ориентирован согласно основной оси кургана — с ВСВ на ЗЮЗ и практически вплотную примыкает к ЗЮЗ к основному центральному захоронению № 4. Нижние концы его плит только местами были углублены в почву на 0,15 м.

Погребение сильно потревожено грабителями. В заполнении и на дне могилы были обнаружены кости одного взрослого человека. Судя по отдельным костям, сохранившим свое первоначальное положение (часть позвонков и ребер, левое крыло таза, кости стоп), можно утверждать, что он был положен поперек основной оси могилы, вдоль ЗЮЗ стенки, практически вплотную к ней, головой на ССЗ, на спине, с сильно подогнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. Большинство костей, включая череп, в могиле отсутствуют. Находок нет.

Учитывая традиционное положение тела, но не характерное его расположение — поперек ящика, можно предположить, что это захоронение не является основным. Вероятно, оно было совершено позднее в уже существующую могилу. Об этом ниже сказано отдельно.

Ящик № 2 также частично располагался в пределах грабительской воронки (рис. 6). Он образован пятью плитами. Его размеры по внешней стороне составляли 1,52×0,86 м, по внутренней — 1,32×0,81 м, высота плит около 0,6 м, расстояние от верха до дна ящика — 0,45 м. Ориентирован ящик согласно основной оси кургана — по линии ВСВ–ЗЮЗ и расположен параллельно центральному захоронению № 4, с ВЮВ в 0,7 м от него. Основание ЮВ плиты стояло в канавке глубиной 0,2 м от погребенного дерна.

Заполнение могилы содержало плиты песчаника, залегавшие несколькими слоями, — вероятно, остатки перекрытия ящика. Между ними находились разрозненные кости детских и подростковых скелетов, в том числе один череп девочки 12–13 лет. В восточной части на дне могилы в непотревоженном виде сохранились согнутые в коленях кости ног парного погребения. Судя по всему, умершие были уложены на древнюю дневную поверхность на спины, головами на ЗЮЗ, согласно длинной оси ящика.

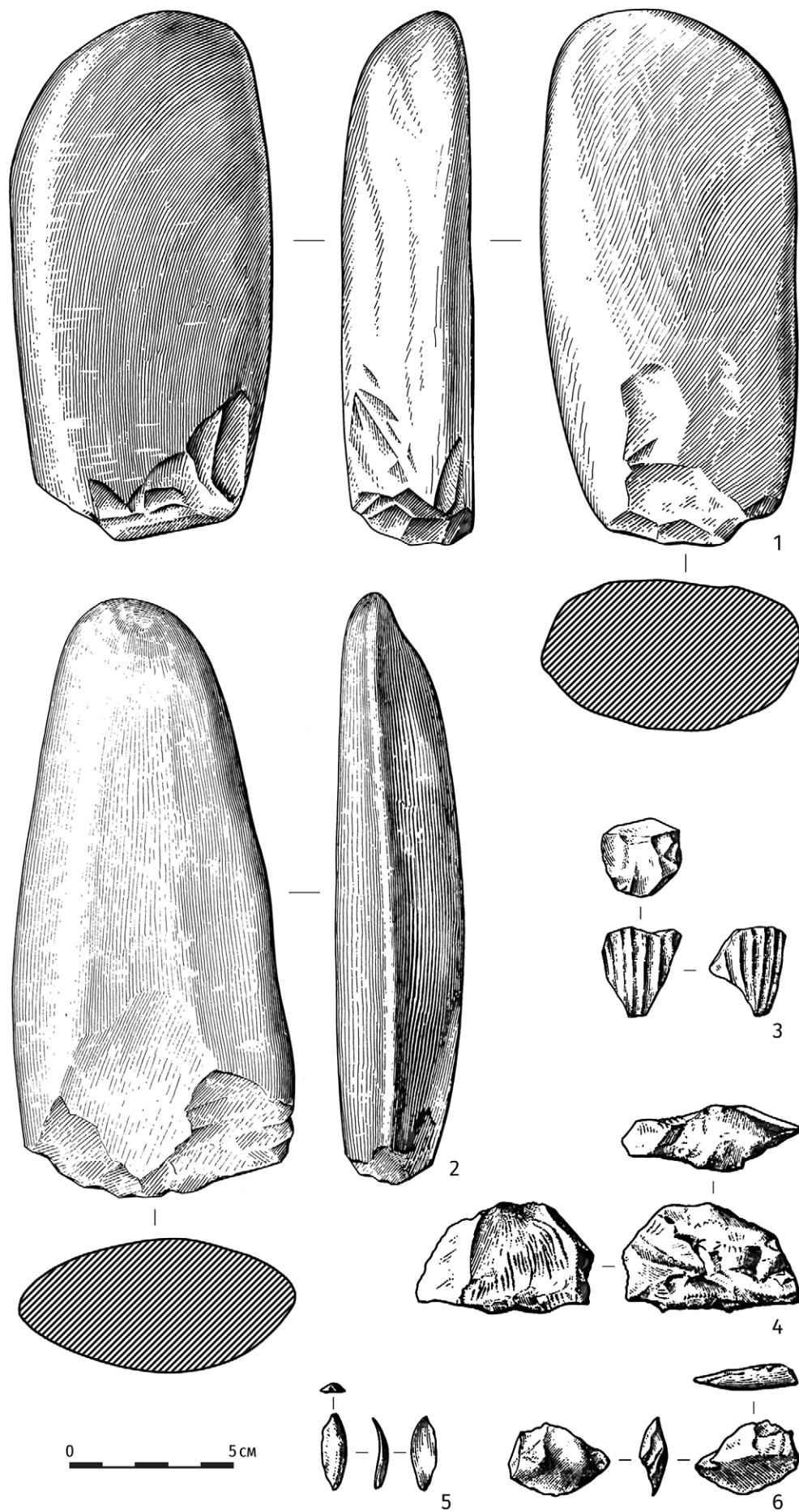

Рис. 3. Туим-Кольцо.
Изделия из камня,
обнаруженные на
площади кромлеха

Fig. 3. Tuim-Koltso.
Stone artifacts
found within
the cromlech

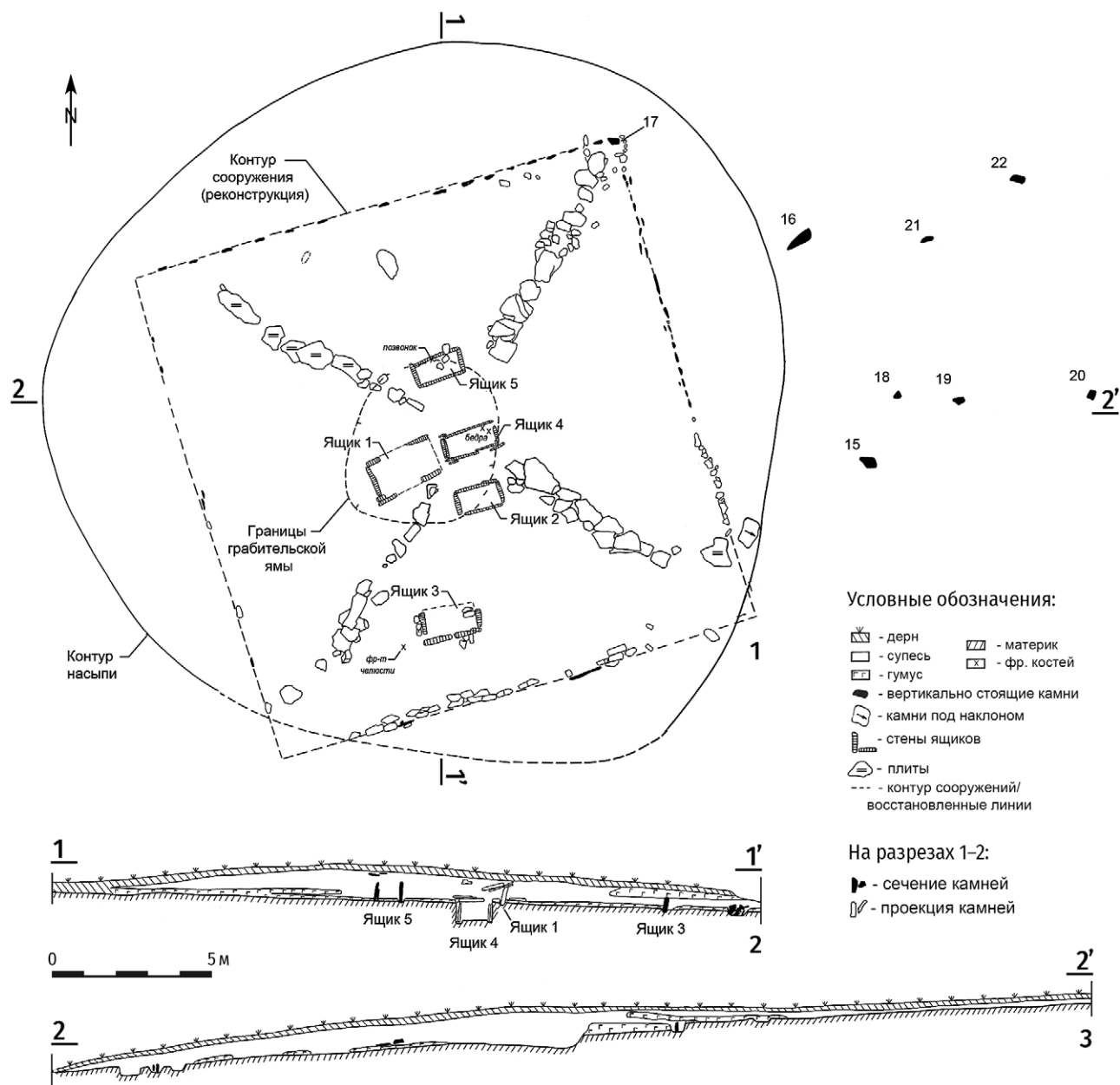

Рис. 4. Туим-Кольцо. Общий план (1) и разрезы (2, 3) кургана

Fig. 4. Tuim-Koltso. General plan (1) and sections (2, 3) of the barrow

Кроме того, на дне могилы обнаружены шесть тазовых костей от четырех разных скелетов и другие кости. Всего в могиле встречены кости не менее восьми детей и подростков.

В погребении обнаружены остатки керамического сосуда баночной формы (рис. 6, 4): фрагменты нижней части — на дне могилы, а обломки верхней — в заполнении, поверх сброшенных плит перекрытия. Под венчиком сосуд орнаментирован пояском из двух рядов округлых вдавлений и двух рядов наклонных оттисков штампа. Ниже по всему тулову сосуда также расположены оттиски штампа, но с про-

тивоположным наклоном. Вторая находка — подвеска из клыка марала с отверстием в верхней части (рис. 6, 3) — была обнаружена в средней части заполнения ящика, под черепом человека.

Ящик № 3 из массивных гранитных блоков отстоял к югу от основной группы могил почти на 3 м (рис. 7). Он располагался по основной оси кургана ВСВ-ЗЮЗ примерно в 2 м от ЮЮЗ стенки ограды, параллельно ей. Его внешние размеры — 2,03×0,85 м, внутренние — 1,72×0,40 м. Высота плит достигала 0,53–0,58 м, их нижние концы незначительно прорезали уровень погребенной почвы.

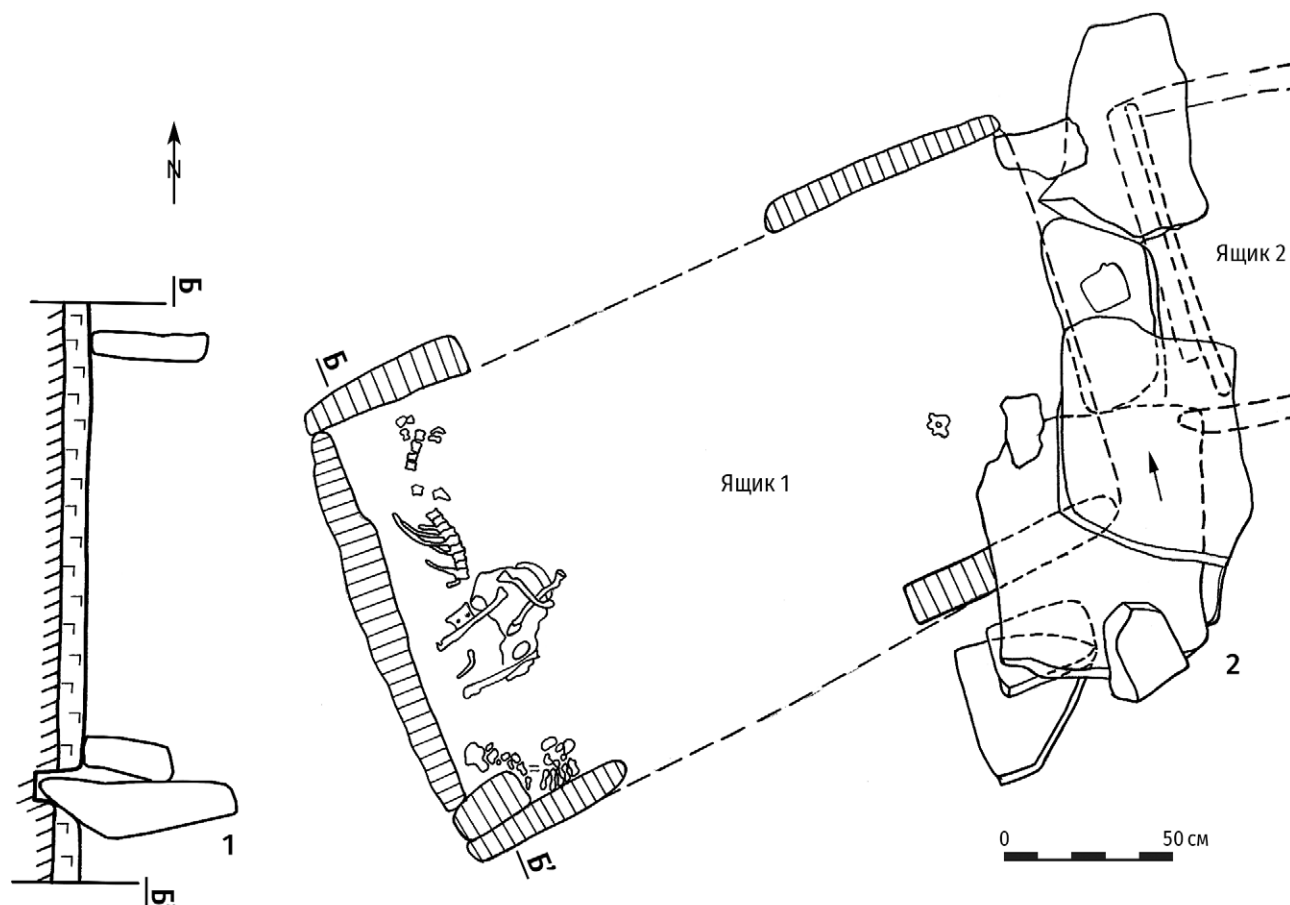

Рис. 5. Туим-Кольцо. Могила № 1. План (1) и разрез (2) конструкций

Fig. 5. Tuim-Koltso. Grave no. 1. Plan (1) and section (2) of the constructions

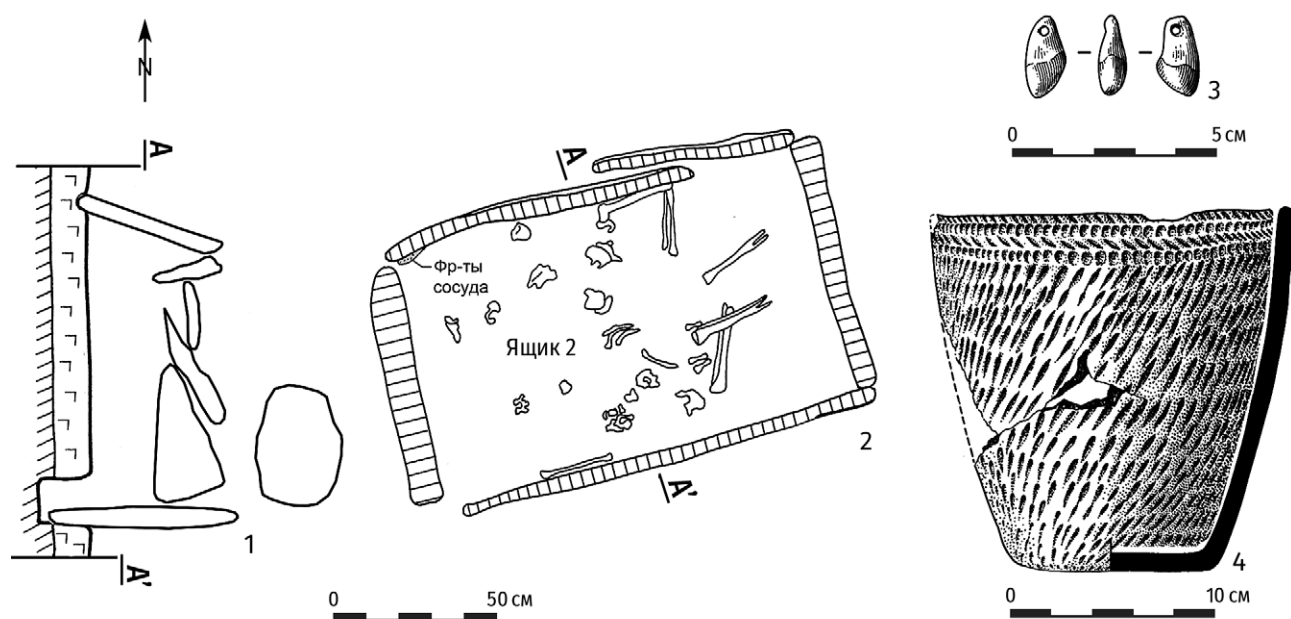

Рис. 6. Туим-Кольцо. Могила № 2. План (1) и разрез (2) конструкций, находки (3, 4). 3 — зуб; 4 — керамика

Fig. 6. Tuim-Koltso. Grave no. 2. Plan (1) and section (2) of the constructions, finds (3, 4). 3 — tooth; 4 — ceramics

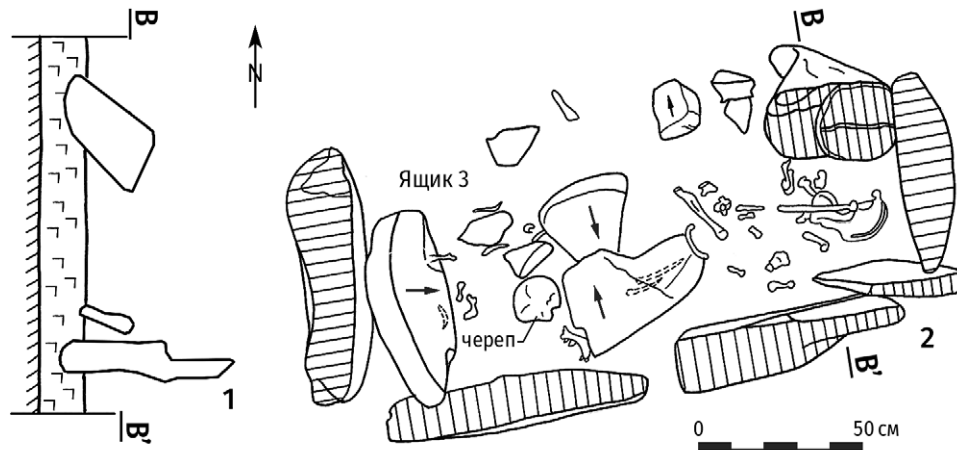

Рис. 7. Туим-Кольцо. Могила № 3. План (1) и профиль (2) конструкций

Fig. 7. Tuim-Koltso. Grave no. 3. Plan (1) and profile (2) of the constructions

Могила заполнена перемешанными фрагментами плит перекрытия и многочисленными костями людей, включая детский череп. Судя по ним, в могиле было захоронено не менее трех человек: старик, подросток и младенец. Определить первоначальное положение тел и их ориентацию не представляется возможным. Находок нет.

Ящик № 4 — центральное погребение, ради которого был возведен курган (рис. 2; 8). В отличие от остальных захоронений, плиты ящика обрамляли могильную яму глубиной 0,70 м от древней поверхности. Из-за скального выхода восточная часть дна повышалась. Верхние грани плит зафиксированы на глубине 1,1–1,2 м от верха насыпи, на 0,10–0,15 м ниже древнего края ямы. Плиты были заглублены на 0,05–0,07 м в специально прорытые у стен канавки, включая прорубленную в материковой скале. Помимо того, плиты были заклинены двумя ярусами камней (рис. 8, 4, 5). Внешние размеры каменного ящика — 1,70×1,15 м, внутренние — 1,53–1,38×0,90–0,84 м, высота его стенок составляла 0,60–0,65 м. Южная и западная стенки оказались двухслойными.

Ящик был перекрыт двумя слоями плит общей длиной 2,5 м, разломанных и смещенных при ограблении в центральной и южной части (рис. 8, 1, 2). На западе располагалась нижняя поперечная плита (104×71×12 см), видимо, некогда бывшая вершиной стелы — ее краю придана полукруглая форма. Такое допущение подкрепляет выбитый в южной части плиты круг (диаметром 8 см) с вписанным косым крестом (рис. 8, 3a). Семантика этого символа неясна.

Кости скелета встречались как в заполнении могилы, так и в грабительском выбросе выше перекрытия. Все они принадлежали одному человеку, предположительно молодой женщине. На дне могилы, у восточной стенки, сохранились, хоть и в переотложенном состоянии, почти все кости обеих стоп. Можно предположить, что погребенная была уложена головой в западном направлении.

Над перекрытием найдены обломки выброшенного из могилы сосуда баночной формы (рис. 9, 13). Он орнаментирован резной линией под венчиком и ниже — линией треугольных оттисков вершиной вверх. Ниже по тулову располагались диагональные линии из полукруглых оттисков штампа. В верхних слоях заполнения ящика обнаружены: зуб копытного животного, подвеска из клыка марала с отверстием в верхней части, ниже — два зуба соболя и резец крупного травоядного. В придонной части найдены еще пять подвесок из клыка марала и каменный лавровидный наконечник стрелы (рис. 9, 1–8, 10–12). У СЗ угла ящика в канавке, выбранной для северной плиты, обнаружена костяная проколка. Возможно, она не относится к сопроводительному инвентарю, а была утеряна или брошена при сооружении могилы (рис. 9, 9).

При разборке каменного ящика на плитах его двухслойных стенок были отмечены многочисленные перекрывающие друг друга рисунки, прочерченные тонкими линиями. На внешней юго-западной плите (97×67×8 см) южной стороны ящика в верхнем пласте изображений вычленяются две фигуры антропоморфных мифологических существ и головы копытных животных, а также, возможно, лошади

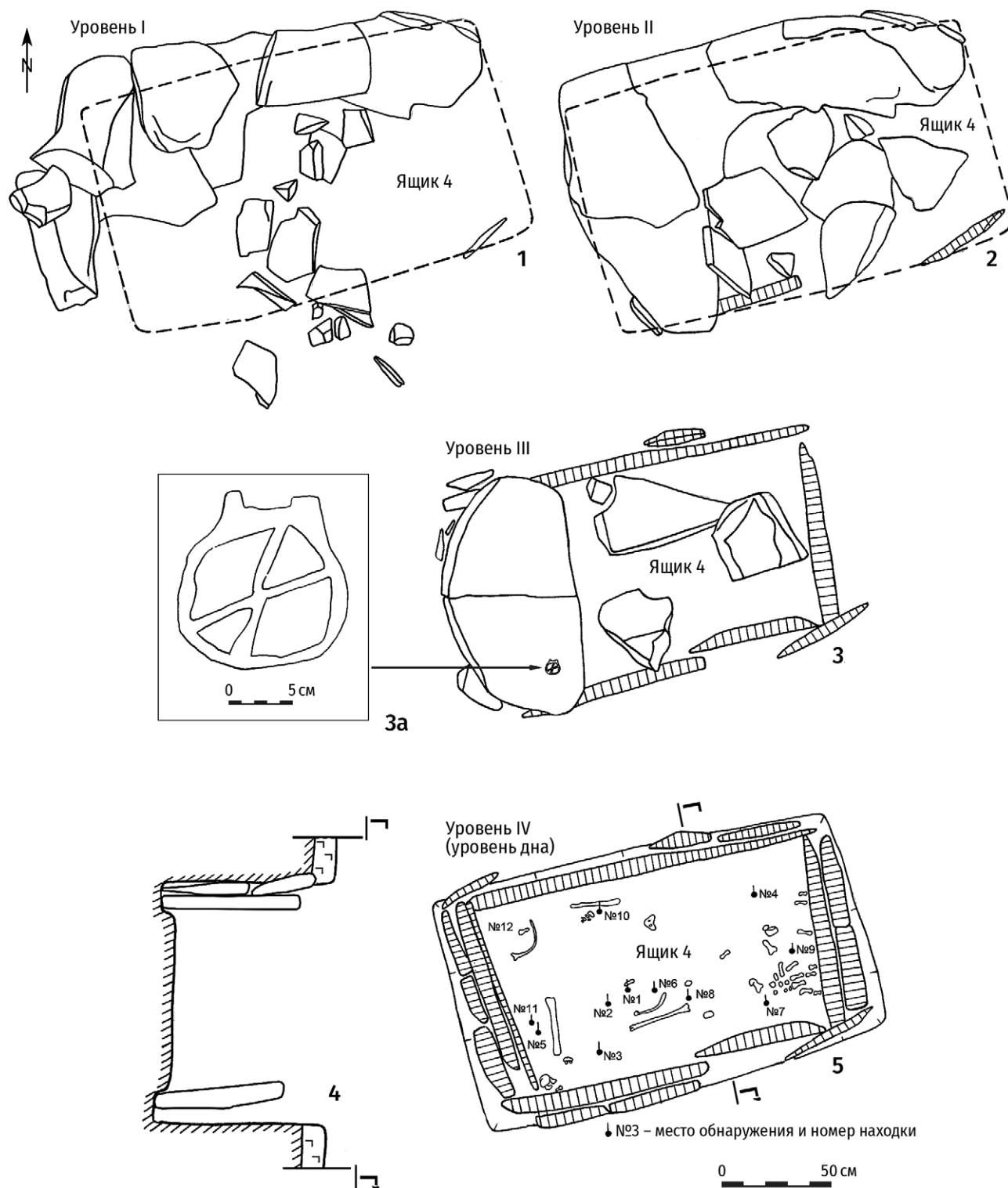

Рис. 8. Туим-Кольцо. Могила № 4. Планы трех уровней перекрытий (1–3) и дна могилы (4), профиль (5) конструкций. Прорисовка изображения на плите перекрытия (3а)

Fig. 8. Tuim-Koltso. Grave no. 4. Plans of three levels of overlaps (1–3) and of the grave's bottom (4), profile (5) of the constructions. Drawing of the image on the overlapping slab (3a)

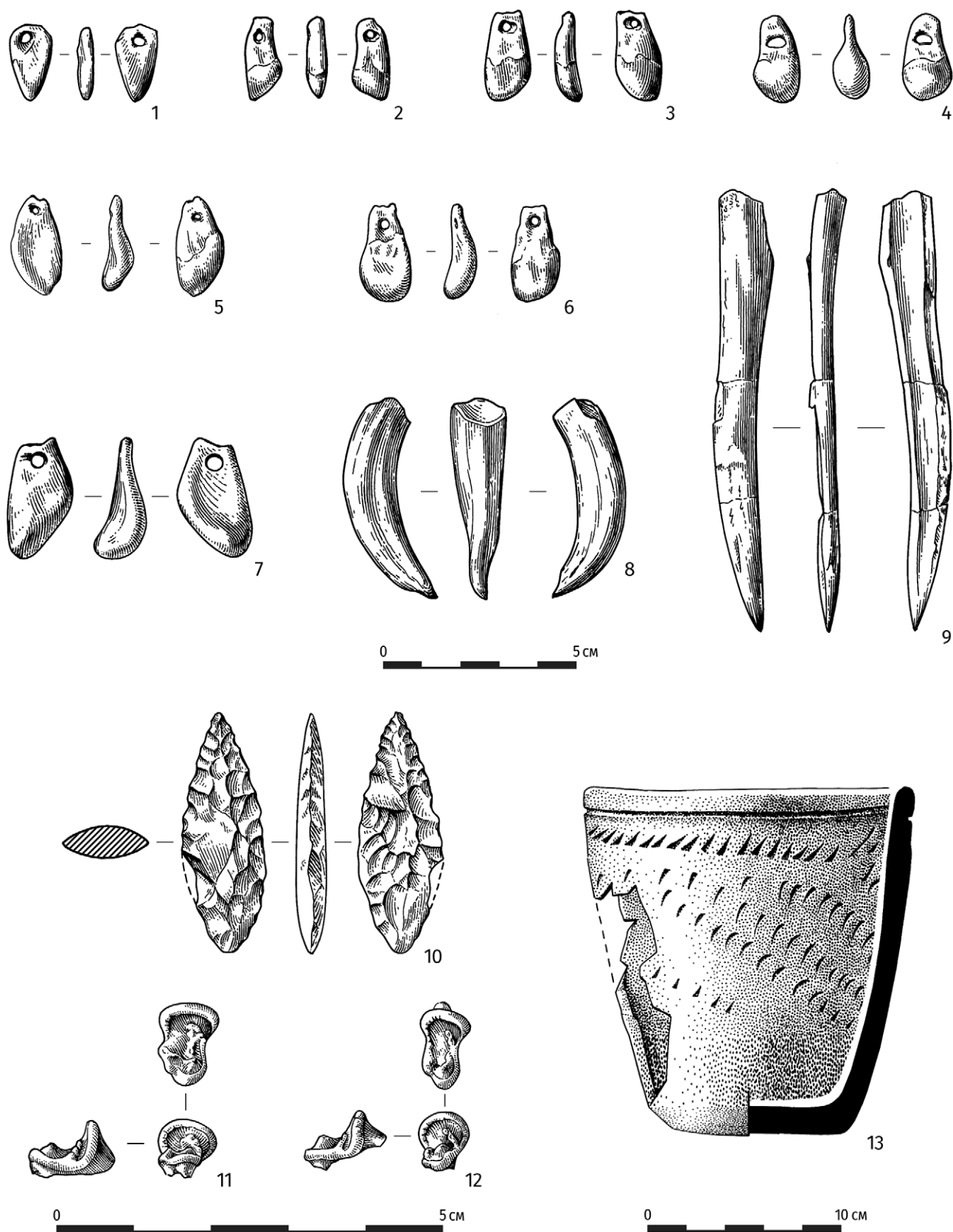
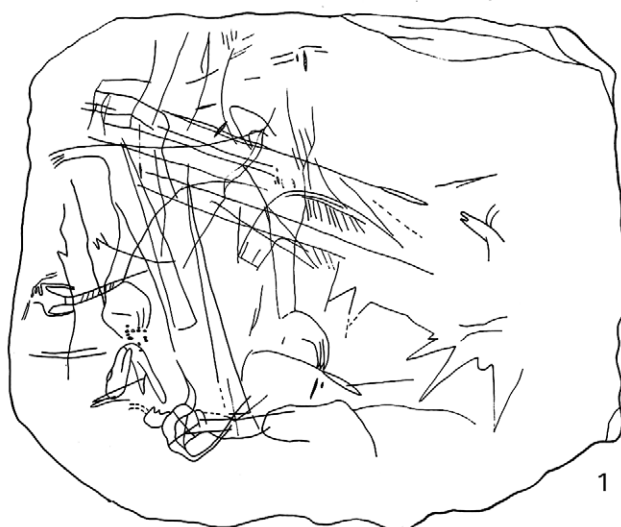
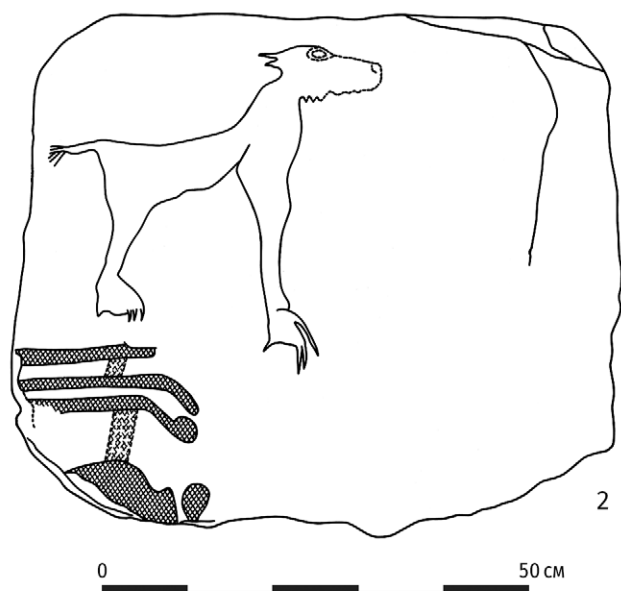

Рис. 9. Туим-Кольцо. Находки из могилы № 4. 1–9, 11, 12 — зуб, кость; 10 — камень; 13 — керамика
Fig. 9. Tuim-Koltso. Finds from the grave no. 4. 1–9, 11, 12 — tooth, bone; 10 — stone; 13 — ceramics

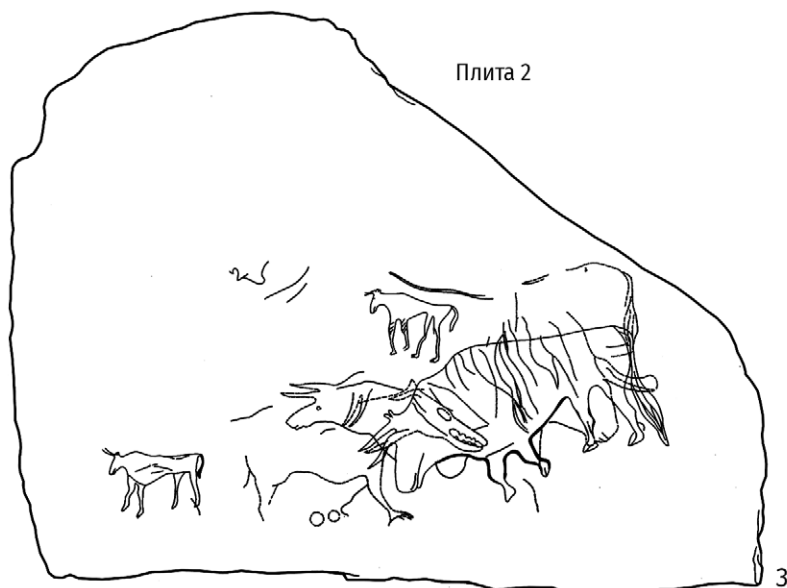
Плита 1. Верхний слой

Плита 1. Нижний слой

Плита 2

(рис. 10, 1). В нижнем слое сохранилось изображение хищника, подобного рыси, и остатки рисунка, нанесенного красной охрой (рис. 10, 2). На второй, внешней плите западной стенки (82×8 см) изображения быков сохранились лучше, угадывается и похожий хищник (рис. 10, 3). В обоих случаях изображения были повернуты к грунтовым стенкам могилы, а в последнем — плита установлена вверх ногами. Следовательно, рисунки не наносились для погребения специально, плиты были переиспользованы в качестве строительного материала без учета имеющихся изображений. Вторым внешним слоем южной стороны ящика служила тонкая длинная плита (148×50 см) с округленными концами и ребрами (рис. 8, 3). Несомненно, в целом ей была придана рыбообразная форма. Все три вышеописанные плиты переданы в Минусинский музей.

Ящик № 5 также частично располагался в пределах грабительской воронки. Ориентирован по основной оси кургана — линии ВСВ–ЗЮЗ, и находился параллельно центральному захоронению № 4 с ЗСЗ на расстоянии около 1,5 м. Его размеры по внешней стороне — 1,62×0,86 м, внутренние — 1,42×0,60–0,68 м (рис. 11), длинные стороны состояли из двух плит каждая. Высота сохранившихся плит составляла около 0,6 м. Нижние их концы незначительно прорезали погребенный дерн.

В могиле были похоронены двое. В верхней части заполнения обнаружен раздавленный череп ребенка. Ниже и на дне могилы, в восточной части в беспорядке находились кости взрослого мужчины возрастом 25–30 лет. Л.Р. Кызласов особо отмечал, что мужской череп

Рис. 10. Туим-Кольцо. Могила № 4. Изображения на плитах ящика. Прорисовки И.Л. Кызласова

Fig. 10. Tuim-Koltso. Grave no. 4. Images on the slabs of the box. Drawings by Igor L. Kyzlasov

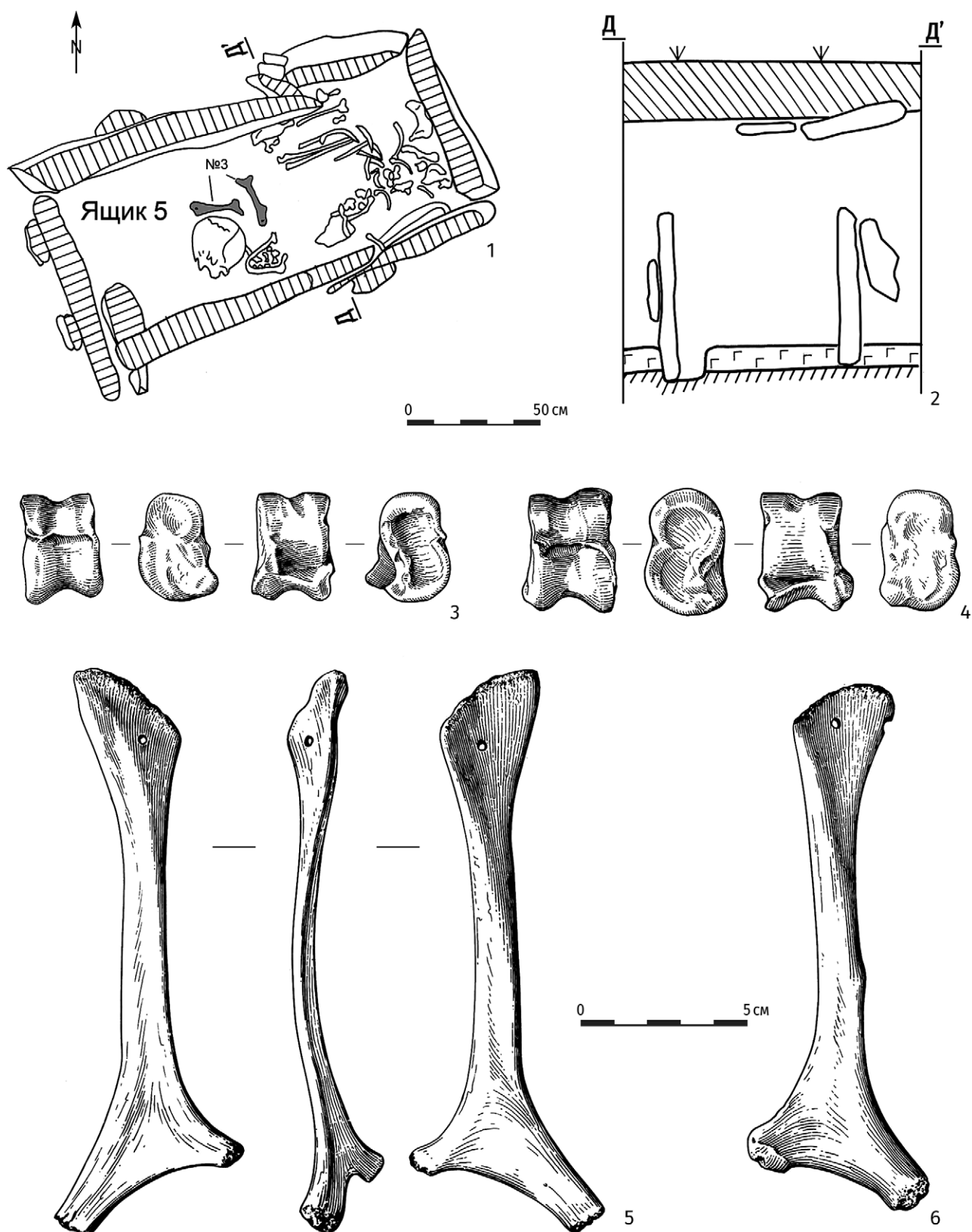

Рис. 11. Туим-Кольцо. Могила № 5. План (1), разрез (2) конструкций и находки (кость)

Fig. 11. Tuim-Koltso. Grave no. 5. Plan (1) and section (2) of the constructions and finds (bone)

долихоцефальный «с тяжелым острым затылком». Первоначальное положение погребенного не устанавливается. В заполнении могилы найдены два астрагала дикого мелкого копытного и две подъязычные кости крупного животного с малыми отверстиями для подвешивания (находка 3) (рис. 11, 3–6).

В процессе работ были сделаны наблюдения, имеющие принципиальное значение для понимания функционирования кургана, в котором зафиксированы два строительных периода. Так, могилы

четко разделяются на две группы. Могила № 4, расположенная в центре кургана в грунтовой яме, должна рассматриваться отдельно. Все остальные погребения совершены позднее, когда уже была сделана первая курганная насыпь. Точно так же, в два этапа строительства, укладывается конструкция диагональных выкладок. Первоначальные линии были узкие и невысокие, а повторившие их поздние — шире и выложены из камня другого типа.

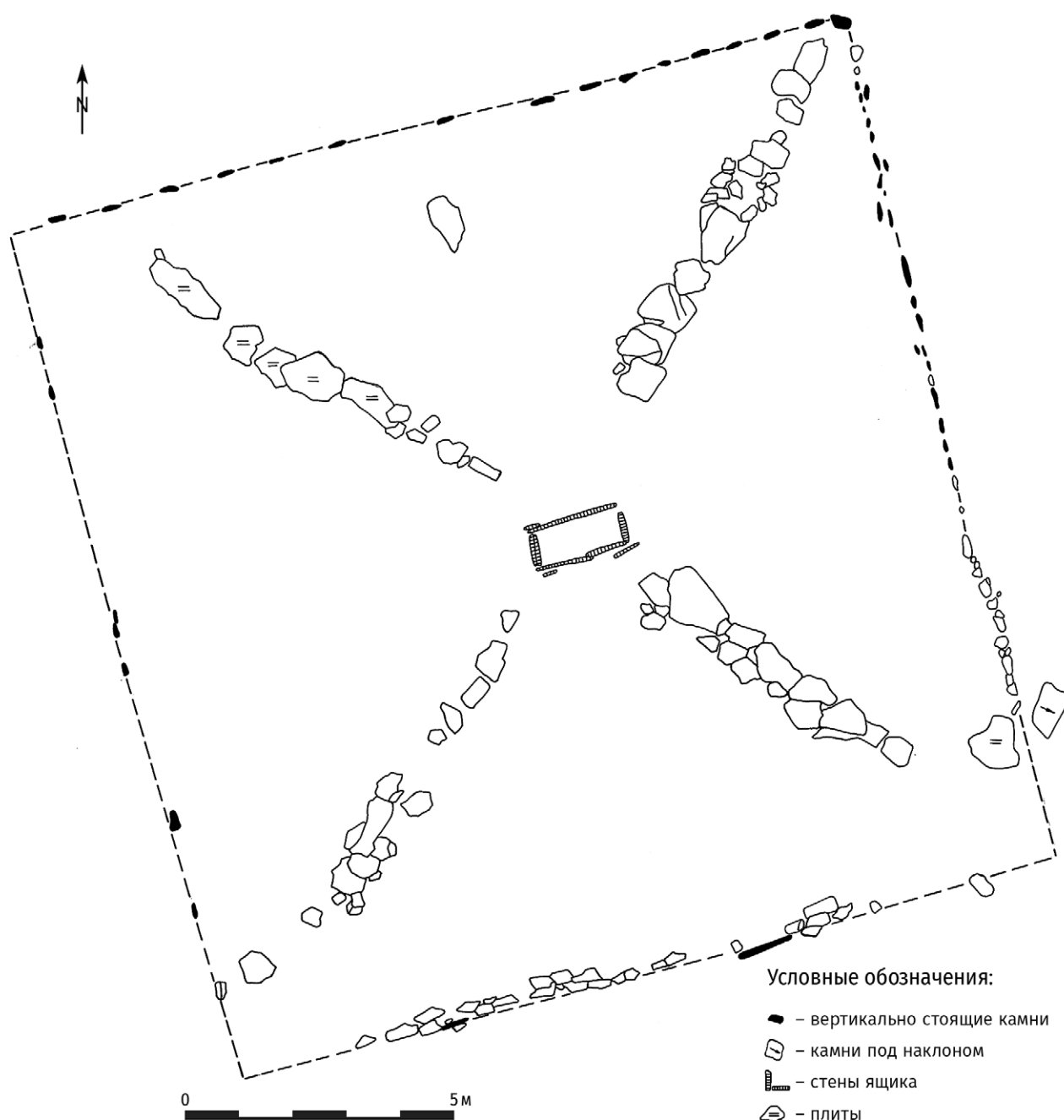

Рис. 12. Туим-Кольцо. План первоначального сооружения кургана (реконструкция)

Fig. 12. Tuim-Koltso. The plan of the original construction of the barrow (reconstruction)

Таким образом, по мнению Л.Р. и И.Л. Кызласовых, первоначально погребальный комплекс имел следующий вид: квадратная ограда с менгирами по углам, в ней под открытым небом находился размещенный в центральной яме ящик № 4, перекрытый большими плитами. От него к углам ограды на уровне древнего горизонта шли узкие невысокие вымостки, образующие диагональный крест (**рис. 12**). К ВСВ от кургана были установлены вертикальные камни и сооружена большая дуга из менгиров.

Через некоторое время наступил новый этап функционирования кургана. На поверхности все еще открытой площадки были установлены каменные ящики № 1–3 и 5. Для поддержания их плит была произведена засыпка грунтом центральной части кургана, при этом ограда оставалась открытой. Сооружение приобрело пирамидальную форму, его вершиной служила вытянутая с севера на юг площадка, на поверхность которой выходили плиточные перекрытия могильных ящиков № 1, 2 и 5, и, возможно, № 3 (хотя этот ящик мог быть сооружен позднее в южной, возможно, еще не занятой насыпью части ограды). По склонам земляной пирамиды были выложены восходящие от подошвы вымостки из туфовых и гранитных плит. Их направление выдержано точно, так как пирамида была невысокой (высота ящиков около полуметра), ограда оставалась открытой, ориентирами являлись менгиры по ее углам.

Завершила сооружение кургана новая, перекрывающая все кроме ограды земляная насыпь. Ее высота не менее чем на метр превышала высоту могильных ящиков второго яруса.

На каждом из этапов работ в соответствующие ящики производили подзахоронения, а позднее происходили их ограбления.

Для насыпи кургана грунт брался к северу и югу от его ограды (**рис. 2**). Несмотря на довольно большую площадь ям, глубина их невелика, извлеченный оттуда грунт был использован на сооружение невысокой насыпи. Другая особенность этих ям — постепенное естественное заполнение затекавшим грунтом — позволяет учитывать обе ямы как существовавший элемент композиционного построения всего Туимского комплекса.

На момент проведения раскопок этот комплекс был уникальным, а из-за его монументальности складывалось впечатление о его экстраординарном характере. Такая ситуация продолжалась более 30 лет. Однако новейшие раскопки показали, что

практически все элементы, которые были здесь прослежены (в том числе объекты, расположенные за пределами самого кургана), имеют аналогии и на других памятниках (см.: *Поляков, 2014а*). Особенность кургана Туим-Кольцо состоит, в первую очередь, в его относительно хорошей и полной сохранности.

Наиболее редким элементом комплекса является кольцо из менгиров, обрамляющее курган. Его диаметр немногим более 80 м. Точнее установить сложно, так как кольцо сохранилось не полностью и установленные стелы не укладываются в идеальную геометрическую окружность. В записях Л.Р. Кызласова высказано сомнение в том, было ли это полное кольцо или только его часть, хотя им же отмечено, что, по словам местных жителей, за дорогой, в западной части ранее все же стояли 1–2 менгира.

В последние годы исследователями, знающими о Туимском кромлехе, были замечены небольшие участки аналогичных колец из вертикально установленных камней в еще двух раскопанных ими комплексах. Во-первых, это курган № 1 могильника Красный Камень (*Лазаретов, Поляков, 2018а*). При его раскопках к СЗ от насыпи были обнаружены основания трех стел, развернутых плоскостью к кургану и расположенных через равные промежутки. Если провести через них окружность с центром в могиле № 1, то ее диаметр составит около 60 м. Обращает на себя внимание, что в конструкции этого кургана также присутствуют сложенные из камней «диагонали». Есть и другие важные параллели, которые позволяют тесно связывать этот курган с комплексом Туим-Кольцо.

Во-вторых, объект этого типа раскопан в 2021 г. Саянской экспедицией ЮСФ ИИМК РАН на могильнике Усть-Камышта-1 и пока не опубликован⁷. Курган № 32 представлял собой традиционную подквадратную ограду окуневской культуры с размером сторон чуть более 10 м. Поскольку вскрытие памятника производилось сплошным раскопом, к З и ЮЗ от кургана удалось проследить два вертикальных менгира, установленных плоскостью к центру сооружения. На одном из них, в нижней заглубленной части, находилось изображение окуневского времени в виде личины, что подтверждает связь этих камней с курганом. Они располагались на одинаковом расстоянии от центра могилы, которое предполагает существование кольца менгиров диаметром около 46 м. В до-

⁷ Держатель Открытого листа — А.В. Поляков, руководители работ — И.П. Лазаретов и В.М. Лурье.

полнение к этому площадь кургана разделена на сектора «диагоналями», полностью аналогичными тем, что наблюдались у курганов Туим-Кольцо и Красный Камень (курган № 1).

Интересно отметить, что при заметной разнице в диаметре отличается и расстояние между менгирами. Чем меньше кольцо, тем чаще они стоят, однако пока этот вопрос можно изучать только на двух объектах: Туим-Кольцо и Красный Камень, курган № 1. В первом случае при диаметре свыше 80 м расстояние между соседними камнями составляет 9,29 и 7,82 м (27–28 камней в окружности). Во втором — это 60 и 7,0–7,5 м соответственно (25–27 камней). Учитывая возможную погрешность в измерениях, особенно в отношении второго памятника, нельзя исключать, что число стел было постоянным.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется уже три комплекса, обладающих весьма схожими, но при этом крайне редкими признаками: наличием кольца из менгиров, «диагональными» кладками и одним центральным погребением, совершенным ниже уровня древнего горизонта. Последнее означает, что курган возводился только для одной основной могилы, после захоронения в которой он перекрывался насыпью. Более поздние могилы впускались уже в нее и являются относительно поздними. Таким образом, Туим-Кольцо является не уникальным, но крайне редким типом погребально-ритуальных памятников, имеющих особую значимость для окуневского общества. Уже было отмечено, что в центральных могилах этих сооружений обычно захоронены женщины детородного возраста (Кызласов, Кызласов, 1986. С. 186; Кызласов Л., 1987. С. 144; Лазаретов, Поляков, 2018а. С. 35). Это, безусловно, является символическим актом, значение которого еще предстоит осмыслить.

Расширяя круг аналогий кургана Туим-Кольцо, следует, в первую очередь, обратить внимание на то, что «диагональные» кладки встречаются нередко. Кроме перечисленных случаев, они известны на могильниках Карасук II, Карасук VIII, Уйбат-Батень, Итколь I, Итколь II (Комарова, 1981; Поляков, 2014б). Среди раскопанных курганов они составляют не менее 12–15 %. На всех указанных памятниках раскопки велись ограниченной площадью, таким образом нельзя исключать, что и в этих случаях могли существовать кольца из менгиров. Обнаружить их можно лишь случайно, так как диаметр кольца, как показывает практика, может колебаться в весьма широких пределах. Это еще раз подчеркивает значение

комплекса Туим-Кольцо как наиболее крупного, хорошо сохранившегося и целиком раскопанного объекта этого редкого типа.

Две крупные ямы, расположенные с севера и юга от курганный насыпи этого памятника (рис. 2), совершенно справедливо рассматривались как источники грунта для создания насыпи. Причем отмечалось, что, судя по всему, они стояли незасыпанными очень долгое время и заполнялись грунтом в ходе естественных природных процессов (Кызласов, Кызласов, 1985. № 11149, л. 21–22). На сегодняшний день изучены еще четыре кургана, у которых за пределами ограды прослежены аналогичные неглубокие, но обширные ямы. Это упомянутые курган № 32 могильника Усть-Камышта-1 и курган № 13 могильника Итколь II (Поляков, 2014б), у которых прослежены и «диагонали». Кроме того, отдельные ямы зафиксированы при раскопках рядовых курганов Уйбат V и Мохов I (Лазаретов, 1997; Киргинеков, 1997).

Все эти ямы вытянуты в виде овала или прямоугольника с округленными углами вдоль стенок ограды. Суммируя информацию, несложно заметить, что эти ямы могут присутствовать со всех сторон, кроме восточной. Наиболее ярко это прослежено на примере кургана № 13 могильника Итколь II, где их удалось проследить максимально подробно. Там они были представлены сразу с трех сторон от кургана (с севера, запада и юга). Вероятно, отсутствие таких ям с восточной стороны связано с ритуальными площадками, речь о которых пойдет далее. Еще одна важная особенность этих ям заключается в том, что они стояли очень долгое время в открытом виде и заполнялись грунтом естественным образом. Например, в случае кургана № 13 могильника Итколь II северная яма была использована тагаро-таштыкским населением в качестве помойки (Поляков, 2014б). То есть спустя почти 2000 лет она все еще представляла собой вполне заметное углубление, не заплывшее даже до середины своей первоначальной глубины. Как справедливо отмечал в отчете Л.Р. Кызласов, это означает, что данные ямы также имели некое символическое значение для восприятия этого сооружения наблюдателем.

Менгиры кромлеха Туим-Кольцо, поставленные к ВСВ от кургана (рис. 2; 4, 15, 16, 18–22), и центральное погребение № 4 были сооружены одновременно и по общему замыслу. Совпадение центральной оси угла, образованного разворотом менгиров № 15 и 16 с осью ящика № 4 имеет азимут 73°25', что соответствует направлению на восход солнца в день летнего

солнцестояния. Два ряда прочих стел, как бы «ворота», вероятно, также связаны с этим. С привлечением данных палеоастрономии символика всего объекта была осмыслена как модель мироздания: небесного круга и земного квадрата, ограниченного горными хребтами, с мировой горой в центре и священными вершинами по углам (Кызласов, Кызласов, 1985. № 11149, л. 22; Кызласов Л., 1987. С. 144; Кызласов, Кызласов, 1987. С. 255; Кызласов, 1989. С. 207–208, рис. 7; Кызласов, Мылтыгашева, 2001. С. 174).

Относительно недавно это чрезвычайно важное наблюдение было в целом подтверждено в отношении курганов окуневской культуры. Было установлено, что к востоку от курганов создавались специальные площадки для проведения ритуалов (Поляков, 2010; 2014а; Лазаретов, Поляков, 2018а; Поляков и др., 2018. С. 136–136, рис. 22). В некоторых случаях они были детально оформлены, а иногда только обозначались несколькими камнями, но всегда, когда поиски таких площадок проводились, их удавалось обнаружить. Аналогичные сооружения были выявлены при исследовании синхронных памятников Тувы и Монголии (чемурчекская культура) (Тишкин и др., 2012; Лазаретов, 2017; 2019а; Лазаретов, Поляков, 2018б). Причем они повторяются в этих разнотипных объектах с точностью до деталей. Это позволяет считать, что на обширных пространствах Южной Сибири и Центральной Азии существовали схожие ритуалы, связанные с погребальной практикой, возможно, отражающие единые религиозно-мифологические представления.

Раскопки объекта Туим-Кольцо не выявили связи указанной группы стел с какой-либо ритуальной площадкой. Возможно, это была иная конструкция, но она также находилась к востоку от кургана.

Сооружения самого кургана полностью соответствуют традициям окуневской культуры. К сожалению, большинство плит ограды отсутствовало на своем первоначальном месте, но их расположение восстанавливается по наличию канавок и плит забутовки, которые в них сохранились (рис. 4). Вероятно, плиты были извлечены позднее для сооружения курганов могильника Узун-Харых. Зафиксированная в Туим-Кольце ограда довольно крупная для окуневской культуры (средний размер оград обычно составляет 10–12 м), однако она гораздо меньше, чем сооружения Тас-Хазаа и курган № 12 могильника Итколь II, ширина которых составляет около 40 м (Липский, Вадецкая, 2006; Поляков и др., 2018).

Важнейшей особенностью является угловой камень в ВСВ углу ограды, сохранившийся на своем первоначальном месте (стела № 17). В годы раскопок это был первый подобный случай для окуневской культуры. Сейчас известен второй курган, где сохранились такие угловые камни — Красный Камень, курган № 2 (см. статью И.П. Лазаретова и А.В. Полякова в настоящем сборнике на с. 130–152). Более того, в ходе раскопок последних лет в углах многих окуневских курганов были прослежены специальные ямы, иногда с сохранившейся забутовкой — следы установки несохранившихся камней. Видимо, это был довольно распространенный конструктивный элемент. Есть основания полагать, что именно в окуневской культуре возникла традиция установки угловых камней, которая получила в дальнейшем широкое распространение по всей Южной Сибири и Центральной Азии. Семантика такой формы кургана, в том числе с использованием кромлеха Туим-Кольцо, была раскрыта его исследователями (см.: Кызласов Л., 1987; Кызласов И., 1987; 1989. С. 201–208).

Конструкции могил кургана Туим-Кольцо также полностью находятся в русле традиций окуневской культуры. Для нее типичны каменные ящики, как заглубленные ниже древнего горизонта, так и впущенные в насыпь. Можно только отметить, что в некоторых случаях вместо относительно тонких плит используются каменные блоки. Вероятно, это связано с особенностью местных источников камня.

К сожалению, погребения кургана Туим-Кольцо чрезвычайно сильно потревожены в ходе неоднократных проникновений — можно проследить многие детали погребального обряда. Судя по положению костей, сохранивших свое первоначальное положение, в могилах № 2 и 4 погребенные были уложены головой в западном направлении, что наиболее характерно для окуневской культуры. Столь же обычно и положение тела в могиле № 3. В могиле № 1 реконструируется традиционная поза — на спине, с согнутыми ногами и коленями, поднятыми вверх. Однако там человек был уложен поперек длинной оси ящика, головой на ССЗ, что встречается крайне редко, но не является уникальным (Казановка-8, могила № 1, верхний уровень (см. статью А.В. Полякова и соавторов в настоящем сборнике)).

В целом, традиция впускных захоронений чрезвычайно распространена в окуневской культуре. Известны случаи, когда в одной могиле, рассчитанной на индивидуальное захоронение, находят останки множества погребенных, например, до 22 чело-

век — могила № 1 кургана № 1 могильника Итколь I (*Лазаретов и др.*, 2018). Это справедливо и в отношении комплексов кургана Туим-Кольцо. Только в могиле № 4 зафиксировано захоронение одной женщины, что, вероятно, связано с особым статусом погребенной. Хотя в могиле № 1 найдены кости только одного человека, это погребение не было там первым. В ящиках № 5 и 3 погребено, соответственно, два и три человека. Наиболее яркая картина прослеживается в могиле № 2, где обнаружены кости восьми человек.

Поскольку ни кости животных, встреченные в мелких обломках, ни редкие изделия и поделки (**рис. 3**), найденные вне погребальных ящиков, не образовывали скоплений и были бессистемно разбросаны по огромной площади кромлеха, изученной в 1985 г., исследователи заключили, что эти остатки не являются деталями погребального или поминального обряда, а связаны с процессом сооружения туимского комплекса (*Кызласов, Кызласов*, 1985. № 11149, л. 22–23). Крупные каменные орудия, изготовленные из гальки (**рис. 3, 1, 2**), имеют близкие, но гораздо более качественно изготовленные аналогии в составе «клада», найденного на площади кургана № 1 могильника Красный Камень (*Лазаретов, Поляков*, 2018а. С. 37–38, **рис. 4**). По определению трасологов О.Н. Загородней и Е.Ю. Гири, они использовались для земляных работ. Таким же образом были оценены подобные орудия (названные «отбойником» или «молотом и топором»), обнаруженные в 1984 и 1985 гг. на объекте Туим-Кольцо. Относясь к строительным инструментам, «наравне с погребальным инвентарем, они могут определять время создания кромлеха и его культурную принадлежность» (*Кызласов, Кызласов*, 1985. Л. 22–23). Отметим, что большое число подобных изделий было найдено в ходе раскопок на горе Чебаки (см.: *Готлиб, Подольский*, 2008. Рис. 52–54).

Инвентарь, обнаруженный в могилах кургана Туим-Кольцо, типичен для окуневской культуры. Найдено два сосуда баночной формы с характерными орнаментами (**рис. 6, 4; 9, 13**). К сожалению, они не имеют ярко выраженных признаков уйбатского или черновского этапа (*Поляков*, 2022. Рис. 62; 63; 77; 78). Основная часть инвентаря представлена подвесками из зубов марала, зубами соболя и клыком животного (**рис. 6, 3; 9, 1–8, 11, 12**). Это традиционные украшения, обычно связанные с погребениями женщин. В данном случае таковы могила № 4, а также могила № 2, где захоронено восемь человек, среди которых наверняка были женщины. Чаще всего украшения

из зубов животных нашивались на одежду и сумочки или использовались в составе ожерелий. Известны случаи, когда в одной могиле обнаруживали сотни подобных изделий (*Поляков и др.*, 2018. С. 130).

Распространенной находкой являются и астргалы барана, иногда со сточенными гранями (**рис. 11, 3, 4**). Они встречаются в захоронениях разных хронологических горизонтов в период существования всей культуры. Иногда на них можно проследить окраску, что подтверждает неслучайный характер их нахождения в погребении. Практически не встречались в могилах костяные проколки, сделанные из осколка трубчатой кости (**рис. 9, 9**). Подобные изделия не входят в состав погребального инвентаря. Вероятно, ее наличие в погребении носит случайный характер, что подтверждается обнаружением проколки в канавке для установки плиты. Возможно, она была утеряна в процессе строительства могилы № 4.

Интересен каменный наконечник стрелы (**рис. 9, 10**). Их нечасто находят в могилах, так как в состав погребального инвентаря они входят в единичных случаях (*Поляков*, 2022. Рис. 66, 12, 13; 80, 12–15, 19–21; 86, 20). Обычно они попадают в могилы в результате нахождения в телах погибших людей. Большая серия каменных наконечников стрел окуневской культуры была обнаружена в ходе раскопок на горе Чебаки (*Готлиб, Подольский*, 2008. Рис. 49–51). Редкостью являются и подвески из подъязычной кости копытного животного с отверстием для подвешивания (**рис. 11, 5, 6**). Семь аналогичных заполированных костей, вероятно, косули (из которых четыре — с отверстиями) были найдены в могиле № 21 кургана № 2 могильника Верхний Аскиз I (*Ковалев*, 1997. С. 93, табл. XI, 31). Эти изделия, безусловно, использовались как амулеты.

В кургане Туим-Кольцо обнаружены плиты с изображениями (**рис. 8, 3а; 10**). Все они найдены в могиле № 4 — в качестве крышки и стенок ящиков. На хорошо обработанной плите перекрытия зафиксирован одиночный, четко выбитый знак: круг с диагональным крестом в нем, который следует рассматривать как «колесовидный» (**рис. 8, 3а**). Плита, служившая стенкой ящика, покрыта многочисленными гравированными изображениями, перекрывающими друг друга (**рис. 10, 1, 2**). Многие изображения верхнего слоя трудно различимы, но можно проследить несколько голов копытных животных и почти полное изображение лошади. Если это так, учитывая хронологию кургана (о которой речь далее),

это наиболее раннее изображение лошади, связанное с окуневской культурой. Другие подобные изображения, известные в окуневской культуре, датируются сравнительно более поздним временем (см.: Миклашевич, 2006). Нижний слой представляет собой образ хищного животного — важную часть мифологемы окуневского общества (Студзицкая, 1997; Савинов, 2006. С. 168–170, рис. 17–20; Заика, 2021). Еще одна плита содержит подобный набор изображений, перекрывающих друг друга: мифический хищник и несколько разных по стилистике быков (рис. 10, 3).

Хронологическая позиция кромлеха Туим-Кольцо устанавливается довольно уверенно. Ныне окуневская культура разделяется на три этапа: уйбатский, черновский и разливский, выделенные И.П. Лазаретовым и Д.Г. Савиновым (Лазаретов, 1997; Савинов, 2005; Поляков, 2021; 2022. С. 95–191). Продолжающиеся исследования позволяют И.П. Лазаретову на современном этапе выделить уже пять хронологических горизонтов (Лазаретов, 2019б). По совокупности признаков: конструкции кургана и сопроводительному инвентарю, — комплекс Туим-Кольцо следует датировать начальной стадией раннего черновского этапа культуры. Исходя из представительной выборки радиоуглеродных дат, этот этап датируется XXII–XX вв. до н.э. (Поляков, 2017). Таким образом, наиболее вероятная дата кургана — XXII в. до н.э.

В лаборатории Геологического института РАН в 1988 г. Л.Д. Сулержицким было проведено измерение возраста кургана Туим-Кольцо на основании анализа кости человека из могилы № 5 (ГИН-5498 — 3740±60 BP). После обработки этой даты в программе OxCal v4.4.4 на основании калибровочной кривой IntCal20 с 95,4 % вероятности можно утверждать, что это погребение относится к периоду 2341–1956 calBC (рис. 13). Таким образом, данные радиоуглеродного анализа не противоречат сделанным ранее выводам, однако в силу слишком широкого доверительного интервала не могут помочь в установлении его более точной даты.

Подводя итог первичной публикации материалов, полученных при раскопках погребально-ритуального комплекса Туим-Кольцо, следует отметить, что на сегодняшний день это чрезвычайно важный, однако не уникальный объект, которым он являлся на момент раскопок. Различные элементы, впервые прослеженные здесь в 1984–1985 гг., ныне представлены в других памятниках (Красный Камень, курган № 1; Усть-Камышта-1, курган № 32). Однако он сохраняет свое значение как наиболее крупный, хорошо

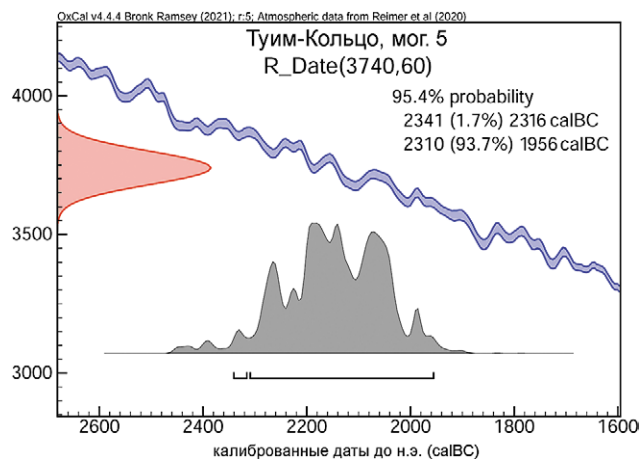

Рис. 13. Туим-Кольцо. Могила № 5. Радиоуглеродная дата, полученная по кости человека

Fig. 13. Tuim-Koltso. Grave no. 5. Radiocarbon date obtained from the human bone

сохранившийся и полностью изученный объект данного типа. В дальнейшем необходимо его монографическое издание, так как многие детали конструкции памятника и материалы отчетной документации раскопок не получили отражения в этой сравнительно небольшой статье.

Существование особого типа погребально-ритуальных объектов, выделяющихся по наличию кольца из менгиров и диагональных кладок, уже не вызывает сомнения. Дальнейшее их изучение позволит приоткрыть завесу тайны над религиозно-мифологическими представлениями оставившего их населения. Это особенно важно, так как схожие верования, вероятно, в конце III — на рубеже III–II тыс. до н.э. были представлены и у других народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Литература и архивные материалы

- Готлиб, Подольский, 2008 — Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све — горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Элексис Принт, 2008. 222 с.
- Заика, 2021 — Заика А.Л. Образ фантастического хищника на стелах и изваяниях окуневской культуры // ПИФК. 2021. № 2. С. 31–49.
- История..., 1993 — История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / отв. ред. Л.Р. Кызласов. М.: Наука, 1993. 525 с.
- Киргинеков, 1997 — Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.
- Ковалев, 1997 — Ковалёв А.А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Там же. С. 80–112.

- Комарова, 1981 — Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 76–90.
- Кызласов, 1971 — Кызласов Л.Р. Двадцатый год работы Хакасской экспедиции // АО 1970 года / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 218–219.
- Кызласов, 1972 — Кызласов Л.Р. Каменные «старушки» Хакасии // АО 1971 года / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 295–296.
- Кызласов, 1986 — Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 295 с.
- Кызласов И., 1987 — Кызласов И.Л. Семантика тагарского кургана // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (1987; Омск): Тез. докл. обл. науч. конф. Омск: Омск. гос. ун-т, 1987. Ч. II. С. 94–97.
- Кызласов Л., 1987 — Кызласов Л.Р. Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (Суздаль; 1987 г.): Тез. докл. Всесоюзной конф. / отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 143–145.
- Кызласов, 1989 — Кызласов И.Л. Воплощения вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. 1989. Вып. XXI. С. 193–212.
- Кызласов, Кызласов, 1978 — Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Отчет о работе Хакасско-Тувинской археологической экспедиции МГУ и ИА АН СССР в 1978 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7742, 7742а, 7742б.
- Кызласов, Кызласов, 1984 — Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ и Саяно-Алтайского отряда ИА АН СССР в 1984 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10650, 10650а, 10650б.
- Кызласов, Кызласов, 1985 — Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Отчет о работах Хакасской археологической экспедиции МГУ и Саяно-Алтайского отряда ИА АН СССР в 1985 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11149, 11149а.
- Кызласов, Кызласов, 1986 — Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Северной Хакасии // АО 1984 года / отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 186–187.
- Кызласов, Кызласов, 1987 — Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Шлаковые могилы — новый вид памятников тагарской культуры // АО 1985 года / отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 255.
- Кызласов, Мылтыгашева, 2001 — Кызласов И.Л., Мылтыгашева Л.П. 50-летний юбилей Хакасской археологической экспедиции // РА. 2001. № 3. С. 172–181.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, 2017 — Лазаретов И.П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. Т. I. С. 284–289.
- Лазаретов, 2019а — Лазаретов И.П. Окуневско-чумурчская общность: феномен эпохи ранней бронзы и проблема синхронизации культур // Маргулановские чтения — 2019: Материалы Междунар. археол. науч.-практич. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: Глобус, 2019. С. 132–144.
- Лазаретов, 2019б — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. № 4. С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018а — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. 2018. № 2 (22). С. 21–46.
- Лазаретов, Поляков, 2018б — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Святилище раннего бронзового века в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 83–93.
- Лазаретов и др., 2018 — Лазаретов И.П., Морозов С.В., Поляков А.В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. 2018. С. 51–56.
- Липский, Вадецкая, 2006 — Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазза // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Электис Принт, 2006. С. 9–52.
- Миклашевич, 2006 — Миклашевич Е.А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Там же. С. 191–211.
- Поляков, 2010 — Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама, Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2010 г. / ред. колл.: В.А. Алёшкин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 75–80.
- Поляков, 2014а — Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 478–481.
- Поляков, 2014б — Поляков А.В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / отв. ред. В.А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014. С. 332–355. (Труды ИИМК РАН; т. XLII).
- Поляков, 2017 — Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков, 2021 — Поляков А.В. К вопросу о выделении разливского этапа окуневской культуры // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. С. 170–175.

- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков и др., 2018 — Поляков А.В., Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2018. № 8. С. 123–139.
- Савинов, 2005 — Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТПАИ. 2005. Вып. 1. С. 28–34.
- Савинов, 2006 — Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Электис Принт, 2006. С. 157–190.
- Студзицкая, 1997 — Студзицкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 251–262.
- Тишкин и др., 2012 — Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Пять плюс, 2012. С. 104–114.

Excavations of the burial complex Tuim-Koltso (preliminary information)

Leonid R. Kyzlasov⁸, Igor L. Kyzlasov⁹, Andrey V. Polyakov¹⁰

The article presents the results of excavations of the unique Okunevo culture site, the barrow Tuim-Koltso (Shirinsky district of the Republic of Khakassia), conducted by Leonid R. Kyzlasov and Igor L. Kyzlasov in 1984–1985. Structural elements, typological features and radiocarbon dates allow attributing it to the Chernovaya stage (22nd–19th centuries BC). The barrow contains five graves in the form of stone boxes. All the burials were disturbed, but two vessels, a series of pendants and patches made of animal teeth and bones, a bone piercing, two ram's astragals and a stone arrowhead were found in their infilling. On two slabs were found images painted in different techniques. Among them there are a horse, various ungulates, and a chthonic predator with features of different animals. But of special significance are the features of the barrow's construction. This structure numbers among special barrows with stone diagonals on the surface of the mound from the corners to the central grave. Probably, such a cross had a solar meaning. In one of the corners of the enclosure a vertical 'corner' stone, 0.6 m high, was extant, and in the other corners there are traces of similar stelae. Thus, the materials of this barrow prove that the tradition of placing 'corner' stones originated long before the Scythian period. The most important feature of the barrow is the partially survived menhir ring around it, just over 80 m in diameter. Tuim-Koltso is the best extant structure of this kind, demonstrating its special sacral meaning.

Keywords: Republic of Khakassia, Middle Bronze Age, Okunevo culture, Chernovaya stage, burial ground, menhirs

⁸ Leonid R. Kyzlasov (1924–2007) — Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosov ave., 119234, Moscow, Russian Federation.

⁹ Igor L. Kyzlasov — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanov st., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kyzlasovil@mail.ru; ORCID: 0000-0000-0000-0000.

¹⁰ Andrey V. Polyakov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

Курганы окуневской культуры могильника Уйбат-Батень¹

И.П. Лазаретов, А.В. Поляков²

В статье представлены результаты раскопок двух курганов окуневской культуры на территории Усть-Абаканского района Республики Хакасия в 2007 г. Курган 2, несколько более ранний, представлял собой особый тип сакральных сооружений с диагональными каменными кладками от углов к центральной могиле. По его углам прослеживались следы установки угловых камней. В трех могилах обнаружено два сосуда и стеатитовая головка. Курган 3 был возведен заметно позднее и содержал пять сильно потревоженных захоронений в каменных ящиках. В них был обнаружен только многочисленный аргиллитовый бисер и игольник из трубчатой кости животного. Вся западная часть окуневской ограды оказалась нарушена котлованом раннесредневекового жилища. Курганы датируются черновским этапом окуневской культуры, или XXII–XIX вв. до н.э.

Ключевые слова: Минусинские котловины, Средний Енисей, средний бронзовый век, окуневская культура, черновский этап, курганы

Долина р. Уйбат в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия — уникальное по насыщенности памятниками окуневской культуры место. Вдоль всего верхнего течения реки, начиная от аала Чарков, известно чрезвычайно большое количество могильников этого времени. На некоторых участках они располагаются через каждые 500–1000 м. Например, на протяжении всего трех километров к СЗ от аала Чарков, на правом берегу р. Уйбат исследовано пять могильников: Уйбат I, Уйбат III, Уйбат V, Уйбат VI и Уйбат-Чарков (см.: Лазаретов, 1997; Лазаретов, Поляков, 2018). Их материалы охватывают значительную часть хронологического спектра окуневской культуры — от самых ранних захоронений начала уйбатского этапа/хронологического горизонта до поздних погребений черновского. Здесь пока не за-

фиксированы только самые поздние и редкие комплексы разливского типа³.

Однако курганы окуневской культуры привязаны не только к руслу р. Уйбат. Располагаются они даже на небольших ручьях в окрестностях аала Чарков. Так в августе — сентябре 2007 г. Вторым отрядом Средне-Енисейской экспедиции ИИМК РАН под руководством И.П. Лазаретова были проведены раскопки двух курганов окуневской культуры на ручье Хазанчаства, протяженность которого не превышает 500 м⁴. Основная цель работ — поиск и исследование поселений и могильников начального этапа окуневской культуры раннего бронзового века Хакасско-Минусинской котловины.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Игорь Павлович Лазаретов, Андрей Владимирович Поляков — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: lazaretov@yandex.ru; poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9054-6220; 0000-0002-3418-2469.

³ В отношении периодизации окуневской культуры между авторами статьи существуют определенные разногласия. А.В. Поляков придерживается трехчастной схемы деления культуры на этапы, уже ставшей традиционной, тогда как И.П. Лазаретовым продвигается более дробная периодизация, состоящая из пяти последовательных хронологических горизонтов (см.: Лазаретов, 2019; Поляков, 2022). Данное обстоятельство не влияет на понимание общей последовательности развития окуневских комплексов, а носит сугубо терминологический характер.

⁴ Работы проводились в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Могильник Уйбат-Батень

Могильник Уйбат-Батень находится в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия, в 6 км к СВ от аала Чарков и станции Уйбат (рис. 1). Он расположен на границе равнинной степной зоны и южных отрогов Батеневского кряжа — горного массива, отделяющего собственно Минусинскую котловину от Чулымо-Енисейской. Курганы устроены на высоком увале, закрывающем вход в межгорную котловину, уходящую в глубь Батеневского кряжа более чем на 10 км. С этой точки открывается изумительный вид

на обширную долину нижнего течения р. Уйбат, Салбыкскую долину и межгорную падь Чазыпохаях. В 200 м к СВ от курганов, у подножия увала, расположен крупный родник, образующий небольшой ручей Хазанчаста, который через 500 м буквально исчезает в Салбыкской степи.

Относительно ровная, слегка наклонная площадка памятника неоднократно использовалась в древности для проживания и совершения погребений. В радиусе 1,5–2 км от родника разбросаны многочисленные могильники, небольшие группы оград и от-

Рис. 1. Космический снимок с указанием расположения могильника Уйбат-Батень и других ближайших объектов окуневской культуры относительно аала Чарков (Усть-Абаканский район Республики Хакасия)

Fig. 1. A space image with pointing of the Uybat-Baten burial ground and other neighbor Okunevo culture objects with reference to the aal Charkov (Ust-Abakansky district, Republic of Khakassia)

дельные курганы, охватывающие период от энеолита до позднего Средневековья. В настоящее время территория памятника используется под пастбище.

Моги́льник Уйбат-Батень обнаружен И.П. Лазаретовым в 1997 г. и ранее не исследовался. Он состоит из пяти оград, расположенных на гребне увала, в его верхней части (**рис. 2**). Ограды обособлены от других курганов свободным от погребений пространством в 300–500 м. Ограды № 1, 2 и 3 относятся к окуневской культуре, курганы № 4 и 5 по визуальным признакам датируются скифским временем. Кургan № 1 пред-

ставляет собой монументальное сооружение с заметной насыпью, конструкциями из крупных каменных блоков, диагоналями, угловыми и выносными камнями, стоящими за пределами ограды. В результате для проведения раскопок были выбраны окуневские курганы № 2 и 3 как сравнительно менее трудоемкие объекты⁵.

5 В работах принимали участие И.П. Лазаретов, А.В. Поляков и студенты-историки Хакасского государственного университета. Определения костей человека произведены антропологом Н.И. Лазаретовой, обработка костей живот-

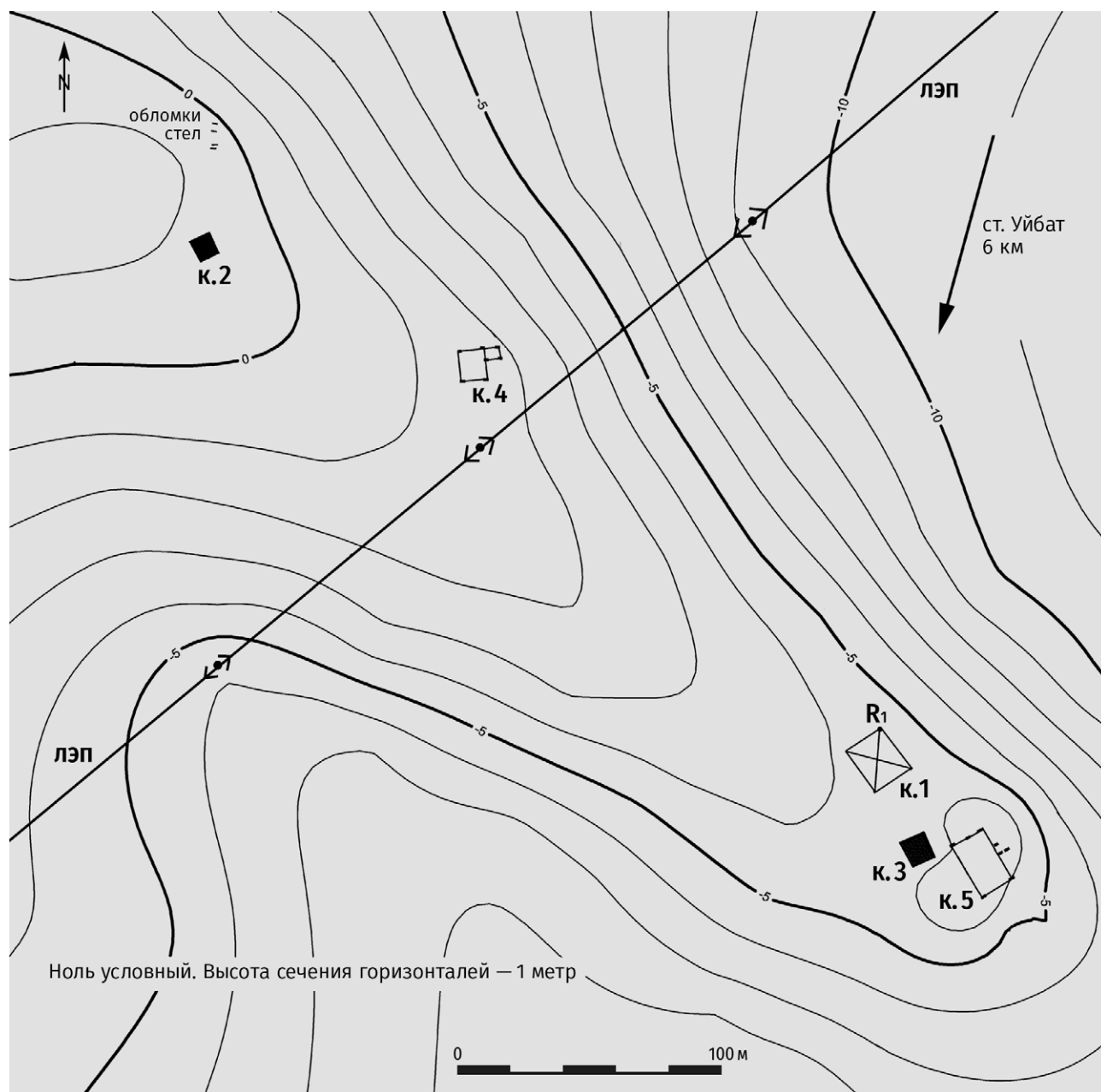

Рис. 2. План-схема расположения курганов могильника Уйбат-Чарков

Fig. 2. Uibat-Charkov burial ground: plan of the barrows' position

Курган № 2

Представлял собой до раскопок едва заметное всхолмление на поверхности степи с отдельными выступающими камнями. Насыпь кургана состояла из темной прослойки современного дерна толщиной 0,10–0,15 м, ниже располагался слой серо-коричневого гумусированного грунта мощностью 0,15–0,20 м с включениями галечника и мелких обломков плит песчаника. Он образовался в результате разрушения каменно-земляных надмогильных сооружений и намывов грунта. Его подстилала темная гумусированная прослойка погребенной почвы мощностью 0,05–0,07 м, под которой залегал материковый суглинок желтого цвета с включениями галечника и обломков плиток песчаника. Между центральной могилой кургана и восточной стенкой ограды выявлена линза выброса размерами 2,5×2,0 м и толщиной до 0,35 м, образовавшаяся вследствие деятельности грабителей. Она состояла из материкового грунта, смешанного с обломками камней и плит (рис. 3).

После снятия грунта была расчищена квадратная ограда, сложенная из плоских глыб камня на древней погребенной поверхности (рис. 3; 4). Она была ориентирована углами по сторонам света и имела размеры 7,8×7,8 м. Стены сложены из камней в один слой высотой не более 0,30–0,35 м. Углы ограды и центральное надмогильное сооружение оказались соединены диагональными кладками, вследствие чего курган приобрел в плане вид почтового конверта. Лучше всего сохранилась западная диагональ, сложенная из 1–2 слоев глыб рваного камня, которая постепенно повышалась к центру кургана, достигая высоты 0,4 м.

Центральное надмогильное сооружение округлой или овальной формы диаметром около 3 м почти полностью разрушено грабителями. В северном и восточном углах ограды сохранились нижние части двух вертикальных стел, установленных параллельно СЗ и ЮВ стенкам. Они были сделаны из местного низкосортного песчаника и обломились еще в древности. Стелы в южном и западном углах не сохранились. Возможно, они были извлечены и переиспользованы при строительстве более поздних курганов. В ограде находились три могилы.

Могила № 1. В центре ограды располагался каменный ящик размерами 1,5×0,8 м и высотой 0,65 м (рис. 5, 1), углубленный в материковый грунт на 0,5 м. Ящик ориентирован осью по линии ЮЗ–СВ.

Перекрытие могилы полностью разрушено грабителями. От погребения взрослого человека в заполнении сохранились отдельные мелкие обломки костей. В грабительском выбросе за СВ стенкой ящика найдено несколько фрагментов донной части орнаментированного окуневского сосуда (рис. 7, 1).

Могила № 2. В СЗ секторе кургана под плоскими плитами песчаника обнаружена грунтовая яма размерами 0,9×0,5 м и глубиной 0,2 м (рис. 5, 2). Могила ориентирована осью по линии ЮЗ–СВ. Кости младенца не сохранились. Инвентарь отсутствует.

Могила № 3. К югу от центральной могилы располагался каменный ящик размерами 0,7×0,35 м и высотой 0,35 м (рис. 5, 3; 6), углубленный в почву на 0,15 м. При устройстве ящика была частично разобрана южная диагональная кладка кургана. Перекрытие могилы разрушено. Дно ящика было выстлано плитками песчаника в один слой. В ЮЗ углу могилы найдена миниатюрная скульптура — головка человека, вырезанная из стеатита (рис. 7, 2). В восточном углу ящика располагался глиняный сосуд (рис. 7, 3). Кости ребенка не сохранились. Судя по расположению инвентаря и уклону плит песчаника, подстилающих дно могилы, погребенный был ориентирован головой на ЮЗ.

Курган № 3

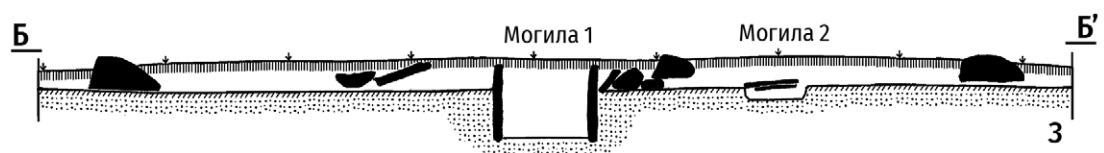
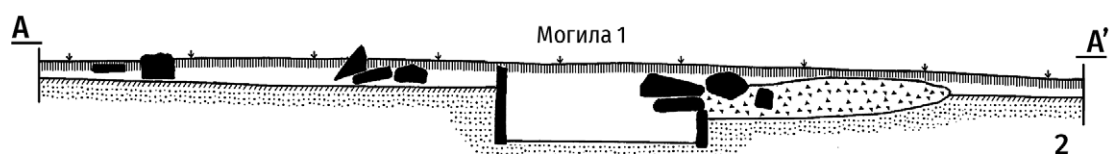
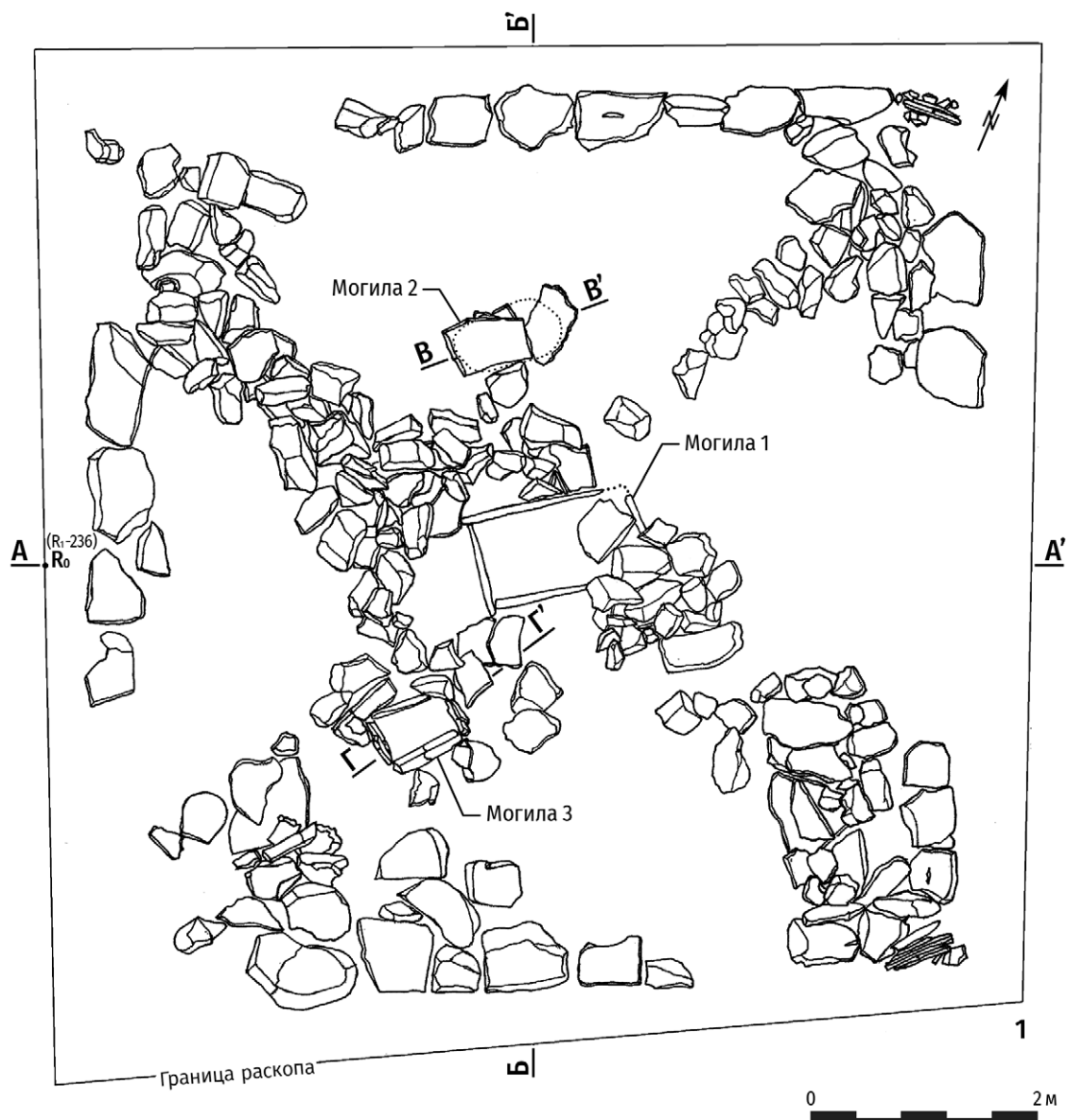
Курган практически не имел насыпи и был обнаружен по плитам ограды, выступающим на поверхности степи. Насыпь кургана состояла из темной прослойки современного дерна толщиной 0,05–0,08 м, под которой располагался слой серо-желтого грунта мощностью 0,10–0,15 м, сформированный из материкового выброса с включениями гумуса, галечника и мелких обломков плит песчаника. Он образовался в результате выборки могильных ям, разрушения каменно-земляных надмогильных сооружений и намывов грунта. Его подстилала темная гумусированная прослойка погребенной почвы мощностью 0,05–0,07 м, под которой залегал материковый суглинок желтого цвета с включениями галечника и обломков плиток песчаника (рис. 8).

Прямоугольная ограда размерами 10×9 м ориентирована углами по сторонам света и сооружена

Рис. 3. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 2. Чертежи каменных конструкций и разрезов

Fig. 3. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 2.

Drawings of the stone constructions and sections

Условные обозначения:

▨ - дерновый слой

▨ - погребенная почва

□ - гумусированный слой

▤ - грабительский выброс

▢ - камень

▬ - современная поверхность

▤ - материк

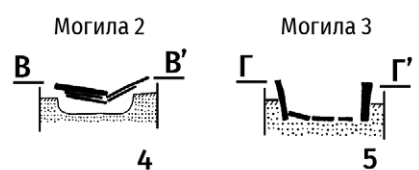

Рис. 4. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 2. Фото после зачистки на уровне материка. Вид с юго-юго-востока
Fig. 4. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 2. Photo after the layer removal on the native soil level.
 South-southeast view

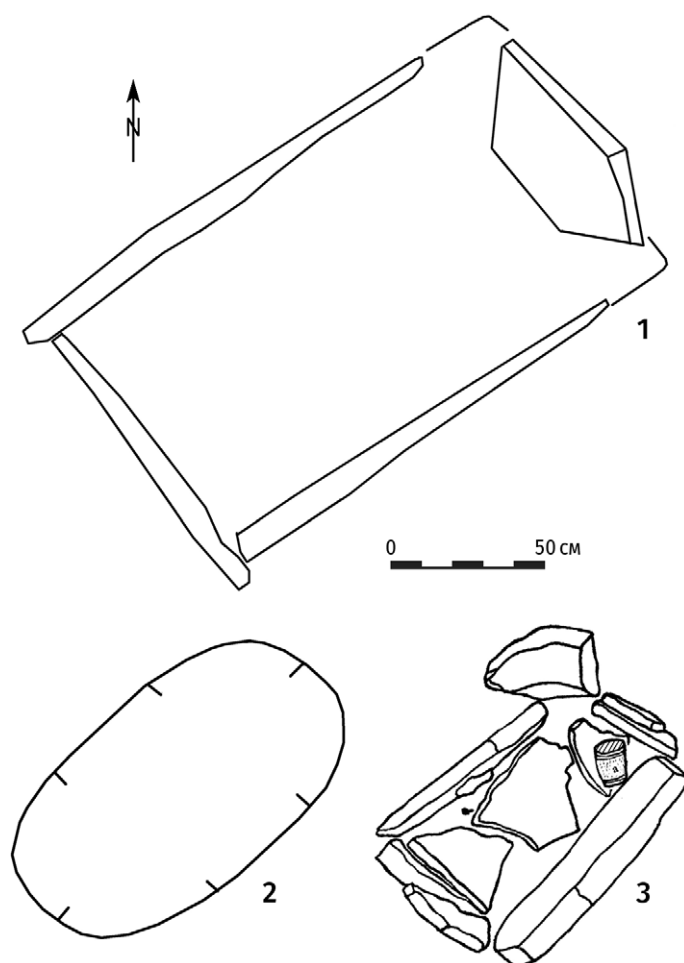

Рис. 5. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 2. Чертежи могил 1–3: 1 — могила 1; 2 — могила 2; 3 — могила 3
Fig. 5. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 2. Drawings of the graves no. 1–3: 1 — grave no. 1; 2 — grave no. 2;
 3 — grave no. 3

Рис. 6. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 2, могила № 3. Фото зачистки по дну. Вид с юго-востока

Fig. 6. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 2, grave no. 3. Photo of the bottom layer rabotage. Southeast view

из плоских каменных блоков, установленных на ребро и на 0,10–0,15 м углубленных в материковый грунт (рис. 8; 9). Ее высота не превышала 0,30–0,35 м над уровнем древней дневной поверхности. С внешней и внутренней сторон плиты сооружения расклинены мелкими камнями. В 1,5 м за СВ стенкой ограды, ближе к ее северному углу, были врыты две вертикальные плиты, развернутые продольной осью точно в створ могилы № 3. Аналогичная плита была установлена внутри ограды в 1,5 м к СВ от могилы № 2. Подобные «указатели могил» хорошо известны по карасукским памятникам, но в окуневском комплексе встречены впервые. Примечательно, что число плит в них точно соответствует количеству взрослых покойников, захороненных в данных могилах.

Всего в кургане обнаружено пять захоронений в каменных ящиках. Возможно, их было больше, но установить это невозможно, так как вся западная часть окуневской ограды оказалась нарушена котлованом раннесредневекового жилища. Отдельные фрагменты таштыкской керамики и дробленые кос-

ти животных были встречены в насыпи кургана и в верхней части заполнения окуневских могил. Эти материалы опубликованы отдельно (см.: Лазаретов, Поляков, 2016).

Могила № 1. В центре ограды располагался каменный ящик размерами 1,55×0,80 м и высотой 0,7 м, вкопанный в почву на глубину 0,5 м. Дно ямы выстлано плитками песчаника очень плохой сохранности (рис. 10, 1). Могила ориентирована осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Часть плиты СЗ стенки ящика и донной вымостки уничтожены грабителями. В заполнении ямы встречены разрозненные кости мужчины, женщины и новорожденного ребенка, а также отдельные фрагменты таштыкской керамики и дробленые кости животных. Судя по ним, ограбление могилы производилось неоднократно, не только в древности, но и в раннем Средневековье. На дне ямы в непотревоженном состоянии сохранились кости голени скелета женщины, лежавшей головой на ЗЮЗ на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. На костях правой ступни обнаружен игольник, сделанный из трубчатой кости птицы (рис. 12, 5, 6).

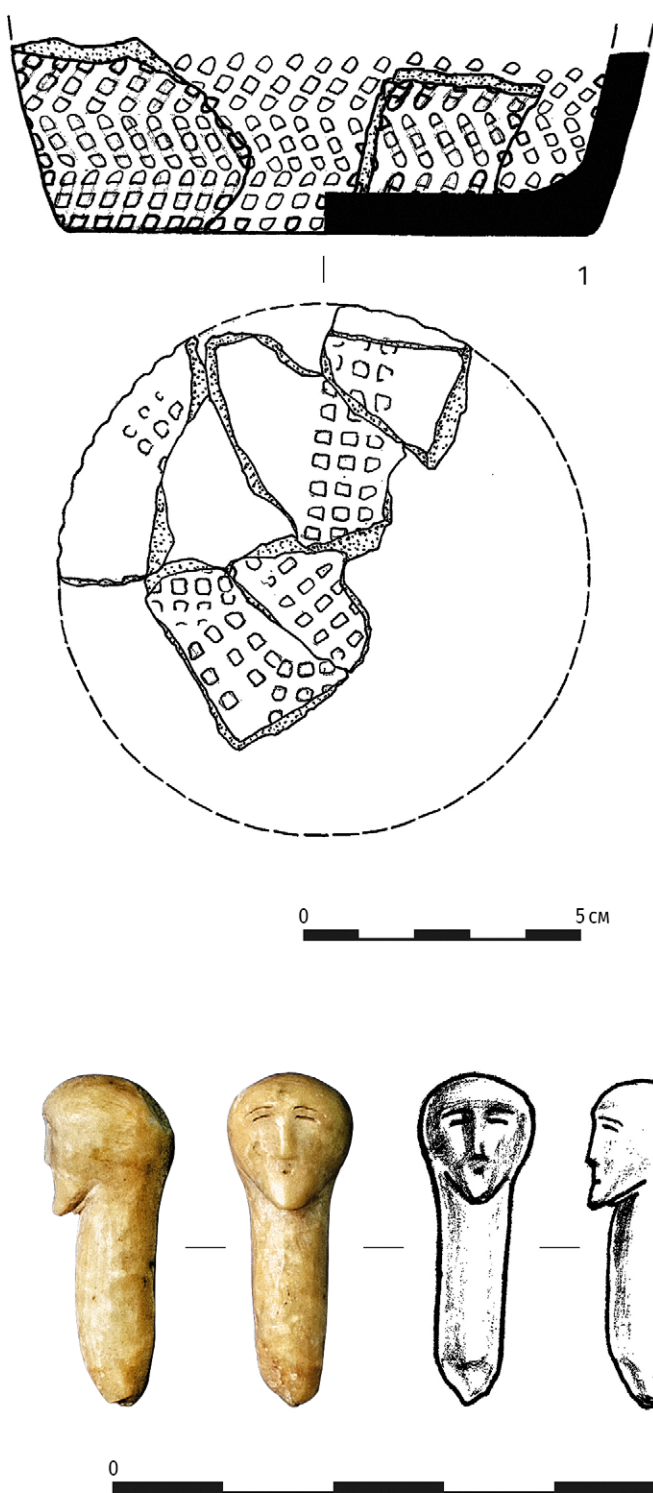

Рис. 7. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 2. Артефакты из погребений: 1 — могила № 1; 2, 3 — могила № 3. 1, 3 — керамика; 2 — стеатит

Fig. 7. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 2. Items from the burials: 1 — grave no. 1; 2, 3 — grave no. 3. 1, 3 — ceramics; 2 — steatite

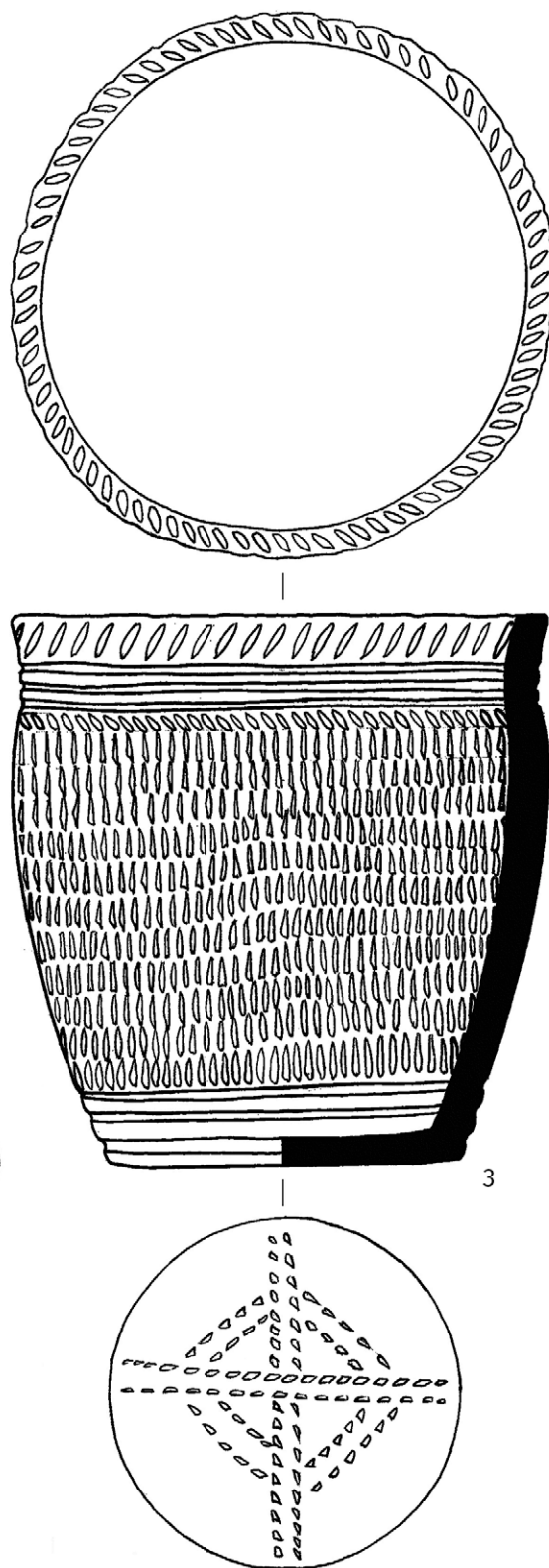
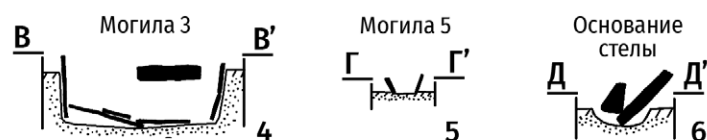
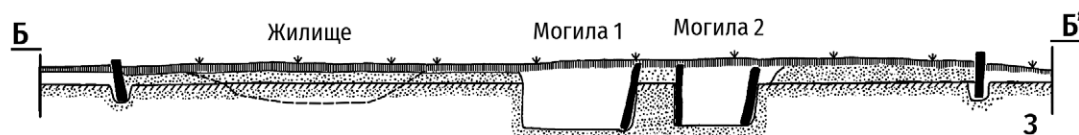
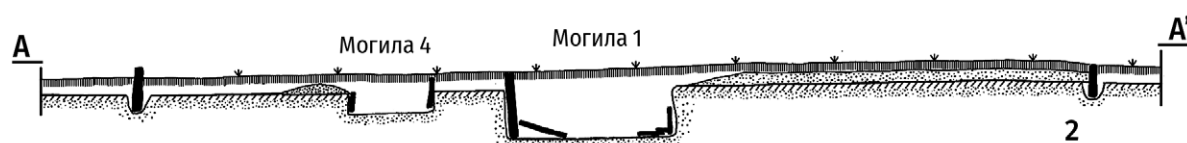
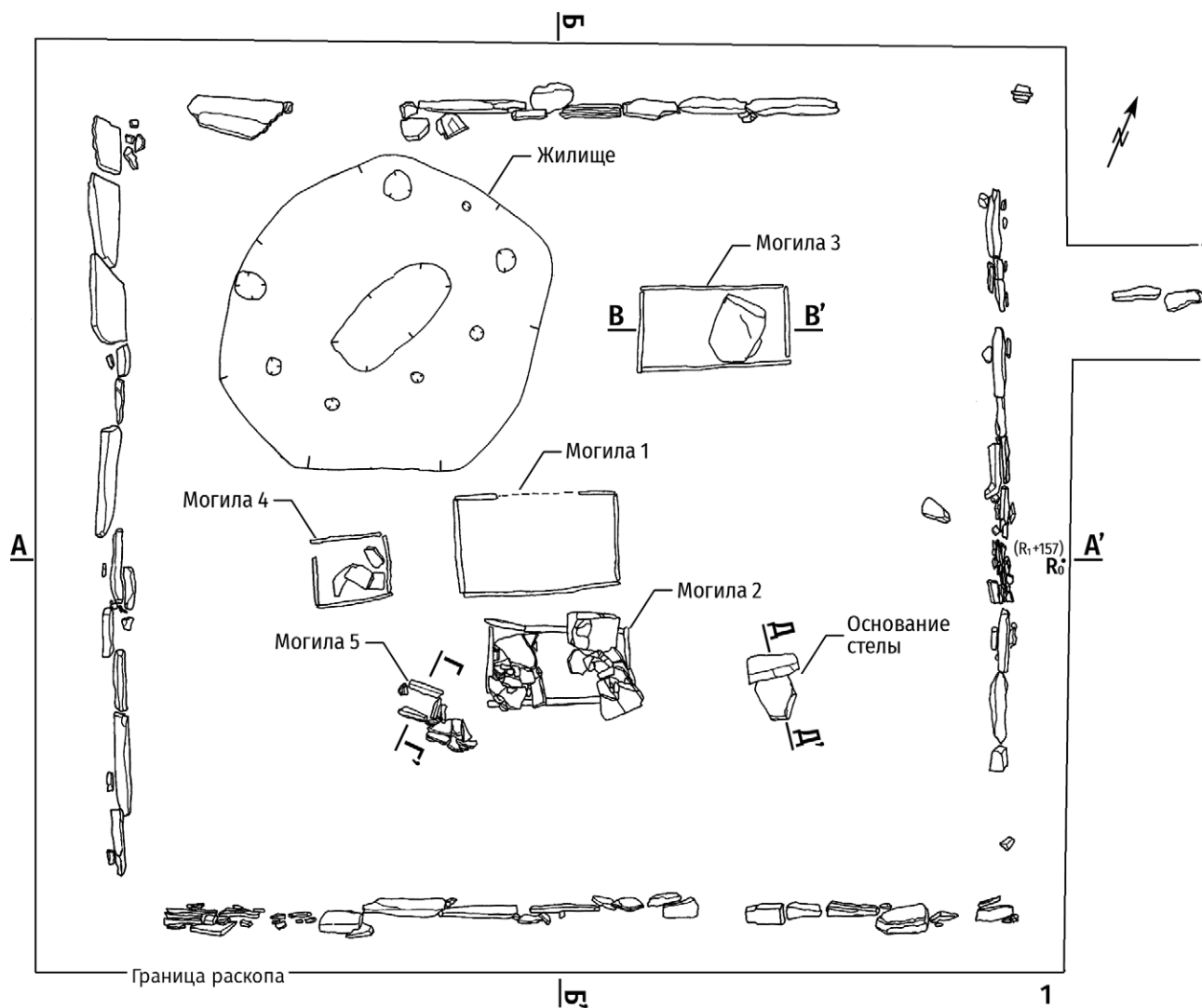

Рис. 8. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 3. Чертежи каменных конструкций и разрезов

Fig. 8. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 3. Drawings of the stone constructions and sections

Условные обозначения:

- дерновый слой	- гумусированный слой	- современная поверхность
- погребенная почва	- камень	- материк

Рис. 9. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 3. Фото после зачистки на уровне материка. Вид с юго-юго-востока
Fig. 9. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 3. Photo after the layer removal on the native soil level.
 South-southeast view

Могила № 2. В ЮВ части ограды, параллельно могиле № 1, располагался каменный ящик размерами 1,40×0,65 м и высотой 0,6 м, вкопанный в почву на глубину 0,5 м (рис. 10, 2; 11). Могила ориентирована осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. На дне ямы, в частично перемещенном состоянии сохранились кости скелета женщины, лежавшей головой на ЗЮЗ. Кости погребенной были сдвинуты в тот момент, когда еще не утратили сочленения в связках. Первоначально женщина была уложена в могилу на спину с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. У левого крыла ее таза обнаружен череп новорожденного или даже неродившегося ребенка. На дне ямы, у СЗ стенки ящика найдены три белые миниатюрные каменные бусинки диаметром 2,5–3,0 мм. Вероятно, это остатки украшения рукавов одежды (рис. 12, 3, 4).

Могила № 3. В северном углу ограды располагался каменный ящик размерами 1,45×0,7 м и высотой 0,6 м, вкопанный в почву на глубину 0,5 м. Дно ямы выстлано плитками песчаника (рис. 10, 3, 4). Плитки очень плохой сохранности. Могила ориентирована осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. В ящике было последовательно захоронено двое взрослых мужчин. Первоначальное погребение, по-видимому, располагалось на материковом дне ямы. К нему, вероятно, относятся два скопления (288 экз.) белых миниатюрных каменных бусинок диаметром 2,5–3,0 мм, обнаруженных между плитами вымостки и под ними, у СЗ и ЮВ бортов могилы (рис. 12, 1, 2). Возможно, это остатки украшения рукавов одежды. Впоследствии кости первого погребенного были смещены к одной из стенок ямы, а дно могилы дополнительно выстлано

каменными плитками. На них располагалось вторичное захоронение. В непотревоженном состоянии от него сохранились правая рука, крыло таза и часть позвоночника мужчины, лежавшего головой на ЗЮЗ, на спине с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями (рис. 10, 4). Кости одной из его ног были перемещены грабителями в верхний горизонт заполнения могилы, но при этом не утратили сочленения в связках (рис. 10, 3). Кости же первого скелета были полностью выброшены из ямы грабителями и залегали вперемешку с обломками плит перекрытия.

Могила № 4. В ЮЗ части ограды располагался каменный ящик размерами 0,65×0,60 м и высотой 0,4 м, вкопанный в почву на глубину 0,35 м. Могила ориентирована осью по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 10, 5). Камни очень плохой сохранности. В заполнении ямы обнаружены отдельные фрагменты костей ребенка в возрасте до 1 года. Инвентарь отсутствует.

Могила № 5. Ближе к южному углу ограды располагался каменный ящик размерами 0,3×0,2 м и высотой 0,2 м, вкопанный в погребенную почву на глубину 0,05 м. Плита западной стенки частично разрушена. Могила ориентирована осью по линии З–В (рис. 10, 6). Судя по размерам, в ней мог быть захоронен только новорожденный или недоношенный ребенок, кости которого не сохранились. Инвентарь отсутствует.

Рис. 10. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 3.
 Чертежи могил

Fig. 10. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 3.
 Drawings of the graves

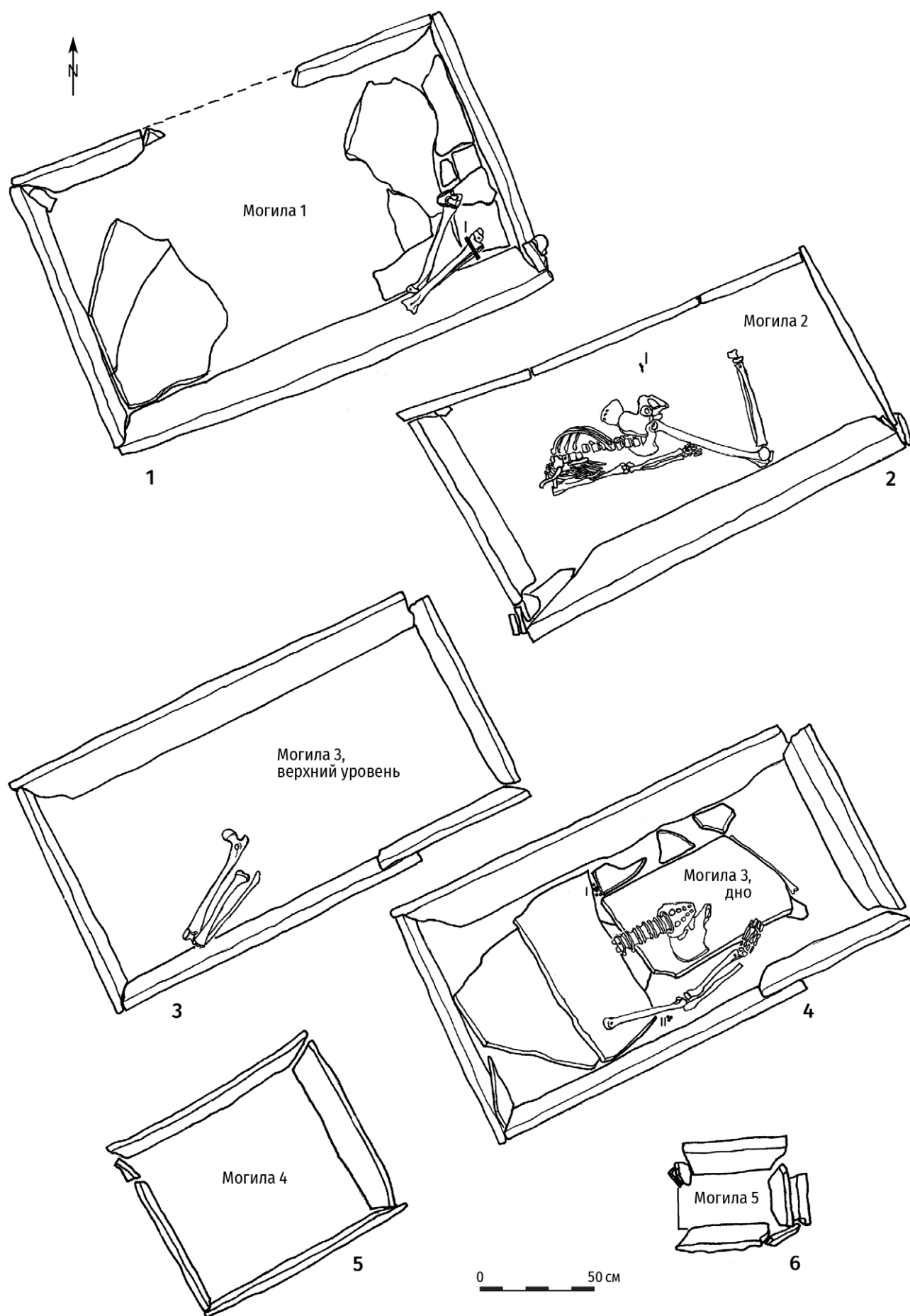

Рис. 11. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 3, могила № 2. Фото зачистки по дну. Вид с северо-востока

Fig. 11. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 3, grave no. 2. Photo of the bottom layer removal. Northeast view

Результаты и обсуждение

В ходе раскопок курганов № 2 и 3 могильника Уйбат-Батень получен интересный, хотя и немногочисленный археологический материал. Гораздо важнее конструктивные детали, которые удалось проследить.

Начать анализ следует с кургана № 2, который, без сомнения, был построен раньше. По меркам окуневской культуры — он небольшого размера (7,8×7,8 м) и возведен из глыб рваного камня. Наиболее значимые элементы этого кургана — диагональные каменные кладки, соединяющие углы ограды с центральным надмогильным сооружением. Комплексы с таким оформлением встречаются редко и имеют особое значение в погребальной традиции окуневской культуры (см.: Лазаретов, 2012). На сегод-

няшний день кроме данного памятника изучены еще восемь ритуальных конструкций, где сохранились подобные кладки: Карасук II; Карасук VIII; Туим-Кольцо; Итколь I, курганы № 1 и 2; Красный Камень, курган № 1; Усть-Камышта I, курганы № 32 и 10N. Они возводились на протяжении всего периода существования окуневской культуры, и во всех случаях курган строился только для центральной могилы, сразу после погребения в которой оформлялась курганный насыпь. Остальные могилы впускались в существующую насыпь. В обычных курганах-кладбищах окуневской культуры большинство захоронений осуществлялось с уровня древнего горизонта, а формирование единой насыпи, как правило, означало прекращение функционирования комплекса. У трех оград (Туим-Кольцо; Красный Камень, курган № 1; Усть-Камышта I, курган № 32) удалось проследить наличие дополнительных колец (диаметрами 40–80 м) из менгиров, установленных через равномерные промежутки. Причем в тех захоронениях курганов с диагональными кладками, где удалось установить пол погребенного, в центральной могиле оказались захоронены женщины. Подобные ритуальные сооружения, по-видимому, играли особую роль в религиозно-духовной жизни окуневского общества.

Отдельно стоит отметить, что в двух (северном и восточном) углах кургана № 2 могильника Уйбат-Батень сохранились нижние части каменных плит из песчаника, представляющие собой остатки угловых камней. На сегодняшний день известно по меньшей мере два кургана окуневской культуры, где подобные камни сохранились на своих первоначальных местах: Туим-Кольцо и Красный Камень, курган № 2. Еще в нескольких случаях при раскопках курганов могильников Итколь I и Итколь II были прослежены аналогичные «корни» плит или более глубокие ямы в углах, свидетельствующие, что подобная традиция была весьма распространена. В большинстве случаев эти камни в более позднее время использовались как строительный материал для новых курганов. Однако можно уверенно утверждать, что курган № 2 могильника Уйбат-Батень является еще одним доказательством того, что традиция установки угловых камней зародилась задолго до своего широкого распространения, которое пришлось уже на скифскую эпоху.

Можно отчетливо проследить последовательность совершения погребений в кургане № 2. Сначала вместе с остальными элементами кургана была

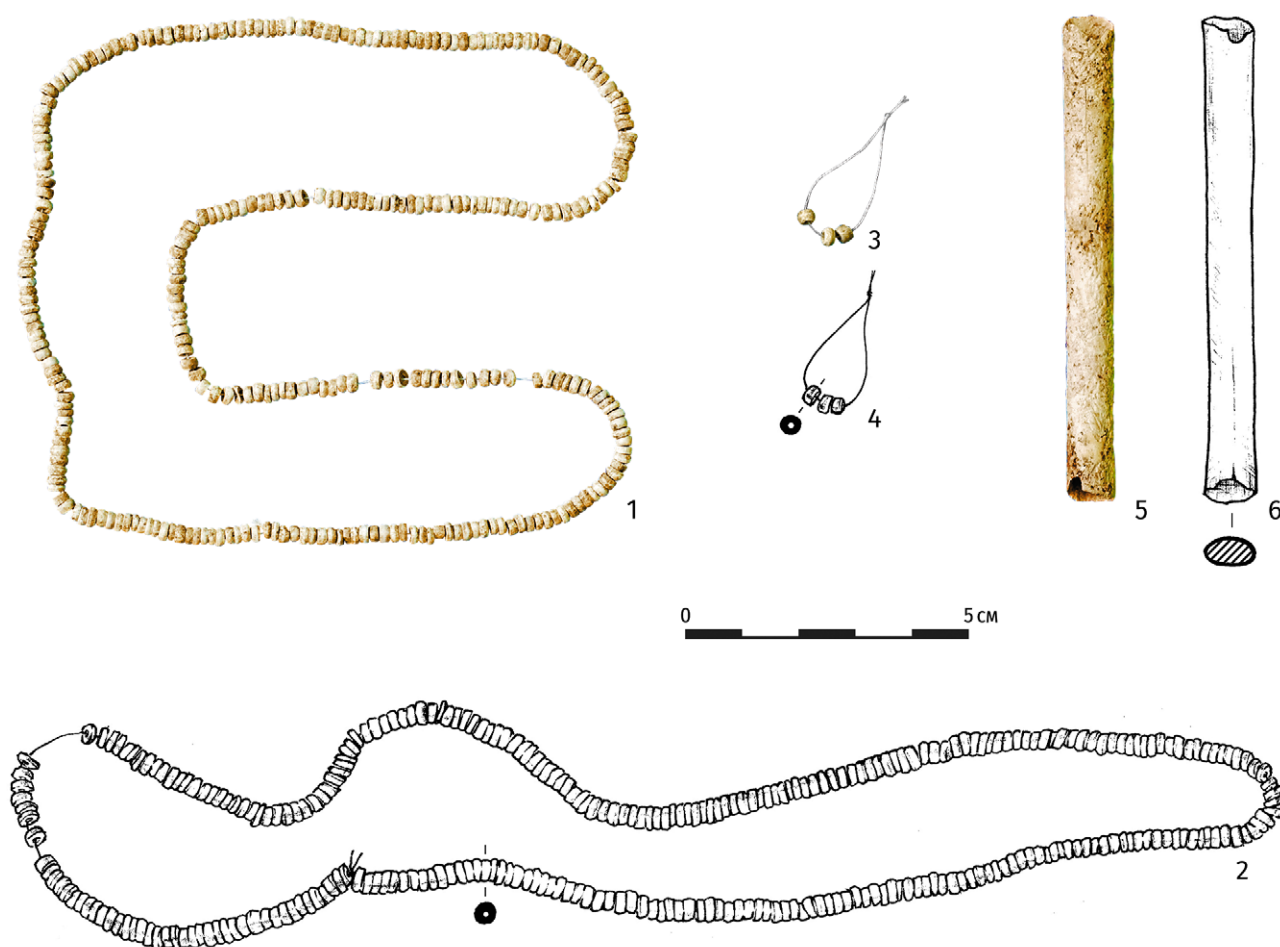

Рис. 12. Могильник Уйбат-Чарков, курган № 3. Артефакты из погребений, фото (1, 3, 5) и рисунки (2, 4, 6): 1, 2 — могила № 3; 3, 4 — могила № 2; 5, 6 — могила № 1. 1–4 — аргиллит; 5, 6 — кость

Fig. 12. Uybat-Charkov burial ground, barrow no. 3. Items from the burials, photo (1, 3, 5) and drawings (2, 4, 6): 1, 2 — grave no. 3; 3, 4 — grave no. 2; 5, 6 — grave no. 1. 1–4 — argillite; 5, 6 — bone

построена могила № 1. Вероятно, ее следует датировать началом черновского этапа / хронологического горизонта. На это указывает стандартная конструкция каменного ящика, а также орнамент на сосуде в виде вертикального зигзага, выполненного оттисками мелкозубчатого штампа (рис. 7, 1). Подобные орнаменты на сосудах из погребений раннего периода окуневской культуры не встречались, но характерны для черновской посуды. Затем была устроена могила № 2, встроенная в уже существующую насыпь кургана. Наконец, последней была введена могила № 3, которая частично разрушила южную диагональ кургана. Сосуд из нее имеет все характерные признаки посуды черновского этапа / хронологического горизонта. На это же указывает и стеатитовая головка — артефакт, распространенный в черновской период, но неизвестный в могилах

раннего периода культуры (Поляков, 2022. С. 164, рис. 82, 1–11).

Курган № 3 могильника Уйбат-Батень занимает несколько более позднюю хронологическую позицию. Это классическое для окуневской культуры сооружение из вертикально вкопанных плит песчаника, имеющее традиционные размеры ~10 м. На его площади зафиксированы пять каменных ящиков, содержащих сильно потревоженные захоронения. В некоторых из них прослежены случаи подзахоронений, весьма характерные для окуневской культуры. Стоит отметить, что дно могил выстилалось плитками, причем с явным уклоном: голова всегда немного выше ног. Сами могилы размещались параллельными рядами, что является признаком поздней части черновского этапа / хронологического горизонта (Лазаретов, 1997. С. 38; Поляков, 2017а).

На относительно поздний возраст кургана указывает отсутствие керамики в его могилах и грабительских выбросах. Скорее всего, посуды здесь не было изначально. Такая ситуация характерна не только для разливского периода, но и для финала черновского. Весь инвентарь из пяти могил — это костяной игольник и большая серия мелкого аргилитового бисера (рис. 12). Игольники из бронзовых листов или трубчатых костей животных — характерный признак погребального обряда окуневской культуры всего периода ее бытования. Этот обрядовый элемент сопровождает погребения женщин, что подтвердилось и в данном случае. Особо следует отметить, что игольник изготовлен из трубчатой кости крупной птицы. Мелкий аргилитовый бисер довольно часто встречается в погребениях черновского типа. Он является распространенным элементом украшения одежды. В данном случае удалось проследить, что бисер был нашит на рукава.

В ходе раскопок к востоку от могил этого кургана были отмечены установленные в створ вертикальные камни. Первоначально складывалось такое впечатление, что это своеобразные «указатели могил», аналогичные тем, что были распространены на Енисее в предскифское и раннескифское время. Однако дальнейшее углубление наших знаний о погребальном обряде окуневской культуры позволяет сейчас трактовать их несколько иначе. В частности, вертикальный камень, установленный на площади ограды к востоку от могилы № 2, действительно может быть основанием стелы, вкопанной в уже существующую насыпь. Подобные камни, правда, с западной стороны от могил фиксировались и ранее, например Уйбат III, курган № 1.

Несколько сложнее ситуация с двумя вертикально стоящими плитами, расположенными с восточной стороны за оградой, в створ могиле № 3. Возможно, между ними и этой могилой связи нет. В последнее десятилетие при раскопках курганов окуневской культуры широкими площадями было установлено, что к востоку от них практически во всех случаях расположены ритуальные площадки (Поляков, 2010; 2014а; 2014б; 2022. С. 100–101). В некоторых случаях их границы оформлены не сплошной оградой, а отдельными плитками, вкопанными через определенные промежутки, например Итколь II, курган № 26. Возможно, в случае с курганом № 3 могильника Уйбат-Батень плитки, расположенные к востоку от ограды, являются углом такой ритуальной площадки.

Значительная площадь в западном углу ограды этого кургана оказалась занята более поздним жилищем, которое относится к таштыкской археологической культуре (см.: Лазаретов, Поляков, 2016). Нельзя исключать, что на этой площади также располагались окуневские захоронения, которые были уничтожены при сооружении жилища.

Таким образом, исследованные курганы могильника Уйбат-Батень относятся к черновскому этапу / хронологическому горизонту окуневской культуры, который по современным данным укладывается в период XXII–XX вв. до н.э. (Поляков, 2017б). Курганы № 2 — относительно более ранний и относится к категории особых ритуальных сооружений с диагональными кладками. Курганы № 3 заметно более поздний, датирующийся, скорее, финалом черновского периода. Возможно, к востоку от него сохранилась неисследованная ритуальная площадка. Данные, полученные при исследовании этого памятника, хоть и не очень многочисленные, но фиксируют важные и интересные детали погребального обряда окуневской культуры.

Литература

- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, 2012 — Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / ред. колл.: В.А. Алёшкин и др. СПб.: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 220–224.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. № 4. С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2016 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хижина пастуха таштыкской эпохи // НОСА. 2016. Вып. 1 (13). С. 64–66.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Поляков, 2010 — Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама, Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2010 г. / ред. колл.: В.А. Алёшкин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 75–80.
- Поляков, 2014а — Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 478–481.

Поляков, 2014б — Поляков А.В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Ит-коль II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / отв. ред. В.А. Алёшин. СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014. С. 332–355. (Труды ИИМК РАН; т. XLII).

Поляков, 2017а — Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской

культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. Т. I. С. 337–339.

Поляков, 2017б — Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.

Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

The Okunevo barrows of the burial ground Uybat-Baten

Igor P. Lazaretov, Andrey V. Polyakov⁶

The article presents the results of excavations of two Okunevo culture barrows in Ust-Abakansky district of the Republic of Khakassia in 2007. Barrow 2, somewhat earlier, was a special type of sacral structures with diagonal masonry from the corners to the central grave. There were traces of corner stones at its corners. Two vessels and a steatite head were found in three graves. Barrow 3 was constructed much later and contained five heavily disturbed burials in stone boxes. In them only numerous argillite beads and a needle holder made of tubular animal bone were discovered. The entire western part of the Okunevo enclosure was disturbed by the construction pit of an early medieval dwelling. The barrows are dated to the Chernovskaya stage of the Okunevo culture (22nd–19th centuries BC).

Keywords: *Minusinsk basins, Middle Yenisei, Middle Bronze Age, Okunevo culture, Chernovskaya stage, barrows*

⁶ Igor P. Lazaretov, Andrey V. Polyakov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: lazaretov@yandex.ru; poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9054-6220; 0000-0002-3418-2469.

Комплекс окуневской культуры кургана 1 могильника Сагайская Протока-4 (Аскизский район, Республика Хакасия)¹

С.Н. Леонтьев, П.В. Герман²

Аннотация. В статье публикуются материалы раскопок кургана 1 могильника Сагайская Протока-4. Он представлял собою окуневскую «ритуально-погребальную» ограду, разрушенную при устройстве на ее месте тагарского захоронения. Сохранилось шесть окуневских погребений, совершенных в укороченных каменных ящиках с плитняковой вымосткой дна, и одно вторичное захоронение в грунтовой яме. Сопутствующий инвентарь крайне скудный и представлен керамикой, костяными подвесками, наконечниками стрел и остроги. Комплекс относится к позднему — черновскому этапу окуневской культуры, датируемому в пределах XXII–XX вв. до н.э.

Ключевые слова: Минусинская котловина, курган, ритуальный комплекс, эпоха бронзы, окуневская культура, черновский этап

Введение

Курганный могильник Сагайская Протока-4 (далее — СП-4) расположен в Аскизском районе Республики Хакасия, в 4,8 км к востоку от с. Аскиз и в 1,55 км к СВ от железнодорожной станции Чартыковский. По предварительным данным, некрополь состоял из 16 курганов, часть которых попадала в землеотвод объекта «Второй путь на перегоне Чартыковский — Камышта Красноярской железной дороги». Спасательные археологические работы на данном участке памятника проводились в 2021 г. Аскизским археологическим отрядом ФИЦ УУХ СО РАН. Всего было исследовано четыре объекта — курганы 1, 1А, 2 и 3. Как было установлено, первый из них (курган 1) представлял собой «археологический палимпсест», возникший в результате преднамеренного возведения тагарского кургана поверх ритуально-погребальной ограды окуневской культуры. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот материалов раннего — окуневского — комплекса данного археологического объекта.

Описание материалов

К моменту раскопок курган 1 представлял собой сильно оплывшую и частично разрушенную земляную насыпь высотой до 0,6 м. В ходе дальнейшего исследования, проводившегося широкой площадью, был выявлен еще ряд археологических объектов, ранее не зафиксированных разведочными работами — курган 1А и девять грунтовых ям в межкурганном пространстве (рис. 1–12).

Объекты в ограде кургана 1

Под земляной насыпью кургана 1 была раскрыта раннетагарская (биджинская) каменная ограда, в плане имевшая вид неправильной трапеции размерами 9,09×9,85 м, ориентированной углами по сторонам света с небольшим отклонением на СВ–ЮЗ. Она сооружена из разноразмерных песчаниковых плит, установленных вертикально и лишь слегка заглубленных в грунт. Углы и средние точки ее сторон маркированы невысокими вертикальными стелами. Центральная часть подкурганного пространства занята развалом сложенного из плит и валунов перекрытия могилы 1, разграбленной в еще древности (рис. 1, 1; 2).

На территории вокруг центрального погребения, наряду с неатрибутируемыми обломками костей животных и человека, найдены фрагменты двух керамических сосудов раннего бронзового века (рис. 9, 1, 4), а также расчищен ряд каменных выкладок и скоплений, оказавшихся остатками комплекса окуневской культуры.

¹ Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири» (FWEZ-2024-0021).

² Станислав Николаевич Леонтьев, Павел Викторович Герман — Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, пр. Советский, д. 18, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: lemosk1@mail.ru; lithos@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6231-4043; 0000-0002-8123-6992.

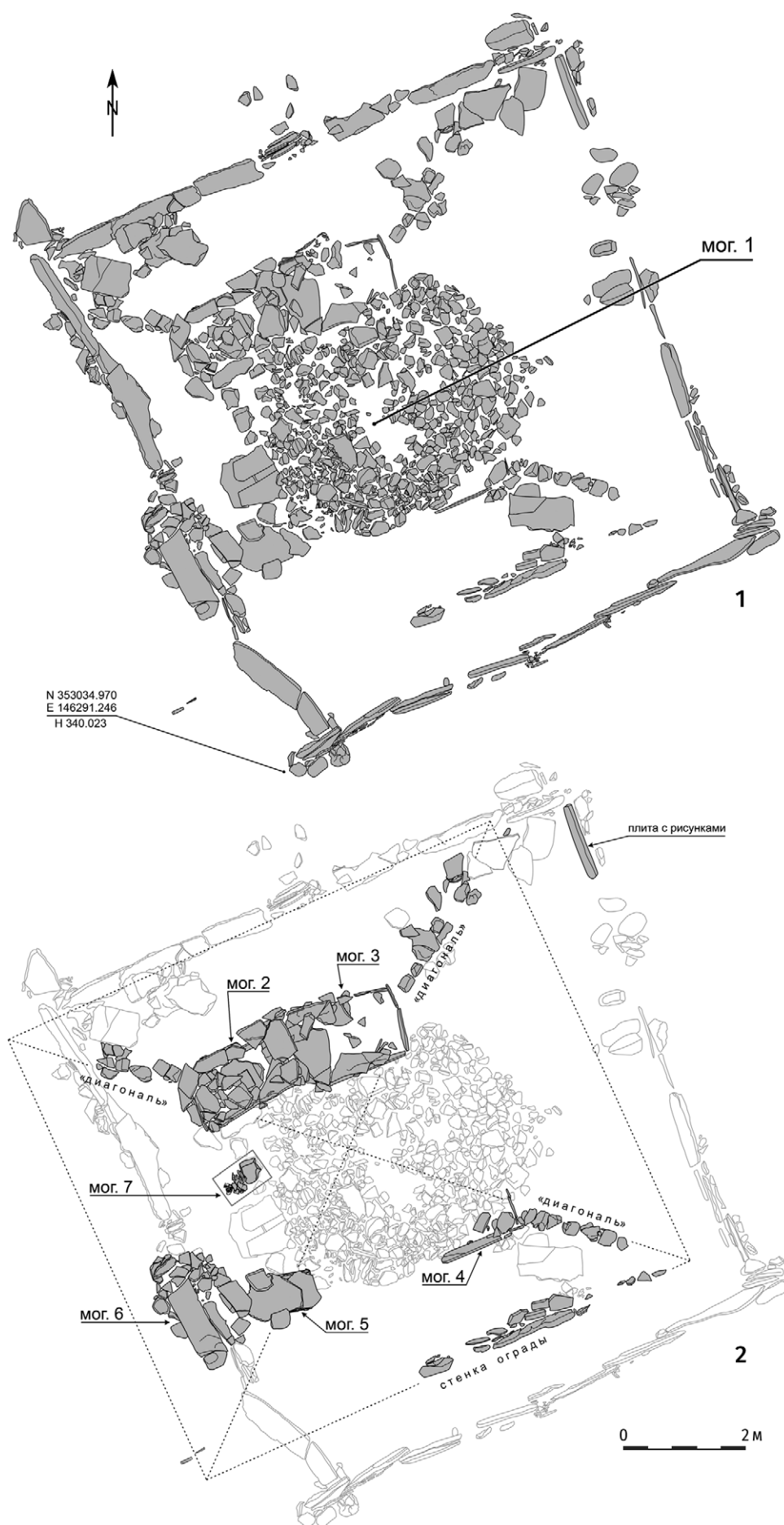

Рис. 1. Сагайская Протока-4, курган 1: 1 — общий план кургана; 2 — план объектов окуневской культуры в структуре кургана 1

Fig. 1. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1: 1 — general view of the barrow; 2 — plan of Okunevo culture entities in the barrow 1 structure

Рис. 2. Сагайская Протока-4: 1 — объекты окуневской культуры на общем плане раскопа; 2 — разрез раскопа по линии А–Б

Fig. 2. Sagayskaya Protoka-4: 1 — Okunevo culture entities on the general plan of the site; 2 — sectional drawing at the line A–B

Ограда практически полностью разрушена. Сохранился лишь незначительный участок юго-восточной стенки. Он имел протяженность 2,75 м и был сооружен из вертикально установленных тонких (до 5 см) плит коричневатого-серого песчаника. Высота камней — до 0,4 м от нижнего края. Остальные плиты

либо переиспользованы тагарским населением в качестве строительного материала, либо разбросаны по земле. Помимо описанного участка стенки сохранились фрагменты диагональных выкладок, выполненных из уложенных на древнюю дневную поверхность небольших разноразмерных валунов (рис. 1, 2).

Судя по прослеженным деталям конструкции, погребальный памятник окуневской культуры представлял собой четырехугольную каменную ограду ориентировочными размерами 8×8 м, ориентированную углами по сторонам света с отклонением на СВ–ЮЗ (рис. 1, 2; 12, 1). В ее пределах выявлено семь погребений.

Могила № 2 (рис. 3) расположена в СЗ секторе ограды вблизи ее центра. Представляет собой вкопанный в верхний почвенный слой прямоугольный каменный ящик с внешними размерами 1,63×0,95 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ и перекрытый прямоугольной выкладкой из разноразмерных плит песчаника (рис. 3, 1). Высота стенок от уровня дна — около 0,6 м (рис. 3, 2).

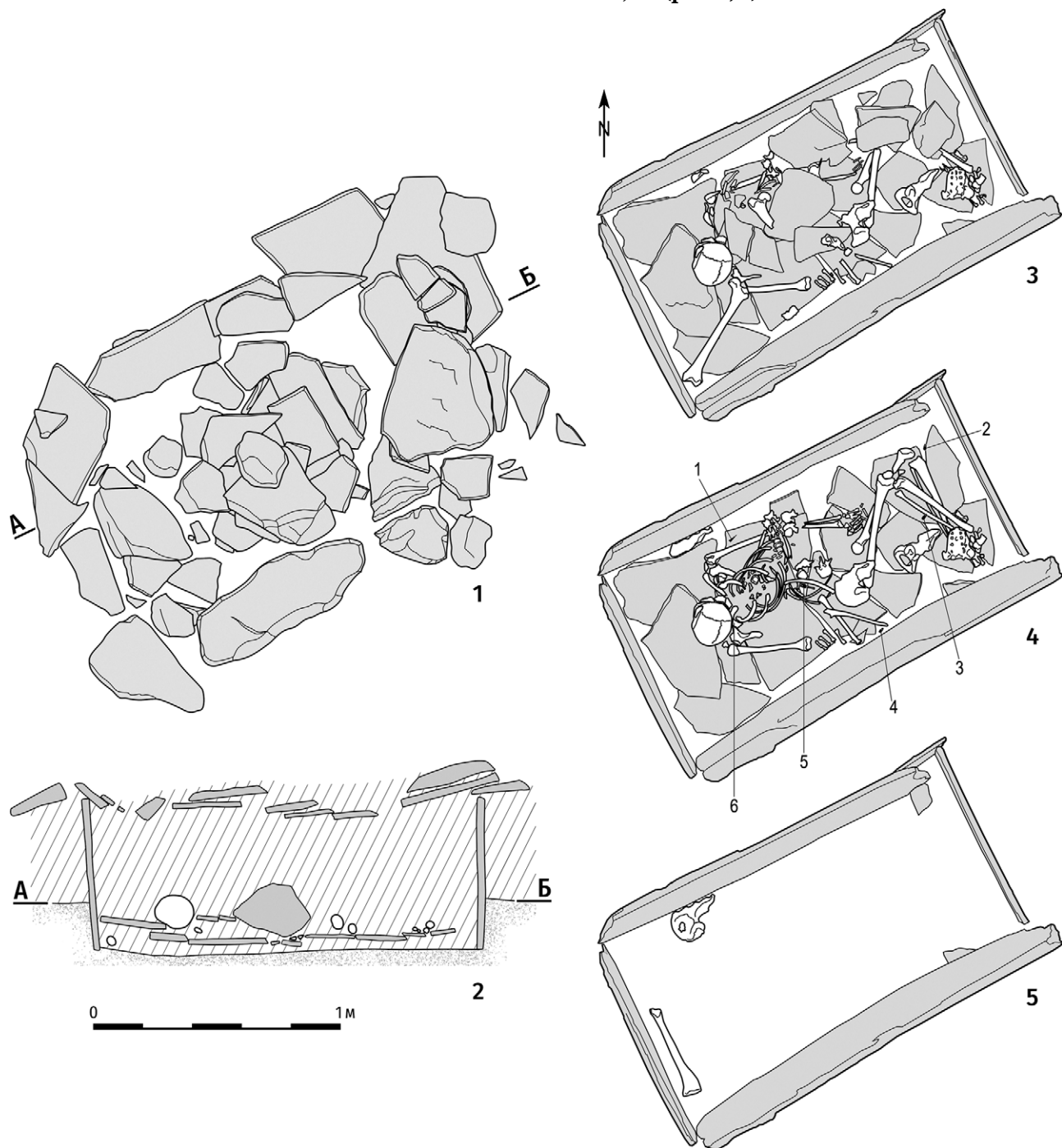

Рис. 3. Сагайская Протока-4, курган 1, могила № 2: 1 — план перекрытия; 2 — разрез; 3 — план по первому уровню расчистки; 4 — план по второму уровню расчистки; 5 — план по третьему уровню расчистки

Fig. 3. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, burial no. 2: 1 — plan of the overlap; 2 — sectional drawing; 3 — plan of the first level of excavation; 4 — plan of the second level of excavation; 5 — plan of the third level of excavation

В заполнении встречены разрозненные кости скелетов взрослой женщины, мужчины 25–55 лет и ребенка в возрасте до 1 года³ (рис. 3, 3). На дне, выстланном тонкими плитками, находился скелет женщины в возрасте до 25 лет в нарушенном анатомическом порядке (рис. 3, 4; 12, 5). Погребенная была уложена на спину головой на ЮЗ, с руками, вытянутыми вдоль тела и согнутыми ногами, с поднятыми вверх коленями, впоследствии упавшими вправо. При ней найдены: костяной наконечник стрелы (рис. 3, 4, № 1); четыре костяных подвески в форме клыка марала (рис. 3, 4, № 2–5) и маленький каменный шарик из черной гальки (рис. 3, 4, № 6).

Под плитками дна могилы, вблизи ее западного угла и под основанием плиты ЮЗ стенки ящика, залегали левая седалищная кость таза взрослой женщины (?) и большая берцовая кость ноги взрослого человека (рис. 3, 5).

Могила № 3 (рис. 4) расположена в СЗ секторе ограды, на одной линии с могилой № 2, в 0,08–0,22 м к ВЮВ от нее. Представляет собой вкопанный в верхний почвенный слой укороченный каменный ящик трапециевидной формы с внешними размерами 1,8×1,25 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ. Высота стен от уровня дна — около 0,52 м, перекрытие из плитняка частично провалилось внутрь могилы (рис. 4, 1, 2). На дне ящика зафиксированы анатомически полные скелеты четырех человек, уложенных на спину головами на ЮЗ, с руками, вытянутыми вдоль тела и согнутыми ногами, с коленями, поднятыми вверх (рис. 4, 3; 12, 2). Кости стоп всех скелетов упираются в плиты северо-восточной стенки.

Первыми в могилу были помещены останки женщины 35–45 лет (скелет Б) и мужчины старше 55 лет (скелет Г). Поверх, перекрывая их частично, уложены ребенок около 12 лет (скелет А) и мужчина около 18 лет (скелет В) (рис. 4, 4).

В могиле найдены: массивный галечный отбойник — на плите перекрытия (рис. 4, 1, № 1; 12, 6) и двусоставной костяной наконечник остроги — на дне могилы под костями таза скелета Б (рис. 4, 5, № 2).

Могила № 4 (рис. 5, 1–3) расположена в ЮВ секторе ограды вблизи центрального погребения. Она почти полностью разрушена ямой тагарской могилы. Сохранилась часть каменного перекрытия (рис. 5, 1), а также песчаниковые плиты ЮВ (длина 1,49 м) и СВ

(длина 0,36 м) стенок прямоугольного каменного ящика, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Высота плит от уровня дна могилы — около 0,57 м (рис. 5, 2).

На дне, в восточном углу ящика, лежали два перевернутых черепа без нижних челюстей, принадлежавшие женщинам в возрасте 25–35 и 45–55 лет. В заполнении могилы найдены обломки малой и большой берцовых костей и фаланга пальца ноги взрослого человека, а также разрозненные фрагменты черепа и длинных костей ребенка младенческого возраста, два фрагмента приустьевого и придонной части окуневского керамического сосуда (рис. 5, 1, № 1, 3, № 2), фрагмент глиняного горшка тагарской культуры (рис. 5, 3, № 3) и костяной трубчатый игольник (рис. 5, 3, № 4).

Могила № 5 (рис. 5, 4–6) расположена в ЮЗ секторе ограды. Представляет собой вкопанный в верхний почвенный слой укороченный каменный ящик трапециевидной формы с внешними размерами 1,0×0,62 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ и перекрытый двумя песчаниковыми плитами (рис. 5, 4). Высота стен от уровня дна могилы — около 0,47 м (рис. 5, 6).

На внешней стороне плиты ЮВ стенки ящика, вдоль ее верхнего края, в древности была процарапана тонкая длинная сплошная горизонтальная линия. На внутренней поверхности этой же плиты, вблизи западного угла ящика хорошо прослеживалось аморфное пятно краски темного охристого цвета (Герман и др., 2022. С. 13–14. Рис. 11).

На дне, выстланном песчаниковыми плитками, находился анатомически полный скелет ребенка в возрасте 8–9 лет (рис. 5, 5; 12, 3), уложенного на спину головой на ЮЗ. Руки были вытянуты вдоль тела и слегка разведены в стороны, ноги — согнуты, сомкнутые колени подняты вверх и завалены вправо, кости ступней прижаты к тазу. Правый локтевой сустав перекрывает упавший эпифиз бедренной кости, левый — завалившийся набок керамический сосуд (рис. 4, 5, № 1). На черепе погребенного присутствуют следы окраски охрой.

Могила № 6 (рис. 6, 1–5) расположена в западном секторе кургана и встроена в структуру юго-западной стенки тагарской ограды. Представляет собой вкопанный в верхний почвенный слой укороченный каменный ящик прямоугольной формы с внешними размерами 1,32×0,61 м, ориентированный по линии ССЗ–ЮЮВ. Ящик перекрывала массивная песчаниковая плита, с севера и востока обложенная более мелкими плитками (рис. 6, 1), среди которых обна-

3 Здесь и далее — половозрастные определения науч. сотр. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН Н.И. Лазаретовой.

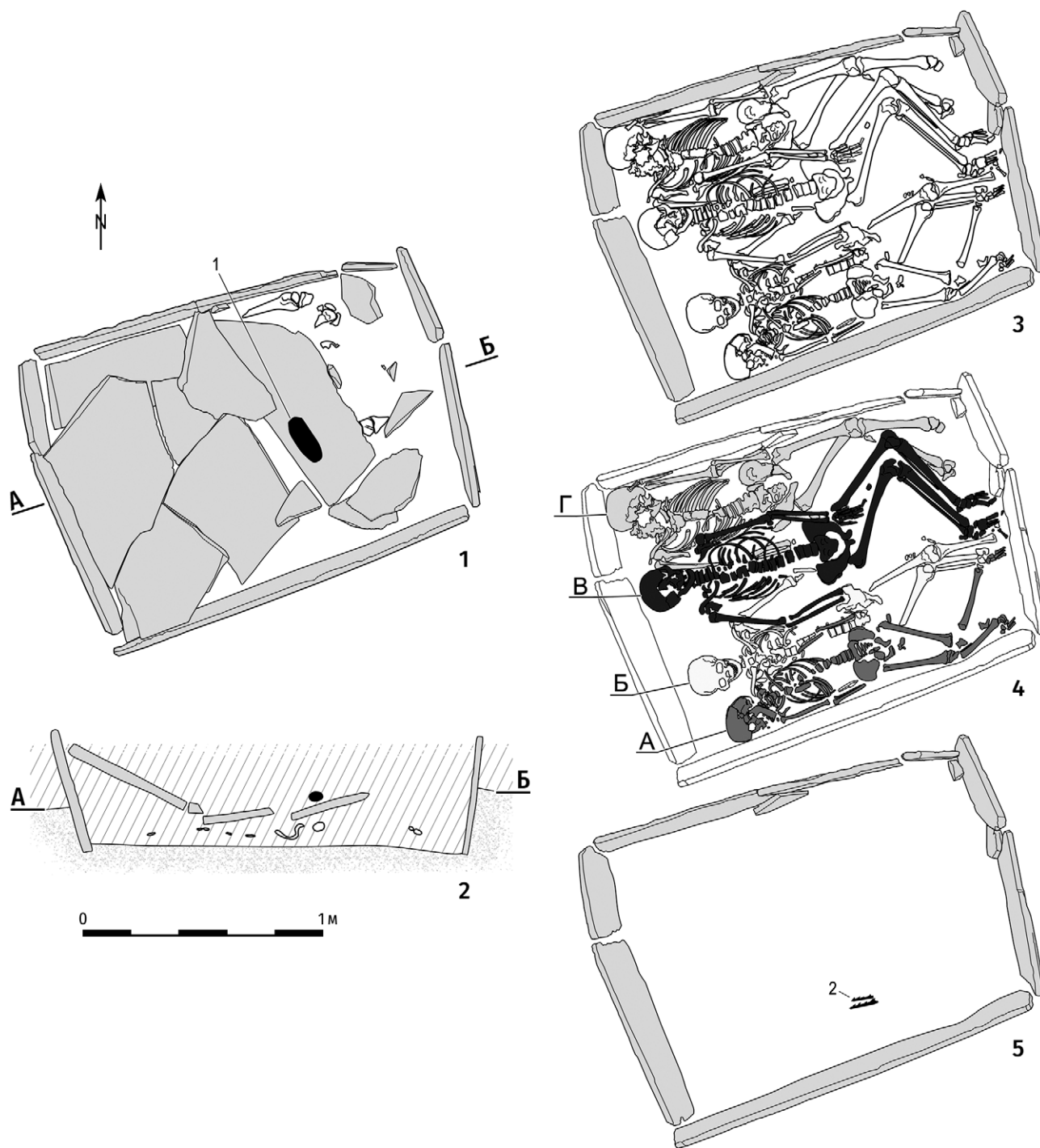

Рис. 4. Сагайская Протока-4, курган 1, могила № 3: 1 — план перекрытия; 2 — разрез; 3 — план по первому уровню расчистки; 4 — схема расположения останков погребенных; 5 — план по второму уровню расчистки

Fig. 4. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, burial no. 3: 1 — plan of the overlap; 2 — sectional drawing; 3 — plan of the first level of excavation; 4 — plan of the buried people remains; 5 — plan of the second level of excavation

ружено массивное каменное орудие (рис. 6, 1, № 1; 12, 7). Высота стен ящика — около 0,36 м (рис. 6, 2).

На дне ящика, выстланном плитами (рис. 6, 4), зафиксированы сохранившие положение *in situ* останки скелета ребенка в возрасте 8–9 лет (скелет А)

(рис. 6, 3). Погребенный был уложен на спину головой на ССЗ, с руками, вытянутыми вдоль тела, и ногами, согнутыми в коленях, поднятых вверх, и наклонившимися влево. Под коленями — череп без нижней челюсти, принадлежавший мужчине 30–40 лет

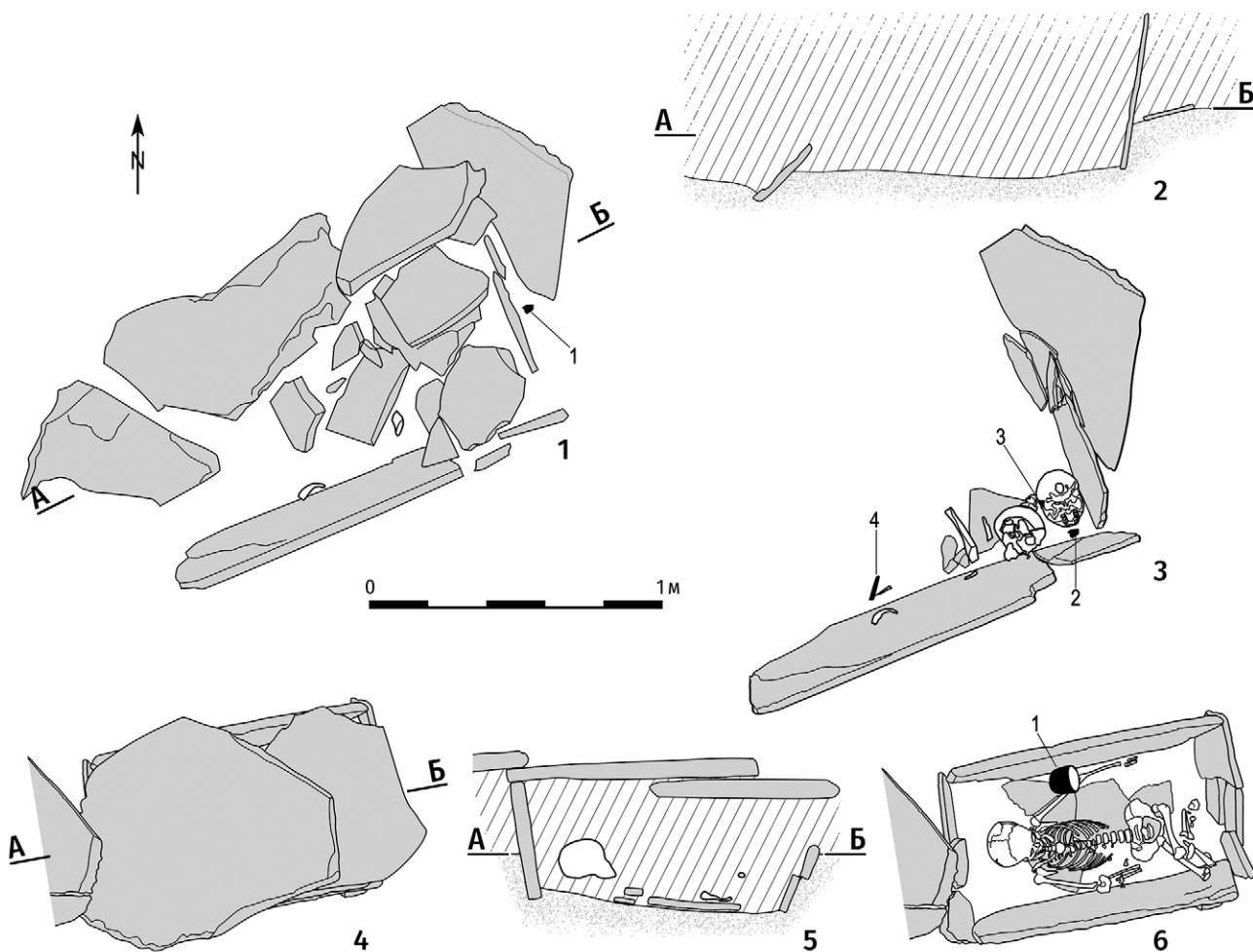

Рис. 5. Сагайская Протока-4, курган 1, могилы № 4 и 5: 1 — план перекрытия могилы № 4; 2 — разрез могилы № 4; 3 — план расчистки могилы № 4; 4 — план перекрытия могилы № 5; 5 — разрез могилы № 5; 6 — план расчистки могилы № 5

Fig. 5. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, burials no. 4 and 5: 1 — plan of the overlap of the grave no. 4; 2 — sectional drawing of the grave no. 4; 3 — plan of excavation of the grave no. 4; 4 — plan of the overlap of the grave no. 5; 5 — sectional drawing of the grave no. 5; 6 — plan of excavation of the grave no. 5

(скелет Б). Под черепом и верхней частью скелета А выявлена кладка из мелких песчаниковых плиток (рис. 6, 4), ниже которой на плитах дна могилы в беспорядке залегали правая лучевая кость, нижняя челюсть, лопатка, две фаланги пальцев ног и семь ребер скелета Б (рис. 6, 5).

В заполнении западной части могилы найден костяной наконечник стрелы (рис. 10, 8).

Могилы № 7 (рис. 6, 6, 7) расположена в западном секторе ограды, вблизи ее геометрического центра. Представляет собой грунтовую яму, на дне которой на глубине 0,2 м от дневной поверхности находилось частично перекрытое мелкими песчаниковыми плитками компактное скопление полуистлевших костей скелетов женщины в возрасте 18–20 лет, взрос-

лого мужчины и ребенка 2–3 лет (рис. 6, 6). Положение *in situ* сохранили часть костей черепа и нижняя челюсть, кости плечевого пояса, часть костей грудной клетки, правая плечевая кость и, частично, кости ног женщины. Судя по ним, погребенная была уложена на спину головой на ЮЗ, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и ногами, согнутыми в коленях вправо (рис. 6, 7).

Поверх костей и между ними в области груди и таза одного из погребенных залегали фрагменты двух керамических сосудов (рис. 6, 7, № 1, 2).

Плита с рисунками. В СВ стенке тагарской ограды, вблизи ее северного угла, обнаружена массивная плита серого песчаника (рис. 1, 2) размерами 1,27×0,63×0,05 м (рис. 8). Своим внешним видом она

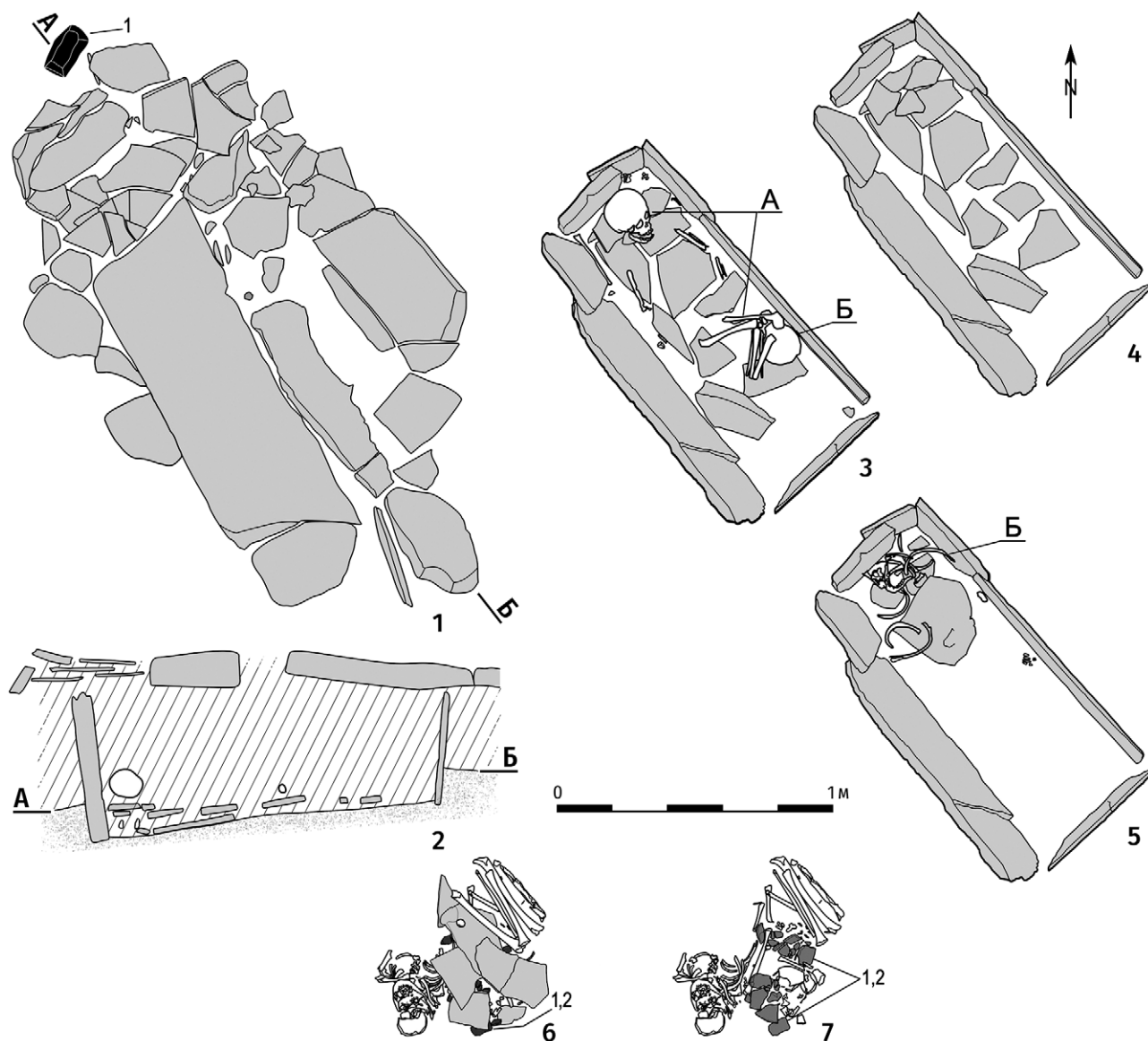

Рис. 6. Сагайская Протока-4, курган 1, могилы № 6 и 7: 1 — план перекрытия могилы № 6; 2 — разрез могилы № 6; 3 — план могилы № 6 по первому уровню расчистки; 4 — план могилы № 6 по второму уровню расчистки; 5 — план могилы № 6 по третьему уровню расчистки; 6 — план могилы № 7 по первому уровню расчистки; 7 — план могилы № 7 по второму уровню расчистки

Fig. 6. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, burials no. 6 and 7: 1 — plan of the overlap of the burial no. 6; 2 — sectional drawing of the grave no. 6; 3 — plan of the grave no. 6 at the first level of excavation; 4 — plan of the grave no. 6 at the second level of excavation; 5 — plan of the grave no. 6 at the third level of excavation; 6 — plan of the grave no. 7 at the first level of excavation; 7 — plan of the grave no. 7 at the second level of excavation

заметно выделялась на фоне соседних. Торцы плиты подшлифованы, а на ее внешней стороне присутствуют следы двух изображений, выполненных красной охрой (Герман и др., 2022. С. 13). Одно из них (рис. 8, а) представляет собой остатки верхней части антропоморфной личины с многочисленными «отростками», второе (рис. 8, б) не идентифицируется.

Объекты за пределами ограды кургана 1

При исследовании межкурганного пространства был выявлен ряд объектов, с разной долей вероятности связанных с погребальным комплексом окуневской культуры.

За внешним периметром курганный ограды в непосредственной близости от ее стен зафиксированы четыре грунтовые ямы.

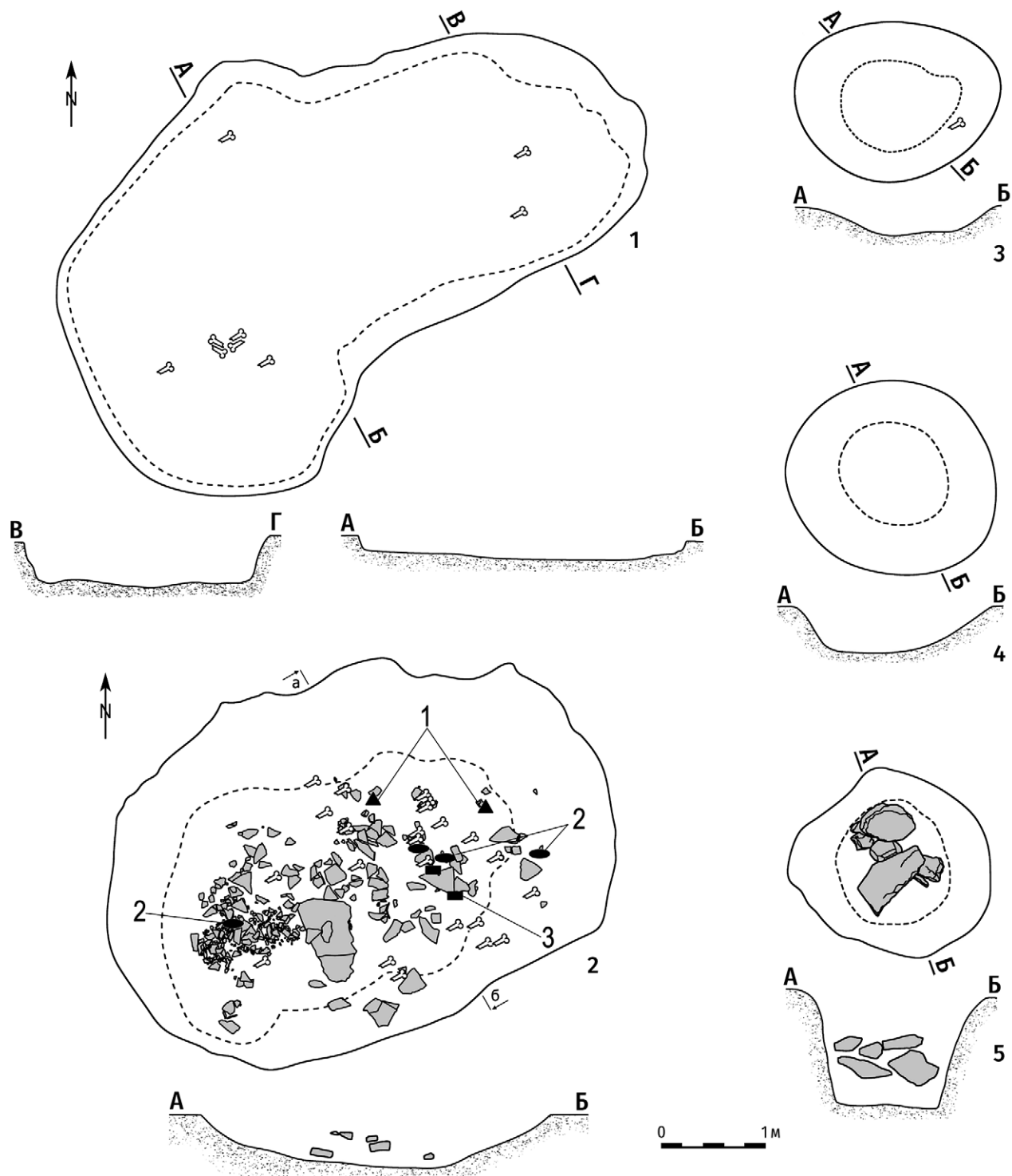

Рис. 7. Сагайская Протока-4, объекты за пределами кургана 1: 1 — план и разрез ямы № 2; 2 — план и разрез ямы № 3; 3 — план и разрез ямы № 1А; 4 — план и разрез ямы № 3А; 5 — план и разрез ямы № 4А

Fig. 7. Sagayskaya Protoka-4, entities outside the barrow 1: 1 — plan and sectional drawing of the pit no. 2; 2 — plan and sectional drawing of the pit no. 3; 3 — plan and sectional drawing of the pit no. 1A; 4 — plan and sectional drawing of the pit no. 3A; 5 — plan and sectional drawing of the pit no. 4A

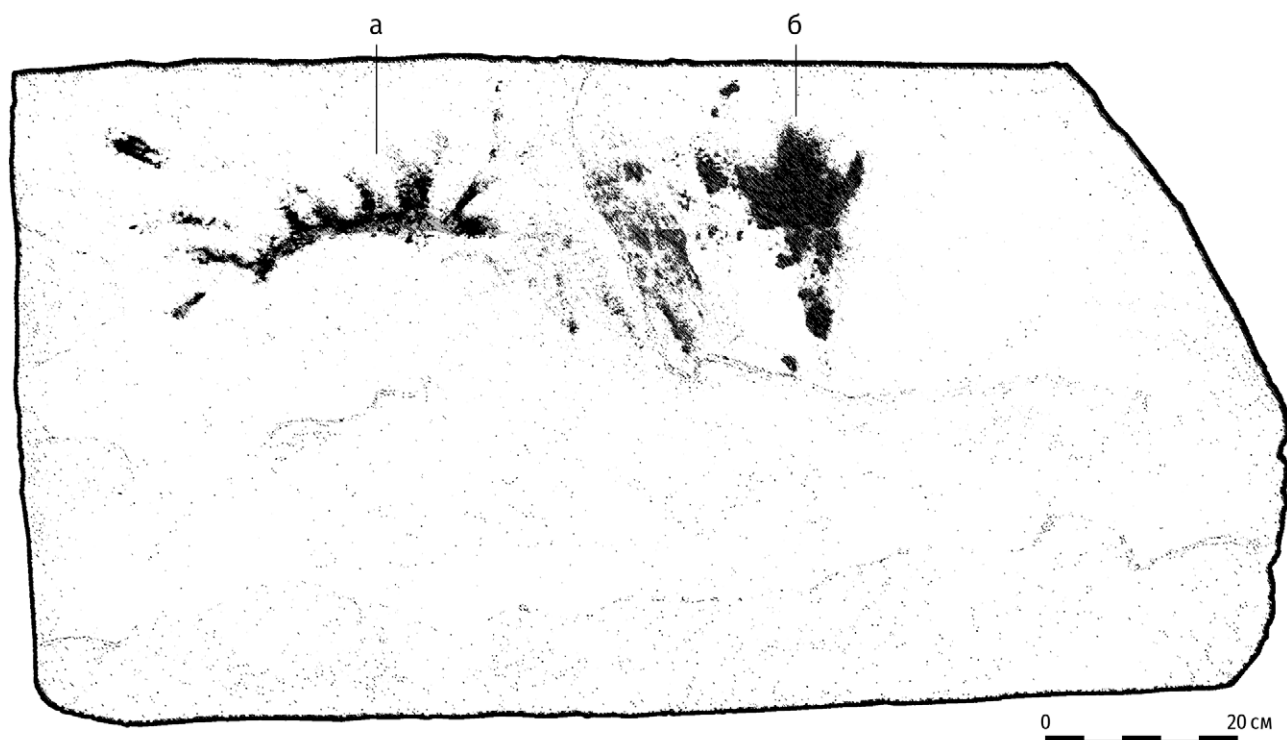

Рис. 8. Сагайская Протока-4, курган 1, материалы окуневской культуры: плита с остатками изображений, выполненных красной охрой (северо-восточный угол ограды)

Fig. 8. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, Okunevo culture materials: plate with some remains of representations made in red ochre (north-eastern corner of the enclosure)

Яма № 1 выявлена в 3,7 м к СЗ от середины СЗ стенки курганный ограды (рис. 2, 1) на уровне верха материкового горизонта. Она имела вид неправильного овала размерами 2,0×1,6 м, ориентированного продольной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина — 0,23 м. Археологического материала в ней не обнаружено.

Яма № 2 выявлена в 0,81 м к ЮЮВ от середины ЮВ стенки курганный ограды (рис. 2, 1) на уровне верха материкового горизонта. Она имела вид неправильного овала размерами 6,0×3,3 м, ориентированного продольной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Глубина — до 0,48 м (рис. 7, 1). В заполнении были найдены две лопатки и обломки других костей овцы, а также небольшой кусочек охры.

Яма № 3 выявлена в 1,24 м к СЗ от середины СЗ стенки курганный ограды (рис. 2, 1) на уровне древней погребенной поверхности. Она имела вид неправильного овала размерами 4,8×3,5 м, ориентированного продольной осью по линии СВ–ЮЗ. Глубина — до 0,45 м. В заполнении и на дне ямы выявлено скопление расслоившихся тонких плит песчаника (рис. 7, 2; 12, 4). Здесь же найдены два фрагмента керамических сосудов окуневской культуры (рис. 7, 2, № 1; 9,

2, 3), разрозненные мелкие кости коровы и овцы, пять галек со сколами и следами сработанности (рис. 7, 2, № 2; 11, 1–3), а также грубое изделие из песчаника (рис. 7, 2, № 3; 11, 4). В верхней части заполнения ямы с восточной стороны обнаружен скелет собаки, уложенной скорченно на левый бок головой на СЗ.

Яма № 4 выявлена в 1,46 м к ЗЮЗ от западной угловой стелы курганный ограды (рис. 2, 1) на уровне верха материкового горизонта. Она имела вид неправильного овала размерами 1,85×1,18 м, продольной осью ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Глубина — до 0,39 м. Археологического материала в ней не обнаружено.

К СВ от кургана № 1 на разном расстоянии от его восточной угловой стелы обнаружены три круглые грунтовые ямы. Они располагались почти на одинаковом удалении друг от друга и на одной линии с ЮВ стенкой окуневской ограды.

Яма № 1А выявлена в 3,3 м к СВ от восточной угловой стелы курганный ограды (рис. 2, 1) на уровне верха материкового горизонта. Она имела вид неправильной окружности диаметром около 1,7 м.

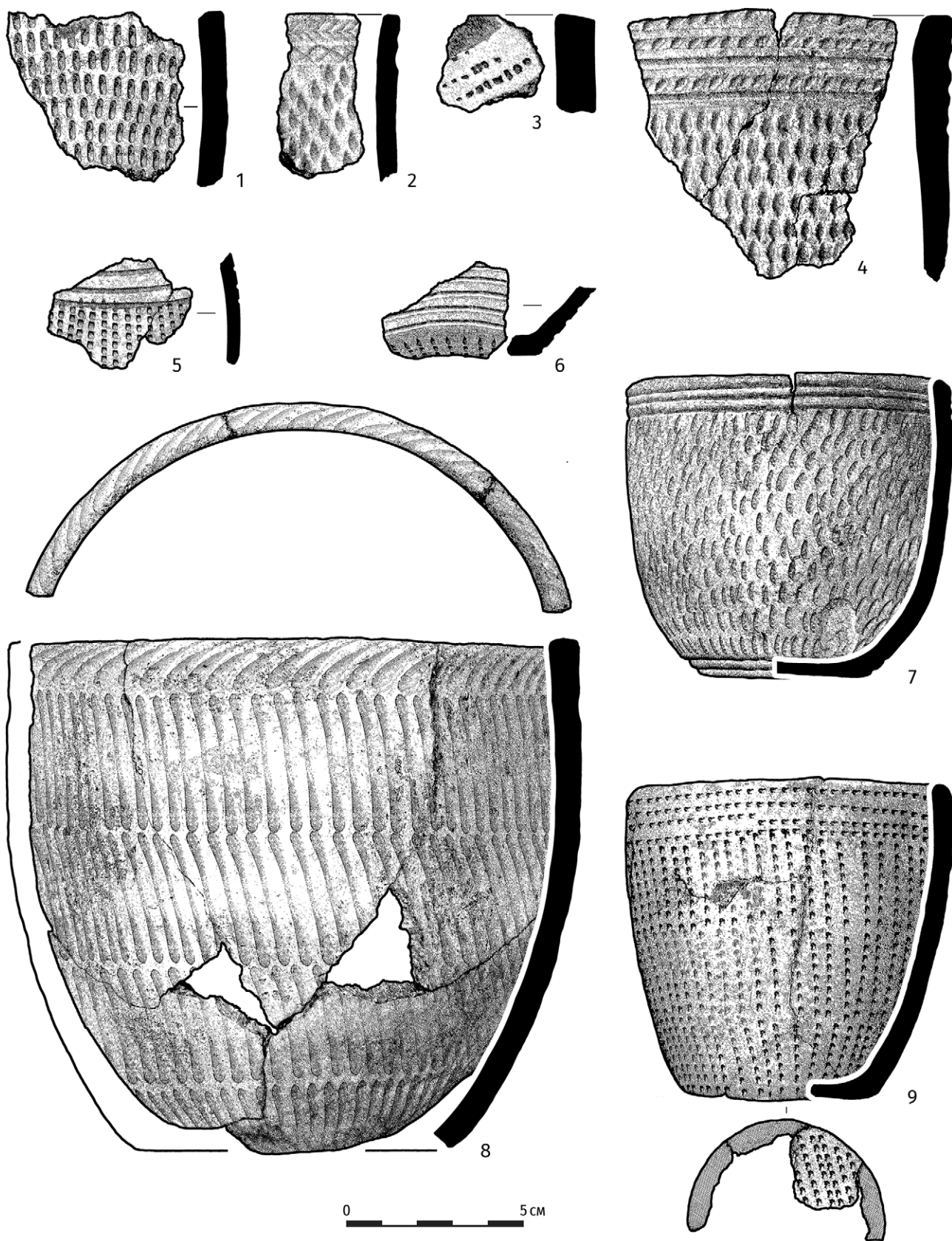

Рис. 9. Сагайская Протока-4, курган 1, материалы окуневской культуры: 1, 4 — насыпь; 2, 3 — яма № 3; 5, 6 — могила № 4; 7 — могила № 5; 8, 9 — могила № 7. Все — керамика

Fig. 9. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, Okunevo culture materials: 1, 4 — mound; 2, 3 — pit no. 3; 5, 6 — grave no. 4; 7 — grave no. 5; 8, 9 — grave no. 7. All — ceramics

Глубина — до 0,36 м (рис. 7, 3). В заполнении был обнаружен фрагмент большой берцовой кости овцы.

Яма № 3А выявлена в 16,6 м к ВСВ от восточной угловой стелы курганной ограды (рис. 2, 1) на уровне верха материкового горизонта. Она имела вид неправильного овала размерами 1,9×1,4 м, продольной осью ориентированного по линии ЗСЗ–ВЮВ. Глубина — до 0,5 м (рис. 7, 4). Археологического материала в яме не обнаружено.

Яма № 4А выявлена в 10,7 м к ВСВ от восточной угловой стелы курганной ограды (рис. 2, 1) на уровне верха материкового горизонта. Она располагалась между ямами 1А и 3А, внутри ограды баиновского комплекса, на почти равном удалении от них, и имела вид неправильной окружности диаметром около 1,6 м. Глубина ямы — до 0,6 м (рис. 7, 5). В заполнении на глубине 0,40–0,45 м выявлено скопление из мелкого плитняка и блоков рваного камня.

Обсуждение

В ходе проведенных работ было установлено, что в основании исследованного объекта (курган 1) находится разрушенный курган окуневской культуры. Он представляет собой остатки сложенной из вертикально установленных тонких плит четырехугольной ограды, ориентированной углами по сторонам света с небольшим отклонением на СВ–ЮЗ. Ее примерные размеры — 8×8 м. Внутри ограды, на уровне древней дневной поверхности, из небольших блоков рваного камня были выложены четыре диагональных дорожки, соединявших ее углы с геометрическим центром (рис. 1, 2). Указанные архитектурные особенности позволяют отнести данную ограду к категории «ритуально-погребальных», бытовавших на всем протяжении окуневской культуры (Лазаретов, 2012).

Подобные сооружения изначально возводились для одной могилы, которая устраивалась в центре пересечения диагоналей и перекрывалась каменно-земляным куполом — курганной насыпью (Соколова, 2006. С. 251). В случае дальнейшего функционирования памятника его «диагональные кладки полностью или частично разбирались, а вокруг малой ограды строилась ограда большего размера» (Лазаретов, 2019. С. 18). У кургана 1 СП-4 внешняя ограда отсутствовала, а основная (центральная) могила оказалась полностью уничтожена котлованом погребения раннего железного века. Вероятно, частью ее каменного ящика являлась плита со следами изобразжений, выполненных охрой, встроенная в стену

тагарского кургана (рис. 8). Размерами и качеством обработки она резко отличается от камней стенок окуневской ограды, а также от плит тагарской ограды. Возможно также, что изначально она являлась самостоятельным ритуально-культовым объектом, а в тагарское время была использована в качестве строительного материала. Вероятно, из центрального захоронения происходит и типично окуневская подвеска, выполненная из зуба животного, встреченная в заполнении могилы № 1 (рис. 10, 10).

Остальные погребения были впущены в земляную насыпь позже. Это укороченные каменные ящики с плитняковым перекрытием и вымосткой дна. Умершие были уложены вытянуто на спину с вытянутыми вдоль тела руками и согнутыми ногами с поднятыми вверх коленями. Из четырех могил, не потревоженных тагарским населением, две имеют следы более поздних подзахоронений, совершенных после разложения мягких тканей и связок тел ранее погребенных людей. По мнению И.П. Лазаретова⁴, в могиле № 2 первоначально были погребены три человека: взрослые мужчина и женщина, а также ребенок в возрасте до 1 года. По истечении времени большая часть их костей была перемещена, дно могилы подсыпано землей и выстлано плитками, а на них уложено тело женщины в возрасте до 25 лет. Ей же принадлежит найденный здесь сопутствующий инвентарь. В могиле № 6 изначально был погребен мужчина в возрасте 30–40 лет, уложенный головой на ЮЮВ. Позднее большая часть его костей была изъята, дно могилы подсыпано и вновь выстлано плитками, а на них головой на ССВ было уложено тело ребенка в возрасте 8–9 лет. Могила № 7, представлявшая собою неглубокую грунтовую ямку с плитняковым перекрытием, возможно, носит вторичный характер: сложенные в нее кости трех умерших людей в сопровождении двух сосудов могли быть перемещены сюда из другого захоронения.

Таким образом, в ограде было захоронено не менее 16 человек: четверо мужчин, шесть женщин и шесть детей. Сопроводительный инвентарь крайне скудный и включает предметы трех категорий: керамика (рис. 9, 5–9), украшения (подвески, имитирующие клыки марала, — рис. 10, 1–4) и выполненные из кости орудия труда (трубчатый игольник и наконечники стрел и остроги — рис. 10, 5, 7–9).

⁴ Авторы благодарны И.П. Лазаретову за консультации и предложенную интерпретацию последовательности захоронений в могилах № 2 и 6 кургана 1 СП-4.

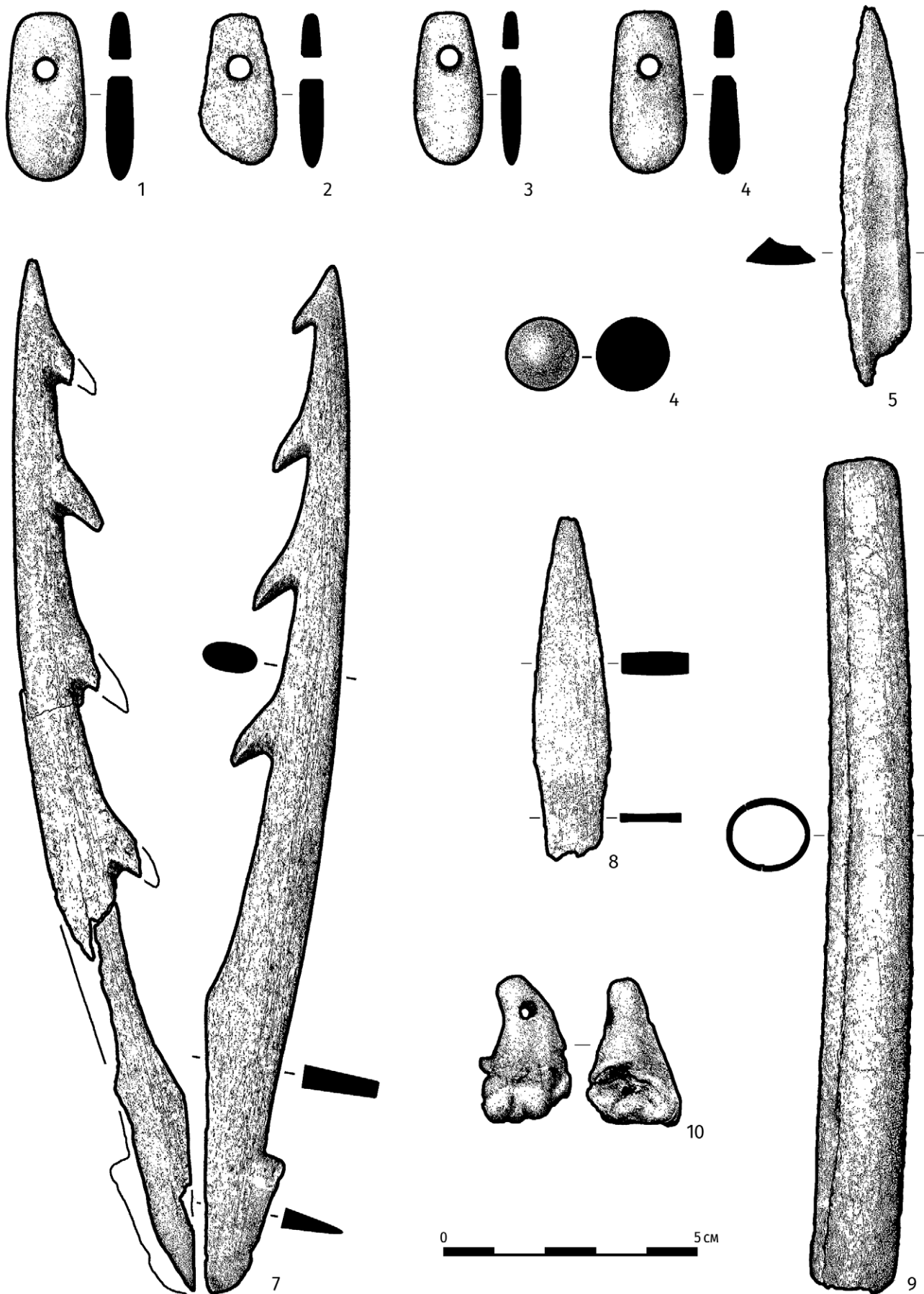

Рис. 10. Сагайская Протока-4, курган 1, материалы окуневской культуры: 1–6 — могила № 2; 7 — могила № 3; 8 — могила № 6; 9 — могила № 4; 10 — могила № 1. 1–5, 7–10 — кость; 6 — камень

Fig. 10. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, Okunevo culture materials: 1–6 — grave no. 2; 7 — grave no. 3; 8 — grave no. 6; 9 — grave no. 4; 10 — grave no. 1. 1–5, 7–10 — bone, 6 — stone

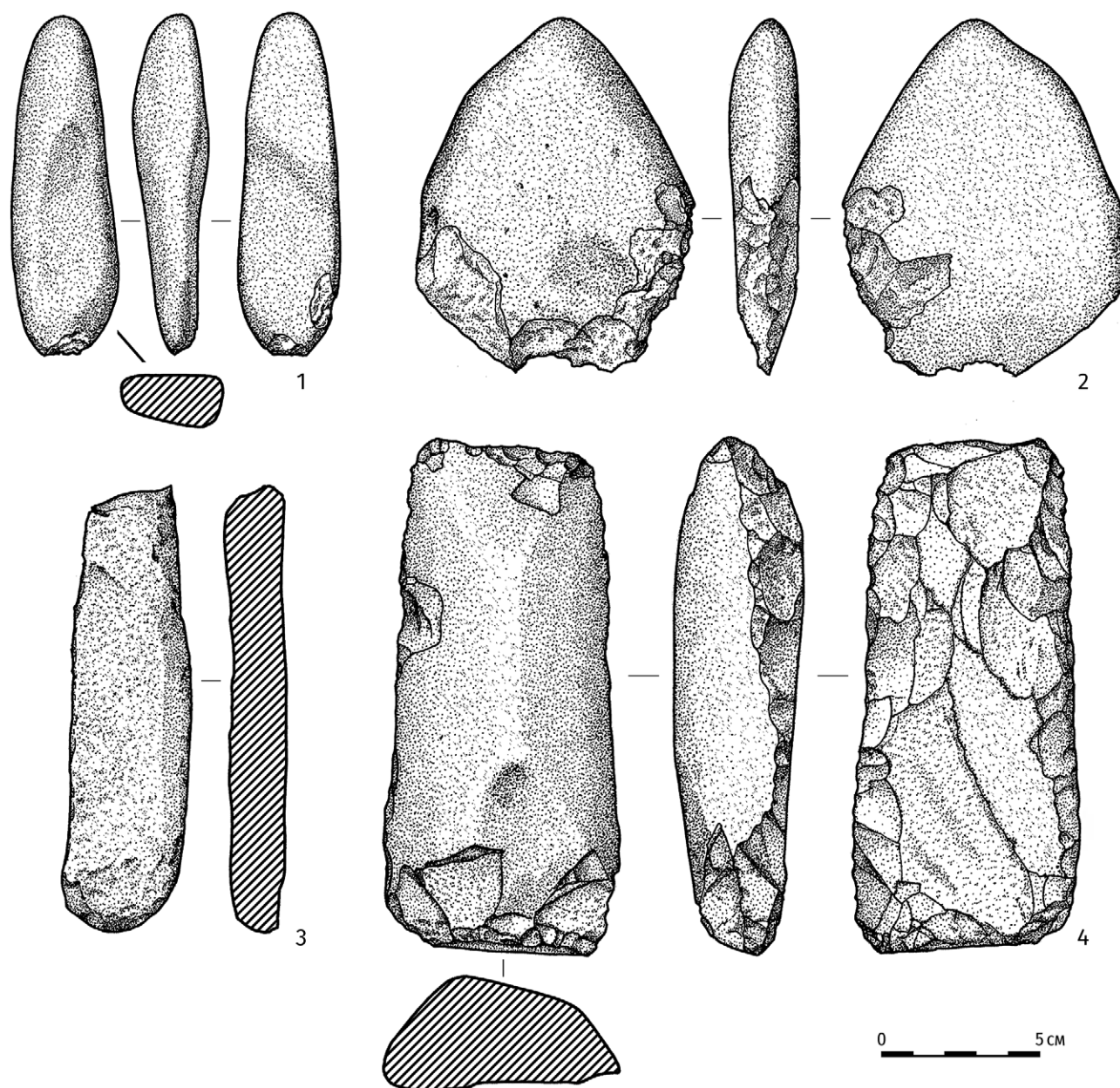

Рис. 11. Сагайская Протока-4, курган 1, яма № 3, материалы окуневской культуры. Все — камень

Fig. 11. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, pit no. 3, Okunevo culture materials. All — stone

Рис. 12. Сагайская Протока-4, курган 1, материалы окуневской культуры: 1 — вид сверху после снятия каменного панциря могилы № 1; 2 — могила № 3; 3 — могила № 5; 4 — яма № 3; 5 — могила № 2; 6 — галька с плиты перекрытия могилы № 3; 7 — галька, обнаруженная рядом с перекрытием могилы № 6

Fig. 12. Sagayskaya Protoka-4, barrow 1, Okunevo culture materials: 1 — air view after removing the stone coat of the grave no. 1; 2 — grave no. 3; 3 — grave no. 5; 4 — pit no. 3; 5 — grave no. 2; 6 — pebble stones from the overlapping slab of the grave no. 3; 7 — pebble stones found near the overlap of the grave no. 6

Все указанные признаки (конструктивные особенности могил, позы погребенных и следы манипуляций с их останками, сопроводительный инвентарь) позволяют отнести рассматриваемый комплекс кургана 1 СП-4 к черновскому этапу окуневской культуры (Лазаретов и др., 2018; Лазаретов, 2019. С. 43), время существования которого определяется в пределах XXII–XX вв. до н.э. (Поляков, 2022. С. 188).

Позднюю хронологическую принадлежность данных материалов подтверждает и облик керамики, найденной в могилах и курганный насыпи (рис. 9). Это толстостенные, изготовленные из тощего теста с интенсивной примесью песка или дресвы плоскодонные сосуды простых баночных форм, украшенные оттисками приостренного конца палочки, либо печатными вдавлениями гладкого или гребенчатого штампа. Дно орнаментировано, приустьевая и в одном случае придонная зоны выделены фризом из горизонтальных линий. Как и костяной инвентарь, все они имеют прямые аналоги в материалах опубликованных памятников черновского этапа (Поляков, 2022. Рис. 77; 78).

Неглубокие грунтовые ямы, выявленные на уровне верха материкового горизонта к ЮВ, ЮЗ и СЗ от ограды, соответствуют котлованам выборки грунта для возведения окуневской курганный насыпи (Поляков, 2014. Рис. 3). В заполнении одной из расположенной к СВ ямы (№ 3), найдены невыразительные обломки костей животных, мелкие песчаниковые плитки, простые каменные орудия (рис. 11) и два фрагмента керамических сосудов окуневского типа (рис. 9, 2, 3). Данный объект полностью тождествен «жертвеннику» кургана Мохово-6 (Киргинцев, 1997. С. 128–129). Следы поминальной тризны выявлены и в заполнении юго-восточной ямы.

С восточной или северо-восточной стороны подобных оград иногда присутствует ритуальная площадка (Лазаретов, Поляков, 2018. С. 34–35; Поляков, 2014. С. 336). В рассматриваемом случае ее следов не выявлено. Вероятно, она была полностью уничтожена при устройстве расположенных рядом курганов позднего

бронзового века и скифского времени. Вместе с тем с восточной стороны от погребальной ограды зафиксировано три округлых ямы (№ 1А, 3А и 4А). Они располагались почти на одинаковом расстоянии друг от друга и на одной линии с ЮВ стенкой ограды окуневского кургана. Центральная — самая глубокая из них — имела отвесные стенки и плоское дно. В ее заполнении обнаружено скопление из мелкого плитняка и небольших блоков рваного камня. Очевидно, что это — столбовая яма, служившая для установки крупного вертикального объекта, выполненного из камня или дерева. Назначение двух других — неглубоких ям № 1А и 3А — остается неясным. Ближайшей аналогией им являются объекты О и R кургана 13 могильника Итколь II (Поляков, 2014. С. 350–351, рис. 3).

Заключение

Общая последовательность формирования кургана 1 СП-4 определяется следующим образом. Первоначально, вероятно, около XX в. до н.э., была сооружена подквадратная ограда, в центре которой устроено основное захоронение с куполообразным надмогильным сооружением. Тогда же из небольших блоков рваного камня выложены каменные диагонали и сделана курганный насыпь, земля для которой была выбрана из ямы № 3 и, вероятно, ям № 1, 2 и 4. К востоку от нее сооружен ритуальный объект, маркированный ямами № 1А, 3А и 4А. Остальные погребения впущены в уже сформированное тело кургана. При этом диагональные кладки оказались частично разобраны. В дальнейшем некоторые из этих могил были использованы для повторных захоронений. В раннетагарское время, ориентировочно в VIII–VII вв. до н.э., каменная ограда окуневской культуры была почти полностью разобрана, часть камней перемещены в яму № 3. Ограда была перестроена в соответствии с раннетагарскими традициями, в ее центре выкопан котлован могилы № 1, уничтоживший основное предшествующее захоронение и частично разрушивший могилу № 4.

Данный случай фиксирует повторяющуюся практику использования погребальной ограды более

раннего времени для создания кургана тагарской культуры. В скифскую эпоху на территории Хакасии это было обычным явлением (Лазаретов, 2021. С. 45; Герман и др., 2021; Богданов, Тимощенко, 2021). Материал, полученный в результате полевых исследований на могильнике Сагайская Протока-4, дополняет наши знания об «археологических палимпсестах» на древних некрополях Минусинских котловин, а также об особенностях расположения и устройства сопутствующих объектов за пределами оград в окуневских комплексах.

Литература

- Богданов, Тимощенко, 2021 — Богданов Е.С., Тимощенко А.А. Культурный палимпсест в кургане № 5 могильника Уйтаг-3 (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2021. Т. XXVII. С. 895–901.
- Герман и др., 2021 — Герман П.В., Леонтьев С.Н., Иващенко С.Н., Калинин А.В., Егорченко С.Е., Вальков И.А., Ковзунова П.В., Горлышкин Н.Е., Тимощенко А.А. Культурно-хронологические комплексы курганного могильника Сагайская Протока-4 (Аскизский район Республики Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2021. Т. XXVII. С. 936–944.
- Герман и др., 2022 — Герман П.В., Мухарева А.Н., Емельянцева М.П. Изображения на каменных плитах могильника Сагайская Протока-4 (Аскизский район Республики Хакасия) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2022. Вып. 16. С. 5–22.
- Киргинеков, 1997 — Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.
- Лазаретов, 2012 — Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М.П. Грязнова / ред. колл.: В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 220–224.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019 № 4 (28). С. 15–50.
- Лазаретов, 2021 — Лазаретов И.П. «Впускные» курганы окуневской культуры // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Междунар. науч. конф. (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан) / отв. ред.: А.В. Поляков и др. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 45–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. 2018. № 2 (22). С. 21–46.
- Лазаретов и др., 2018 — Лазаретов И.П., Морозов С.В., Поляков А.В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 51–56. (Труды ИИМК РАН; т. XLVII).
- Поляков, 2014 — Поляков А.В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Ит-коль II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В.М. Массона (03.05.1929–19.02.2010) / отв. ред. В.А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014. С. 332–355. (Труды ИИМК РАН; т. XLII).
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Соколова, 2006 — Соколова Л.А. Типология погребальных сооружений окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл. Д.Г. Савинов и др. СПб.: Электис Принт, 2006. С. 251–259.

Okunevo culture assemblage from barrow 1 of Sagaiskaya Protoka-4 burial ground (Republic of Khakasia, Askizsky district)

Stanislav N. Leontyev, Pavel V. German⁵

In summer of 2021, during the rescue works held on Sagaiskaya Protoka-4 burial ground near the Askiz River (Republic of Khakasia), the barrow 1 was studied (fig. 1, 1). The barrow was preliminarily attributed to the Tagar culture, but the field works showed that this site was an “archaeological palimpsest” with an Okunevo funeral enclosure at its base. Some walls from vertical installed fine sandstone slabs remained as well as fragments of diagonal layings of rubble stone (fig. 1, 2; 12, 1). Behind the enclosure six burials have been found which were made in shortened stone boxes with flagstone slabs and bottom laying, and one secondary (?)

⁵ Stanislav N. Leontyev, Pavel V. German — Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the RAS, 18 Sovetsky ave., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: lemosk1@mail.ru; lithos@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6231-4043; 0000-0002-8123-6992.

burial in a soil pit (**fig. 3–6; 12, 2, 3, 5**). The intact skeletons allow us to conclude that the laid on their back, heads oriented to the south-west, arms along the body and bent knees, which were oriented up and then fell on one side. One of the studied burials is communal (**fig. 4; 12, 2**), two of them had traces of late multiple burials made when the soft tissues and ligaments of the first buried corps (**fig. 3; 6**). Grave goods are extremely poor in number and they are represented by ceramics (**fig. 9**), miniature stone ball, and bone pendants, arrowheads and hooks (**fig. 10**). Outside the barrow, four pits have been found, which were made to take soil for Okunevo barrow mound, there were also three round pits with unknown purpose (**fig. 2, 1**). In the structure of the stone enclosure of the Tagar part of the barrow, a plate with remains of Okunevo images made in ochre was found (**fig. 8**). This Okunevo culture site is attributed to the category of “ritual and funeral” enclosures and according to the analogies with published materials, it dates to its late Chernovskaya stage in 22nd–20th centuries BC. In the Early Iron Age, it was almost completely ruined while building the Tagar barrow at its place.

Keywords: *Minusinsk basins, barrow, ritual assemblage, Bronze Age, Okunevo culture, Chernovskaya stage*

Каменный очаг окуневской культуры со склона горы Моисеиха (Минусинский район Красноярского края)¹

Н.В. Леонтьев (†), С.Н. Леонтьев²

Аннотация. В статье публикуются материалы, полученные при исследовании каменного очага, случайно обнаруженного в 1980 г. на склоне горы Моисеиха (Минусинский район Красноярского края), на северной периферии одноименного могильника афанасьевской культуры. На основании фрагментов керамических сосудов из его заполнения очаг отнесен к окуневской культуре. Высказано предположение о связи данного объекта с окуневым погребением, впущенным в кольцо кургана № 5.

Ключевые слова: археология Хакасии, гора Моисеиха, ранний бронзовый век, окуневская культура, очаг

Для реконструкции отдельных элементов системы жизнедеятельности древнего человека и культурной атрибуции поселенческих комплексов большое значение имеет анализ таких объектов, как очаги. В настоящее время для раннего периода истории Хакаско-Минусинской котловины хорошо изучены очажные конструкции эпохи неолита (Виноградов, 2022. С. 21) и афанасьевского времени (Лурье, 2021), но почти неизвестны аналогичные сооружения окуневской и андроновской культур. В этой связи интерес представляет каменный очаг, случайно обнаруженный Н.В. Леонтьевым в 1980 г. на северо-западном склоне горы Моисеиха (Минусинский район Красноярского края). Эти материалы были частично опубликованы ранее (Леонтьев, 2004), а в настоящей статье дается их полное описание.

Рассматриваемый археологический объект располагался на северной периферии афанасьевского могильника Моисеиха, исследованного в 1959 г. В.М. Старушенко (Вадецкая и др., 2014. С. 189). Он выявлен по выступавшим на 0,05–0,12 м над уровнем дневной поверхности торцам тонких плиток девонского песчаника, образовавшим овальное кольцо. Как было установлено, данная очажная конструкция

представляла собой грунтовую яму, в плане имевшую вид почти правильного овала размерами 1,10×0,75 м, ориентированного продольной осью по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 1, 1). Глубина ямы — до 0,20 м от уровня дневной поверхности. Ее борта облицованы песчаниковыми плитками высотой до 0,32 м, установленными под небольшим углом. Ровное дно очага также выложено плитняком (рис. 1, 2).

В заполнении ямы были встречены обожженные камни, уголь и кости животного (козы или овцы), а также 18 мелких фрагментов от двух толстостенных керамических сосудов³, изготовленных из рыхлого, комковатого и очень тощего теста с интенсивной примесью крупнозернистого аллювия. Цвет поверхности черепков варьирует от серовато-красного до темно-серого, излом темно-серый. От одного сосуда сохранились четыре обломка прямого округлого венчика внешним диаметром около 16 см, орнаментированного горизонтальными рядами глубоких оттисков гребенчатого штампа с крупными ромбовидными зубцами (рис. 1, 3). К нему же, очевидно, относится и обломок плоского днища диаметром около 8 см, украшенного оттисками гребенки и косыми прорезными насечками по внешнему бортику (рис. 1, 4). Вторым сосуд представлен двумя фрагментами прямого округлого венчика диаметром около 17,5 см, по внешнему и внутреннему краю орнаментированного длинными узкими насечками, сгруппированными в горизонтальную «елочку» (рис. 1, 5), а также тремя обломками

¹ Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири» (FWEZ-2024-0021).

² Станислав Николаевич Леонтьев — Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, пр. Советский, д. 18, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: lemosk1@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6231-4043.

³ Все материалы переданы в фонды Минусинского музея (МКМ, инв. № а10079/1-4).

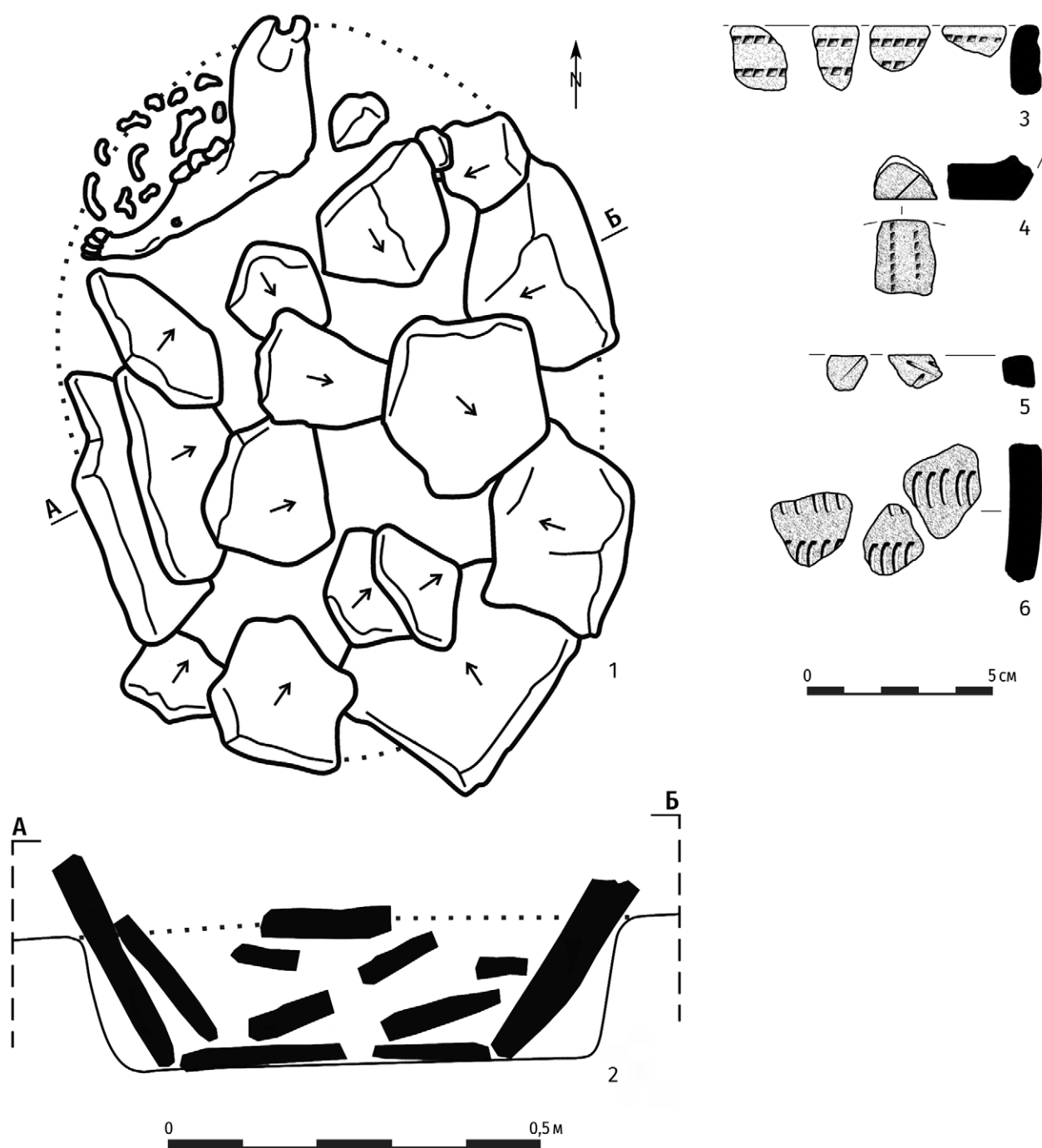

Рис. 1. Склон горы Моисеиха, каменный очаг окуневской культуры: 1 — план; 2 — разрез по линии А-Б; 3–5 — материал из заполнения (все — керамика)

Fig. 1. The slope of the Moiseikha Mountain, the Okunevo culture stone fireplace: 1 — plan; 2 — section by the line А-Б; 3–5 — items from the infilling (all — ceramics)

тулова, украшенного рядами частых вдавлений гладкого скобчатого штампа (рис. 1, 6).

По своим характеристикам оба сосуда полностью соответствуют керамике окуневского типа. Так как помимо них ни в очаге, ни близ него никаких иных датирующих предметов обнаружено не было, принадлежность рассматриваемого объекта к окуневской культуре сомнений не вызывает.

Очаги, конструктивно схожие с вышеописанным, на территории Хакасско-Минусинской котловины впервые появляются в афанасьевское время. Они представляют собой большие круглые (Грязнов и др., 1979. С. 22–26) или овальные (Поляков, 2010. С. 156) ямы диаметром до 1 м, по периметру облицованные каменными плитками. Дно их, в отличие от очага с горы Моисеиха, земляное, без каменной выкладки. Сохранность очагов и кострищ окуневской культуры, известных в настоящее время, значительно хуже (Поляков, 2022. С. 116). Однако ясно, что в ряде случаев они также имели овальную форму и каменную обкладку бортов (Леонтьев, 2004. С. 170). Размеры одного из этих объектов — очажной ямы, раскопанной А.И. Готлибом на све Устанах (Готлиб, 1997. С. 136), — совпадают с размерами очага со склона горы Моисеиха.

Место обнаружения рассматриваемого объекта представляет собой территорию, непригодную для сколько-нибудь длительного проживания без регулярного подвоза воды. Поэтому найденный очаг едва ли может считаться маркером существовавшего здесь в древности поселения или стойбища. Наиболее вероятно, что его сооружение было приурочено к расположенному к югу от него афанасьевскому кургану 5, точнее — к впущенному в кольцо этой ограды погребению уйбатского этапа окуневской культуры (Ковалева и др., 2010. С. 109–110). Следы кострищ близ окуневских могил фиксировались и ранее (Зяблин, 1981. С. 121; Киргинеков, 1997. С. 128–129), причем одно из них также содержало кости животных, фрагменты керамической посуды и располагалось к северу, за пределами погребальной ограды кургана (Киргинеков, 1997. С. 128–129. Рис. 1). Разрозненные плитки песчаника, кости животных и единичные обломки окуневских сосудов были найдены и в северном котловане кургана 1 могильника Сагайская Протока-4 (см. статью в настоящем сборнике).

Следует отметить, что впускное погребение и очаг близ него — не единственные памятники окуневской культуры на Моисеихе. В том же 1980 г. на скальных обнажениях южного склона горы

Н.В. Леонтьевым было обнаружено несколько петроглифов, выполненных в разливском стиле. Позднее еще целый ряд окуневских изображений, созданных в различной технике, был выявлен здесь Е.А. Миклашевич (Миклашевич, 2021).

Литература

- Вадецкая и др., 2014 — Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Виноградов, 2022 — Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинского края (по материалам керамических комплексов древних поселений). СПб.: ИИМК РАН, 2022. 272 с. (Труды ИИМК РАН; т. LVIII).
- Готлиб, 1997 — Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 134–151.
- Грязнов и др., 1979 — Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / ред. М.П. Грязнов. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Зяблин, 1981 — Зяблин Л.П. Окуневский курган на могильнике Малые Копены 3 // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 118–121.
- Киргинеков, 1997 — Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.
- Ковалева и др., 2010 — Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 году // Афанасьевский сборник / отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 108–121.
- Леонтьев, 2004 — Леонтьев С.Н. К вопросу о становлении традиции плоскодонности керамической посуды в окуневской культуре // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы Всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004 г.). Омск: Омский гос. ун-т, 2004. С. 170–173.
- Лурье, 2021 — Лурье В.М. Очажные конструкции на поселениях афанасьевской культуры // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) / отв. ред.: А.В. Поляков, Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 44–47.
- Миклашевич, 2021 — Миклашевич Е.А. Наскальные изображения окуневской культуры на горе Моисеиха (Средний Енисей) // ПИФК. 2021. № 2 [Памяти Е.Г. Дэвлет]. С. 165–187.

Поляков, 2010 — Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник / отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 144–158.

Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

A stone fireplace from the slope of the Moiseikha Mountain (Minusinsk district, Krasnoyarsk Krai)

Nikolay V. Leontyev (†), Stanislav N. Leontyev⁴

In 1980, an ancient stone fireplace was accidentally discovered on the slope of the Moiseikha Mountain (Minusinsk district, Krasnoyarsk Krai), on the northern periphery of the homonymous Afanasyevo culture burial mound. It was an oval pit with dimensions of 1.10×0.75 m and depth of 0.20 m, the walls and bottom of which were covered with thin sandstone slabs (**fig. 1, 1, 2**). Burnt stones, charcoal, animal bones and small fragments of two ceramic vessels of the Okunevo culture were found in the pit infilling (**fig. 1, 3–5**). This fireplace was probably confined to the Okunevo burial located to the south of it, which was inlet into the ring of Afanasyevo barrow 5. Similar fireplace structures are known in the Afanasyevo settlements. In contrast, the few Okunevo fire-pits and fireplaces known at present are, as a rule, badly destroyed. Judging by the traces, some of them also had an oval shape and stone framing. One of them (Mokhov-6), like the one discussed in the article, was located to the north of the Okunevo burial site and contained fractions of animal bones and fragments of pottery.

Keywords: *archaeology of Khakassia, Moiseikha Mountain, Early Bronze Age, Okunevo culture, fireplace*

⁴ Stanislav N. Leontyev — Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the RAS, 18 Sovetskaya ave., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: lemosk1@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6231-4043.

Исследования кургана 2 могильника Красный Камень в Хакасии¹

И.П. Лазаретов, А.В. Поляков²

В статье вводятся в научный оборот новые материалы раскопок кургана 2 могильника Красный Камень в Боградском районе Республики Хакасия. Памятник относится к окуневской культуре (ранний бронзовый век) и предположительно относится к хронологическому горизонту на стыке уйбатского и черновского этапов. Кроме того, в курган были впущены два гораздо более поздних погребения и серия ям, датирующихся временем бытования тесинской культуры. Среди окуневских материалов особенно выделяется погребение двух женщин с богатым и своеобразным сопроводительным инвентарем, маркирующим их особую роль в обществе.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Средний Енисей, Минусинские котловины, ранний бронзовый век, окуневская культура, курган, лебяжинский хронологический горизонт

Могильник Красный Камень был выявлен в 2003 г. в ходе осмотра объездной дороги, построенной на участке реконструкции федеральной трассы «Енисей». Он находится в Боградском районе Республики Хакасия, в 2 км к северу от села Красный Камень. Курганы устроены на пологом склоне горы, на удалении 100 м от автодороги Красноярск — Абакан, на 361 км автодороги. Памятник состоял из двух оград эпохи ранней бронзы (окуневская культура) (рис. 1). Курганы хорошо сохранились и на момент выявления выглядели как небольшие всхолмления на поверхности степи высотой до 0,5 м и диаметром 15–20 м.

Могильник расположен на надпойменной террасе левого берега реки Кокса, в 500 м от ее русла. Нижняя часть террасы, прилегающая к реке, пересечена многочисленными современными оросительными каналами и используется под пашню. Верхняя ее часть, где расположен могильник, распашке не подвергалась, но серьезно пострадала при строительстве и последующей реконструкции автодороги.

В 2010–2011 гг. был исследован курган 1. Он имел квадратную каменную ограду размерами 12,5×12,5 м с дополнительными диагональными кладками и содержал 12 захоронений окуневской культуры. К востоку от погребального сооружения располагалась отдельная ритуально-поминальная оградка со следами кострища. Комплекс был вписан в кольцо диаметром 60 м из каменных менгиров, установленных с промежутками в 7,0–7,5 м. Материалы раскопок 2010–2011 гг. полностью опубликованы (Лазаретов, Поляков, 2018).

В 2018 г. отрядом Саянской экспедиции ИИМК РАН под руководством И.П. Лазаретова исследования памятника были продолжены — изучен курган 2. Работы проводились при поддержке Русского географического общества (РГО) в рамках реализации волонтерского проекта «Тайны древних художников Сибири» (авторы выражают благодарность волонтерам проекта: Оксане Жировой, Анне Ивановой, Ларисе Ивановой, Виктории Кейметиновой, Александру Рябову, Ксении Табидзе, Ирине Терентьевой, Дмитрию Щурякову и Максиму Мариеву). Полевые чертежи выполнены Н.А. Борковым. Антропологические определения проведены Н.И. Лазаретовой. По окончании полевых работ, в камеральный период, были осуществлены реставрация и консервация находок специалистом ИИМК РАН Н.С. Кургановым.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Андрей Владимирович Поляков, Игорь Павлович Лазаретов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: poliakov@yandex.ru, lazaretov@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3418-2469, 0000-0002-9054-6220.

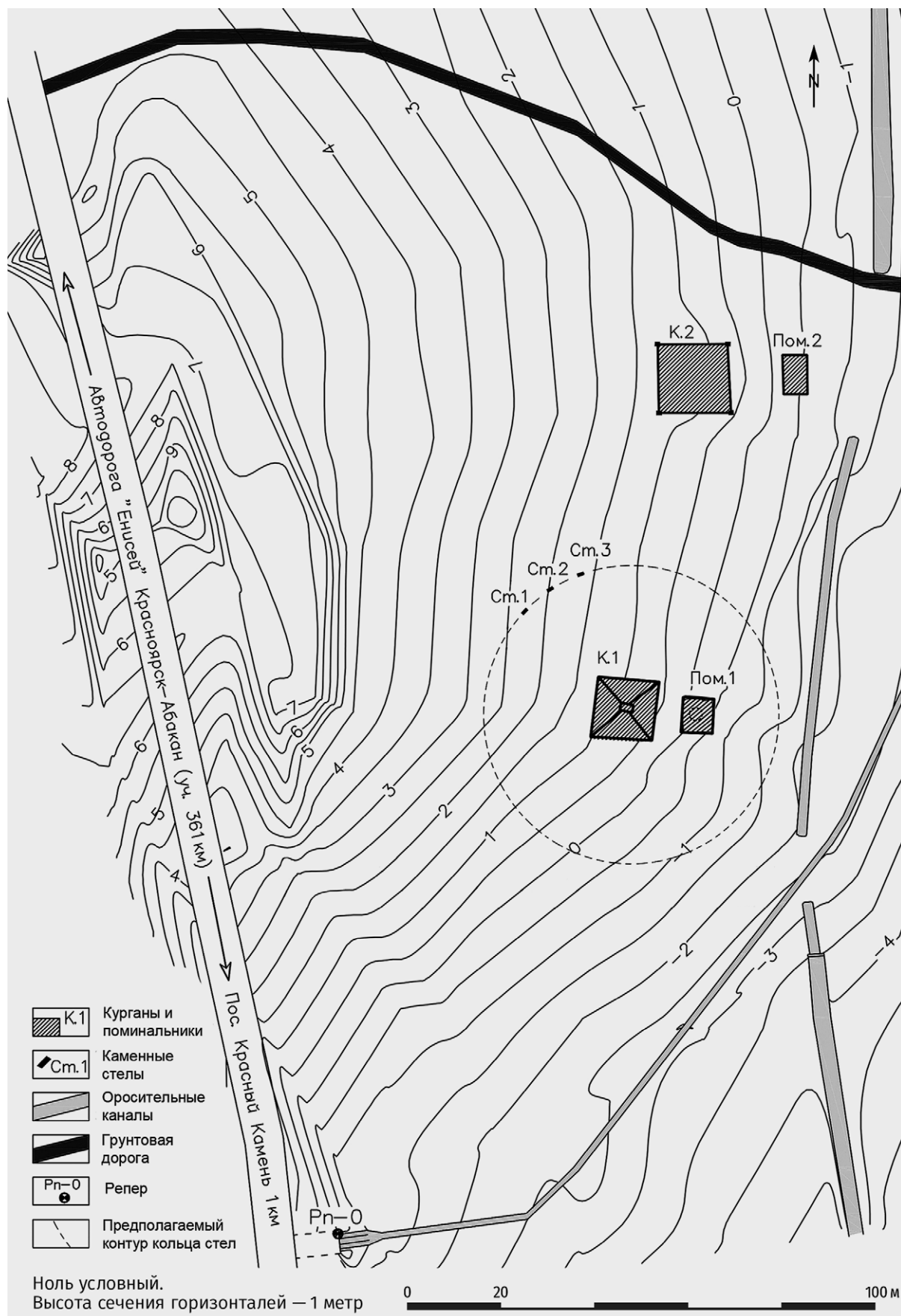

Рис. 1. Могильник Красный Камень. План

Fig. 1. Krasnyy Kamenny burial ground. Plan

Курган 2

До начала работ курган 2 представлял собой округлое земляное всхолмление диаметром около 20 м с отдельными выступающими на поверхность плитами перекрытия ящиков и двумя угловыми (стелы 1 и 3) камнями ограды. Сохранившаяся высота земляной насыпи на момент начала работ составляла около 0,3–0,4 м. Поскольку курган располагался на склоне горы, на конусе выноса, погребенная почва в месте его строительства выглядела как смесь кусков гумуса с материковыми затеками красного цвета. Искусственная насыпь кургана также состояла из композита фрагментов дерна и красного материкового суглинки, взятых рядом с оградой.

Квадратная ограда кургана сохранилась крайне фрагментарно — в виде обломков отдельных врытых плит и мелких камней их расклинки (рис. 2; 3). Она имела размеры 14,5×14,5 м и была ориентирована сторонами вдоль линий С–Ю и 3–В. Судя по сохранившимся плитам, высота сооружения не превышала 0,4 м, а заглубление камней — 0,2–0,3 м. В углах ограды были установлены столбообразные камни высотой до 0,7 м: два из них сохранились полностью, один обломан, а четвертый отсутствовал на своем первоначальном месте (рис. 4).

В центре ограды компактной группой были совершены семь захоронений (рис. 5). Пять из них располагались в ряд по линии С–Ю, один ящик был вынесен к западу, что в целом соотносится с традицией размещения захоронений (Поляков, 2017). Между ним и основной цепочкой могил было совершено позднейшее впускное захоронение в грунтовой яме, заложеной плитами (тесинской культуры). На площади ограды и за ее пределами выявлены четыре ямы, однако никаких артефактов или иных признаков, позволяющих их датировать, обнаружено не было.

При снятии насыпи кургана и расчистке каменных конструкций у середины северной стенки ограды обнаружены фрагменты баночного сосуда, украшенного оттисками зубчатого штампа (рис. 6, 1, 2). Вероятно, он был выброшен при ограблении основных могил.

Ритуально-поминальная площадка (рис. 7). При обследовании площади могильника к востоку от кургана 2 был выявлен отдельно стоящий камень. По аналогии с уже изученными окуневскими курганами (Поляков, 2010; 2014), можно предположить, что здесь располагается отдельная ритуально-поминальная площадка. С целью проверки этой гипотезы был заложен дополнительный раскоп (12×14 м), в котором выявлены остатки ритуально-поминальной ограды

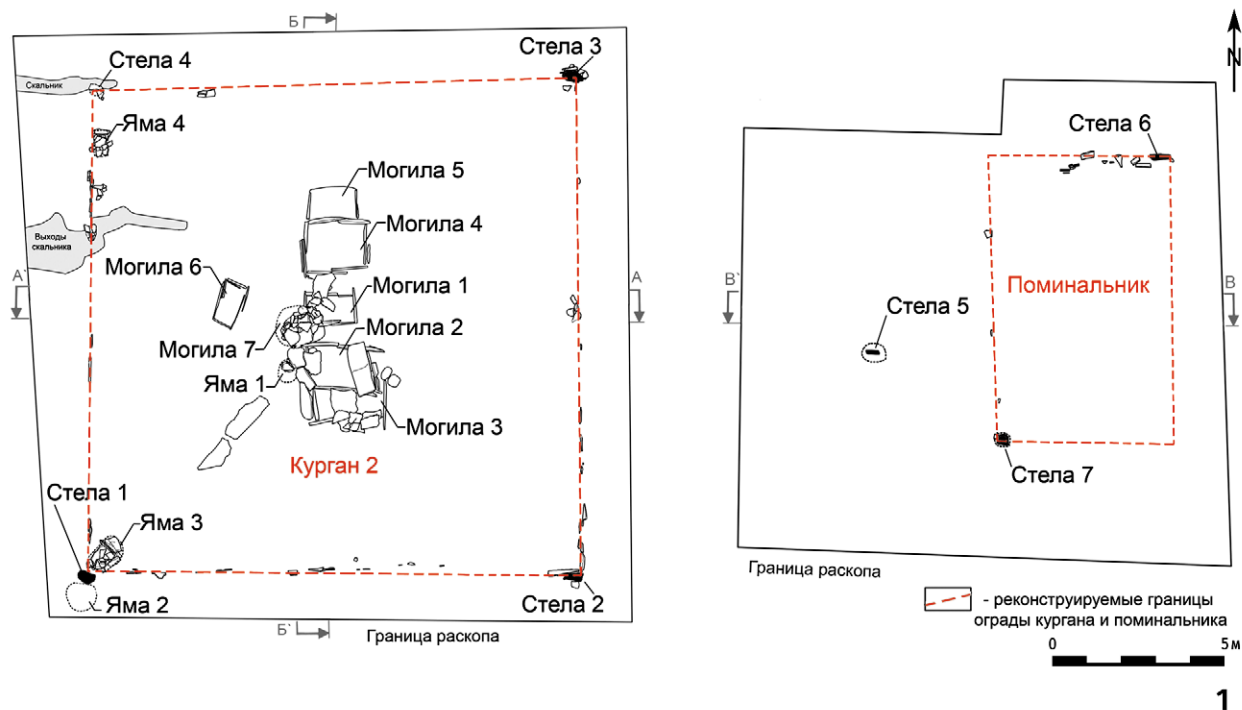
и отдельно стоящей стелы 5. Стела 5 располагалась в пространстве между курганом 2 и ритуально-поминальной площадкой. Судя по месту локализации, она принадлежит к кургану и тяготеет к его осевой линии. Сохранилась только корневая часть стелы. Сам камень разрушился, и определить его исходную высоту невозможно.

Ритуальная ограда была сооружена из врытых плит песчаника. Сохранилась крайне фрагментарно. Предположительно, она имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью по линии С–Ю. Размеры ограды — 6,4×4,0 м. Сохранились только фрагменты ее северной и западной стенок, а также два угловых камня. Внутри ритуально-поминальной ограды не удалось выявить следов ям, ящиков или кострища, как в других окуневских сооружениях подобного типа. Вероятно, это связано с плохой сохранностью комплекса. Обнаружен только фрагмент крупной округлой каменной гальки с выбитым на ней широким желобком (рис. 6, 3, 4). Аналогичное, но целое изделие, было найдено в ходе раскопок кургана 12 могильника Итколь II и также связано с окуневской культурой (Поляков и др., 2018. С. 127–130).

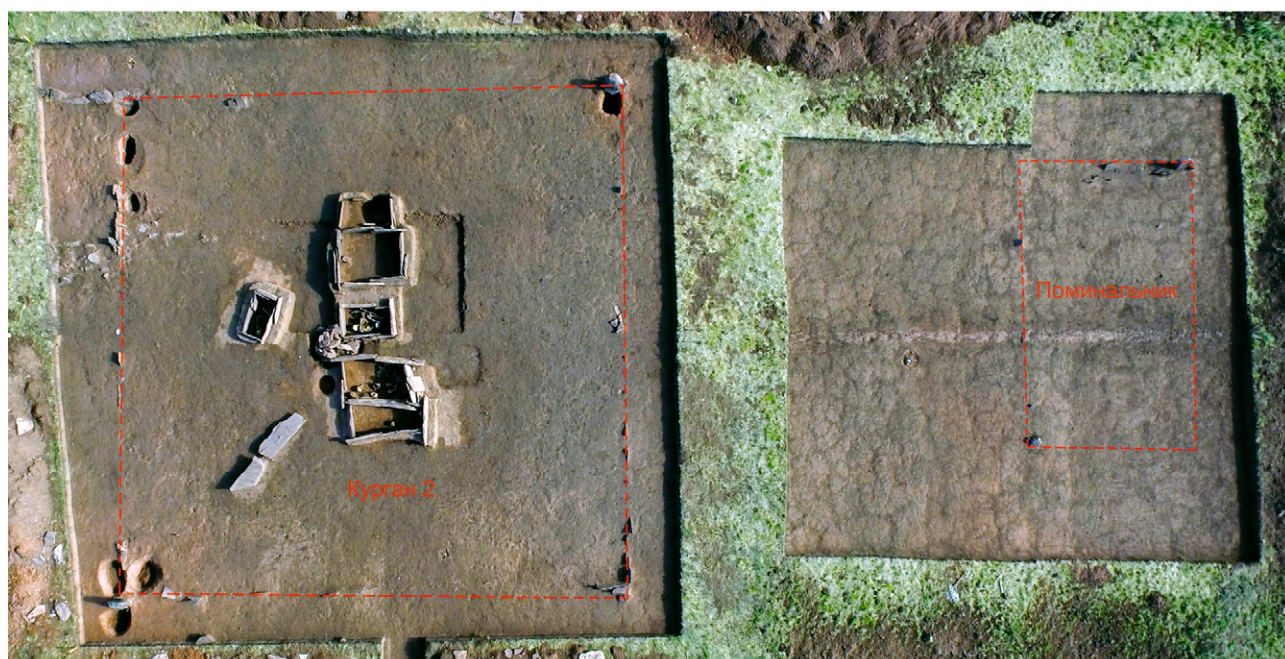
Могила 1 (рис. 8) — центральное погребение кургана. Каменный ящик из шести массивных плит песчаника ориентирован осью по линии 3–В. Продольные стенки составлены из двух плит, торцевые — из одной. Размеры ящика — 1,25×0,75 м, высота стенок от дна погребения до верхнего края — 0,5 м. Нижние края плит вкопаны в материк на 0,1 м. Перекрытие ящика разрушено грабителями.

В могиле совершено два последовательных захоронения. От первоначального погребения в придонной части ящика сохранились перемещенные плечевые и пяточные кости женщины (?) старше 55 лет (скелет 1). Вероятно, этому же скелету принадлежат череп, бедренная и берцовая кости, найденные в насыпи кургана между могилами 1 и 4. В заполнении ящика обнаружен небольшой фрагмент венчика сосуда, орнаментированный оттисками зубчатого штампа (рис. 8, 5, 6).

После разрушения первоначального погребения эпохи ранней бронзы в могиле было устроено впускное захоронение (скелет 2). Оно располагалось на 0,1–0,15 м выше уровня дна ящика. Мужчина старше 50 лет был уложен скорченно на левый бок и ориентирован головой на запад. Возле его таза обнаружено костяное острие с отверстием для подвешивания (рис. 8, 7, 8). Данное захоронение, вероятно, относится к тесинской культуре.

1

2

Рис. 2. Могилище Красный Камень. Схема расположения кургана 2 и поминальника

Fig. 2. Krasnyy Kamenn burial ground. Plan of the barrow 2 and the funeral memorial

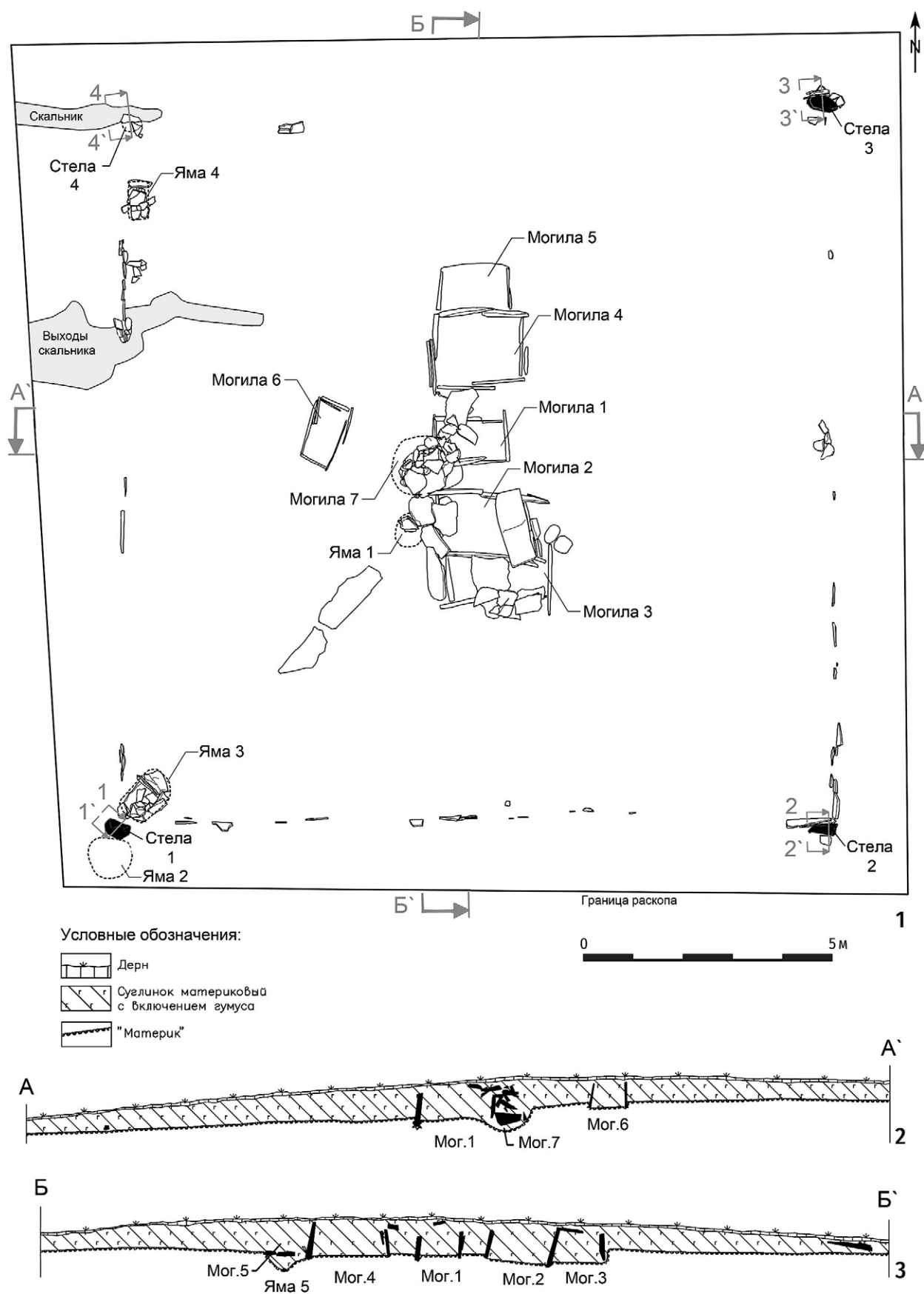

Рис. 3. Могилище Красный Камень. Курган 2. План и разрезы

Fig. 3. Krasnyy Kamenny burial ground. Barrow 2. Plan and sections

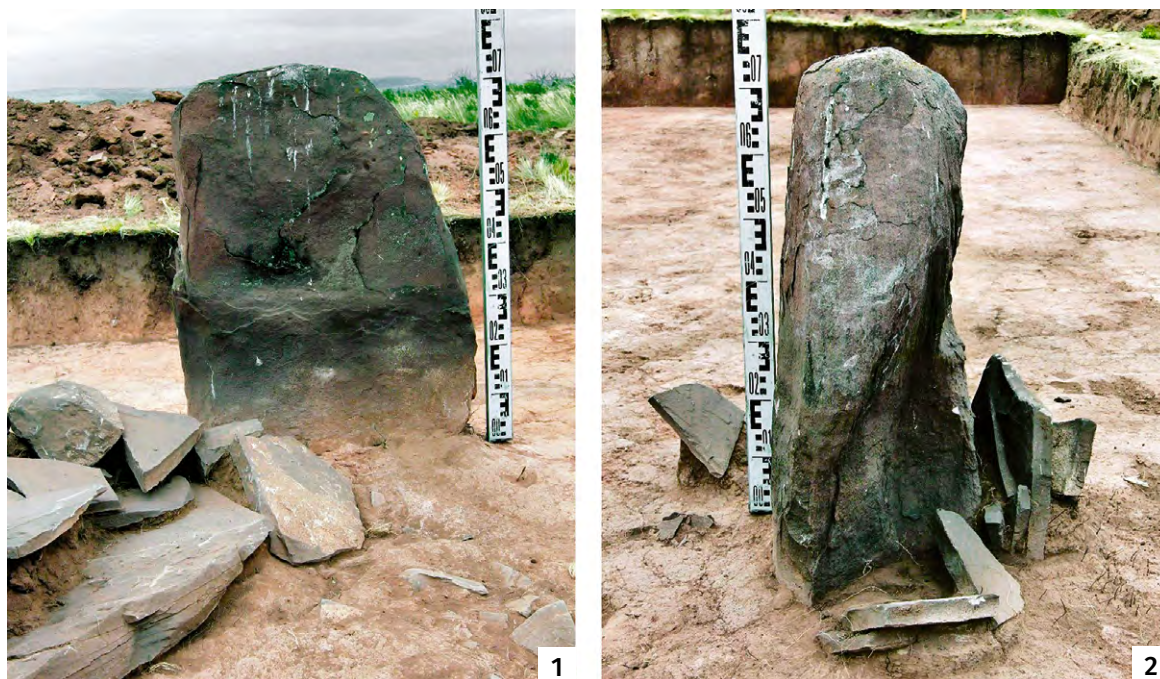

Рис. 4. Могильник Красный Камень. Курган 2. Стелы 1 и 3

Fig. 4. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2. Stelae 1 and 3

Рис. 5. Могильник Красный Камень. Курган 2. Вид на погребения с квадрокоптера

Fig. 5. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2. Burials viewed from the quadcopter

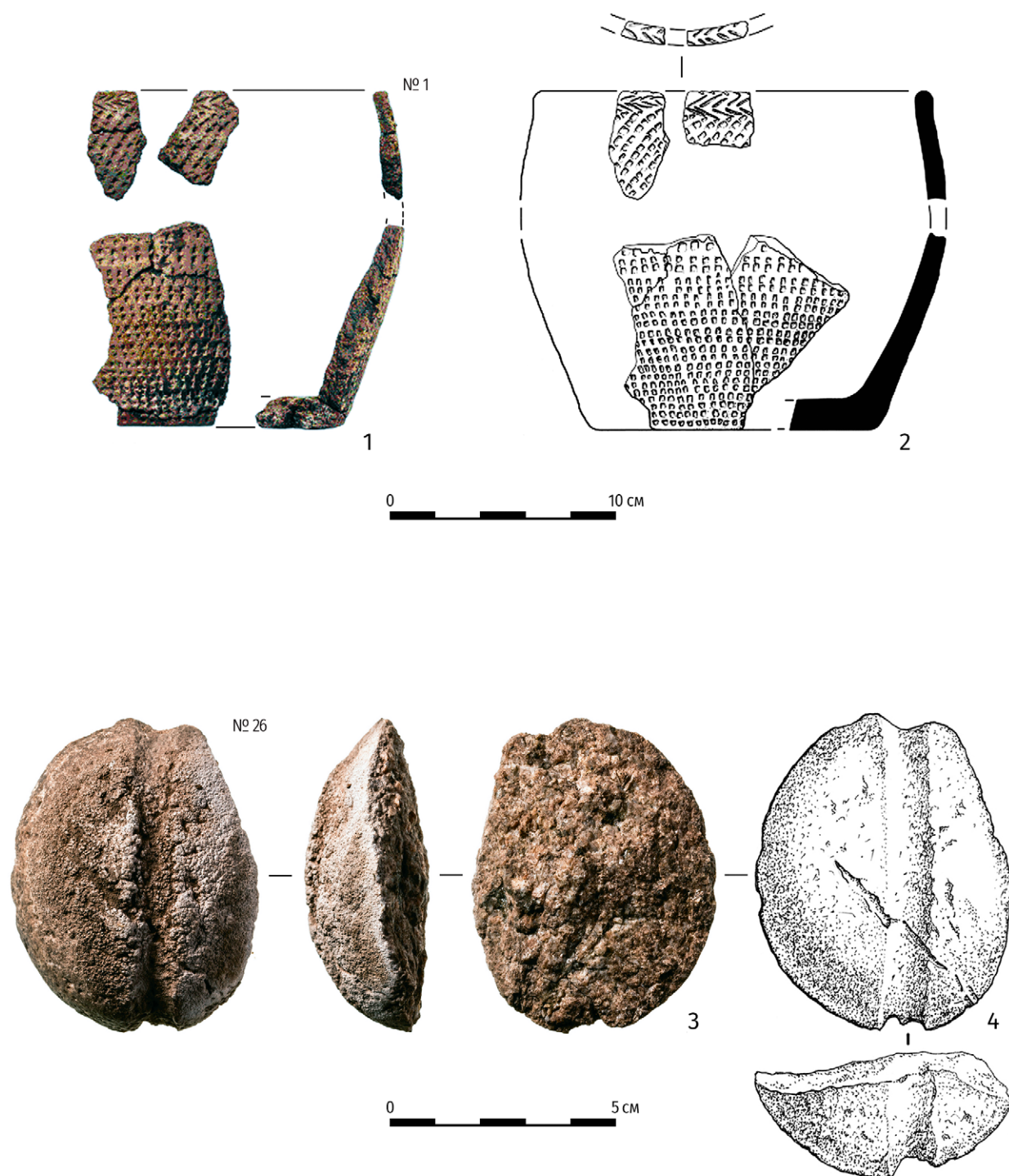

Рис. 6. Могильник Красный Камень. Курган 2: 1, 2 — находка из насыпи; 3, 4 — находка из поминальника.
1, 2 — керамика; 3, 4 — камень

Fig. 6. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2: 1, 2 — find from the mound; 3, 4 — find from the funeral memorial.
1, 2 — ceramics; 3, 4 — stone

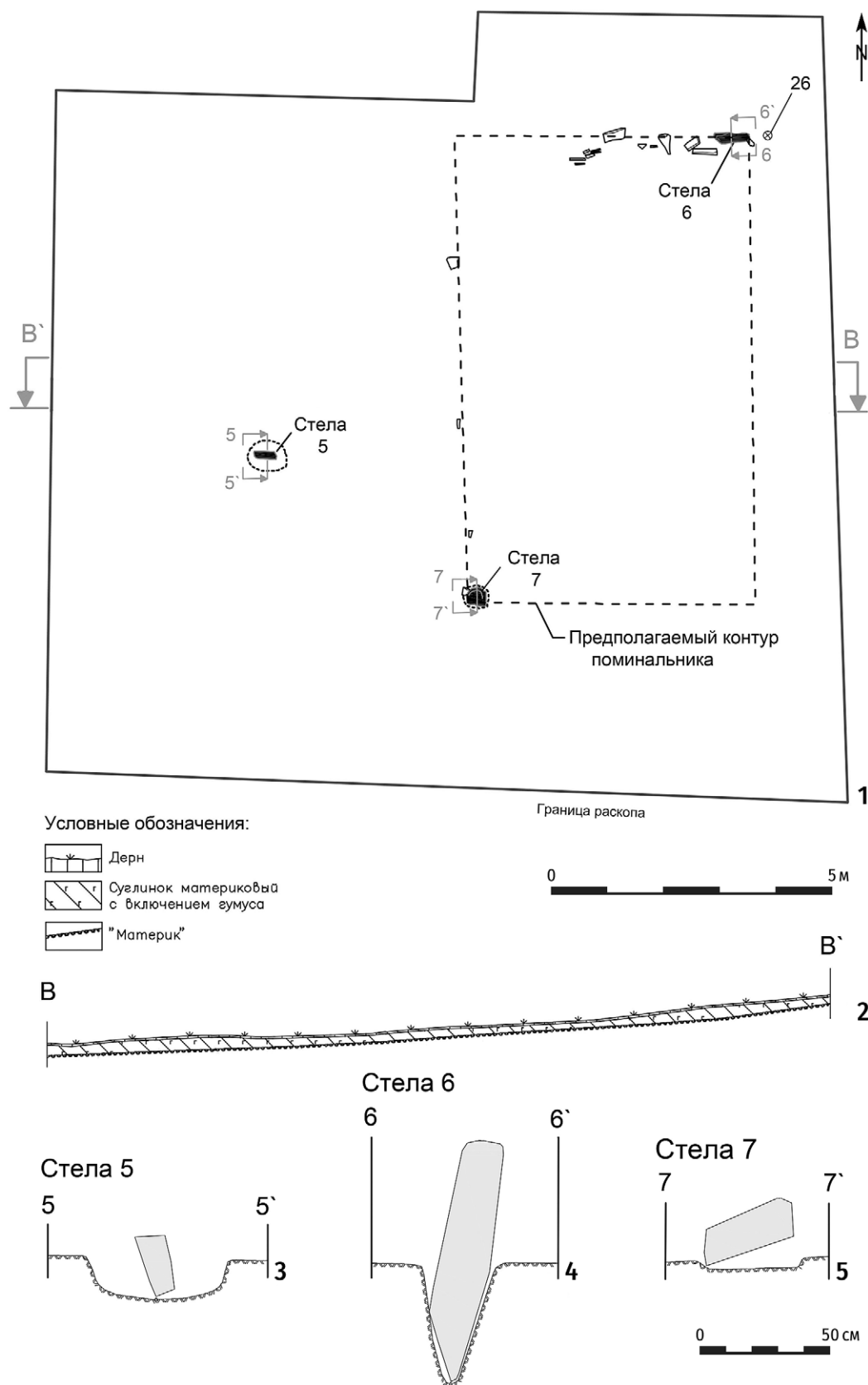

Рис. 7. Могильник Красный Камень. Курган 2: 1, 2 — план и разрез поминальника; 3–5 — разрезы положения стел 5–7

Fig. 7. Krasny Kamenn burial ground. Barrow 2: 1, 2 — plan and section of the funeral memorial; 3–5 — sections of the stelae 5–7 position

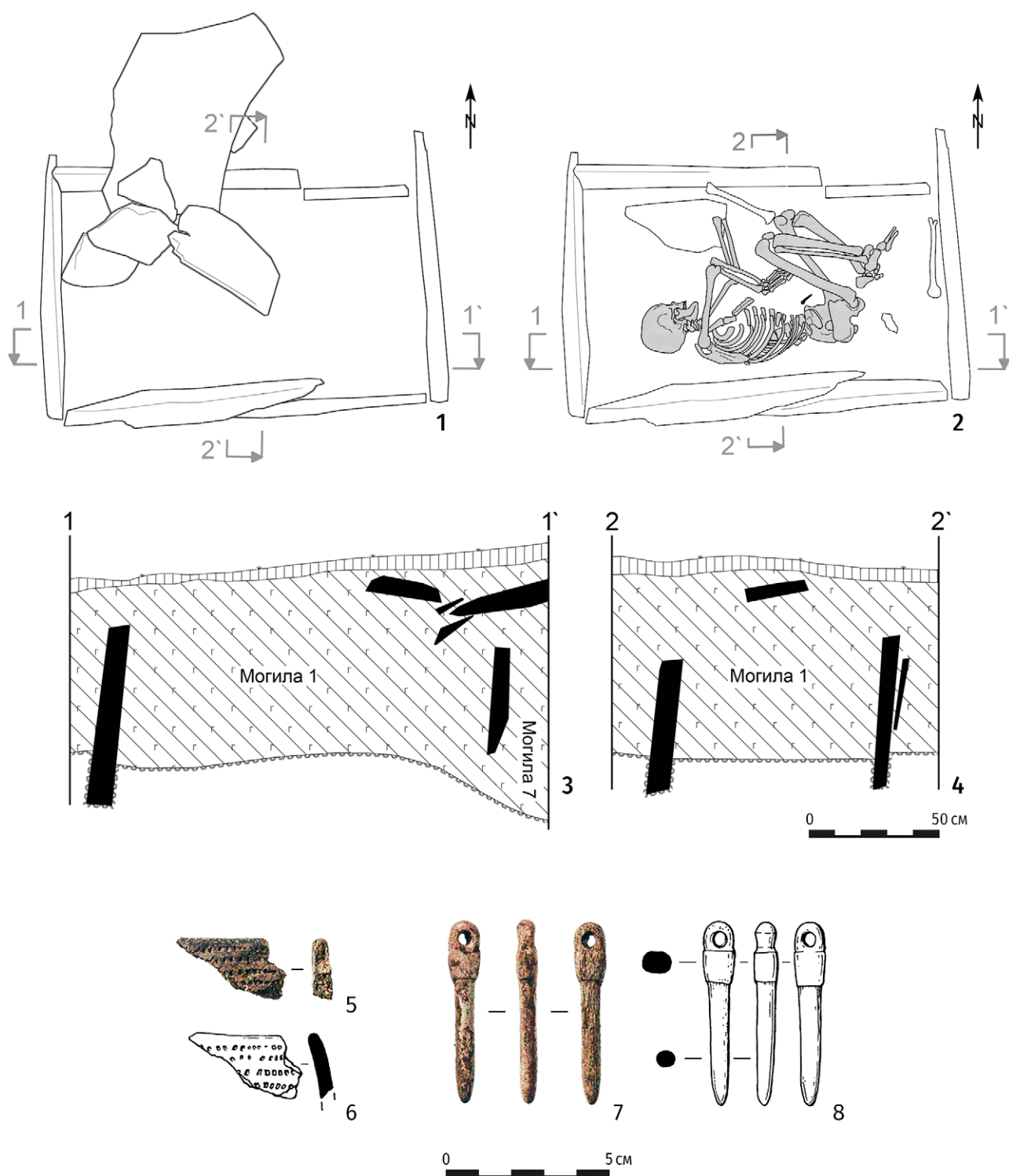

Рис. 8. Могильный Красный Камень. Курган 2, могила 1: 1-4 — план и разрезы; 5-8 — находки. 5, 6 — керамика; 7, 8 — кость

Fig. 8. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2, grave 1: 1-4 — plan and sections; 5-8 — finds. 5, 6 — ceramics; 7, 8 — bone

Могила 2 (рис. 9–13). Располагалась к югу от могилы 1. Каменный ящик из массивных плит песчаника ориентирован осью по линии 3–В (рис. 9). Размеры ящика — 1,8×1,1 м, высота стенок от дна погребения до верхнего края — 0,65 м. Нижние края плит вкопаны в материк на 0,1 м. Перекрытие ящика, за исключением одной плиты, разрушено грабителями. Судя по размерам, могила изначально предназначалась для парного захоронения.

Погребение ограблено.

На дне, у северной стенки ящика сохранились таз, стопы, кости левой ноги и правая голень женщины 30–35 лет, уложенной на спину с ногами, согнутыми и поднятыми коленями вверх (скелет 1). Погребенная была ориентирована головой на запад. Часть костей обнаружена в заполнении могилы. Ее череп и кости правой руки, не утратившие сочленения, были перемещены грабителями в юго-западный угол ящика. Там же (в юго-западном углу) найдена донная часть керамического сосуда, разбитого грабителями (рис. 10, 1, 2). Второй сосуд был переброшен в центр ящика: его верхняя часть отбита, а линия скола аккуратно выровнена еще до помещения в могилу (рис. 10, 3, 4). В области локтевого сустава перемещенной руки женщины обнаружена россыпь мелко-го белого каменного бисера (193 экз.), уплощенная бусина с насечками, две цилиндрические каменные и две бронзовые бусины, четыре бронзовые пронизки (рис. 10, 5, 6). Вероятно, ими были обшиты рукава ее одежды. В северо-восточном углу ящика двумя компактными скоплениями располагались просверленные зубы (120 экз.) марала (рис. 10, 10–22). Между ними обнаружены проколка из грифельной кости (рис. 10, 23, 24) и россыпь из 21 зуба соболя (рис. 10, 7–9). На стопах женщины плотной пачкой лежали 54 круглых и овальных бронзовых диска (рис. 11–13), диаметр которых варьировал от 3 до 11,7 см. В каждом из них было проделано по два отверстия для крепления. У овальных дисков отверстия располагаются на максимальном удалении друг от друга. На некоторых дисках с внутренней вогнутой стороны прослеживаются следы продольных кожаных ремешков. Вероятно, это было бронзовое ожерелье, в нижней части которого компоновались самые большие круглые диски. Под наибольшим нижним диском обнаружены фрагменты грубой плетеной ткани и меха (рис. 12, 19). По-видимому, это остатки мешочка, в котором хранились перечисленные находки.

Ближе к южной стенке ящика располагалось погребение второй женщины 30–40 лет (скелет 2), уло-

женной на спину с ногами, согнутыми и поднятыми коленями вверх. Сохранились кости таза и обеих ног *in situ*, судя по которым, погребенная была ориентирована головой на запад. Ее череп сдвинут грабителями, кости перемещены в заполнение, а нижняя челюсть переброшена в могилу 5.

Могила 3 (рис. 14) была пристроена с южной стороны к могиле 2 и имеет общую с ней стенку. Каменный ящик из массивных плит песчаника ориентирован осью по линии 3–В. Размеры ящика — 2,0×0,85 м, высота стенок от дна погребения до верхнего края — 0,65 м. Нижние края плит вкопаны в материк на 0,1 м. Перекрытие ящика, за исключением одной плиты, разрушено грабителями. Судя по размерам, могила изначально предназначалась для парного захоронения.

Погребение ограблено.

Разрозненные кости мужчины 35–50 лет и ребенка в возрасте до 1 года перемещены в заполнение. Черепа и многие кости отсутствуют. На дне, в северо-восточном углу ящика обнаружен крупный комок белого вещества, возможно, мела. Рядом с ним находился аналогичный по размеру комок красной охры. Ближе к центру могилы беспорядочной россыпью лежали 17 альчиков и 3 голени барана (рис. 14, 6–11), а также 102 зуба соболя без следов подработки (рис. 14, 12–14). В центре ящика располагался небольшой баночный сосуд, орнаментированный оттисками штампа (рис. 14, 15, 16). Ближе к западной стенке могилы лежала подъязычная кость животного, окрашенная красной охрой. Еще одна подъязычная кость животного обнаружена в заполнении ящика (рис. 14, 4, 5). Судя по размещению инвентаря, погребенные в могиле люди были ориентированы головой на запад.

Могила 4 (рис. 15) — располагалась к северу от могилы 1. Каменный ящик из шести массивных плит песчаника ориентирован осью по линии 3–В. Продольные стенки составлены из двух плит, торцевые — из одной. Размеры ящика 1,2×0,9 м, высота стенок от дна погребения до верхнего края — 0,4 м. Нижние края плит вкопаны в материк на 0,1 м. Перекрытие ящика разрушено грабителями. Судя по размерам, могила изначально предназначалась для парного захоронения.

Погребение ограблено.

Кости мужчины 40–55 лет и женщины (?) 30–40 лет перемещены в заполнение, черепа и многие кости отсутствуют. На дне, у середины западной стенки ящика найдены фрагменты баночного сосуда без

орнамента (рис. 15, 7, 8). Подобные изделия без декора встречаются в окуневской культуре крайне редко. В юго-восточном углу могилы обнаружена россыпь из 117 зубов соболя (рис. 15, 4–6).

Могила 5 (рис. 16) — была пристроена с северной стороны к могиле 4 и имеет общую с ней стенку. Каменный ящик из плит песчаника ориентирован осью по линии 3–В. Размеры ящика 1,1×0,6 м, высота стенок от дна погребения до верхнего края — 0,4 м. Нижние края плит вкопаны в материк на 0,1 м. Перекрытие ящика и его северная стенка разрушены грабителями.

Разрозненные кости скелетов двух женщин в возрасте около 30 лет перемещены в заполнение. Многих костей недостает. В заполнении найдены три зуба марала с отверстиями (рис. 16, 5, 6).

Яма 5. При расчистке дна в восточной части могилы 5 было обнаружено скопление плит песчаника и темное пятно, обозначавшие округлую яму диаметром 0,6 м и глубиной 0,25 м от уровня дна могилы. В яме был установлен баночный неорнаментированный сосуд со следами лощения (рис. 15, 7, 8). Этот комплекс, вероятно, является поминальным и приурочен к впускным погребениям тесинского времени.

Могила 6 (рис. 17) — располагалась к западу от основного ряда могил. Каменный ящик из шести плит песчаника ориентирован осью по линии ЮЗ–СВ. Продольные стенки составлены из двух плит, торцевые — из одной. Размеры ящика 1,25×0,65 м, высота стенок от дна погребения до верхнего края — 0,5 м. Нижние края плит вкопаны в материк на 0,1 м. Перекрытие ящика отсутствует, хотя само захоронение не нарушено.

Погребенный мужчина старше 55 лет был уложен на спину, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. Ориентирован головой на Ю–З. Колени отклонились на правую сторону. Под ними найден баночный сосуд, орнаментированный отпечатками штампа (рис. 17, 4, 5). Других артефактов в погребении не обнаружено.

Могила 7 (рис. 18) — располагалась между могилой 6 и основным рядом погребений. Расчищена кладка овальной формы из плит песчаника размерами 1,1×0,8 м, высотой 0,65 м. Могильная яма была углублена в материк на 0,2 м.

Погребенный мужчина старше 55 лет был уложен скорченно, на правый бок и был ориентирован головой на восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. В области таза найдено костяное острие с отверстием, подобное изделию из впускного погребения могилы 1 (рис. 18, 5, 6). Эта могила,

по-видимому, также является впускной и относится к тесинскому времени.

Анализ материалов

Исследование могильника Красный Камень принесло целый ряд интереснейших наблюдений и уникальных находок. К таковым можно отнести великолепный костяной гребень с антропоморфным изображением и клад каменных орудий, обнаруженных в кургане 1 (Лазаретов, 2011; Лазаретов, Поляков, 2018).

В кургане 2 наибольший интерес вызывает массивный гарнитур из 54 бронзовых (?) блях, найденный в могиле 2. Сами по себе металлические бляшки с отверстиями для крепления не являются редкостью для окуневской культуры. В качестве примера можно привести захоронение ребенка в кургане 14 могильника Итколь II, шапочка которого была украшена десятью аналогичными овальными бляшками (Поляков, Есин, 2015). Они также имели по два отверстия, расположенных по длинной оси, нанизывались на тонкий кожаный ремешок, а затем крепились на головной убор. В данном же случае мы имеем дело со съёмным украшением, хранившимся в отдельном мешочке, сшитом из ткани и меха. Если собрать все имеющиеся бляшки в один ряд, то его общая протяженность составит 2,65 м. Носить украшение в таком виде практически невозможно. Вероятно, это было не одно изделие, а гарнитур, состоящий, по-видимому, из двух отдельных ожерелий, набранных из бляшек разного диаметра. Центральными «кулонами» двух самостоятельных украшений, очевидно, служили самые большие цельнолитые диски (рис. 12, 18, 19), которые среди всех остальных выделяются размерами, массивностью и правильной геометрической формой. С боков к ним примыкали овальные бляшки, расположенные симметричными относительно центра парами одного размера, сначала крупные, а потом все более и более мелкие. В ходе расчистки скопления удалось проследить взаимосвязь лишь некоторых из них. Так, центральный диск 14-26 (рис. 12, 18) находился в связке с цепочкой из бляшек 14-25–14-22 (рис. 12, 12, 14, 16, 17). Диск 14-38 (рис. 12, 19) с двух сторон обрамляли бляшки 14-43 и 14-44, а затем 14-41 и 14-42 (рис. 13, 1–4). Можно реконструировать фрагменты еще нескольких последовательных цепочек, но определить точное количество элементов в каждом из ожерелий затруднительно, поскольку мелкие бляшки оказались частично перемешаны. Если предположить, что число бляшек в комплектах

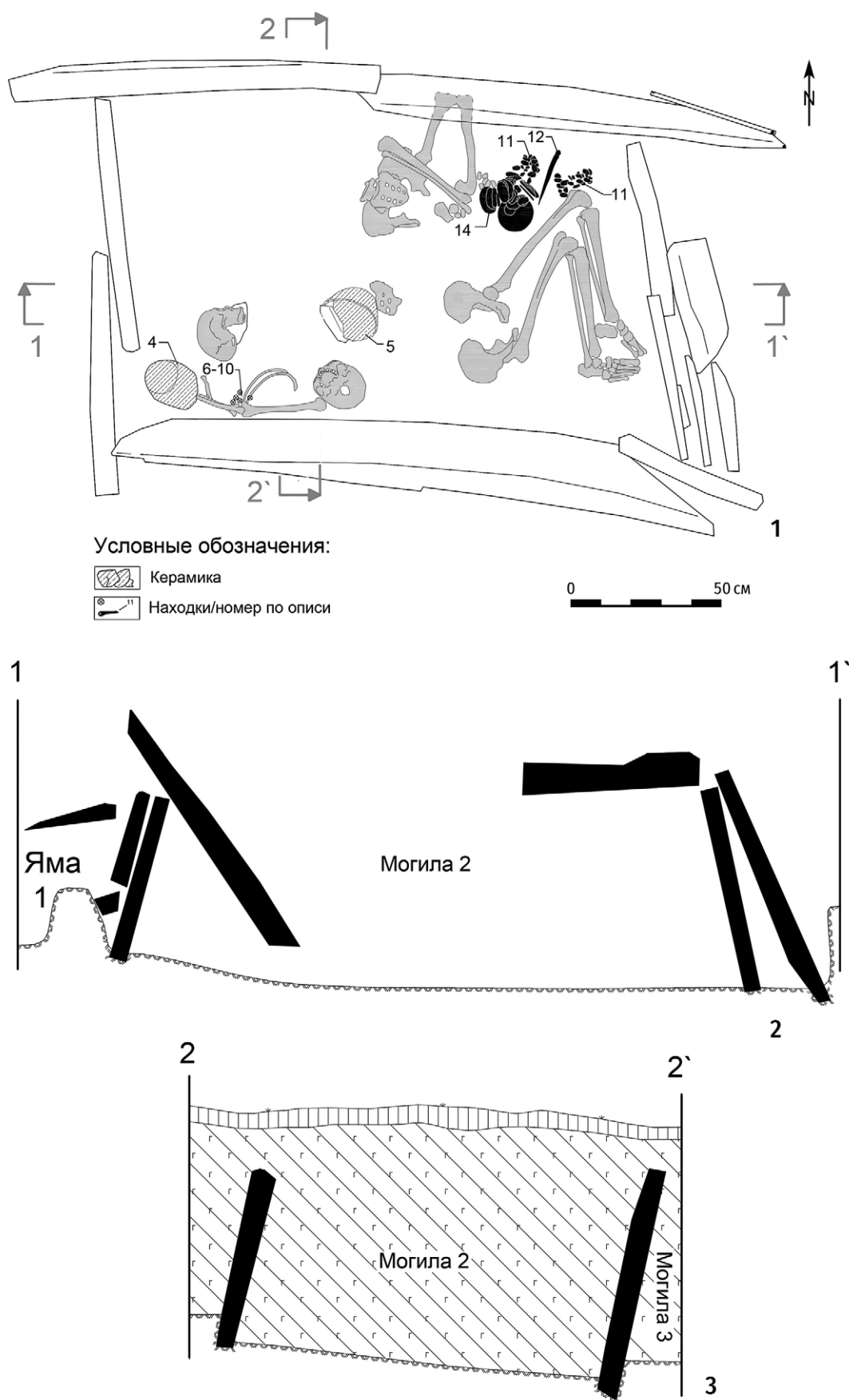

Рис. 9. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 2: 1–3 — план (1) и разрезы (2, 3)

Fig. 9. Krasnyy Kamenny burial ground. Barrow 2, grave 2: 1–3 — plan (1) and sections (2, 3)

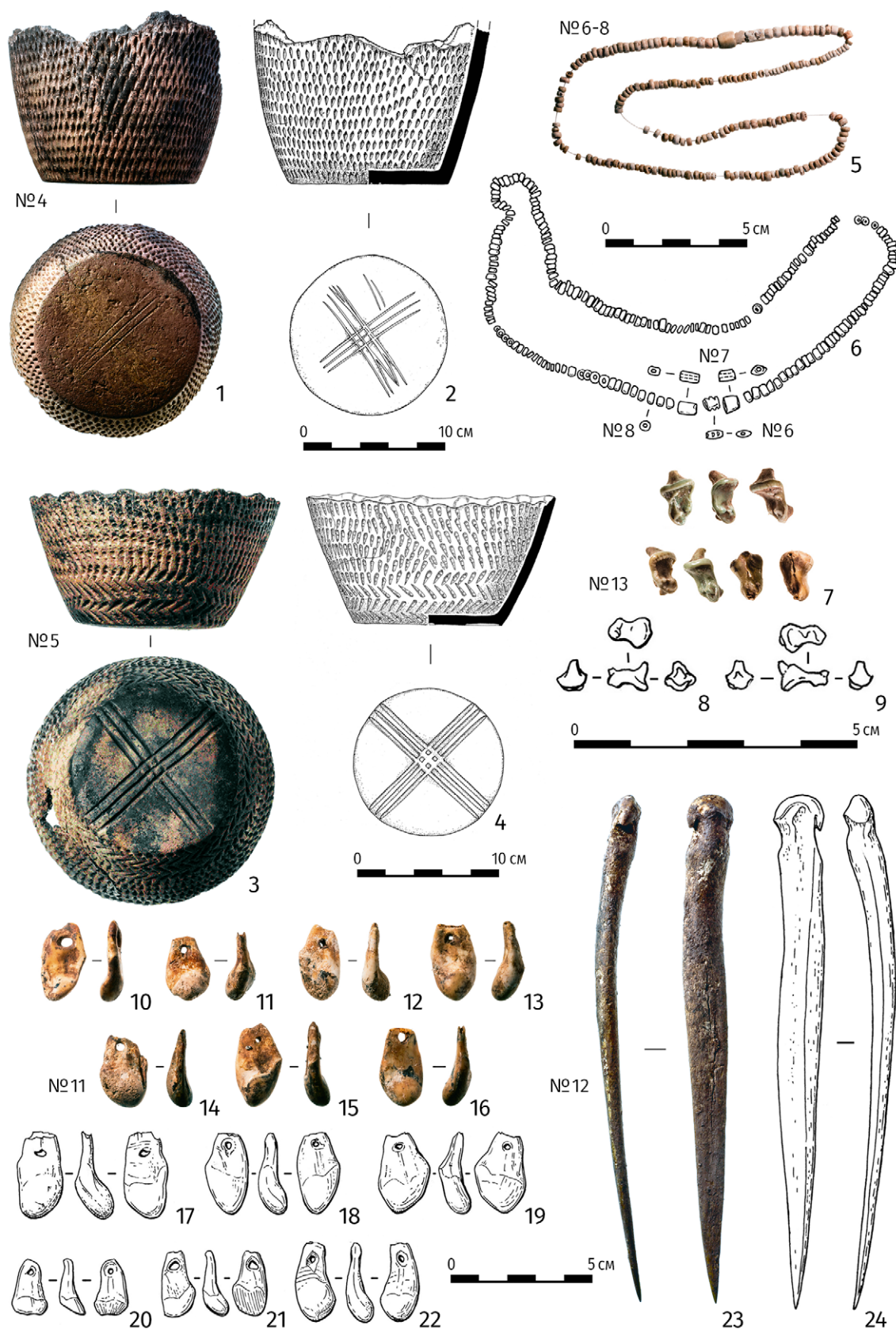

Рис. 10. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 2: 1–24 — находки. 1–4 — керамика; 5, 6 — камень, бронза; 7–9 — зубы соболя; 10–22 — зубы марала; 23, 24 — кость

Fig. 10. Krasnyy Kamen burial ground. Barrow 2, grave 2: 1–24 — finds. 1–4 — ceramics; 5, 6 — stone, bronze; 7–9 — sable's teeth; 10–22 — maral's teeth; 23, 24 — bone

Рис. 11. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 2: 1–21 — бронзовые бляшки 1–21

Fig. 11. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2, grave 2: 1–21 — bronze plaques 1–21

Рис. 12. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 2: 1–19 — бронзовые бляшки 22–40

Fig. 12. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2, grave 2: 1–19 — bronze plaques 22–40

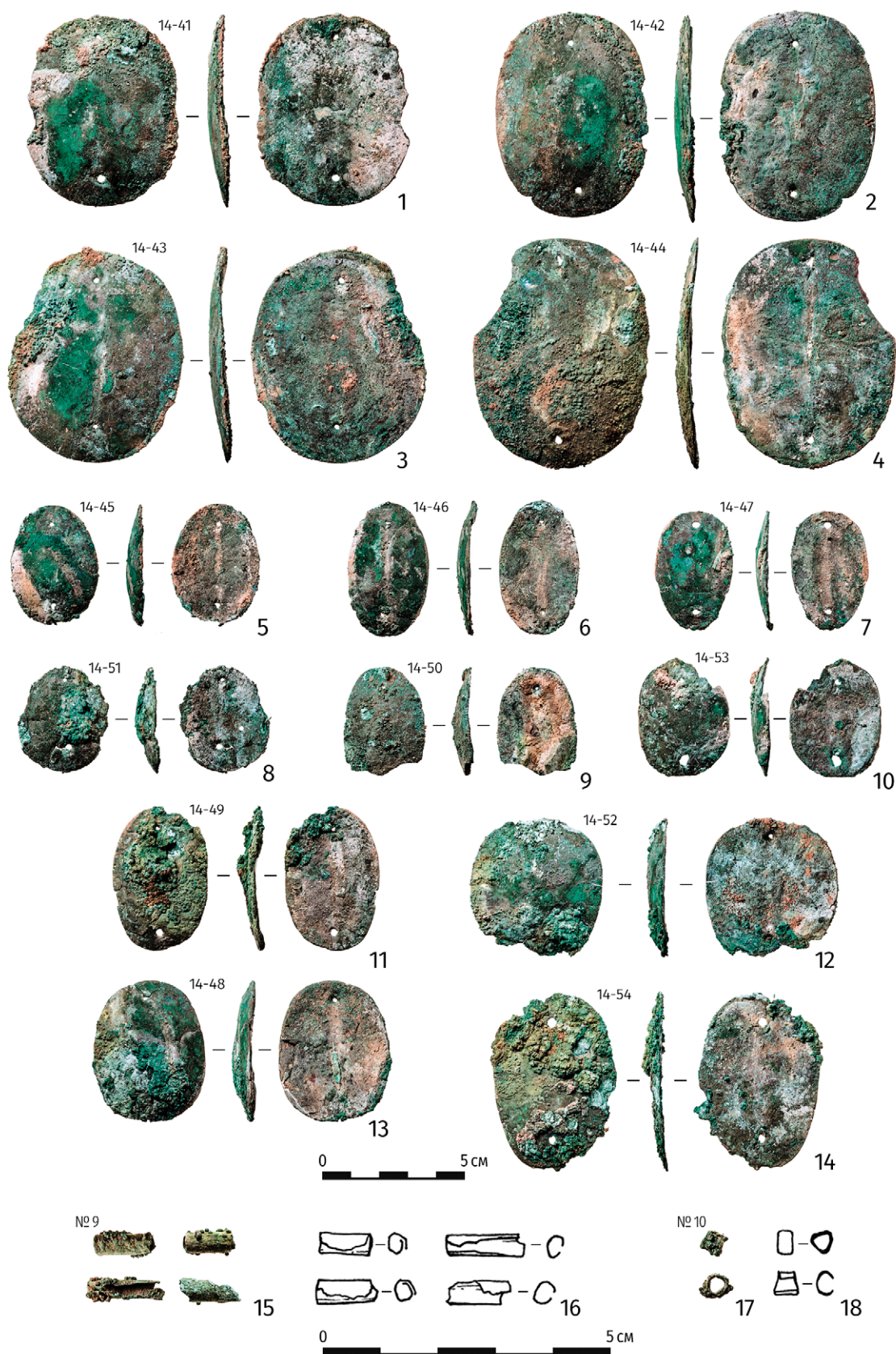

Рис. 13. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 2: 1-14 — бронзовые бляшки 41-54; 15-18 — бронзовые пронизки

Fig. 13. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2, grave 2: 1-14 — bronze plaques 41-54; 15-18 — bronze spacer beads

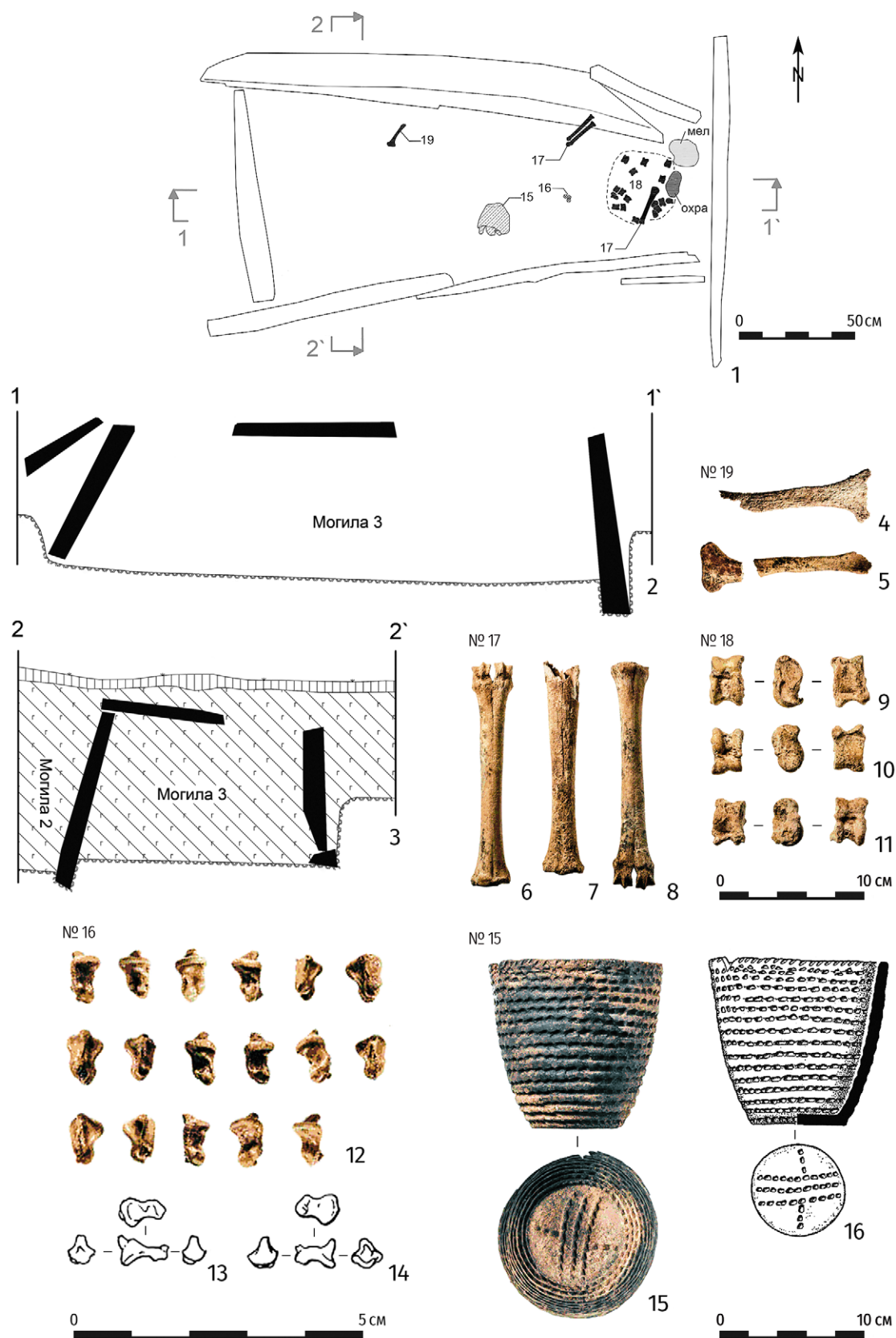

Рис. 14. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 3: 1–3 — план и разрезы; 4–16 — находки. 4–11 — кость; 12–14 — зубы соболя; 15, 16 — керамика

Fig. 14. Krasnyy Kamen burial ground. Barrow 2, grave 3: 1–3 — plan and sections; 4–16 — finds. 4–11 — bone; 12–14 — sable'steeth; 15, 16 — ceramics

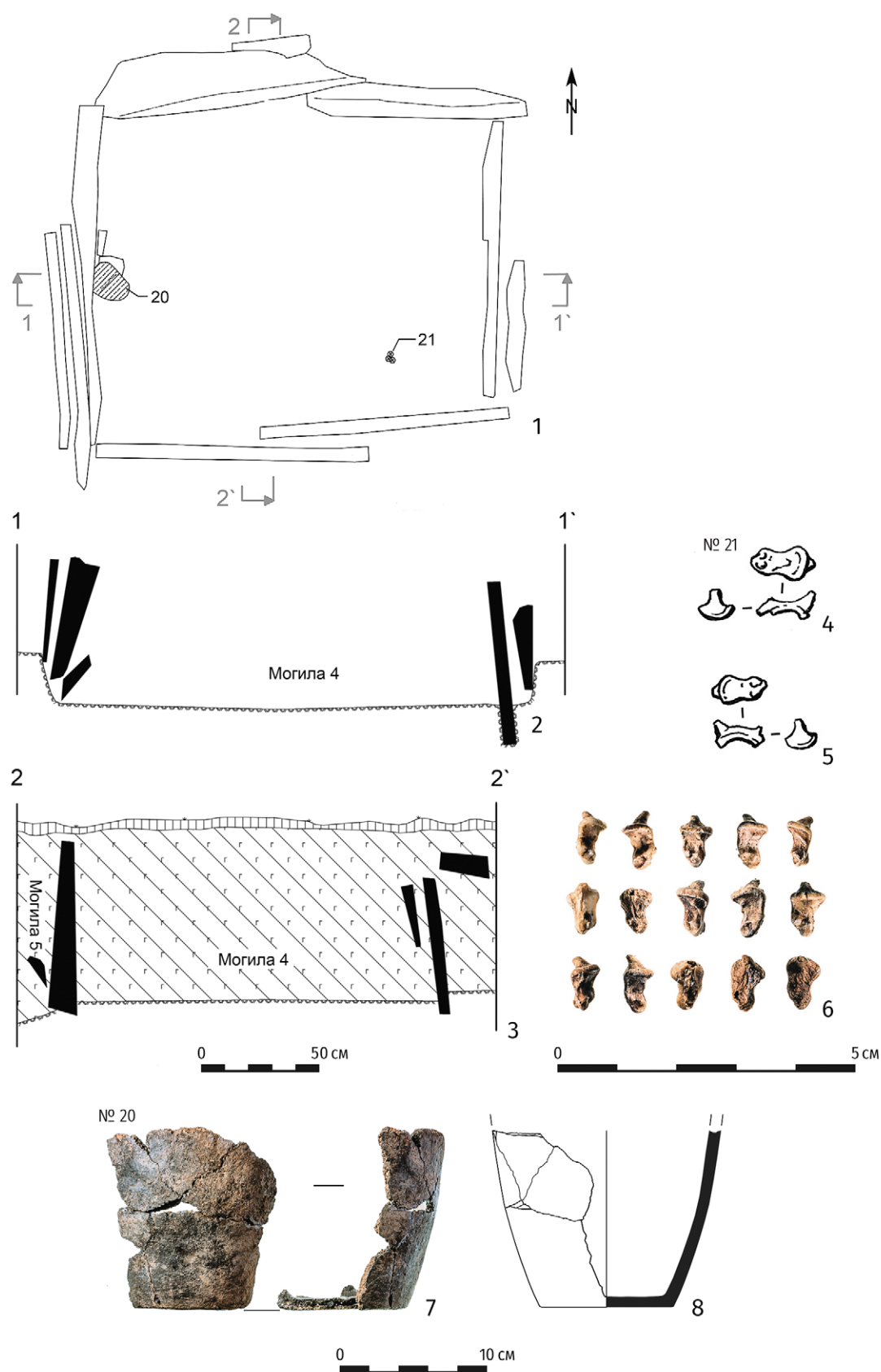

Рис. 15. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 4: 1–3 — план и разрезы; 4–8 — находки. 4–6 — зубы соболя; 7, 8 — керамика

Fig. 15. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2, grave 4: 1–3 — plan and sections; 4–8 — finds. 4–6 — sable's teeth; 7, 8 — ceramics

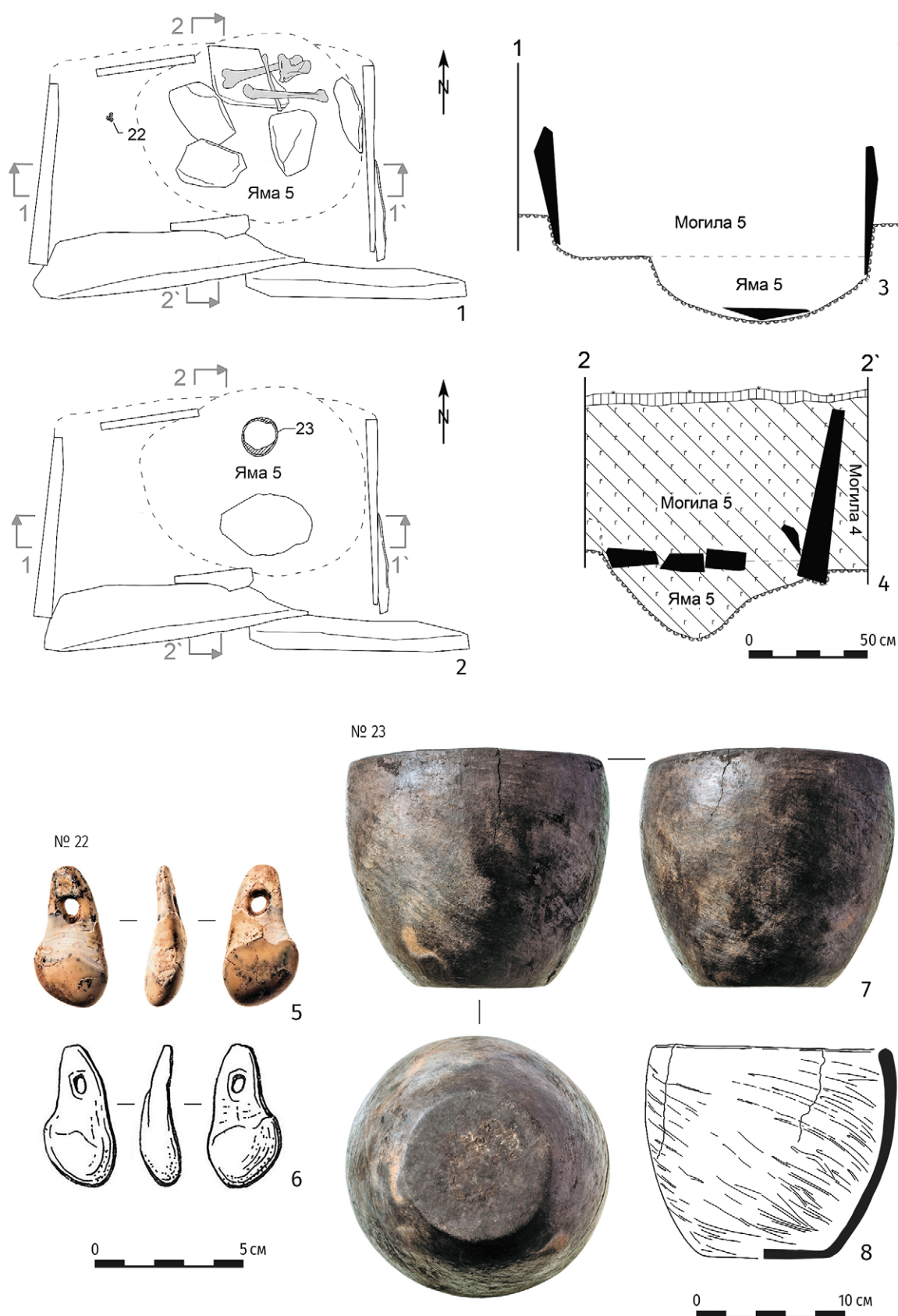

Рис. 16. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 5 с ямой 5: 1–4 — план и разрезы; 5, 6 — находки из могилы 5; 7, 8 — находка из ямы 5. 5, 6 — зубы марала; 7, 8 — керамика

Fig. 16. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2, grave 5 with pit 5: 1–4 — plan and sections; 5, 6 — finds from the grave 5; 7, 8 — find from the pit 5. 5, 6 — maral's teeth; 7, 8 — ceramics

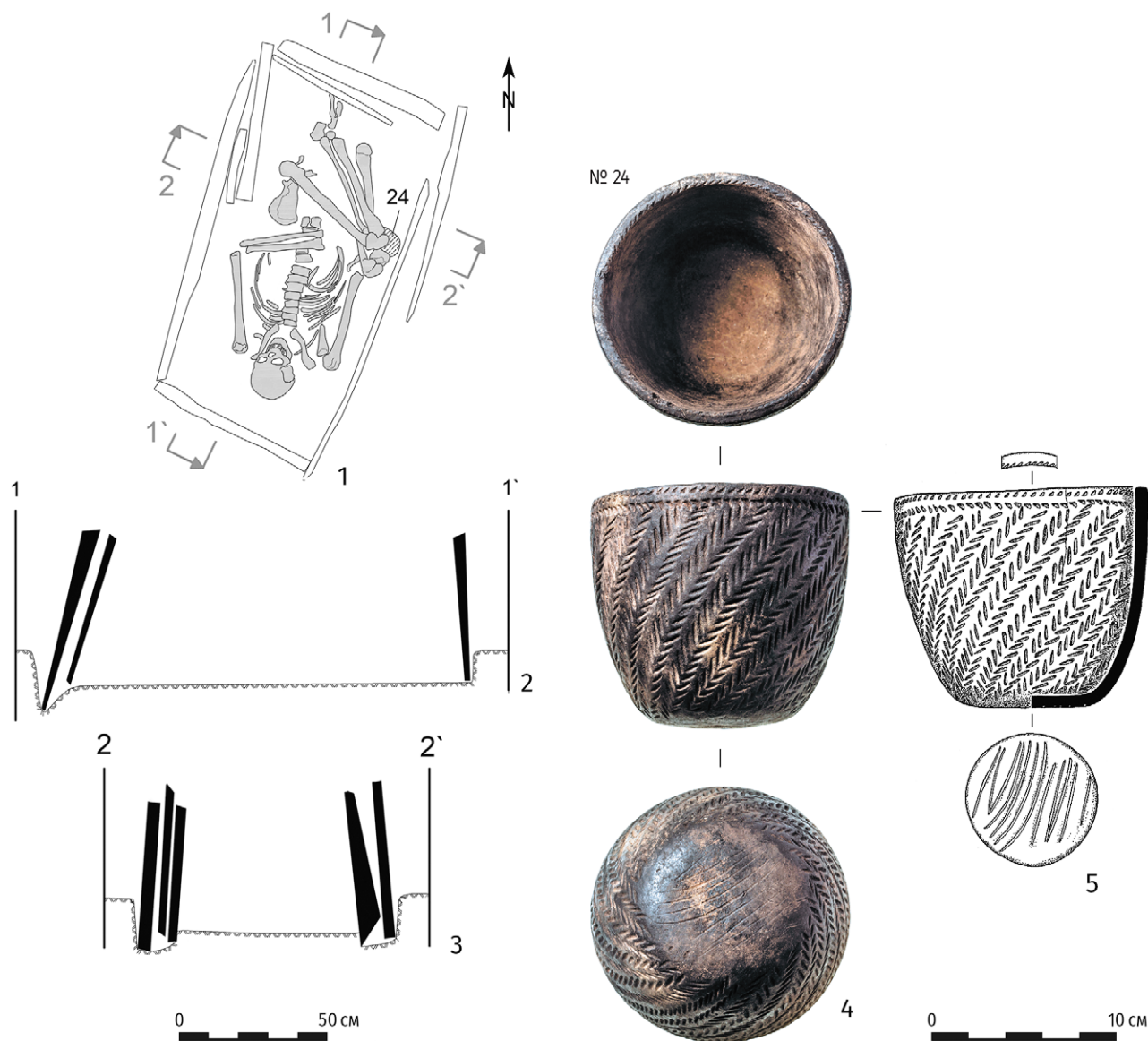

Рис. 17. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 6: 1–3 — план и разрезы; 4, 5 — находка, керамика
Fig. 17. Krasny Kamen burial ground. Barrow 2, grave 6: 1–3 — plan and sections; 4, 5 — find, ceramics

было одинаковым, то каждый из них состоял бы из 27 элементов, что может соотноситься с лунарным циклом. В таком случае круглая центральная бляха могла символизировать полнолуние, а уменьшающиеся овальные — различные фазы убывания луны, а после новолуния — ее роста.

Примечательно, что рядом с бронзовыми украшениями располагалось еще и 120 просверленных зубов марала, также образующих два самостоятельных скопления (рис. 9, 1). Данное обстоятельство наводит на мысль о принадлежности их к двум разным ожерельям. Вероятно, в общем мешочке храни-

лось сразу по два почти идентичных комплекта металлических и костяных украшений: по одному для каждой из женщин, захороненных в могиле 2. Судя по исключительному богатству и поразительному единству инвентаря, в этой могиле могли быть захоронены либо члены одной семьи (сестры), либо женщины из разных семейств, но выполнявшие в коллективе одинаковую деятельность культового характера, возможно, связанную с отправлением ритуалов.

Сопроводительный инвентарь мужского захоронения, пристроенного к могиле 2, также имеет

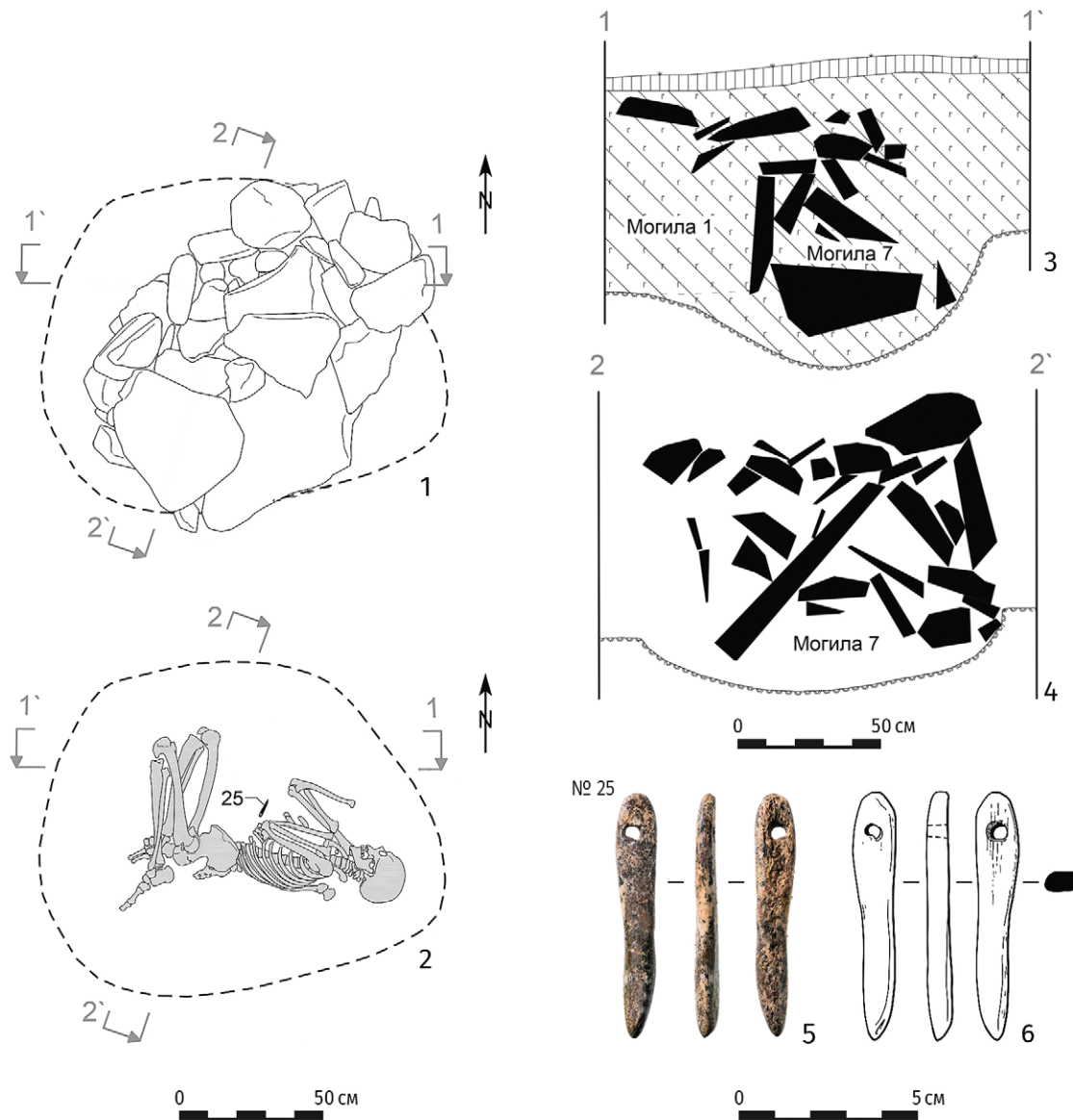

Рис. 18. Могильник Красный Камень. Курган 2, могила 7: 1–4 — план и разрезы; 5, 6 — находка, кость
Fig. 18. Krasnyy Kamenny burial ground. Barrow 2, grave 7: 1–4 — plan and sections; 5, 6 — find, bone

ярко выраженный культовый характер: комки охры и мела, альчики и голени барана, окрашенные подъязычные кости оленя (?). Они могли применяться в ходе проведения обрядов для нанесения ритуальной раскраски, гадания и других культовых действий.

Прочий инвентарь кургана 2 сравнительно невелик и в целом маловыразителен. Полностью сохранились только три керамических сосуда (рис. 6, 1, 2; 14, 15, 16; 17, 4, 5), отдельный фрагмент венчика (рис. 8, 5, 6) и придонные части еще трех горшков (рис. 10, 1–4; 15, 7, 8). Тем не менее можно утвер-

ждать, что они образуют единый керамический комплекс с сосудами из исследованного и ранее опубликованного кургана 1 (Лазаретов, Поляков, 2018. Рис. 7). Сосуды объединяет целый ряд сходных характеристик: преимущественно баночная, усечено-коническая форма горшков, за редкими исключениями в виде уплощенно-донных сосудов с плавным переходом от дна к стенкам (рис. 17, 4, 5); горизонтальные и наклонные орнаментальные композиции, выполненные похожими штампами и в единой манере как в кургане 1, так и в кургане 2; наличие четко выраженного фриза из рядов горизонтальной

«елочки» или оттисков фигурного орнамента под венчиком, а иногда и в придонной зоне (рис. 6, 1, 2; 10, 3, 4; 17, 4, 5) (Лазаретов, Поляков, 2018. Рис. 7, 1, 5, 11). У большинства сосудов доньшки также орнаментированы. В равной степени в двух курганах представлен и такой специфический декоративный элемент, как ряд коротких насечек, расположенных по краю венчика с внутренней стороны.

Еще одним аргументом в пользу синхронизации курганов 1 и 2 являются редкие для окуневской культуры фигурные плоские бусины с насечками по краю. Известны они только в трех окуневских погребениях: в ограде 2 могильника Тепсей-VIII (*Грязнов и др.*, 1979. Рис. 17, 3), а также в рассматриваемом кургане 2 (рис. 10, 6) и в кургане 1 Красный Камень (Лазаретов, Поляков, 2018. Рис. 7, 8).

В могильнике Красный Камень можно выделить три самостоятельных группы захоронений. У нас практически нет сомнений, что первым на памятнике строился монументальный ритуально-погребальный комплекс кургана 1, включавший в себя ограду с диагональными кладками, ритуальную площадку и кольцо менгиров диаметром 60 м (рис. 1). Данное сложнейшее сооружение с единственным женским захоронением (могила 1), по-видимому, олицетворяло собой окуневское представление картины мира и воплощало идею его сохранения и непрерывного воспроизводства (Лазаретов, 2012. С. 35–36). Центральное погребение комплекса было устроено в заглубленном на 1,5 м каменном ящике, что весьма характерно для памятников лебяжинского хронологического горизонта окуневской культуры (Лазаретов, 2019. С. 42). Все сопутствующие захоронения представляли собой стандартные каменные ящики и стандартные грунтовые ямы с перекрытием на уровне древней дневной поверхности.

В кургане 2 и центральная могила 1, и все последующие захоронения были совершены в стандартных каменных ящиках. Здесь впервые можно проследить переход от ранней структурированной системы погребений к классической схеме черновского периода, где все могилы, независимо от их местоположения в ограде, являются равноценными, имеют единую конструкцию и близкие размеры (Там же. С. 17–21, рис. 2). По данному показателю курган 2 явно представляется более поздним относительно ритуально-погребального комплекса кургана 1 с его могилой 1. В свою очередь, впускные захоронения кургана 1 совершались уже после завершения функционирования кургана 2. На это указывает ряд дополнительных

деталей, таких как выраженный уклон дна могилы в сторону ног погребенного (курган 1, могила 3) и вымостка его плитами песчаника (курган 1, могилы 2 и 4). Такое оформление дна погребальной камеры характерно уже для комплексов черновского периода. В захоронениях кургана 2 подобные элементы отсутствуют.

Соответственно, последовательность совершения трех групп захоронений могильника Красный Камень должна определяться следующим образом: сначала возведен ритуально-погребальный комплекс могилы 1 кургана 1, затем построен курган 2 со всеми его могилами и, после этого — впускные могилы кургана 1.

Заключение

В свое время раскопки могильника Красный Камень позволили поставить вопрос о выделении особого хронологического периода в истории окуневской культуры, занимающего промежуточное положение между ее ранними и поздними комплексами (Лазаретов, Поляков, 2018; Лазаретов, 2019). Конструкция центрального погребения кургана 1, единичный случай захоронения девочки в архаичной позе на правом боку, ранние формы и элементы в орнаментации посуды, многочисленные украшения из зубов марала и соболя в большей степени свойственны комплексам раннего периода культуры. В то же время сама планиграфия кургана 2, наличие в нем и во впускных захоронениях кургана 1 конструкций в виде стандартных каменных ящиков и стандартных грунтовых ям с перекрытием на уровне древней поверхности, выраженным уклоном дна и его вымосткой плитами, напротив, характерны для поздних памятников окуневской культуры. К этому можно добавить уже осуществившийся переход к единой и для мужчин, и для женщин позе погребенных — на спине, с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. До этого момента женщин хоронили на правом боку, реже на левом. Такая же двойственность прослеживается в материалах целого ряда окуневских могильников, отдельных курганов и погребений. Комплексы с подобным сочетанием ранних и поздних признаков мы выделяем в особый лебяжинский хронологический горизонт, их характеристика приведена в специальной литературе (см.: Лазаретов, Поляков, 2018; Лазаретов, 2019. С. 42). Публикуемый в настоящей статье курган 2 могильника Красный Камень, как и весь комплекс в целом (курганы 1 и 2), можно уверенно относить к лебяжинскому хронологическому горизонту окуневской культуры.

Литература

- Грязнов, 1979 — Грязнов М.П. Окуневская культура // Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее / под ред. М.П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 27–28.
- Лазаретов, 2011 — Лазаретов И.П. Клад каменных орудий с окуневским изваянием // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. I. С. 240–242.
- Лазаретов, 2012 — Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / ред. колл. В.А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 220–224.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. № 4 (28). С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. 2018. № 2 (22). С. 21–46.
- Поляков, 2010 — Поляков А. В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама, Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2010 г. / ред. колл. В.А. Алёшкин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 75–80.
- Поляков, 2014 — Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А.Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 478–481.
- Поляков, 2017 — Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. Т. I. С. 337–339.
- Поляков, Есин, 2015 — Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // АЭАЕ. 2015. Т. 43. № 2. С. 44–57.
- Поляков и др., 2018 — Поляков А.В., Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2018. № 8. С. 123–139.

The investigation of the barrow 2 of the Krasny Kamen burial ground, Khakassia

Igor P. Lazaretov, Andrey V. Polyakov³

The article presents new materials excavated from the barrow 2 of the burial ground Krasny Kamen (Bogradsky district, Republic of Khakassia). The site belongs to the Okunevo culture (Early Bronze Age) and presumably represents the chronological horizon at the cusp of the Uybat and Chernovskaya stages. In addition, there are two much later inlet burials and a series of pits dating back to the time of the Tes culture. Among the Okunevo materials, the burial of two women with rich and peculiar accompanying inventory, marking their distinctive role in society.

Keywords: South Siberia, Middle Yenisei, Minusinsk basin, Early Bronze Age, Okunevo culture, barrow, Lebyazhye chronological horizon

³ Andrey V. Polyakov, Igor P. Lazaretov— Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: poliyakov@yandex.ru, lazaretov@yandex.ru.
ORCID: 0000-0002-3418-2469, 0000-0002-9054-6220.

АНТРОПОЛОГИЯ

Антропологические материалы из могильника окуневской культуры Уйбат-Чарков¹

А.В. Громов², Н.И. Лазаретова³

В статье приведены индивидуальные измерения черепов и костей посткраниального скелета индивидов, погребенных в кургане 1 могильника окуневской культуры Уйбат-Чарков (Усть-Абаканский район Республики Хакасия). Для определения возраста взрослых индивидов применена программа Transition analysis 3. На основании анализа расстояний Махаланобиса D^2 сделан вывод о сходстве строения лицевого скелета серии мужских черепов из Уйбата-Чаркова и восточноевропейских групп эпохи бронзы.

Ключевые слова: Хакасия, окуневская культура, краниометрия, расстояния Махаланобиса

В 2009 г. 2-м отрядом Средне-Енисейской экспедиции ИИМК РАН под руководством И.П. Лазаретова был раскопан курган 1 могильника Уйбат-Чарков в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия. Погребения кургана относятся к наиболее раннему уйбатскому хронологическому горизонту окуневской культуры (см.: Лазаретов, 2019; Лазаретов, Поляков, 2018). До последнего времени антропологические материалы этого периода существования окуневской культуры были практически неизвестны. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

¹ А.В. Громов выполнил свою часть исследования в рамках темы НИР «Центры этно- и культурогенеза и контактные зоны в Евразии и Америке в конце плейстоцена и голоцене (по данным физической антропологии, археологии и этнологии)». Н.И. Лазаретова подготовила свою часть исследования в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Андрей Викторович Громов — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Университетская наб., д. 3, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3263-3801.

³ Наталья Ивановна Лазаретова — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4055-9656.

Материал и методика

Авторами были изучены черепа и посткраниальные скелеты 20 индивидов разного пола и возраста из кургана 1 могильника Уйбат-Чарков. Половозрастные определения взрослых проводились как по традиционной методике (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966), так и с помощью программы ТА 3 (Transition analysis 3) (Milner et al., 2019; 2020). В последнем случае из-за специфики набора используемых признаков был определен возраст только взрослых индивидов с сохранившимися костями посткраниального скелета. Определение возраста погребенных было проведено авторами статьи в разное время и независимо друг от друга.

Для измерения по стандартной краниометрической программе (Приложение 1) (Алексеев, Дебец, 1964) оказались пригодными пять мужских и пять женских черепов, а также один череп, половая принадлежность которого сомнительна (Приложение 2; 3). Средние величины суммарных мужской и женской серий приведены в табл. 1. У 12 индивидов (пять мужчин, шесть женщин, один индивид без определения пола) по стандартной методике (Алексеев, 1966) были измерены кости посткраниального скелета (Приложение 4).

Для сравнительного анализа из имеющегося краниологического материала оказалась пригодной

Таблица 1. Средние размеры и указатели черепов из могильника Уйбат-Чарков
Table 1. Mean measurements and indices of crania from Uybat-Charkov burial ground

№	Мужчины		Женщины		№	Мужчины		Женщины	
	п	х	п	х		п	х	п	х
1	3	182.2	4	176.0	52	4	33.4	4	34.6
8	3	149.0	2	146.0	52:51	4	73.9	4	75.6
8:1	3	81.8	2	83.9	52:51a	4	82.0	3	84.9
17	3	130.0	1	122.0	54	4	26.0	3	25.3
20	3	114.7	2	112.3	55	4	51.9	3	48.5
5	3	99.5	1	97.0	54:55	4	50.1	3	52.3
9	4	98.5	4	94.8	MC	4	18.0	3	16.9
10	4	123.6	3	116.3	MS	4	7.3	3	7.0
29	4	113.7	4	106.0	MS:MC	4	40.4	3	41.3
УПИЛ	4	143.3	4	139.5	SC	4	7.6	3	6.0
32	3	80.0	2	77.0	SS	4	5.0	3	3.2
11	3	131.7	2	130.5	SS:SC	4	73.6	3	51.4
12	2	116.0	1	121.0	DC	4	22.3	3	22.1
40	2	101.0		–	DS	4	13.0	3	11.6
43	4	110.8	3	108.5	DS:DC	4	58.3	3	52.4
45	3	137.7	2	136.5	77	4	140.9	3	139.4
46	4	97.3	3	97.1	P	4	129.5	3	132.2
48	4	72.5	3	66.8	72	2	85.0	1	84.0
51	5	44.5	4	45.7	75(1)	3	33.3	2	26.5
51a	4	40.8	3	42.6	FC	4	4.6	3	6.7

только мужская серия. Сформировать серию из измерений женских черепов не позволила их худшая сохранность. Для мужской серии из Уйбата-Чаркова проведено сравнение с известными сериями черепов неолита — бронзового века Сибири и Восточной Европы. Это три серии черепов окуневской культуры, относящиеся к позднему черновскому хронологическому горизонту — Черновая VIII, Верхний Аскиз I (Громов, 1997а), Сыда V (Рыкушина, 1979); красноярско-канский неолит (Герасимова, 1964); неолит Среднего Прииртышья (Багашев, Солодовников, 2019); три группы неолита Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины (Чикишева, 2012); группа «доандроновской бронзы» Верхнего Приобья (Дремов, 1997); семь групп неолита и бронзового века Барабинской лесостепи (Чикишева, 2012; Чикишева, Поздняков, 2019); восемь групп неолита и раннего бронзового века Прибайкалья и Забайкалья (Гохман, 1980; Гохман, Томтосова, 1992; Мамонова, 1973; 1980); группа чаахольской культуры (Гохман, 1980); группа каракольской культуры (Тур, Солодовников, 2005); группа самусьской культуры (Солодовников, 2005); группа елунинской культуры (Солодовников, Тур, 2003); группа из могильника Гумугоу (Han Kangxin, 1986); группа чемурчекской культуры (Солодовников и др., 2019); 12 групп афанасьевской культуры (Алексеев, 1989; Солодовников, 2003; 2009); пять групп мариупольской культурно-исторической

общности (Гохман, 1966; Сурнина, 1961; Зиневич, 1967); две неолитические группы из могильника Звейниекы (Денисова, 1975); группа волосовской культуры (Неолит..., 1997); группа среднестоговской культуры (Герасимов, 1955; Зиневич, 1967; Сурнина, 1963; Потехина, 1983); две группы хвалынской культуры (Мкртчян, 1988; Хохлов, 2010), три группы неолита и энеолита Волго-Уралья (Хохлов, 2017); 22 группы ямной и 25 групп катакомбной культур (Балабанова, 2016; Батиева, 2010; Зиневич, 1967; Казарницкий, 2012; Круц, 1984; 2017; Романова, 1991; Хохлов, 2017; Шевченко, 1986).

Краниометрический анализ проведен по двум наборам признаков: 1) 14 признаков — продольный, поперечный и высотный диаметры мозговой коробки; наименьшая ширина лба; скуловой диаметр; верхняя высота лица; ширина и высота орбиты; ширина и высота носа; симотический указатель; назомаллярный и зигомаксиллярный углы; угол выступания носа; 2) 11 признаков — из предыдущего набора исключены три диаметра мозговой коробки. Межгрупповое сопоставление по данным краниометрии осуществлялось путем вычисления квадратов расстояний Махаланобиса (D^2) с поправкой на численность, а также их многомерного неметрического шкалирования с использованием алгоритма Гуттмана. При проведении вычислений были использованы программы Б.А. Козинцева и Statistica 12.0.

Результаты и обсуждение

Из 20 индивидов, обнаруженных в погребениях могильника Уйбат-Чарков, шесть — мужчины, шесть — женщины, семь — дети, а у одного взрослого не удалось уверенно определить пол. У большей части индивидов пол был подтвержден генетически (однако сомнительный случай не анализировался генетиками).

Для палеодемографического анализа серия из Уйбата-Чаркова слишком мала. Тем не менее авторы опробовали на этом материале программу международной команды исследователей ТА 3 (Transition analysis 3) (Milner et al., 2019; 2020). Данная программа предназначена для определения возраста по костям скелета судебными медиками. Ее отличительными особенностями являются отсутствие разбиения по полу и упор на признаки посткраниального скелета. Поэтому из нашего анализа пришлось исключить мужчину из могилы 1. Еще одно отличие от традиционных палеодемографических определений — отсутствие финальной когорты, поэтому невозможно сравнивать средний возраст смерти, вычисленный по результатам разных методов его определения. В табл. 2 представлено сравнение определения возраста обоими авторами с помощью традиционной методики и программы ТА 3. Расхождение между авторами наблюдается только в одном случае — при определении возраста женщины из могилы 9 (скелет А), причем оно получилось по обоим методикам. Причиной этого в первую очередь является плохая сохранность костей. В остальных случаях разница в возрасте, определенном с помощью ТА 3, не превышает величины стандартной ошибки. Интересно,

что на величину ошибки мало влияет полнота скелета. Наличие только безымянной кости (могила 7) позволило, тем не менее, сделать довольно точное определение возраста с помощью программы ТА 3. Увеличение выборки позволит более достоверно оценить перспективы применения программы ТА 3 в палеоантропологических исследованиях, но даже проведенное нами предварительное исследование показывает хорошие перспективы.

Выборка мужских посткраниальных скелетов охарактеризована с опорой на рубрикации остеометрических размеров, составленных для населения земного шара (Лежемский, 2011. С. 311–318, табл. 4,1–4,3; 5,1; 5,4), а также на разработки градаций метрических категорий трубчатых костей А.А. Хохлова и А.П. Григорьева (Хохлов, Григорьев, 2020. Табл. 3). Женская серия оценивалась согласно рубрикам А.А. Хохлова и А.П. Григорьева (Там же. Табл. 4).

Скелеты мужчин и женщин характеризуются в основном средними продольными и поперечными параметрами длинных костей. В мужской выборке выделяется индивид из самого раннего захоронения в этом кургане — могилы 1, все абсолютные размеры костей которого попадают в категорию очень больших. У мужского скелета 1 из могилы 10 зафиксированы большие размеры только нижних конечностей, размеры верхних относятся к средним. В женской серии отличается малыми абсолютными размерами один скелет — из могилы 13. По рубрикации остеометрических признаков А.А. Хохлова и А.П. Григорьева, продольные и поперечные параметры костей данного индивида относятся к малым и очень малым, при этом указатели пропорций средние.

Таблица 2. Определения возраста индивидов из могильника Уйбат-Чарков

Table 2. Age of individuals from Uybat-Charkov burial ground

Шифр	Пол	Традиционные методы		ТА 3	
		Н.И. Лазаретова	А.В. Громов	Н.И. Лазаретова	А.В. Громов
Мог. 2	♀	Старше 55 лет	Старше 50 лет	63.3±9.6	69.4±9.5
Мог. 3, ск. А	♂	35–40 лет	45–50 лет	46.7±9.6	50.1±9.6
Мог. 3, ск. Г (верхний)	♂	40–50 лет	50–60 лет	63.6±9.2	59.2±9.1
Мог. 4, ск. 1	?	Старше 55 лет	Старше 60 лет	66.0±9.6	57.4±9.2
Мог. 7	♂	Взрослый	35–50 лет	40.9±12.5	33.2±11.3
Мог. 9, ск. А	♀	Старше 55 лет	30–40 лет	61.2±11.7	46.2±10.5
Мог. 9, ск. Б	♀	Старше 55 лет	Старше 50 лет	48.0±12.1	54.1±10.8
Мог. 10, ск. 1	♂	Старше 55 лет	50–55 лет	80.8±9.1	73.0±8.9
Мог. 10, ск. 2	♀?	Старше 55 лет	Старше 50 лет	75.4±9.2	71.5±8.9
Мог. 11, ск. А	♀	Около 30 лет	25–30 лет	31.3±11.7	31.3±11.4
Мог. 12	♂	30–40 лет	30–35 лет	35.5±10.7	44.8±10.3
Мог. 13	♀	30–40 лет	30–35 лет	36.8±9.7	40.7±9.9

Сокращения: мог. — могила; ск. — скелет

Расчеты лучеплечевого и плече-бедренного индексов на мужских скелетах выявили относительное укорочение плечевой кости у одного индивида — это скелет Г из могилы 3. Указатели пилястрии и массивности у него большие.

На основании измерений бедренных костей для каждого индивидуума были рассчитаны длины тела по формулам К. Пирсона и А. Ли, М. Троттер и Г. Глезер для европеоидного населения обоего пола и для монголоидов мужчин (Алексеев, 1966), которые затем были усреднены.

Средний рост мужчин из могильника Уйбат-Чарков составляет 173,5 см. Такая же длина тела у мужчин из памятников черновского хронологического горизонта. Мужчины других хронологических горизонтов окуневской культуры отличаются большими продольными размерами посткраниального скелета (Громов, Лазаретова, 2020. С. 69). Средний рост женщин из Уйбата-Чаркова равен 156,7 см. Следует отметить, что самые низкорослые окуневские женщины наблюдаются в материалах уйбатского хронологического горизонта. Однако вариация длины тела составляет около 20 см. Самые большие продольные размеры, зафиксированные на сегодняшний день, — в наиболее поздней разливской серии.

Краниометрическая характеристика ранних «окуневцев» имеет ключевое значение для решения вопроса о формировании окуневского населения более поздних этапов (см.: Козинцев, 2020; 2022; Поляков, 2022). К сожалению, серия черепов из Уйбата-Чаркова имеет малую численность. Впрочем, и многие другие важные в этом контексте краниологические серии малочисленны. Для сопоставления серий черепов неолита — бронзового века Сибири и Восточной Европы нами были использованы расстояния Махаланобиса D^2 , в частности чтобы сохранить преемственность с работой А.Г. Козинцева (Козинцев, 2020).

Для того чтобы сравнивать расстояния D^2 между краниологическими сериями, имело бы смысл определить, какие расстояния можно считать близкими. А.А. Казарницким было рассчитано среднее расстояние D^2 между сериями ямной культуры. Оно составило 4,06, что, по его мнению, свидетельствует о большом морфологическом разнообразии «ямников» (Казарницкий, 2021). А.Г. Козинцев, анализируя более широкий спектр групп, в том числе окуневские серии, предлагает считать близкими расстояния менее 5,0 (Козинцев, 2020). Для набора групп, используемого в данной статье, среднее расстояние D^2 равно 6,40, а среднее расстояние D^2 между группой из Уйбата-

Чаркова и остальными — 13,55 (минимальное и максимальное расстояния составляют 1,21 и 33,42). Такая разница средних расстояний D^2 между всеми группами попарно и серией из Уйбата-Чаркова и остальными группами объясняется тем, что большая часть исследуемых краниологических серий приходится на «ямно-катакомбный круг» культур, а также родственных им «афанасьевцев». Соответственно, среднее расстояние D^2 оказывается меньше, чем могло быть при более равномерной представленности европейских и сибирских серий. Нужно отметить, что все приведенные числа относятся к набору из 14 признаков. При уменьшении их числа уменьшаются и расстояния Махаланобиса. Для 11 признаков у нашего набора групп среднее расстояние D^2 будет равно 4,89. Таким образом, масштаб расстояний Махаланобиса существенно зависит от набора исследуемых групп и количества признаков. Однако за неимением лучшего критерия можно считать близкими группы, расстояние Махаланобиса между которыми меньше среднего для всех исследованных групп. В нашем случае это 6,4 — для 14 признаков и 4,9 — для 11.

Перечислим наиболее сходные с серией из Уйбата-Чаркова по расстояниям D^2 группы для анализа по 14 признакам. Это (в порядке возрастания величины D^2): 1 — красноярско-канский неолит (1,21); 2 — неолит Среднего Прииртышья (1,28); 3 — погребения катакомбного времени Ставрополя (2,05); 4 — «окуневцы» Верхнего Аскиза I (2,30); 5 — «катакомбники» долины р. Молочная (4,05); 6 — «окуневцы» Черновой VIII (4,21); 7 — «катакомбники» юга совр. Херсонской области (4,70); 8 — неолит Волго-Уралья (Мелля-Тамак) (4,95); 9 — предкавказская катакомбная культура Ставрополя (5,07); 10 — «катакомбники» верховьев Ингульца (5,20); 11 — «ямники» Южной Калмыкии (Чограйские могильники) (5,86); 12 — «ямники» Калмыкии (кроме Чограйских могильников) (5,96); 13 — «ямники» левого берега Нижнего Дона (6,08); 14 — «катакомбники» правого берега Нижнего Дона (6,15). Из 14 перечисленных групп 9 относятся к «ямно-катакомбному» кругу культур. Кроме них и поздних «окуневцев» сюда попали три неолитических группы. «Окуневцы» из Сыды V (7,04) оказались за рамками данного набора групп. Наиболее близкая группа из афанасьевских — с Катунь (7,47).

Близость серии красноярско-канского неолита «окуневцам» отмечалась неоднократно (Дремов, 1980; Громов, 1997б; Козинцев, 2020). То же касается и групп неолита Среднего Прииртышья и катакомбного времени Ставрополя (Козинцев, 2020). Новым в данном

случае является то, что ставропольская серия оказалась ближе ранним «окуневцам» Уйбата-Чаркова, чем поздние «окуневцы». Ни барабинские серии, ни группы из Кузнецкой котловины, Приобья, Прибай-

каля и Забайкалья не обнаруживают сходства с серией из Уйбата-Чаркова.

Результаты шкалирования расстояний Махаланобиса D^2 для 14 признаков представлены на **рис. 1**.

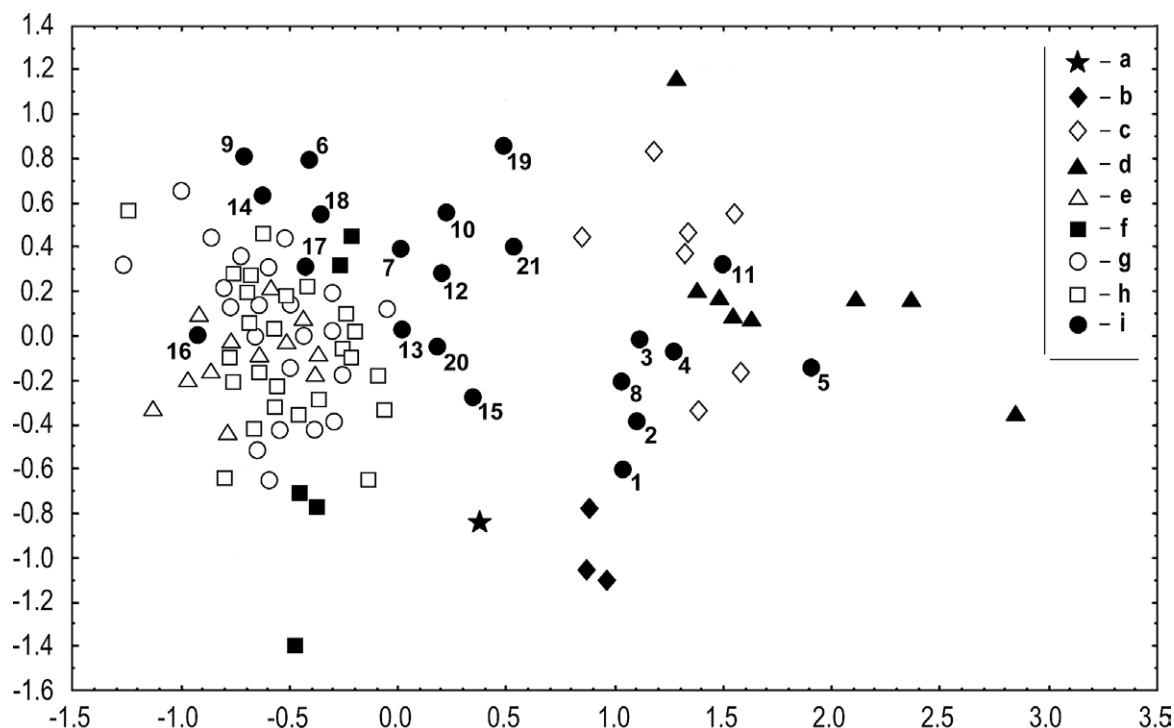

Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий в пространстве двух осей неметрического шкалирования матрицы расстояний Махаланобиса (D^2), 14 признаков. Условные обозначения: *a* — Уйбат-Чарков; *b* — серии черепов окуневской культуры, относящиеся к черновскому хронологическому горизонту; *c* — серии неолита и бронзового века Барабинской лесостепи; *d* — серии неолита и раннего бронзового века Прибайкалья и Забайкалья; *e* — серии афанасьевской культуры; *f* — серии мариупольской культурно-исторической общности; *g* — серии ямной культуры; *h* — серии катакомбной культуры; *i* — прочие краниологические серии: 1 — красноярско-канский неолит; 2 — неолит Среднего Прииртышья; 3 — кузнецко-алтайская культура Верхнего Приобья; 4 — большемысская культура Верхнего Приобья; 5 — кузнецко-алтайская культура Кузнецкой котловины; 6 — «доандроновская бронза» Верхнего Приобья; 7 — чаахольская культура; 8 — каракольская культура; 9 — самусьская культура; 10 — елунинская культура; 11 — чемурчечская культура; 12 — могильник Гумугоу; 13, 14 — неолитические группы из могильника Звейниеки; 15 — волосовская культура; 16 — среднестоговская культура; 17, 18 — хвалынская культура; 19 — неолит Волго-Уралья (кроме Мелля-Тамак); 20 — Мелля-Тамак (неолит Волго-Уралья); 21 — энеолит Волго-Уралья

Fig. 1. Positions of the male craniological series in the space of the two axes of the non-metric scale of the matrix of Mahalanobis distances (D^2), 14 traits. Legend: *a* — Uybat-Charkov; *b* — a series of Okunevo culture crania (Chernovaya chronological horizon); *c* — series of Baraba forest-steppe zone Neolithic and Bronze Age; *d* — series of Baikal and Transbaikalian Neolithic and Early Bronze Age; *e* — Afanasyevo culture series; *f* — Mariupol cultural-historical community series; *g* — Yamnaya culture series; *h* — Catacomb culture series; *i* — other craniological series: 1 — Krasnoyarsk-Kansk Neolithic; 2 — Neolithic of the Middle Irtysh basin; 3 — Kuznetsk-Altaian culture of the Upper Ob basin; 4 — Bolshoy Mys culture of the Upper Ob basin; 5 — Kuznetsk-Altaian culture of the Kuznetsk Depression; 6 — “pre-Andronovo bronze” of the Upper Ob basin; 7 — Chaa-Khol culture; 8 — Karakol culture; 9 — Samus culture; 10 — Elunin culture; 11 — Chemurchek culture; 12 — Gumugou burial ground; 13, 14 — neolithic groups from Zvejnieki burial ground; 15 — Volosovo culture; 16 — Sredny Stog culture; 17, 18 — Khvalynsk culture; 19 — Volga-Urals Neolithic (except Mellya-Tamak); 20 — Mellya-Tamak (Volga-Urals Neolithic); 21 — Volga-Urals Aeneolithic

В пространстве двух осей неметрического многомерного шкалирования D^2 наблюдается тенденция распределения групп вдоль оси абсцисс в соответствии с географическим положением. Левую часть занимают восточноевропейские серии, расположенные довольно компактно, правую — сибирские. Поздние окуневские группы расположены в средней части графика по отношению к оси абсцисс. Серия из Уйбата-Чаркова оказалась посередине между поздними «окуневцами» и группами «ямно-катакомбного» круга, объединившись с «афанасьевцами».

Вопрос влияния искусственной деформации, характерной для «окуневцев», на параметры мозговой части черепа (особенно ширину) неоднократно обсуждался в литературе, и последние исследования методами 3D геометрической морфометрии подтверждают это влияние (Пугачева и др., 2022). Обычная реакция на такую ситуацию — исключение из анализа признаков, затронутых деформирующим воздействием. В нашем случае были исключены основные диаметры черепа и вычислены расстояния Махаланобиса для оставшихся 11 признаков. Как указано выше, порог признания серий близкими друг другу понизился до 4,9. Однако в данном случае близ-

кими к серии из Уйбата-Чаркова оказались 59 групп, т.е. большая часть использованных. Причина этого проста — почти все эти группы относятся к «ямно-катакомбному» кругу культур и примыкающим к ним «афанасьевцам». Наиболее близкие к Уйбату-Чаркову серии в порядке возрастания величины D^2 : 1 — погребения катакомбного времени Ставрополя (–1,55); 2 — неолит Среднего Прииртышья (–0,33); 3 — «афанасьевцы» Катунь (–0,25); 4 — поздние «катакомбники» Самарско-Орельского междуречья (–0,06); 5 — погребения предкавказской катакомбной культуры Ставрополя (0,23); 6 — «ямники» Левобережья Нижнего Днепра (Каховка) (0,26); 7 — неолит Волго-Уралья 2 (Мелля-Тамак) (0,32); 8 — «афанасьевцы» из Карасука 3 (0,32); 9 — «афанасьевцы» Нижнего Тюмечина (0,45); 10 — «катакомбники» (поздние) долины р. Молочная (0,72). Красноярско-канская неолитическая серия в этом варианте анализа оказалась на 29-м месте. Поздние окуневские группы занимают следующие позиции: Верхний Аскиз I — 36-ю, Черновая VIII — 44-ю, Сыда V — 73-ю. То есть по строению лицевого скелета группа из Уйбата-Чаркова выглядит представителем западного, европеоидного круга популяций. Стоит отметить, что сокращение набора

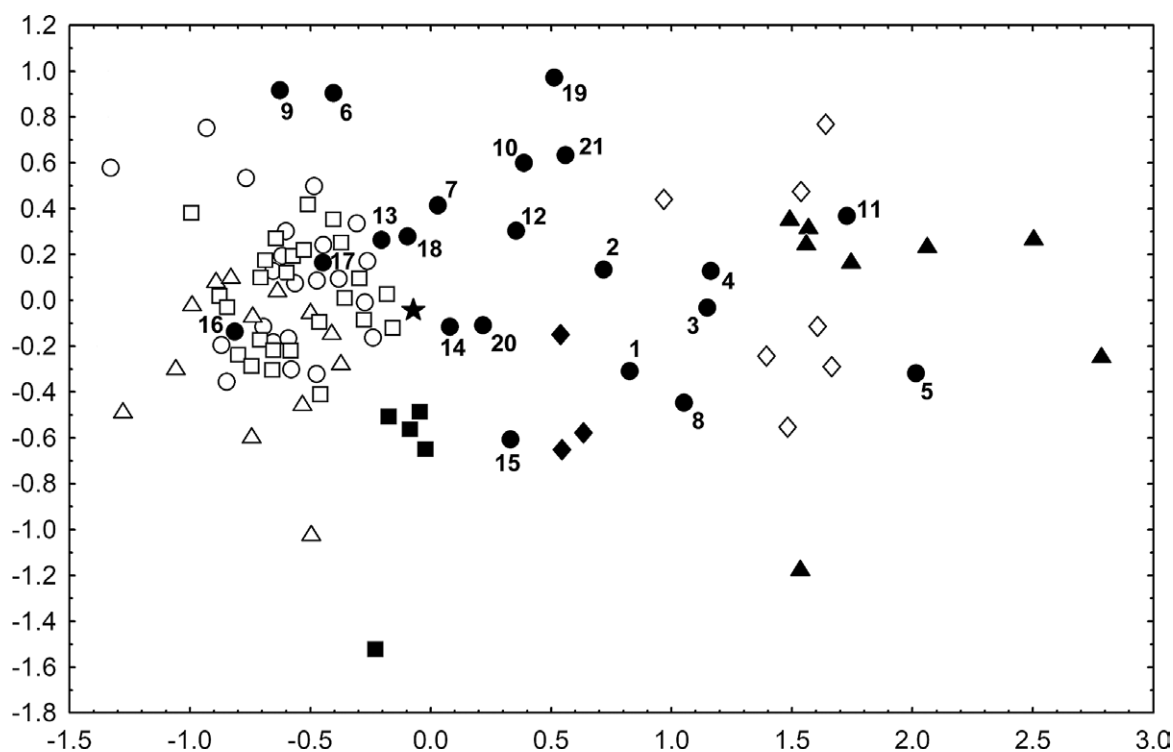

Рис. 2. Расположение мужских краниологических серий в пространстве двух осей неметрического шкалирования матрицы расстояний Махаланобиса (D^2), 11 признаков. Условные обозначения см. **рис. 1**

Fig. 2. Positions of the male cranial series in the space of the two axes of the non-metric scale of the matrix of Mahalanobis distances (D^2), 11 traits. For legend — see **Fig. 1**

признаков не сказалось на сходстве ранних «окуневцев» с сериями неолита Среднего Прииртышья и могильника Мелля-Тамак.

Результаты шкалирования расстояний Махаланобиса D^2 для 11 признаков представлены на **рис. 2**. В пространстве двух осей неметрического многомерного шкалирования D^2 сохраняется тенденция распределения групп вдоль оси абсцисс в соответствии с географическим положением. В целом распределение групп напоминает предыдущий график. Однако серия из Уйбата-Чаркова смещается к группам «ямно-катакомбного» круга, отдаляясь от поздних «окуневцев».

Таким образом, мужская серия из раннего окуневского могильника Уйбат-Чарков по признакам лицевого скелета предстает европейской группой, но отличается от большинства популяций «ямно-катакомбного» круга и «афанасьевцев» большей шириной мозговой части черепа. С европеоидным характером строения лицевого скелета серии черепов из Уйбата-Чаркова хорошо соотносятся данные краниоскопии. Согласно им, ранние «окуневцы» отличаются от поздних по частоте подглазничного узора типа II — ключевому признаку, характеризующему краниоскопический статус известных до последнего времени окуневских серий (Громов, 1997; Громов, Казарницкий, 2022; Громов и др., 2021; 2022).

Литература

- Алексеев, 1966 — Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев, 1989 — Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 446 с.
- Алексеев, Дебец, 1964 — Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Багашев, Солодовников, 2019 — Багашев А.Н., Солодовников К.Н. Краниологические материалы неолита-энеолита Среднего Прииртышья в связи с вопросами формирования антропологических общностей древнего населения центральных областей Северной Евразии // «В этой связи...»: Сб. статей к юбилею Маргариты Михайловны Герасимовой / отв. ред. Н.А. Лейбова. М.: Буки Веди, 2019. С. 100–140.
- Балабанова, 2016 — Балабанова М.А. К антропологии населения энеолита — ранней бронзы (по материалам могильников Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Т. 15. № 1. С. 72–94.
- Батиева, 2010 — Батиева Е.Ф. Черепа из нижнедонских могильников эпохи ранней бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий: Сб. статей в честь 60-летия Л.Т. Яблонского / отв. ред.: М.М. Герасимова и др. М.: Таус, 2010. С. 484–491. (МИАР; № 13).
- Герасимов, 1955 — Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. (ТИЭ; Т. XXVIII).
- Герасимова, 1964 — Герасимова М.М. Неолитические погребения у Долгого озера // ВА. 1964. Вып. 18. С. 135–143.
- Гохман, 1966 — Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк). М.: Наука, 1966. 225 с.
- Гохман, 1980 — Гохман И.И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР / отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 5–34. (Сб. МАЭ; т. 36).
- Гохман, Томтосова, 1992 — Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрх и Родинка // Археологические исследования в Якутии: Труды Приленской археологической экспедиции / отв. ред. Ю.А. Мочанов. Новосибирск: Наука. 1992. С. 105–124.
- Громов, 1997а — Громов А.В. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 294–300.
- Громов, 1997б — Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Там же. С. 301–358.
- Громов, Казарницкий, 2022 — Громов А.В., Казарницкий А.А. Искусственная деформация головы у ранних окуневцев // АВ. 2022. Вып. 34. С. 266–274.
- Громов, Лазаретова, 2020 — Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население окуневской культуры Минусинской котловины по данным остеометрии // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рожд. д.и.н. И.Н. Хлопина / отв. ред.: В.П. Никоноров, Е.О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 68–70.
- Громов и др., 2021 — Громов А.В., Казарницкий А.А., Лазаретова Н.И., Хохлов А.А. Население Минусинской котловины в эпоху бронзы по данным краниоскопии (к вопросу о происхождении окуневской культуры) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля, 2021 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. А.В. Поляков, Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 151–153.
- Громов и др., 2022 — Громов А.В., Казарницкий А.А., Лазаретова Н.И. Краниоскопия населения окуневской культуры и вопросы его происхождения // АВ. 2022. Вып. 34. С. 257–265.
- Денисова, 1975 — Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 403 с.

- Дремов, 1980 — Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль // Палеоантропология Сибири / отв. ред.: А.П. Окладников, В.П. Алексеев. М.: Наука, 1980. С. 19–46.
- Дремов, 1997 — Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. 261 с.
- Зиневич, 1967 — Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967. 240 с.
- Казарницкий, 2012 — Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Казарницкий, 2021 — Казарницкий А.А. Соотношение местного и пришлого населения восточноевропейских степей в эпоху бронзы (по краниологическим материалам) // АЭАЕ. 2021. Т. 49. № 3. С. 127–135.
- Козинцев, 2020 — Козинцев А.Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // АЭАЕ. 2020. Т. 48. № 4. С. 135–145.
- Козинцев, 2022 — Козинцев А.Г. Аборигены или мигранты? Дискуссия о происхождении окуневцев на новом этапе // АЭАЕ. 2022. Т. 50. № 4. С. 129–136.
- Круц, 1984 — Круц С.И. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. Киев: Наукова думка, 1984. 208 с.
- Круц, 2017 — Круц С.И. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев; Берлин: Издатель Олег Филлюк, 2017. 202 с. (Курганы Украины; Т. 5).
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. № 4. С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Мамонова, 1973 — Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. статей, посвящ. памяти В.Н. Чернецова / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1973. С. 18–28.
- Мамонова, 1980 — Мамонова Н.Н. Население Ангара и Лены в серовское время по данным палеоантропологии // Палеоантропология Сибири / отв. ред.: А.П. Окладников, В.П. Алексеев. М.: Наука, 1980. С. 64–88.
- Мкртчян, 1988 — Мкртчян Р.А. Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Неолит..., 1997 — Неолит лесной полосы Восточной Европы: (Антропология сахтышских стоянок) / [Алексеева Т.И., Денисова Р.Я., Козловская М.В. и др.]; отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 1997. 190 с.
- Пежемский, 2011 — Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Потехина, 1983 — Потехина И.Д. О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным // СА. 1983. № 1. С. 144–154.
- Пугачева и др., 2022 — Пугачева Е.В., Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В. Анализ 3D-моделей черепов с искусственной деформацией методами геометрической морфометрии // АЭАЕ. 2022. Т. 50. № 3. С. 140–147.
- Романова, 1991 — Романова Г.П. Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополя эпохи ранней и средней бронзы // СА. 1991. № 2. С. 160–170.
- Рыкушина, 1979 — Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры: дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Солодовников, 2003 — Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. 2003. № 10. С. 3–27.
- Солодовников, 2005 — Солодовников К.Н. Краниологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV в свете проблем формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 1. С. 47–75.
- Солодовников, 2009 — Солодовников К.Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // ВА. 2009. № 17. С. 117–135.
- Солодовников, Тур, 2003 — Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. С. 142–176.
- Солодовников и др., 2019 — Солодовников К.Н., Тумен Д., Эрдэнэ М. Краниология чечурчкской культуры Западной Монголии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.) / отв. ред.: А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 79–81. <https://doi.org/10.31600/978-5-907053-35-9-79-81>
- Сурнина, 1961 — Сурнина Т.С. Палеоантропологический материал из Вольненского неолитического могильника // Антропологический сборник / отв. ред.: Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. III. С. 3–25. (ТИЭ; т. LXXI).
- Сурнина, 1963 — Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из Александрийского могильника // ТИЭ. 1963. Т. LXXXII. С. 144–153.
- Тур, Солодовников, 2005 — Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений ка-

ракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 1. С. 35–47.

Хохлов, 2010 — Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры: По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Самар. регион. обществ. организация «Историко-эко-культурная ассоциация "Поволжье"», 2010. С. 407–517.

Хохлов, 2017 — Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита — бронзового века). Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2017. 368 с.

Хохлов, Григорьев, 2020 — Хохлов А.А., Григорьев А.П. К методике оценки метрических данных по основным абсолютным признакам и указателям скелета человека (по антропологическим материалам некрополей г. Самары XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2020. № 3. С. 68–76.

Чикишева, 2012 — Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 467 с.

Чикишева, Поздняков, 2019 — Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологические аспекты одиновской культуры (Западная Сибирь) // АЭАЕ. 2019. Т. 47. № 4. С. 128–139.

Шевченко, 1986 — Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР / отв. ред.: И.И. Козинцев, А.Г. Козинцев. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

Han Kangxin, 1986 — Han Kangxin. Anthropological characteristics of the human skulls from the ancient cemetery at Gumu Gou, Xinjiang // Kaogu сюэбао. 1986. No. 3. P. 361–384 (на кит. яз., с англ. резюме).

Milner et al., 2019 — Milner G.R., Boldsen J.L., Ousley S.D., Getz S.M., Weise S., Tarp P. Transition Analysis 3 (TA3) Trait Manual. Public Distribution Ver. 1. Online. 2019. URL: https://www.statemachine.net/software/TA3/docs/TA3_Trait_Scoring_Manual_1.0.pdf (дата обращения: 16.05.2023).

Milner et al., 2020 — Milner G.R., Boldsen J.L. Ousley S.D., Getz S.M., Weise S., Tarp P. TA3 Installation and Software User Guide: Version 0.16. Online. 2020. URL: https://www.statemachine.net/software/TA3/docs/TA3_Installation_Software_User_Guide-0.16.pdf (дата обращения: 16.05.2023).

Приложение 1. Названия размеров и указателей, используемых в статье

п по Мартину и др.	Названия признаков	п по Мартину и др.	Названия признаков
1	Продольный диаметр	52	Высота орбиты
8	Поперечный диаметр	52:51	Орбитный указатель от mf
8:1	Черепной указатель	52:51a	Орбитный указатель от d
17	Высотный диаметр	54	Ширина носа
20	Ушная высота	55	Высота носа
5	Длина основания черепа	54:55	Носовой указатель
9	Наименьшая ширина лба	MC	Максиллофронтальная ширина
10	Наибольшая ширина лба	MS	Максиллофронтальная высота
29	Лобная хорда	MS:MC	Максиллофронтальный указатель
sub. 29	Высота изгиба лба	SC	Симотическая ширина
30	Теменная хорда	SS	Симотическая высота
sub. 30	Высота изгиба темени	SS:SC	Симотический указатель
31	Затылочная хорда	DC	Дакриальная ширина
sub. 31	Высота изгиба затылка	DS	Дакриальная высота
25	Сагиттальная дуга	DS:DC	Дакриальный указатель
26	Лобная часть сагиттальной дуги	77	Назональный угол
27	Теменная часть сагиттальной дуги	zzm'	Зигомаксиллярный угол
28	Затылочная часть сагиттальной дуги	72	Общий лицевой угол
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	75(1)	Угол выступания носа
32	Угол профиля лба от n	68(1)	Длина нижней челюсти от мыщелков
11	Ушная ширина	68	Длина нижней челюсти от углов
12	Ширина затылка	79	Угол ветви нижней челюсти
40	Длина основания лица	65	Мыщелковая ширина нижней челюсти
43	Верхняя ширина лица	66	Угловая ширина нижней челюсти
45	Скуловой диаметр	70	Высота ветви нижней челюсти
46	Средняя ширина лица	71a	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти

п по Мартину и др.	Названия признаков	п по Мартину и др.	Названия признаков
48	Верхняя высота лица	67	Передняя ширина нижней челюсти
60	Длина альвеолярной дуги	69	Высота симфиза нижней челюсти
61	Ширина альвеолярной дуги	69(1)	Высота тела нижней челюсти
51	Ширина орбиты от mf	69(3)	Толщина тела нижней челюсти
51a	Ширина орбиты от d	∠C	Угол выступания подбородка
	Ключица		Крестец
C1	Наибольшая длина	OS1	Длина тазовой поверхности
C2a	Высота изгиба диафиза	OS2	Передняя высота
C4	Вертикальный диаметр	OS4	Верхняя ширина тазовой поверхности
C5	Сагиттальный диаметр	OS5	Верхняя ширина
C6	Окружность середины		Таз
	Лопатка	P1	Высота таза
S1	Морфологическая высота	P12	Ширина подвздошной кости
S2	Морфологическая ширина	P15	Высота седалищной кости
S7	Длина лопаточной ости	P17	Ширина лобковой кости
S8	Длина основания лопаточной ости		Бедренная кость
S11	Наибольшая длина клювовидного отростка	F1	Наибольшая длина
S12	Длина суставной впадины	F2	Общая длина в естественном положении
S13	Ширина суставной впадины	F6	Сагиттальный диаметр диафиза
	Плечевая кость	F7	Ширина диафиза
H1	Наибольшая длина	F8	Окружность середины диафиза
H2	Общая длина	F9	Верхняя ширина диафиза
H3	Ширина верхнего эпифиза	F10	Верхний сагиттальный диаметр диафиза
H4	Ширина нижнего эпифиза	F17	Окружность шейки
H5	Наибольшая ширина середины диафиза	F18	Вертикальный диаметр головки
H6	Наименьшая ширина середины диафиза	F19	Сагиттальный диаметр головки
H7	Наименьшая окружность диафиза	F20	Окружность головки
H7a	Окружность середины диафиза	F21	Ширина нижнего эпифиза
H8	Окружность головки		Большая берцовая кость
H9	Наибольшая ширина головки	T1	Общая длина
H10	Вертикальный диаметр головки	T1a	Наибольшая длина
H14	Ширина локтевой ямки	T3	Ширина верхнего эпифиза
	Локтевая кость	T6	Ширина нижнего эпифиза
U1	Наибольшая длина	T7	Сагиттальный диаметр нижнего эпифиза
U2	Физиологическая длина	T8	Наибольший сагиттальный диаметр середины диафиза
U3	Наименьшая окружность диафиза	T8a	Сагиттальный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия
U11	Сагиттальный диаметр диафиза	T9	Ширина середины диафиза
U12	Ширина диафиза	T9a	Ширина диафиза на уровне питательного отверстия
Ucl	Ширина головки	T10	Окружность середины диафиза
Ucsd	Сагиттальный диаметр головки	T10a	Наименьшая окружность диафиза
Ucmd	Окружность середины диафиза		Малая берцовая кость
	Лучевая кость	Fi1	Наибольшая длина
R1	Наибольшая длина	Fi2	Наибольшая ширина середины диафиза
R2	Физиологическая длина	Fi3	Наименьшая ширина середины диафиза
R3	Наименьшая окружность диафиза	Fi4	Окружность середины диафиза
R4	Ширина диафиза		
R5	Сагиттальный диаметр диафиза		
R1/H1	Лучеплечевой указатель	R1/T1	Луче-берцовый указатель
H1/F2	Плече-бедренный указатель 1	H1/F1	Плече-бедренный указатель 2
T1/F2	Берцово-бедренный указатель 1	T1/F1	Берцово-бедренный указатель 2

Приложение 2. Индивидуальные размеры и указатели черепов из могильника Уйбат-Чарков

№ п/п	Полевой шифр	Пол	1	8	17	20	5	9	10	УПИЛ	11	12	29
1	Кург. 1, мог. 1	♂	–	–	–	–	–	100.0	126.0?	149.8	–	–	114.6
2	Кург. 1, мог. 2	♀	181.0	–	–	–	–	89.0	–	140.4	–	–	107.0?
3	Кург. 1, мог. 3, ск. А	♂	185.0	154.0	133.0	113.0	105.0	98.0	122.5	138.8	140.0	116.0?	116.6
4	Кург. 1, мог. 3, ск. Г (верхний)	♂	177.0	148.0	127.0	116.5	93.5	102.0	126.0	137.6	127.0	–	112.0
5	Кург. 1, мог. 4, ск. 1	?	189.0	148.0	132.0	124.0	109.0	96.0	121.0	135.2	128.0	111.5	118.5
6	Кург. 1, мог. 9, ск. А	♀	175.0	–	–	–	–	96.0	114.0?	139.9	–	–	106.5
7	Кург. 1, мог. 9, ск. Б	♀	170.0	145.0		111.5	–	96.0	117.0	140.8	130.0	121.0	105.7?
8	Кург. 1, мог. 10, ск. 1	♂	184.5	145.0	130.0	114.5	100.0	94.0	120.0	146.8	128.0	116.0	111.7
9	Кург. 1, мог. 10, ск. 2	♀?	178.0	147.0	122.0	113.0	97.0	98.0	118.0?	136.8	131.0	–	104.9
10	Кург. 1, мог. 11, ск. А	♀	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	Кург. 1, мог. 12	♂	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Приложение 2 (продолжение 1)

№ п/п	30	31	25	26	27	28	sub. 29	sub. 30	sub. 31	45	40	48	43	46	60	61
1	–	–	–	131.0	–	–	24.0	–	–	–	–	71.3	114.0	101.0	–	–
2	107.0?	87.0?	353.0	119.0?	122.0?	112.0?	21.8?	25.2?	31.2?	–	–	63.0	105.5	95.4	–	–
3	103.3	–	–	132.0	115.0	–	25.0	22.7	–	139.0	108.0	74.8	109.0	97.0	56.5?	64.0
4	118.3	88.3	378.0	129.0	133.0?	116.0?	25.8	25.2	31.8	139.0	94.0	75.0	112.0	93.0	54.0	56.5
5	110.8	86.7	369.0	133.0	121.0	115.0	24.4	21.0	33.2	–	–	–	104.3	88.0	–	–
6	104.8	–	–	119.0	113.0	–	23.0	19.0	–	–	–	–	–	–	–	–
7	111.8?	–	–	116.0?	129.0?	–	20.0?	27.7	–	138.0	–	67.5?	110.0	98.0	–	–
8	111.0	92.0	364.0	125.0	122.0	117.0	23.5	22.2	32.5	135.0	–	69.0?	108.0	98.0	–	–
9	110.4	88.0	354.0	116.0	125.0	113.0	22.2	25.7	29.4	135.0?	–	70.0?	110.0	97.8	–	59.0
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	57.5	63.0

Приложение 2 (продолжение 2)

№ п/п	55	54	51	51a	52	77	∠zm'	SC	SS	SS:SC	MC	MS	DC	DS	32	72	75(1)
1	50.2	26.0	48.7	44.2	34.0	148.7	140.2	3.5	3.1	88.6	15.0	6.2	21.4	11.8	–	–	37.0
2	47.4	24.5	46.0	40.7	35.0	136.6	129.1	4.9?	2.1	42.9	16.7	6.5	22.5	11.3	–	–	25.0
3	55.0	28.0	45.0	40.0	32.0	131.8	116.0	11.7	5.6	47.9	20.7	8.8	23.5	13.2	77.0	83.0	32.0
4	49.5	22.1	43.4	39.2	34.5	139.8	133.9	9.9	6.1	61.6	20.1	8.1	23.0	13.4	84.0	87.0	31.0
5	47.8	24.8	42.0?	–	37.0?	139.0	140.4	–	–	–	–	–	–	–	81.0	–	–
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	48.0	27.4	47.0	43.0	36.4	144.7	134.2	8.0	4.6	57.5	17.5	7.5	22.0	11.7	75.0	84.0?	28.0
8	52.7	28.0	44.0	39.8	33.0	143.5	127.9	5.3	5.1	96.2	16.0	6.0	21.2	13.5	79.0	–	–
9	50.0	24.0	48.9	44.0	37.0	136.8	133.3	5.2	2.8	53.8	16.6	7.0	21.8	11.7	79.0	–	–
10	–	–	41.0?	–	30.0?	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	–	–	41.4?	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Сокращения (здесь и далее): кург. — курган; мог. — могила; ск. — скелет.

Приложение 3. Индивидуальные измерения нижних челюстей из могильника Уйбат-Чарков

№ п/п	Полевой шифр	Пол	68(1)	79	68	70	71а	65	66	67	69	69(1)	69(3)	РС
1	Кург. 1, мог. 1	♂	–	–	–	–	–	–	–	–	35.4	–	–	–
2	Кург. 1, мог. 2	♀	101.0?	110.0?	82.5?	68.0?	37.2	–	–	50.0	30.5	–	–	62.0?
3	Кург. 1, мог. 3, ск. А	♂	–	–	–	–	–	–	–	–	–	31.0 пр.	15.0 пр.	–
4	Кург. 1, мог. 3, ск. Г (верхний)	♂	105.0	114.5	79.0	70.0	33.6	120.0	109.0	46.8	38.6	35.0?	11.0?	70.0
5	Кург. 1, мог. 4, ск. 1	?	–	115.0?	81.0?	66.0?	33.0	–	95.0?	48.0?	–	–	–	–
6	Кург. 1, мог. 9, ск. А	♀	–	–	–	–	33.0 пр.	–	–	–	30.0	–	–	–
7	Кург. 1, мог. 10, ск. 1	♂	110.0	121.0	82.0	61.0	34.3	125.0	103.4	46.0	38.0	36.0	12.0	70.0
8	Кург. 1, мог. 10, ск. 2	♀?	108.0	120.5	81.0	65.0	35.0	127.0	100.0	47.0	–	32.5	13.0	–
9	Кург. 1, мог. 11, ск. А	♀	–	–	–	–	37.8	–	–	44.0	34.3	31.0	11.4	–
10	Кург. 1, мог. 12	♂	117.5	119.5	86.0	68.5	40.6	125.7	116.4	48.0	39.8	32.5	12.0	66.0

Приложение 4. Индивидуальные измерения костей посткраниального скелета из могильника Уйбат-Чарков

[illegible]

Приложение 4 (продолжение 1)

№ п/п	H8	R1	R2	R4	R5	R3	U1	U2	U11	U12	Ucl	Ucsd	Ucmd	U3	C1	C2a	Cl5
1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	–	–	–	20.5	12.0	41.0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	146.0?	30.0	11.6
5	–	–	–	19.0	12.8	46.0	–	–	13.1	17.5	–	–	48.0	–	–	–	–
6	–	–	–	17.3	12.3	42.0	–	–	13.0	17.5	–	–	48.0	43.0	–	–	–
7	155.0	250.0	233.0	20.2	14.2	48.0	274.0	246.0	16.2	20.5	–	23.5	56.0	40.0	150.0	34.0	14.0
8	–	–	–	–	–	–	–	239.0?	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9	–	217.0	201.0	20.5	12.7	44.0	232.0	205.0	13.1	17.6	19.3	19.4	49.0	41.0	–	–	10.0
10	–	213.0	196.0	20.0	12.8	43.0	230.0	103.0	14.0	16.0	20.2	19.5	47.0	41.0	–	–	–
11	141.0?	–	–	20.5	12.8	44.0	–	–	12.8	20.6	–	–	–	–	–	–	–
12	–	–	–	–	–	–	–	–	12.5	18.0	–	–	–	–	–	–	–
13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
14	137.0	–	–	–	–	–	242.0	217.0	14.0	15.5	17.6	20.8	44.0	40.0?	–	–	–
15	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	155.0	29.0	16.2
16	153.0	250.0	234.0	20.1	14.6	50.0	275?	239.0	15.1	19.5	19.4	22.5	56.0	46.0	–	–	–
17	148.0	234.0	219.0	20.0	11.2	43.0	251.0	223.0	14.0	17.0	18.4	21.5	51.0	38.0	137.0	28.0	11.5
18	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	141.0	–	–	18.4	10.8	–	–	–	13.0	17.8	–	–	44.0	37.0?	142.0	25.0?	12.1
21	144.0	254.0	239.0	17.5	13.3	43.0	270.0	240.0	16.0	16.8	20.4	23.4	49.0	39.0	–	–	–
22	143.0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	143.0	26.0	11.0
23	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
24	–	206.0?	192.0	16.7	11.0	38.0	221.0	196.0	12.1	15.8	14.2	17.0	44.0	34.0	127.0?	26.0	13.0

Приложение 4 (продолжение 2)

№ п/п	Cl4	Cl6	S1	S2	S7	S8	S11	S12	S13	OS1	OS2	OS4	OS5	P1	P12	P15	P17
1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	9.2	34.0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5	–	–	–	–	–	–	45.0	40.0	29.5	–	–	–	–	224.0	–	–	–
6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	12.5	42.0	–	–	–	–	–	–	–	124.0	110.0	113.0	96.5	224.0	160.0	–	–
8	–	–	–	–	–	–	44.0	43.5	32.0?	–	–	–	–	225.0	160.0	–	–
9	12.0	36.0	–	–	–	–	43.5	–	27.5	125.0	115.0	–	–	–	–	–	–
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	153.0	–	–
11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12	–	–	–	–	–	–	43.7	37.5	25.9	–	–	–	–	–	–	–	–
13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
14	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
15	11.8	46.0	–	–	–	–	–	–	–	122.0	112.0	108.0?	103.6?	–	–	–	–
16	–	–	173.0	110.0	141.0	90.0	50.3	41.0?	32.2?	–	–	–	–	237.0	159.0	97.3	92.4
17	11.8	37.0	–	106.0	136.0	88.0	–	–	27.3	114.0	108.0	139.0	126.0	226.0	–	–	–
18	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	225.0	183.0	–	–

№ п/п	Cl4	Cl6	S1	S2	S7	S8	S11	S12	S13	OS1	OS2	OS4	OS5	P1	P12	P15	P17
19	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	11.2	37.0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
22	11.0	37.0	170.0	107.0?	–	84.3	46.8	42.0	38.0	–	–	–	–	–	–	–	–
23	–	–	–	–	–	–	–	–	–	115.0	104.5	–	–	–	–	–	–
24	10.2	36.0	–	–	–	–	41.0	35.5	25.0	–	–	–	–	200.0	153.0	76.5	81.0

Приложение 4 (продолжение 3)

№ п/п	F1	F2	F21	F6	F7	F9	F10	F15	F16	F19	F18	F8	F17	F20	T1	T1a	T3
1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	424.0	427.0	85.0
2	–	–	–	35.0	31.8	–	–	–	–	–	–	106.0	–	–	–	–	–
3	436.0?	432.0	–	30.0	27.2	34.6	27.2	32.0	26.8	–	–	88.0	98.0	–	–	332.0?	–
4	–	–	–	30.8	26.4	33.5	25.1?	32.0	28.0	44.4	45.2	87.0	100.0	144.0	–	–	–
5	465.0	455.0	–	30.5	27.3	34.0	25.3	32.4	28.7	46.4	45.9	90.0	103.0	147.0	372.0	378.0	75.0?
6	459.0	455.0	84.0	30.7	27.4	34.0	26.0	32.4	26.5	44.8	45.0	92.0	102.0	144.0	376.0	382.0	–
7	462.0	459.0	87.0	36.0	29.3	37.5	29.0	34.2	33.0	49.4	50.0	106.0	112.0	159.0	379.0	385.0	76.0
8	457.0	455.0	86.0	36.0	29.3	37.0	31.0	33.0	31.5	47.9	48.9	105.0	108.0	154.0	383.0	390.0	79.0
9	–	–	–	28.0	27.5	31.8	29.4	–	–	–	–	87.0	–	–	–	–	–
10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	328.0	333.0	70.0
11	–	–	–	28.3	26.2	34.0	26.4	32.2	28.0	45.0?	–	87.0	98.0	–	–	–	–
12	–	–	79.0	26.0	27.0	35.0	25.5	–	–	–	–	84.0	–	–	–	–	73.0
13	–	–	80.0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	75.0
14	426.0	422.0	–	30.0	27.0	34.6	27.5	32.0?	26.5?	44.8	45.2?	89.0	93.0?	–	–	–	–
15	474.0	466.0?	–	33.0	31.2	37.2	28.4	34.2	31.0	49.8	50.8	101.0	110.0	10.0	400.0?	407.0	–
16	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
17	448.0	437.0	84.0?	26.8	27.0	35.3	26.5	30.5	30.5	47.2	48.0	87.0	104.0	152.0	355.0?	363.0	78.0
18	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
19	431.0	429.0	–	27.3	27.0	35.0?	24.5?	31.0	27.5	44.6	45.0	82.0	98.0	143.0?	–	–	–
20	434.0	427.0	–	26.6	27.0	33.3	25.0	30.7	27.0	45.0	42.2	84.0	95.0	143.5	343.0?	349.0?	–
21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
22	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
23	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	313.0	318.0	69.0
24	374.0	372.0	74.0	26.0	26.0	30.0	23.7	26.0	25.0	39.6	40.4	80.0	85.0	123.0	310.0?	316.0	–

Приложение 4 (продолжение 4)

№ п/п	T6	T8	T8a	T9	T9a	T7	T10	T10a	Fi1	Fi2	Fi3	Fi4	R1/H1	H1/F2	H1/F1	R1/T1	T1/F2	T1/F1
1	–	37.2	42.1	25.9	29.2	–	100.0	116.0	–	18.0	15.4	55.0	–	–	–	–	–	–
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	–	29.5	36.0	21.8	24.3	–	80.0	99.0	320?	15.3	9.4	43.0	–	–	–	–	–	–
4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	16.1	9.6	43.0	–	–	–	–	–	–
5	–	31.0	35.9	23.8	26.5	–	87.0	100.0	375.0	16.3	12.3	48.0	–	72.3	70.8	–	81.8	80.0
6	–	31.5	37.2	23.0	27.3	–	87.0	102.0	–	–	–	–	–	–	–	–	82.6	81.9
7	56.0	33.0	40.0	23.0	28.6	41.0	93.0	109.0	380.0	16.0	12.5	48.0	77.4	70.4	69.9	66.0	82.6	82.0
8	52.0	31.5	38.5?	24.5	28.3?	40.0	–	–	–	–	–	–	–	71.2	70.9	–	84.2	83.8
9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	72.33	–	–	–	–	–

№ п/п	T6	T8	T8a	T9	T9a	T7	T10	T10a	Fi1	Fi2	Fi3	Fi4	R1/H1	H1/F2	H1/F1	R1/T1	T1/F2	T1/F1
10	52.0	26.5	35.0	19.5	24.0	39.0	75.0	96.0	310.0	17.5	11.0	49.0	—	—	—	64.9	—	—
11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	73.53	—	—	—	—	—
12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	—	26.1	30.8	21.2	25.0	—	71.0	91.0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71.3	70.7	—	—	—
15	54.0	35.7	38.5	26.8	29.2	42.0	99.0	110.0	—	—	—	—	—	—	—	—	85.8	84.4
16	—	—	—	—	—	—	—	—	391.0	16.3	12.7	48.0	73.8	—	—	—	—	—
17	51.0	28.8	35.5	23.3	26.5	39.0	85.0	100.0	345.0	16.0	14.0	53.0	74.0	72.3	70.5	65.9	81.2	79.2
18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	—	27.5	30.2	21.5	24.0	—	78.0	88.0	—	—	—	—	—	71.0	69.8	—	80.3	79.0
21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	77.4	—	—	—	—	—
22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	—	25.3	28.8	21.0	23.0	35.0	72.0	80.0	306.0	14.9	11.6	43.0	—	—	—	—	—	—
24	—	24.5	28.0	19.5	21.3	—	—	—	307.0	13.2	10.2	40.0	—	—	—	66.4	83.3	82.9

Anthropological materials from the Okunevo culture Uybat-Charkov burial ground

Andrey V. Gromov⁴, Natalia I. Lazaretova⁵

The authors studied skulls and postcranial skeletons from barrow 1 of the Uybat-Charkov burial ground in the Ust-Abakansky district of the Republic of Khakassia. The burials of the barrow belong to the earliest Uybat chronological horizon of the Okunevo culture. The age of adult individuals was determined both with the help of methods traditional for Russian palaeoanthropology and with the help of the Transition analysis 3 program. It is concluded that there are good prospects for the application of the Transition analysis 3 program in palaeoanthropology. Male craniological series from Uybat-Charkov were compared with 105 Neolithic — Bronze Age series from Eastern Europe and Siberia using Mahalanobis D^2 squared distance calculation. It was found that according to the facial skeleton features it appears to be a European group, but differs from most populations of the 'Yamnaya-Catacomb' circle and the Afanasyevo culture population by the greater width of the cerebral part of the skull. The Europoid character of the facial skeleton structure of the series of skulls from Uybat-Charkov is well correlated with the results of the study of cranioscopic features, according to which the early Okunevo culture population differ from the later ones in the frequency of the suborbital pattern of type II.

Keywords: *Khakassia, Okunevo culture, craniometry, Mahalanobis distance*

⁴ Andrey V. Gromov — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS, 3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3263-3801.

⁵ Natalia I. Lazaretova — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4055-9656.

Материалы к антропологии окуневской культуры: краниологические находки из погребений уйбатского и разливского этапов¹

К.Н. Солодовников²

Исследуются палеоантропологические материалы окуневской культуры раннего бронзового века Южной Сибири в свете дискуссии происхождения культуры. Формируется корпус краниологических источников, часть из которых оставалась вне рассмотрения исследователями, вводятся в оборот новые материалы преимущественно из погребений раннего этапа окуневской культуры. Намечены перспективные вопросы исследования ее происхождения на основе анализа палеоантропологических источников. На примере краниологических материалов из могильника раннего бронзового века Аймырлыг XIII и XXVII в Туве продемонстрирована антропологическая неоднородность населения культур окуневского круга или окуневско-чумовской общности Южной Сибири и Центральной Азии по отношению к пришлому европеоидному и местному азиатскому антропологическому компонентам. Констатируется необходимость изучения антропологических особенностей носителей окуневской культуры на основе ее разработанной хронологии и периодизации, а также исследования происхождения окуневской культуры с учетом антропологических материалов не только свиты родственных культурных образований раннего бронзового века юга Сибири и Центральной Азии, но и отдаленных западных регионов Евразии. С привлечением новейших палеогенетических данных оспаривается гипотеза о енисейской лингвистической принадлежности носителей окуневской культуры.

Ключевые слова: Средний Енисей, эпоха бронзы, окуневская культура, палеоантропология, краниометрия

Введение

Окуневская культура раннего бронзового века Хакасско-Минусинской котловины представляет яркое и самобытное явление по отношению к хронологическому пласту второй половины III — начала II тыс. до н.э. в Северной Евразии. Однако ее культурные параллели не ограничиваются степными регионами континента. Исследователи неоднократно отмечали в искусстве, опосредующем мифо-религиозные представления скотоводов — носителей окуневской культуры, влияние далеких цивилизаций Древнего Востока, регионов Южной и Восточной Азии и даже Северной Америки (см.: Савинов, 1997). Существенная роль в выделении самой окуневской культуры принадлежит физическим антропологам, отме-

чавшим неоднородность населения культур предшествующего и последующего этапов бронзового века Хакасско-Минусинской котловины, в которые были включены окуневские материалы до выделения в самостоятельную культуру (Герасимов, 1955. С. 534–539, рис. 222; Алексеев, 1961а; 1961б). Это способствовало выявлению археологами связи между инвентарем и особенностями погребального обряда, с одной стороны, и физическим типом погребенных, с другой, что позволило отделить комплексы окуневской культуры от афанасьевской и андроновской культур (Максименков, 1965; Иванова, 1966). Не случайно именно физический антрополог, являвшийся прежде всего известным специалистом по эпохе бронзы, вновь привлек внимание к проблеме окуневско-древнеегипетских связей в искусстве (Шевченко, 2004).

К настоящему времени на основе современных радиоуглеродных дат и стратиграфии курганов разработана хронология и периодизация окуневской культуры, в составе которой выделяется три этапа (Поляков, 2022) и/или пять хронологических горизонтов (Лазаретов, 2019б). Продолжающаяся дискуссия

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

² Константин Николаевич Солодовников — Тюменский научный центр СО РАН; ул. Малыгина, д. 86, Тюмень, 625026, Российская Федерация; e-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219.

о происхождении населения окуневской культуры (см.: Козинцев, 2020; 2022; Поляков, 2022. С. 130–138; и др.) базируется во многом на внешнем противоречии между определяемым на археологических материалах и лежащим в основе ее формирования восточноевропейском культурном импульсе, что проявляется в погребальной обрядности, искусстве, хозяйственном типе, а также в инвентаре, и данными антропологии, с самого начала устанавливающих принадлежность окуневцев к автохтонному пласу населения Южной Сибири.

Коллекция антропологических материалов из окуневских погребений к настоящему времени является одной из наиболее представительных в количественном отношении и сравнима по численности с антропологическими материалами периода поздней бронзы, главенствующего по числу раскопанных комплексов бронзового века Хакасско-Минусинской котловины (Поляков, 2022). Помимо изучения краниологических серий окуневской культуры исследованы одонтологические (Постникова, 1974; Зубов, 1980; и др.) и остеологические (Дебец, 1980; Медникова, 1995; Громов, Лазаретова, 2020; и др.) материалы. Краниологические материалы также изучаются по дискретно-варьирующей программе (Козинцев и др., 1995; Громов, 1997а; Громов и др., 2022; и др.). С помощью различных методов фиксации и анализа исследуется феномен преднамеренной прижизненной деформации на черепах людей из погребений окуневской культуры (Беневоленская, Громов, 1997; Галеев, 2010; Громов, Казарницкий, 2022; Пугачева и др., 2022; Kazarnitsky et al., 2023; и др.), а с помощью активно развивающихся методов палеогенетики проводятся молекулярно-генетические исследования окуневских групп (Allentoft et al., 2015; Hollard et al., 2018; Damgaard et al., 2018).

Краниологические источники из погребений окуневской культуры впервые исследовались Г.Ф. Дебецем (Дебец, 1932) и В.П. Алексеевым (Алексеев, 1961а; 1961б) до ее выделения в составе афанасьевских и андроновских серий, а затем с добавлением материалов — Г.В. Рыкушиной (Рыкушина, 1976), Г.Ф. Дебецем (Дебец, 1980), И.В. Перевозчиковым (Перевозчиков, 1993) и А.В. Громовым (Громов, 1997б). Основная часть индивидуальных измерений опубликована в последней работе А.В. Громова (Там же. С. 321–345). На момент ее выхода оставалась неучтенной небольшая часть антропологических материалов из погребений, на окуневскую культурную принадлежность которых ранее указывалось в литературе (Дремов, 1980.

Прим. 7) — женский череп из кургана 6, могилы 3 могильника Красный Яр-I, женский из могилы 6 («с серпом», раскопки 1951 г.) (Алексеев, 1961б. Табл. 14, рис. 8) и мужской (раскопки 1954 г.) (Там же. № 9 в табл. 14) черепа из могильника Бельтыры. Последний, по всей вероятности, происходит из погребения в могиле 11 (ср.: Алексеев, 1961б. Рис. 5; Липский, 1963. Табл. 12, 3). По новым появившимся данным погребение датируется 2872–2584 calBCE (4135±25 BP, PSUAMS-9546), а индивид характеризуется типичным окуневым генетическим профилем (I20089) (Lazaridis et al., 2023, Online Table 1).

Кроме этого, женский скелет из ранее причислявшегося к неолитическому периоду на Среднем Енисее (Вадецкая, 1986) погребения в Батенях, особенности строения черепа из которого рассматривались в связи с вопросами расогенеза древнейшего населения Алтае-Саянского нагорья (Дебец, 1948. С. 68–69; Алексеев, 1961б; и др.), судя по полученной радиоуглеродной дате, происходит из погребения окуневской культуры (Поляков, Святко, 2009. С. 23–24). Принадлежности к ней соответствует и сопутствующий археологический материал, а полученный возраст оказался синхронен раннему уйбатскому этапу окуневской культуры (Поляков, Святко, 2009. С. 23 сл.; Поляков, 2020а. С. 4).

Принимая во внимание многочисленные случаи впускных окуневских погребений в афанасьевские курганы на Среднем Енисее, по уточненным археологическим данным (Вадецкая и др., 2014. С. 122; Лазаретов, 2019б; и др.), к числу окуневских, по-видимому, относятся некоторые краниологические материалы (Дебец, 1932. Прил. 1) из ранних раскопок эпонимного могильника Афанасьева Гора (Батени) (Теплоухов, 1927. С. 62–77; Грязнов, 1999). По мнению В.П. Лазаретова (Лазаретов, 2019б. С. 36, 41), курганы и впускные погребения 5, 6, 8 этого могильника возможно отнести к комплексам уйбатского хронологического горизонта окуневской культуры. Так, единичные измерения женского черепа из могилы 5 (Дебец, 1932. Прил. 1) с довольно малым для афанасьевских групп значением продольного диаметра (177 мм), пентагоноидной его формой со среднеразвитым надбровьем (2 балла) и широким лбом (96 мм), судя по фото и чертежам (Теплоухов, 1927. Рис. 4; Грязнов, 1999. Рис. 4, 4), по сохранности больше соответствуют нижнему погребению (скелет 1) на боку в сильно скорченном положении, чем верхнему (скелет 2) из этой ярусной раннеокуневской могилы.

Опубликованные измерения трех мужских черепов разной, в основном неполной сохранности из могилы 8 могильника Афанасьева Гора (Дебец, 1932) также можно рассматривать в этой связи, поскольку их скелеты были расположены на одном уровне с захоронением женщины с окуневским инвентарем (Теплоухов, 1927. С. 67) и высказано предположение, что женщина была перезахоронена совместно с мужчинами (Вадецкая и др., 2014. С. 122). Действительно, один из мужских черепов (могила 6с у Г.Ф. Дебца) при продольном диаметре 192 и поперечном 154 мм — брахикранный по черепному указателю (80,2). После отделения окуневских краниологических материалов, как выясняется, эти признаки совершенно не встречаются на афанасьевских черепах из могильников Среднего Енисея, но являются ярким, практически диагностическим показателем окуневского населения по сравнению с афанасьевским на этой территории (см.: Иванова, 1966; и др.). Также у данного краниума с овоидной формой в вертикальной норме и развитием надбровья на 4 балла из измерительных и описательных признаков фиксируется большая высота от базиса (138 мм), очень широкий лоб (110 мм) и форма нижней части грушевидного отверстия в виде предносовых ямок. Последнее нехарактерно для древних европеоидных, в частности афанасьевских популяций. Эти характеристики в целом сходны с морфологическими особенностями имеющегося в хранении Кабинета антропологии Томского госуниверситета другого краниума из этой могилы (могила 6а у Г.Ф. Дебца), описание которого будет приведено ниже. Однако третий череп из этой могилы (6в), по опубликованным данным (Дебец, 1932. Прил. 1), заметно отличается от средних параметров окуневской серии (Громов, 1997б; и др.) — при продольном диаметре 196 и поперечном 142 мм он резко долихокранный (поперечно-продольный указатель 72,4)³. Также фиксируется пентагоноидная форма в вертикальной норме, среднеширокий лоб (96 мм) и слабо развитое для мужских черепов из погребений древних эпох Хакасско-Минусинской котловины (Солодовников, 2021) надбровье (2 балла).

3 Чуть ли не единственным примером такого рода среди окуневских материалов (более 140 наблюдений у взрослых индивидов) может служить мужской гипердолихокранный и европеоидный по строению лицевого отдела мужской краниум из раннеокуневского кургана 1, могилы 1 могильника Уйбат V (Громов, 1997б). Это, также, один из двух среди окуневских образцов палео-ДНК (RISE675), у которого обнаружена западноевразийская Y-хромосомная гаплогруппа R1b1a2a2-Z2015 (Damgaard et al., 2018).

При широком грушевидном отверстии (28 мм) отмечены атропинная форма его нижнего края и сильно выступающая передненосовая ость (4 балла), что оставляет место для размышлений о вероятном европеоидном облике. Череп из могилы 8 могильника Афанасьева Гора с предполагаемой окуневской культурной принадлежностью также резко долихокранный (продольный диаметр — 202, поперечный — 143, указатель — 70,8) эллипсоидной формы, с широким лбом (102 мм) и развитым надбровьем (4 балла).

Новые краниологические материалы окуневской культуры

Небольшие дополнительные краниологические материалы окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины исследованы в последние годы по современной общеупотребительной программе (Алексеев, Дебец, 1964) в различных научных учреждениях нескольких городов Сибири. Новые материалы примечательны тем, что происходят из погребений наиболее раннего и наиболее позднего этапов. Приводим их описание с учетом периодизации окуневской культуры (см.: Лазаретов, 2019б; Поляков, 2022; и др.).

Камышта II. Материалы впускного в афанасьевский курган окуневского кургана 1 (Киргинцев, 2022) относятся к наиболее раннему уйбатскому хронологическому горизонту (Лазаретов, 2019б. С. 39). В части краниологических материалов из центральной, впускной в погребение афанасьевского времени раннеокуневской могилы 1 происходят фрагменты нижних челюстей трех взрослых индивидов: 1) мужчины 35–45 лет; 2) мужчины 18–20 лет; 3) женщины 50–60 лет. Не исключено, что какая-то из челюстей относится к скелету из нарушенного основного афанасьевского погребения (Киргинцев, 2022). Судя по имеющимся измерениям, все нижние челюсти очень длинные, с вертикально поставленными широкими ветвями, массивным телом, широким и высоким подбородком (Приложение 1). На фрагментах теменных и затылочной костей, вероятно, от скелета старшего мужчины можно предполагать затылочно-теменную уплощенность (рис. 1, а), характерную для населения окуневской культуры (Беневоленская, Громов, 1997; и др.). Развитие наружного затылочного бугра значительное (балл 3?), хордовый (№ 30 по Мартину — 124 мм) и дуговой (№ 27 — 143 мм) сагиттальный размеры затылочной кости очень большие.

Краниометрически целый череп молодого мужчины из кургана 1, могилы 4 могильника Камышта II

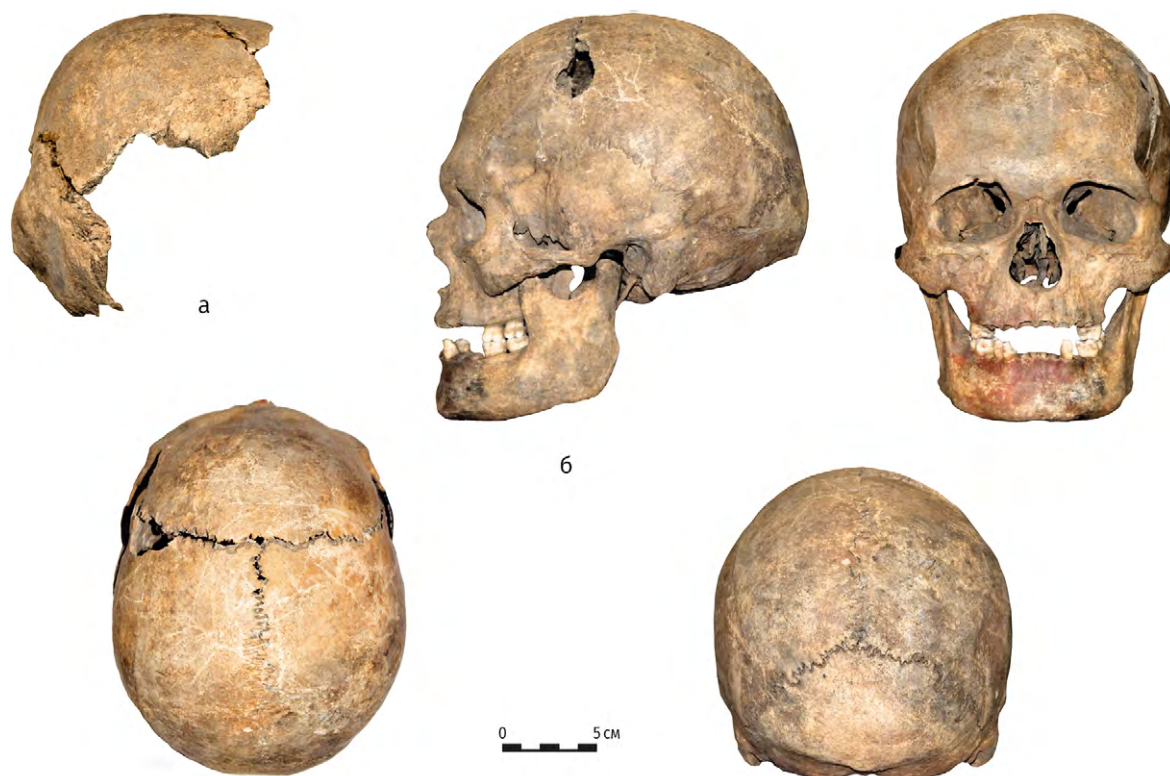

Рис. 1. Краниологические материалы из кургана 1 могильника Камышта II: а — фрагменты черепа мужчины 35–45 лет из могилы 1; б — череп мужчины 20–25 лет из могилы 4 (здесь и далее — фото автора)

Fig. 1. Craniological materials from barrow 1 of the Kamyshta II burial ground: а — fragments of the cranium of a 35–45-year-old man from grave 1; б — the cranium of a 20–25-year-old man from grave 4 (here and further — photo of the author)

морфологически довольно своеобразен (рис. 1, б). Он очень массивный, с затылочно-теменной деформацией, сильно развитыми элементами наружного рельефа. Череп характеризуется (Приложение 2) очень крупными обхватными размерами и горизонтальными диаметрами мезокранной мозговой коробки, эллипсоидной в вертикальной норме и сводчатой в окципитальной. Высота черепа от базиса большая, и очень большая от порионов, по отношению к основным горизонтальным диаметрам средняя, основание — средней длины и очень широкое. Лоб широкий, средненаклонный при измерении от назиона и наклонный от глабеллы, слабовыпуклый в сагитальной и горизонтальных плоскостях. Затылок очень широкий, выпуклый и резко преломленный, очень короткий по отношению к теменному отрезку лобной дуги, что в целом является европеоидной особенностью (Беневоленская, 1980; и др.). Лицевой отдел умеренно ортогнатный по общему лицевому углу, мезогнатный в альвеолярной части и прогнатный по указателю выступления, горизонтальная профилиров-

ка — умеренная на верхнем уровне и резкая на нижнем. Лицо очень широкое и одновременно низкое, резко зурипрозопное, со слабоуглубленными клыковыми ямками и, в то же время, слабоизогнутыми скуловыми костями. Альвеолярная дуга крупная абсолютно и относительно очень широкая. Орбиты очень широкие и столь же низкие, крайне хамаконхные. Носовой отдел с атропинным нижним краем грушевидного отверстия, средневыступающей передненосовой остью, среднеширокий, абсолютно и по указателю очень низкий. Выступление носовых костей к линии общего лицевого профиля очень сильное. Размеры переносья и носовых костей в месте наибольшего сужения средние, одновременно симметрический указатель большой, а дакриальный — малой категории размеров. Нижняя челюсть средней длины, очень широкая от мышечков и очень длинная и среднеширокая от углов. Ветви ее очень высокие и крайне широкие, столь же крайне вертикально поставленные, подбородок широкий и высокий средневыступающий, тело массивное (Приложение 2).

В целом при определенном морфологическом своеобразии и нарушении корреляции некоторых признаков в его морфологическом строении череп из кургана 1, могилы 4 могильника Камышта II можно охарактеризовать как европеоидный с небольшой монголоидной примесью. В соответствии с предложенным Г.Ф. Дебецем (Дебец, 1968) методом расчета условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) на основе преаурикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ = 92,1 на данном черепе) и индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС = 25,5)⁴ вычисленная УДМЭ по индивидуальным значениям равна 13,8 %.

Моисеиха. Из кургана 5, могилы 1 могильника Моисеиха у с. Потрошилово (Ковалева и др., 2010) уйбатского хронологического горизонта (Лазаретов, 2019б. С. 36, 41) происходит целый краниум без нижней челюсти индивида раннего возмужалого возраста, вероятно, мужского пола. Череп также довольно своеобразен на морфологическом фоне опубликованных данных окуневской культуры и довольно контрастен к вышеописанному (Приложение 2). Его ха-

рактеризует очень короткая и среднеширокая гипербрахикранная сфеноидная мозговая коробка очень малых обхватных размеров, где можно предполагать наличие затылочно-теменной деформации (рис. 2), слабо выраженный для мужского пола лобный и затылочный рельеф вместе с длинными, но не массивными сосцевидными отростками. Высота черепа малая от базиса и особенно от порионов, по указателям он гипси- и тапейнокранный, основание широкое и средней длины. Лоб очень узкий, особенно на уровне фронто-темпоральных точек, очень наклонный и резко покатый, уплощенный в горизонтальном плане. Затылок среднеширокий слабоизогнутый и слабо выступающий, соотношение затылочного и теменного отрезков очень короткой сагиттальной дуги ближе к монголоидным параметрам, затылочное отверстие больших размеров. Лицо среднеширокое на границе с большими значениями скулового диаметра, абсолютно и относительно низкое, мезогнатное по углам и указателю выступания, со значительной горизонтальной уплощенностью

Рис. 2. Череп мужчины (?) 20–25 лет из кургана 5, могилы 1 могильника Моисеиха

Fig. 2. The cranium of a 20–25-year-old man (?) from barrow 5, grave 1 of the Moiseikha burial ground

⁴ По данным Г.Ф. Дебеца (Дебец, 1968), для УЛС пограничные значения «чистых» европеоидов — 20, монголоидов — 80.

на уровне назиона и резко профилированное на уровне субспинале, со среднеуглубленными клыковыми ямками и средневыступающими скуловыми костями. Альвеолярная дуга и нёбо средних размеров, относительно широкие, орбиты узкие и средневысокие мезоконхные. Носовой отдел с атропинным нижним краем и средневыступающей остью, средневысокий и очень узкий по измерению и по носовому указателю. По отношению к общему лицевому профилю нос средневыступающий на границе с большими значениями угла выступания. Переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения — узкие и средневысокие, дакриальный и симотический указатели очень большие. Показатели УЛС (48,1) и ПФЦ (92,1) характеризуют череп по индивидуальным параметрам как смешанный европеоидно-монголоидный (УДМЭ = 39,3 %).

Афанасьева Гора (Батени). Череп мужчины зрелого возраста из могилы 6а (Теплоухов, 1927; Грязнов, 1999), по-видимому, относится к окуневской культуре (Вадецкая и др., 2014. С. 122) — уйбатскому хронологическому горизонту (Лазаретов, 2019б. С. 41). Его измерения публиковались ранее в числе материалов афанасьевской культуры (Дебец, 1932. Прил. 1; Солодовников, 2003. Табл. 2), здесь приводятся уточненные данные (Приложение 2). Сохранилась мозговая коробка с одним скуловым отростком височной кости, лицевой отдел утерян в процессе длительного хранения. С учетом измерений Г.Ф. Дебеца (Дебец, 1932) морфологическая характеристика следующая. Череп массивный, с резко выраженными элементами наружного рельефа, не исключена легкая затылочно-теменная деформация (рис. 3). В целом он производит впечатление некоторой архаичности строения, сход-

ное с тем, что возникало у исследователей еще в начале накопления окуневских антропологических материалов при описании, например, краниума из могилы 2 могильника Аскиз (Липский, 1952. С. 73–77; Герасимов, 1955. С. 537–538). Череп из могилы 6а Афанасьевой Горы характеризуется очень большими основными диаметрами и дугowymi размерами массивной мезокранной мозговой капсулы овоидной формы, фиксируется очень сильное развитие элементов рельефа. Высота от порионов относительно меньше, чем от базииона, а относительно очень больших основных горизонтальных диаметров высота черепа малая. Длина и ширина основания очень большие, лоб крайне широкий и на уровне наибольшего сближения лобных линий и на коронарном шве, сильно профилирован в горизонтальной плоскости, очень наклонный (по данным Г.Ф. Дебеца) и очень покатый в сагиттальной плоскости. Затылок очень широкий, выступающий и среднеизогнутый. Измеренная по зеркально реставрированному по другой стороне скуловому отростку височной кости ширина лица очень большая, верхняя и биорбитальная ширина лица — крайне большие. Горизонтальная профилировка лица на верхнем уровне резкая. По измерениям Г.Ф. Дебеца, верхняя высота ортогнатного по общему углу выступания лица средняя, по верхнему лицевому указателю лицо эурипрозопное. По его же данным орбиты при измерении от дакриона крайне широкие, низкие и резко хамеконхные. Носовой отдел средневысокий и широкий хамеринный, с нижним краем в виде предносовых ямок и слабовыступающей передненосовой остью. На фоне афанасьевских материалов, в числе которых опубликованы метрические и описательные характеристики этого черепа

Рис. 3. Череп мужчины 40–50 лет из могилы 6а могильника Афанасьева Гора

Fig. 3. The cranium of a 40–50-year-old man from grave 6a of the Afanasieva Gora burial ground

(Дебец, 1932. Прил. 1), привлекает внимание очень малый (17°) угол выступания носа к общему лицевому профилю, что уже само по себе может характеризовать его как неевропеоидный. Отметим, что с существенным накоплением краниологических материалов окуневской культуры Хакаско-Минусинской котловины и афанасьевской Южной Сибири и Центральной Азии даже сколь-нибудь близкие значения неизвестны на афанасьевских черепах, но встречаются на окуневских. Примером такого рода является следующая краниологическая находка.

Саргов. В рамках проекта по исследованию генетического единства афанасьевских популяций Южной Сибири и ямных степей Восточной Европы на основе краниологических источников (Хохлов и др., 2016) были изучены материалы из могильника Саргов. В их числе череп мужчины 25–30 лет из коллективной афанасьевской могилы 3⁵. Однако его морфологические особенности демонстрируют явные отличия от всех известных афанасьевских краниологических материалов и сходство с окуневскими (Приложение 2). Достаточно упомянуть, что на черепе отчетливо фиксируется характерная для окуневского населения искусственная затылочно-теменная деформация, что даже нашло отражение на чертеже могилы (Грязнов, 1999. Рис. 17, 7; Вадецкая и др., 2014. Рис. 134, 2). Принадлежность исследованного черепа к данному скелету в положении скорченно на правом боку вызывает мало сомнений (рис. 4).

Исследователями отмечается, что «визитной карточкой» окуневской культуры является положение тела на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. В то же время чуть более чем в 3 % погребений встречается положение на боку, в большинстве этих редких случаев погребенные были уложены на правый бок (Поляков, 2020б. С. 104; 2022. С. 154). Большая часть из них связана с катакомбной конструкцией погребения и зафиксирована исключительно в наиболее древних курганах. Учитывая, что оба эти явления относятся к уйбатскому этапу культуры, можно рассматривать их как определенные хронологические маркеры (Лазаретов, 2019б. С. 24; Поляков, 2020б. С. 104; 2022. С. 154; и др.). Отмечается, что в окуневских комплексах всего уйбатского и большей части тасхазинского хронологических

горизонтов женщины, когда это удастся определить, захоронены на боку. До последнего времени это положение тела было устойчиво связано с захоронениями женщин, однако при раскопках могильника Итколь II были обнаружены два захоронения мужчин на правом боку, находящихся в катакомбах (Там же). Учитывая, что все мужчины в погребениях тасхазинского хронологического горизонта уже погребены на спине с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами (Лазаретов, 2019б. С. 41), впускное, по-видимому, погребение мужчины на правом боку головой на ЮЮВ в могиле 3 могильника Саргов исходя из его предполагаемой окуневской принадлежности следует относить к уйбатскому хронологическому горизонту⁶. Этому не противоречит и морфологический облик черепа и вариант преднамеренной затылочно-теменной деформации, характерный для раннего этапа окуневской культуры (тип Б) (Громов, Казарницкий, 2022; Пугачева и др., 2022; и др.).

Исследованный краниум массивный, с развитым рельефом (за исключением небольших сосцевидных отростков), сфеноидной формы (Приложение 2). Горизонтальная окружность, продольный диаметр и длина основания средних категорий размеров, ширина и основание черепа большие, что дает умеренно брахикранные значения поперечно-продольного указателя. Высота черепа малая при измерении от базиса и от порионов. Наименьшая ширина уплощенного в горизонтальной плоскости лба малой категории размеров, наибольшая — напротив, большая. Углы вертикального профиля лба характеризуют его как очень наклонный, а указатель выпуклости лба в сагиттальной плоскости — как покатый. Затылок широкий, средневыступающий, резко изогнутый, соотношение затылочного и теменного отрезков сагиттальной дуги соответствует таковому в монголоидных или смешанных группах. Лицевой отдел ортогнатный по общему лицевому углу и мезогнатный по указателю выступания и в альвеолярной части, со слабоуглубленной клыковой ямкой и средней го-

⁵ В соответствии с данными хранения принадлежал скелету 3, на плане обозначен цифрой 1. Однако в описании могилы, судя по половозрастным определениям, вероятно путаница в нумерации скелетов (Грязнов, 1999. С. 24–25, рис. 17, 7).

⁶ По дереву, по-видимому, из основного афанасьевского захоронения этой могилы получена калиброванная радиоуглеродная дата, соответствующая времени существования афанасьевской культуры (Поляков, Святко, 2009. Прил. I). Эта ситуация сходна, например, с впускным в афанасьевскую могилу окуневским погребением 1 кургана 1 могильника Камышта II, где по угольку, вероятно сохранившемуся в заполнении со времени возведения первоначальной афанасьевской могилы, получена ранняя радиоуглеродная дата, также соответствующая афанасьевскому времени (Киргинеков, 2022. С. 144).

Рис. 4. Череп мужчины 25–30 лет из могилы 3, скелет 3 могильника Саргов

Fig. 4. The cranium of a 25–30-year-old man from grave 3, skeleton 3 of the Sargov burial ground

ризонтической профилировкой (на границе с малыми значениями на нижнем уровне). По абсолютным размерам лицо высокое и очень широкое на всех уровнях, верхний лицевой указатель средний. Альвеолярная дуга и нёбо широкие абсолютно и по указателям. Орбиты очень широкие и низкие, резко хаме-конхные. Носовой отдел средних размеров и пропорций, его нижний край в форме предносовых ямок, передносовая ость среднеразвита. Переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения низкие абсолютно и по дакриальному и симотическому указателям, выступание носа к линии общего лицевого профиля слабое. Показатели УЛС (67,6) и ПФЦ (97,8) указывают на преобладание монголоидных особенностей в строении данного черепа (УДМЭ = 90,9 %).

Узунчул-33. Из могилы окуневского (по имеющимся сведениям — см.: *Вадецкая и др.*, 2014. С. 264) кургана 3 могильника Узунчул-33 происходят фрагменты нижней и верхней челюстей женщины около 20 лет⁷ и фрагментированный череп мужчины (?) позднего зрелого возраста. Принадлежность к конкретному этапу окуневской культуры неясна, археологические материалы не опубликованы (Там же).

Реставрированная мозговая коробка мужчины (?) посмертно деформирована, поэтому цифровые значения некоторых взятых размеров предположительны (Приложение 2). Краниум очень короткий и широкий, гипербрахикранный, крайне низкий от порононов, некрупный по обхватным размерам со слабо развитым для мужчин из погребений древнейших

эпох наружным рельефом. Ширина основания черепа очень большая, лоб на уровне коронарного шва также широкий, однако наименьшая ширина лба малая, как по абсолютным значениям, так и по широтным указателям. Визуально лоб прямой, очень выпуклый по указателю в сагиттальной плоскости и уплощенный в горизонтальной. Затылок очень широкий и изогнутый. Лицевой отдел широкий и уплощенный на верхнем уровне, по-видимому, высокий, что подчеркивается большой высотой симфиза верхней челюсти. Носовой отдел среднеширокий и визуально довольно высокий, со слабо выступающей носовой остью и нижним краем грушевидного отверстия в форме предносовых ямок. В целом, данный фрагментарный череп, во многом по визуальной оценке, производит впечатление монголоидного. При отсутствии публикации археологических материалов и с учетом разной внешней сохранности краниологических останков двух индивидов из этого погребения, все же нельзя исключать, что он происходит из впускного в курган бронзового века погребения позднейшей эпохи, например Средневековья.

Уйбат V. Для исследования были доступны черепа частично в обломках от скелетов двух неполовозрелых субъектов из погребений кургана 1 могильника Уйбат V (*Лазаретов*, 1997), которые удалось отреставрировать и измерить по полной краниометрической программе (Приложение 2). Большинство окуневских погребений этого кургана относится к тасхазинскому хронологическому горизонту (*Лазаретов*, 2019б. С. 41) раннего уйбатского этапа окуневской культуры (*Поляков*, 2017; 2022; *Поляков и др.*, 2018; *Поляков, Лазаретов*, 2019; и др.).

Череп из кургана 1, могилы 2а принадлежал подростку 13–14 лет. На мозговой коробке фиксируется

⁷ Из измерительных признаков женского черепа имеются лишь наименьшая ширина ветви (71а — 34,4), высота (69(1) — 31,2) и толщина тела (69(3) — 12,5) нижней челюсти больших категорий размеров.

характерная для населения окуневской культуры преднамеренная затылочно-теменная деформация (рис. 5). Краниум ребенка в возрасте 9–11 лет с надписью на этикетке «Уйбат V, к. 1, м. 7, череп ребенка, дно» также с характерной окуневской деформацией (рис. 6). Имеются разночтения в определении его возраста, указанного как младенец до полутора (Лазаретов, 1997. С. 4). Не исключено, что краниум в действительности происходит из погребения в катакомбе могилы 6 данного кургана, входная шахта которой сливается с ямой могилы 7 (Там же). В любом случае принадлежность данного черепа к погребению в окуневском кургане 1 могильника Уйбат V сомнений не вызывает.

Как отмечается специалистами, привлечение детских скелетов для морфологических описаний в палеоантропологии крайне редко и нетрадиционно. Между тем детские черепа являются вполне опре-

деленными носителями конкретных расовых черт, иногда даже в пределах расовых комплексов второго порядка (см.: Хохлов, 2010; Худавердян и др., 2017; и др.). Поэтому при анализе краниологических признаков использована методика реконструкции «взрослых» размеров детских и юношеских черепов путем пересчета размеров на те, которые они должны были приобрести по окончании роста (Алексеев, 1978; Яблонский, 1977; и др.). Краниометрические параметры неполовозрелых субъектов из погребений кургана 1 могильника Уйбат V (Приложение 2) трансформированы в условно «взрослые» величины на основе использования данных Н.С. Сысак и Н.Д. Довгялло. Для подростка из могилы 2а суммированы показатели 12–14 лет (Сысак, 1960. С. 37–39), и 12–14-го года у Н.Д. Довгялло (1937. Табл. 3), а для ребенка из могилы 7 (?), соответственно, 9–10 лет (Сысак, 1960) и 10–11-го года жизни (Довгялло, 1937).

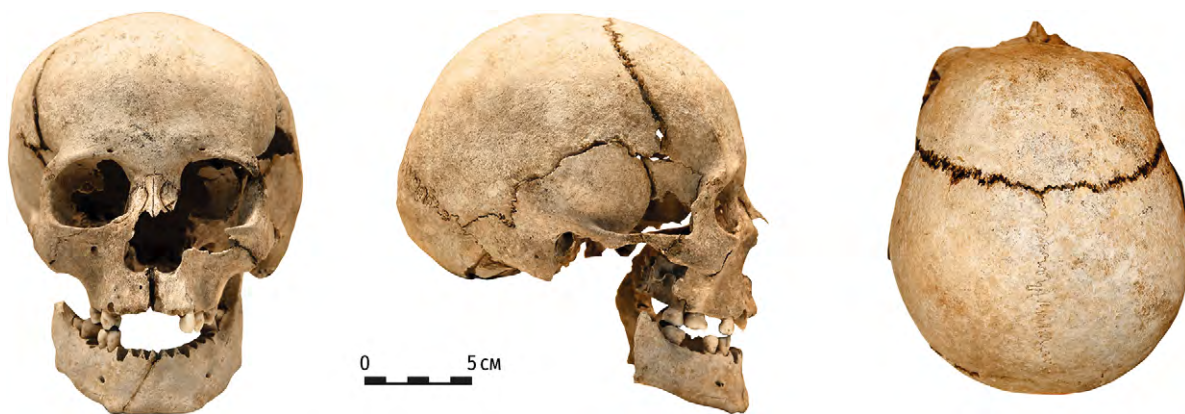

Рис. 5. Череп подростка 13–14 лет из кургана 1, могилы 2а могильника Уйбат V

Fig. 5. The cranium of a 13–14-year-old child from barrow 1, grave 2a of the Uybat V burial ground

Рис. 6. Череп ребенка 9–11 лет из кургана 1, могилы 7(?) могильника Уйбат V

Fig. 6. The cranium of a 9–11-year-old child from barrow 1, grave 7(?) of the Uybat V burial ground

Согласно полученным «взрослым» характеристикам (Приложение 3), череп подростка из могилы 2а характеризуется умеренно крупной мозговой коробкой — очень широкой и выраженно брахикранной независимо от возможной половой принадлежности, низкой относительно основных горизонтальных диаметров по измерениям от порионов. Лоб очень наклонный и очень узкий абсолютно и по отношению к ширине черепа и лица. Лицевой отдел мезогнатный, небольших размеров для мужских категорий размеров и крупный — для женских, со средней горизонтальной профилировкой на зиго-максиллярном уровне и слабой на назо-малярном. Орбиты средневысокие, относительно низкие, носовой отдел средних пропорций. Носовые кости, судя по значениям симотической высоты и указателя, сильно профилированные и очень сильно выступающие к общему лицевому профилю.

Череп ребенка из могилы 7 (?) по «восстановленным» взрослым размерам (Приложение 3) очень крупный, высокий и крайнее широкий, по указателям гипербрахикранный, орто- и тапейнокранный. Лоб наклонный и слабовыпуклый, очень широкий по измерениям на уровне фронто-темпоральных точек, но также очень узкий по отношению к ширине мозгового и лицевого отделов. Последний — ортогнатный по общему лицевому углу и указателю выступления, со средней горизонтальной профилировкой на всех уровнях. Тотальные размеры лицевого отдела очень большие, особенно выходящие за популяционный максимум у мужчин (см.: Алексеев, Дебец, 1964. Табл. 4) размеры верхней и общей высоты лица. Орбиты очень крупные и мезоконхные по указателям, носовой отдел очень высокий и среднеширокий, лепторинный. Размеры переноса большие, дакриальный указатель средний, носовые кости в месте наибольшего сужения высокие абсолютно и по симотическому указателю. Нос — очень сильно выступающий к линии общего лицевого профиля. Нижняя челюсть массивная и даже по мужским категориям размеров длинная и очень широкая в углах, с высокими и очень широкими ветвями, с очень широким и высоким подбородком и ее телом.

Очень большая ширина черепов обоих неполовозрелых субъектов из погребений кургана 1 могильника Уйбат V, брахикrania и относительно неширокий лоб, средняя либо слабая горизонтальная профилировка лица вместе с сильным выступанием носовых костей в целом соответствуют краниологическим особенностям окуневского населения Хакас-

ско-Минусинской котловины (Рыкушина, 1976; Дебец, 1980; Громов, 1997б; др.). Привлекают внимание очень большие размеры лицевого отдела и крайняя высоколицистность у ребенка из могилы 7 (?). Однако столь же большая высота лица отмечается и у некоторых взрослых индивидов из погребений уйбатского этапа этого кургана (Громов, 1997б. Прил., табл. 1), причем у мужчин (могила 3 и могила 35, скелет А) также вместе с большим углом выступления носа в сочетании со средней горизонтальной профилировкой лица на среднем уровне (Там же). Все это соответствует краниологическим особенностям исследованных черепов индивидов раннего возраста и подтверждает их принадлежность к антропологическому типу, характеризующему внешний облик окуневских популяций. Также предположительно можно допустить мужскую половую принадлежность ребенка из могилы 7 (?) кургана 1 могильника Уйбат V.

Черновая XI. Целый краниум и изолированная нижняя челюсть взрослых индивидов происходят из погребений могильника (Леонтьев, 2001) заключительного разливского этапа окуневской культуры (Савинов, 2005; Поляков, Лазаретов, 2019; Лазаретов, 2019б. С. 43–44; Поляков, 2017; 2022; и др.). На черепе молодой женщины из кургана 1, могилы 1 Черновой XI (рис. 7) зафиксирован вариант преднамеренной прижизненной деформации, характерный для позднего этапа окуневской культуры (тип А, по А.В. Громову и А.А. Казарницкому). Также фиксируется трепанация в затылочной части, сходная с описанной для краниологических материалов из других могильников разливского этапа / хронологического горизонта (Поляков, 2022. С. 174, рис. 90; Лазаретов и др., 2023. С. 100–101) и являющаяся его культурно-хронологическим маркером (Там же; Лазаретов, 2019б). Для возможности измерительной оценки продольного диаметра контур затылочной кости в области опистокраниона восстановлен с помощью мастики (рис. 7).

Череп в целом умеренно крупный по значениям горизонтальной окружности и поперечной дуги, со среднеразвитым для женского пола наружным рельефом, пентагоноидной формы в вертикальной норме. Согласно полученным краниометрическим данным (Приложение 2), мозговая капсула средней длины, очень широкая, выраженно брахикранная, с коротким и широким основанием. Высота черепа от базиса и от порионов средняя, по отношению к его поперечному диаметру малая. Лоб среднеширокий, относительно узкий, очень прямой по углам вертикальной профилировки, выпуклый в сагиттальной

Рис. 7. Череп женщины 20–25 лет из кургана 1, могилы 1 могильника Черновая XI

Fig. 7. The cranium of a 20–25-year-old woman from barrow 1, grave 1 of Chernovaya XI burial ground

плоскости по указателю и уплощенный в горизонтальной по углу поперечного изгиба лба. Затылок широкий, визуальнo сильно выступающий. Лицевой скелет выраженно ортогнатный по указателю выступания и по углам вертикальной профилировки, его горизонтальная профилировка на обоих уровнях средняя. Клыковые ямки очень мелкие, скуловые кости относительно слабоизогнутые. Абсолютные тотальные размеры лицевого отдела средние, как и его пропорции, но полная высота лица малая по размеру и указателю. Небо и альвеолярная дуга малых размеров, относительно среднеширокие. Ширина орбит средняя на границе с большими категориями размеров, их абсолютная и относительная высота малая. Носовой отдел средневысокий, очень узкий, лепторинный по пропорциям, со среднеразвитой передненосовой остью и атропинным нижним краем грушевидного отверстия. Переносье средних размеров по абсолютным размерам и средневысокое по дакриальному указателю. Носовые кости в месте наибольшего сужения узкие и средневысокие, симотический указатель большой. Угол высту-

пания носа к линии общего лицевого профиля умеренно большой. Нижняя челюсть средних длины и ширины от мыщелков и малых размеров от углов, со средненаклонными высокими и узкими ветвями. Подбородок узкий, невысокий и сильно выступающий, тело нижней челюсти также низкое и средней массивности. В целом промежуточный монголоидно-европеоидный морфологический облик выражает показатель условной доли монголоидного элемента (УДМЭ = 54,2 %) для данного краниума на основе преаурикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ = 98,0) и индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС = 34,1).

Нижняя челюсть, принадлежащая, вероятно, женщине позднего возмужалого возраста из кургана 1, могилы 5 могильника Черновая XI, по категориям размеров широкая, средней длины от мыщелков и очень большой длиной от углов, с очень высокими вертикально поставленными широкими ветвями. Тело нижней челюсти низкое и немассивное. Подбородок очень широкий, средневысокий и слабовыступающий (Приложение 1).

Перспективные вопросы изучения антропологических материалов окуневской культуры в связи с проблемой ее происхождения

Новые исследованные материалы дополняют корпус источников по краниологии населения окуневской культуры. При их индивидуальном описании привлекает внимание большая морфологическая разнородность черепов из погребений наиболее раннего уйбатского этапа, в том числе на монголоидно-европеоидной шкале. Это соответствует наблюдениям о европеоидном облике некоторых мужских черепов из раннеокуневских курганов по р. Уйбат и абсолютной монголоидности некоторых женских (см.: *Громов*, 1995; 1997б. С. 302, 308) при промежуточных монголоидно-европеоидных характеристиках краниологических серий из могильников черновского этапа окуневской культуры (*Дебец*, 1980; *Громов*, 1997б; и др.).

Из новых исследованных материалов мужской краниум из могильника уйбатского горизонта Камышта II сходен с черепами из раннеокуневских погребений курганов на р. Уйбат, определяемых как европеоидные (*Громов*, 1995; 1997б), а мужской череп из сходного, по-видимому, в хронологическом отношении погребения в могильнике Саргов следует характеризовать как монголоидный. Но даже на первом из них, исходя из особенностей морфологического строения, можно предполагать отдаленные следы метисации. Череп из погребения с металлическим копьем, шилом, мраморным шариком и окуневским сосудом могильника Моисеиха морфологически довольно специфичен на окуневском фоне. Его промежуточные европеоидно-монголоидные черты в строении лицевого отдела близки к средним параметрам окуневских серий, но в целом он производит впечатление большей европеоидности. Детский и подростковый краниумы из кургана 1 могильника Уйбат V по «восстановленным» размерам сходны с черепами взрослых людей из погребений уйбатского этапа этого кургана (*Громов*, 1997б. Прил., табл. 1) и демонстрируют уже смешанный морфологический облик. Как и у большинства взрослых мужских черепов из позднеуйбатских погребений могильников Уйбат III и V, которые тоже выделяются очень большими значениями угла выступления носовых костей, на черепах неполовозрелых субъектов отмечено такое же сочетание со средней горизонтальной профилировкой лица. Вероятно, биологическое смешение исходных компонентов в составе населения окуневской

культуры началось на самых ранних этапах ее сложения, и довольно быстро сформировался устойчивый метисный тип при численной неравноценности пришлой и доминирующей местной антропологических составляющих. Примером этого служит женский череп из могильника Черновая XI наиболее позднего этапа окуневской культуры, который демонстрирует смешанные или морфологически промежуточные монголоидно-европеоидные особенности.

Что кроется за этой изменчивостью — действительная многокомпонентность и «механическая смешанность» по краниологическим данным населения окуневской культуры вследствие происхождения из разных и территориально отдаленных источников сложения ее антропологического состава (см.: *Громов*, 1997б)? Или существенно более высокая, чем представлялась ранее антропологам, и присущая всем человеческим популяциям нормальная внутригрупповая изменчивость (см.: *Козинцев*, 2016)? Но в последнем случае, почему, например, население афанасьевской культуры предшествующего этапа бронзового века Южной Сибири и Центральной Азии (напр.: *Солодовников*, *Эрдэнэ*, 2022) в этом отношении антропологически более однородное по сравнению с окуневскими популяциями?

Исследование этих вопросов возможно при публикации результатов изучения новых, более многочисленных, чем обсуждаемые в данной работе, антропологических материалов из новых и новейших раскопок. Однако уже сейчас ясно (*Солодовников*, *Лазаретов*, 2021), что анализы должны быть проведены дифференцированно по отношению к хронологическим пластам и этапам окуневской культуры, а не только по территориальным группам ее памятников (ср.: *Громов*, 1997б; *Козинцев*, 2020; 2021; и др.).

Здесь можно отметить, что изученные ранее Г.Ф. Дебецем (*Дебец*, 1932) краниологические материалы из курганов и погребений могильника Афанасьева Гора (могилы 5, 6, 8), чья окуневская культурная принадлежность устанавливается или возможна (см.: *Лазаретов*, 2019б. С. 35), целесообразно исключить из рассмотрения, за исключением черепа из могилы 6а (см. выше его описание). Причиной этого являются возможные сомнения в атрибуции давно утерянных черепов с конкретными скелетами в погребениях и в половой принадлежности некоторых, неоднозначность археологической трактовки в части принадлежности к скелетам сопровождающих сосудов афанасьевской культуры из могилы 6, а также неполная сохранность черепов, исследованных по крайне

ограниченной и устаревшей краниометрической программе. Кроме этого, предполагаемая окуневская принадлежность (Солодовников, Лазаретов, 2021) краниологических материалов из могильника Абаканская Управа (курган 4, 1898 г., Минусинский региональный краеведческий музей, коллекция № 6667), в особенности индивида с затылочной трепанацией (МРКМ, № 6667/247), требует дополнительного подтверждения. В отношении последнего черепа, краниометрические данные которого были опубликованы (Алексеев, 1961в. Табл. 13, кург. 4/4) как принадлежащего женщине ювенильного возраста первой стадии тагарской культуры, также не может быть исключена таштыкская культурно-хронологическая и мужская половая принадлежность неполовозрелого субъекта. Тип его трепанации, в общем сходный по локализации и размерам с трепанацией окуневского населения на позднем разливском этапе, близок с одним из зафиксированных на материалах из таштыкского могильника Оглахты (Громов, Савенкова, 2021. Рис. 7; 8; и др.), а в самом могильнике Абаканская Управа, как известно, исследованы таштыкские погребения (Вадецкая, 1986. С. 152). Черепа из могильника Уйбат-Тибик (курган 2, 1968 г.) происходят из погребений не окуневской (Солодовников, Лазаретов, 2021), а тагарской культуры. Также отметим, что принадлежность антропологических, как и археологических, материалов из окуневского могильника Тас-Хазаа к конкретным погребениям может быть поставлена под сомнение (Лазаретов, 2017).

Помимо формирования корпуса источников окуневской культуры также актуально проведение исследования происхождения ее населения с учетом и на фоне антропологических, палеогенетических и других материалов блока культур окуневско-чемурчекской общности Южной Сибири и Центральной Азии, как в ее узком понимании в составе окуневской, каракольской, чаа-хольской и чемурчекской культур (Лазаретов, 2019а), так и расширительном — с включением в блок родственных культур «окуневского типа» самусьской и елунинской юга Западной Сибири и Восточного Казахстана (Поляков, 2022). На их фоне окуневская культура в археологическом и антропологическом отношении исследована несравнимо лучше. Причинами этого являются общая концентрация памятников в Хакасско-Минусинской котловине и планомерность их исследований на протяжении длительного периода. Накопление материалов позволило успешно выделять этапы и хронологические горизонты (Там же), отличия между

которыми, например, в погребальном обряде сравнимы с отличиями между разными археологическими культурами. Другим культурным образованиям окуневско-чемурчекской общности в этом смысле «повезло» меньше.

Тем не менее на данном уровне накопления материалов можно предполагать сходный механизм формирования антропологического состава культурных образований раннего бронзового века центральных регионов Азиатского континента, который базировался на основе местного субстрата. При этом для групп Южной и юга Западной Сибири выделяются территориальные кластеры краниологических серий раннебронзовых культур постафанасьевского времени и предшествующего неолитического периода своих территорий: енисейский, алтайский⁸ и барабинский (Козинцев, 2020).

Однако формирование антропологических особенностей популяций раннего бронзового века проходило с участием пришлого западного компонента, более ощутимого в мужских группах. Так, невозможно отрицать европеоидный или метисный облик мужских краниологически серий самусьской и сходных между собой елунинской и чаа-хольской культур (Козинцев, Селезнева, 2015; Козинцев, 2020; 2021; и др.). Но даже в последнем случае по индивидуальным данным можно предполагать присутствие индивидов местного происхождения с промежуточным монголоидно-европеоидным обликом. Так, мужской череп из погребения 2 могильника Аймырлыг XIII (1972 г.) с невысокой метриокранной мозговой коробкой, довольно узким уплощенным в горизонтальном плане лбом, среднешироким уплощенным лицом, средневысокими по измерениям и низкими по симотическому и дакриальному указателям носовыми костями и переносом и малым углом выступания носа отличается по данному комплексу признаков от остальных

⁸ В работах А.Г. Козинцева (Козинцев, 2020; 2021; и др.) не используются краниологические материалы доафанасьевского времени в пещерных захоронениях на севере Горного Алтая (Чикишева, 2000; и др.). Именно они в наибольшей степени соответствуют в территориальном отношении каракольской культуре раннего бронзового века этого региона. Серии же периода неолита северных предгорий Алтая и бассейна Верхней Оби в равнинной части Алтая в территориальном отношении с не меньшим основанием могут рассматриваться как предшественники елунинской культуры. Впрочем, такое же объективное обстоятельство сопутствует диахронному сопоставлению материалов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины с серией неолита — энеолита Красноярско-Канской лесостепи, между которыми находятся отроги Восточного Саяна.

акрокраних и европеоидных по строению лицевого отдела черепов из этого могильника (Гохман, 1980. Табл. 4). По своему антропологическому облику он напоминает, например, серовские и глазковские черепа позднего неолита и раннего бронзового века из Прибайкалья (Мамонова, 1986; и др.) или чемурчешской культуры из Монгольского Алтая (Erdene, Solodovnikov, 2024). Указатель уплощенности лицевого отдела данного краниума по индивидуальным данным (УЛС = 63,4) также соответствует таким монголоидно-европеоидным группам. У остальных черепов чаа-хольской культуры без мужского из погребения 2 Аймырлыг XIII этот показатель в среднем находится в пределах европеоидных значений (УЛС: -9,5 — у мужских и 24,6 — у женских). Но, как и в случае со многими группами раннего бронзового века Южной и юга Западной Сибири, половые различия в выраженности европеоидных особенностей вполне заметны. Однако по средним данным такая неоднородность серии из Аймырлыга XIII и XXVII (Гохман, 1980) на графике анализа мужских групп не отражается и при объединении с елуинской ребро минимального остоного дерева соединяет чаа-хольскую серию с кластером наиболее европеоидных среди азиатских групп афанасьевских серий (Козинцев, 2021. Рис. 1).

Отсюда можно предположить, что антропологическая специфика населения культур раннего бронзового века обширных регионов юга Сибири и Центральной Азии определяется не только дифференциацией местных групп, но и количественным соотношением пришлого и местного компонентов, некоторой разнородностью пришлого европеоидного суперстрата, а также глубиной метисации (Солодовников, 2006) на разных хронологических этапах рассматриваемого периода.

Археологические культуры раннего бронзового века южных районов Западной Сибири и Центральной Азии при всей своей технологической, хозяйственной и идеологической «инновационности» являются относительно локальными образованиями по сравнению с предшествующим периодом афанасьевской культуры. Так, материалы могильников, включаемых изначально в состав чемурчешского культурного феномена (Ковалев, 2005), на территории Восточного Казахстана в Верхнем Прииртышье выделены в алкабекский тип памятников, погребальные конструкции которого представлены квадратными курганами-платформами и оградками (Мери, 2022). На территории Джунгарии и Западной Монголии в составе чемурчешских памятников выделяют-

ся могильники «булганского» типа в западных и восточных предгорьях Монгольского Алтая, типа «кеэрмуцы» — на территории северной части Синьцзяна, малые ритуальный ограды и большие ритуальные ограды — в высокогорных районах Монгольского Алтая (Kovalev, 2022. Fig. 1). Эти типы памятников имеют ареалы, по площади сравнимые с каракольской, чаа-хольской и окуневской культурами сопредельных регионов Южной Сибири. Предположительно такое территориальное распределение может соответствовать социальной дифференциации древнескотоводческих коллективов на уровне племен.

В синхронное время в западной части степного и лесостепного пояса Евразии на юге Восточной Европы в пределах катакомбной культурно-исторической общности существовала свита отдельных катакомбных культур со своими ареалами, часто не совпадающими хронологией и периодизацией, отличительными культурными маркерами. Их выделение, выявление территориальной и культурной дискретностей также стало возможно с накоплением огромного количества археологических источников по раннему и среднему бронзовому веку региона при тысячах исследованных погребений каждой из культур⁹. Примечательно, что площади ареалов различных культур в составе катакомбной культурно-исторической общности сопоставимы с ареалами культур и типов памятников окуневско-чемурчешской общности южной части Сибири и Центральной Азии (напр.: Литвиненко, 2022. Рис. 1; 2). Учитывая вероятный «параллельный характер» культурно-генетических процессов, многочисленные совпадения в искусстве, погребальной обрядности, инвентаре и т.д., при изучении происхождения окуневской культуры и сложения антропологического состава ее населения следует обращаться и к восточноевропейским, а также, возможно, более отдаленным материалам.

По современным радиоуглеродным датам формирование окуневско-чемурчешской общности проходило с конца первой половины III тыс. до н.э. (Лазаретов, 2019а). В этой связи внимание привлекают не столько более древние памятники позднего и раннекатакомбного периодов, например Северо-Западного Прикаспия (Лазаретов, 1997; 2019а; Лаза-

⁹ На это обратил наше внимание археолог, канд. ист. наук А.В. Файферт (г. Ростов-на-Дону), которому, пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность за обсуждение проблем изучения культур раннего и среднего бронзового века степного пояса Евразии.

ретов, Поляков, 2018б. С. 60–61; и др.). По хронологическим соображениям поиск прародины мигрантов, участвующих в формировании свиты культур раннего бронзового века Южной Сибири и Центральной Азии, более перспективен в материалах классических катакомбных культур «постраннекатакомбного» времени. Именно при переходе от раннекатакомбного к этапу классических катакомбных культур уже в пределах катакомбной культурно-исторической общности происходит трансформация антропологического состава обширных степных регионов Восточной Европы, вероятно, в результате масштабных миграционных процессов (Солодовников, Эрдэнэ, 2022). В это время население раннекатакомбных культурных образований, сохранявшее морфогенетическую преемственность по отношению к ямному своим или соседним территориям, в значительной мере сменялось популяциями носителей классических катакомбных культур, что ясно прослеживается на примере ингульской и восточно-маньчжурской культур. Антропологический облик их носителей существенно отличен от предшествующего ямного и ямно-катакомбного населения своих регионов, сходство сохраняется лишь для отдельных локальных территорий (напр.: Казарницкий, 2012; Круц, 2017. С. 56–60).

Возвращаясь к населению окуневской культуры Южной Сибири, также отметим, что выявление окуневско-американских параллелей на антропологических, генетических, археологических, лингвистических и др. материалах очень важно для исследования вопросов заселения Американских континентов в плейстоцене (Козинцев и др., 1995; Козинцев, 2020; 2022; 2023; и др.). Но это довольно опосредованно способствует исследованию происхождения собственно окуневской культуры и зависит от поступления новых данных. Укажем лишь в этой связи на новую работу коллектива, объединенного генетиками лаборатории Д. Райха и опубликованную в виде препринта (Zeng et al., 2023).

На уровень научного открытия может претендовать выделение специфического аутосомного компонента, который максимально ярко выражен в генетическом профиле носителей исаковской, серовской и глазковской культур позднего неолита — раннего бронзового века Прибайкалья и нехарактерен для образцов из погребений китойской ранненеолитической культуры этого региона (Ibid.). Впервые выделенный компонент, названный в работе Cisbaikal_LNBA, среди современных популяций практически не встречается и определяет существенную долю генетиче-

ской специфики только у кетов — единственных современных представителей енисейской языковой семьи, а также фиксируется в меньших пропорциях — у контактировавших в прошлом с «енисейцами» самодийских и сибирских тюркоязычных популяций бассейна Енисея. Среди исследованных, в том числе ранее опубликованных древних образцов Хакасско-Минусинской котловины компонент Cisbaikal_LNBA не обнаружен. Исключение составляют лишь два генетически нетипичных для позднебронзовой эпохи Верхнего Енисея образца: женщины из лугавского погребения 55 могильника Арбан 1 (RISE497) в Хакасско-Минусинской котловине и индивида мужского пола (RISE554) — одного из двух образцов людей периода поздней бронзы с Афонтовой горы под Красноярском (см.: Allentoft et al., 2015). За счет высокой доли аутосомного компонента Cisbaikal_LNBA они демонстрируют более «восточноазиатский» генетический профиль, чем основная масса населения региона в это время (Zeng et al., 2023).

Таким образом, разрабатываемая гипотеза енисейской языковой принадлежности населения окуневской культуры на основе концепции существования гипотетической дене-кавказской языковой макросемьи, в которую включают и енисейские языки (Козинцев, 2023; и др.), не находит подтверждения в материалах генетиков. Праенисейскую лингвистическую принадлежность с гораздо большими основаниями можно предполагать в отношении носителей культур позднего неолита и раннего бронзового века Прибайкалья, чем в отношении окуневской культуры. В Хакасско-Минусинской котловине присутствие характеризующего их прибайкальского генетического компонента Cisbaikal_LNBA фиксируется эпизодически лишь с позднего бронзового века. Конечно, на это можно возразить с позиции системного несовпадения генетической и лингвистической (и, шире, биологической и социальной) дифференциации. Однако в качестве примера очень показательна связь распространения сейминско-турбинского транскультурного феномена с выявленным в родословной всех современных и древних урало-язычных популяций и являющимся наилучшим вероятным источником всех имеющихся у них восточноазиатских генов так называемым аутосомным генетическим компонентом «Якутия позднего неолита — бронзы» (Yakutia_LNBA), также впервые выделенным в этой работе (Zeng et al., 2023) по образцам из бассейна Лены, в первую очередь из погребений ымыяхтахской культуры. Влияние на генети-

ческие характеристики носителей сейминско-турбинских культурных традиций на юге Западной Сибири источников далекого западного и восточного происхождения прослежены и в другом недавнем исследовании (*Childebayeva et al.*, 2024). При этом появление аутосомного генетического компонента «Якутия позднего неолита — бронзы» на Среднем Енисее и его роль в формировании населения окуневской культуры остается не вполне определенным (*Zeng et al.*, 2023), что намечает перспективу дальнейших исследований.

Заключение

Таким образом, исследования антропологических особенностей носителей окуневской культуры необходимо проводить на основе разработанной ее хронологии и периодизации. При изучении происхождения окуневской культуры важно учитывать антропологические материалы свиты родственных культурных образований обширных территорий юга Сибири и Центральной Азии, а также отдаленных западных регионов.

Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность д-ру ист. наук Татьяне Алексеевне Чикишевой (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск), канд. ист. наук Марине Петровне Рыкун (Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск), Татьяне Михайловне Савенковой (Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск), Эдуарду Николаевичу Киргинекову (Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова, г. Абакан), а также сотрудникам Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (г. Минусинск) за предоставленную возможность проведения исследования и помощь в работе с палеоантропологическими материалами.

Литература

- Алексеев, 1961a — Алексеев В.П. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1961. № 1. С. 116–129.
- Алексеев, 1961б — Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник / отв. ред.: Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. III. С. 107–206. (ТИЭ; т. LXXI).
- Алексеев, 1961в — Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. МАЭ. 1961. Т. XX. С. 238–327.
- Алексеев, 1978 — Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978. 284 с.
- Алексеев, Дебец, 1964 — Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Беневоленская, 1980 — Беневоленская Ю.Д. Мировое распределение затылочно-теменного указателя // Современные проблемы и новые методы в антропологии / отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 70–90.
- Беневоленская, Громов, 1997 — Беневоленская Ю.Д., Громов А.В. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 288–293.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая и др., 2014 — Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Галеев, 2010 — Галеев Р.М. Краниотригонометрическое исследование черепов из могильника Черновая VIII // ВИАЭ. 2010. № 2 (13). С. 109–117.
- Герасимов, 1955 — Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. (ТИЭ; т. XXVIII).
- Гохман, 1980 — Гохман И.И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР / отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 5–34. (Сб. МАЭ; т. XXXVI).
- Громов, 1995 — Громов А.В. Антропологические особенности населения окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры: Тезисы докладов конф. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 70–74.
- Громов, 1997а — Громов А.В. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 294–300.
- Громов, 1997б — Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Там же. С. 301–358.
- Громов, Лазаретова, 2020 — Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население окуневской культуры Минусинской котловины по данным остеометрии // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рожд. д.и.н. И.Н. Хлопина / отв. ред.: В.П. Никоноров, Е.О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 68–70.
- Громов, Казарницкий, 2022 — Громов А.В., Казарницкий А.А. Искусственная деформация головы у ранних окуневцев // АВ. 2022. Вып. 34. С. 266–274.
- Громов, Савенкова, 2021 — Громов А.В., Савенкова Т.М. Краниологические материалы из могильника Оглахты // Camera praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 124–137.
- Громов и др., 2022 — Громов А.В., Казарницкий А.А., Лазаретова Н.И. Краниоскопия населения окуневской культуры и вопросы его происхождения // АВ. 2022. Вып. 34. С. 257–265.
- Грязнов, 1999 — Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

- Дебец, 1932 — Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 26–48.
- Дебец, 1948 — Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (ТИЭ; Т. IV).
- Дебец, 1968 — Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / отв. ред.: В.П. Алексеев, И.С. Гурвич. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Дебец, 1980 — Дебец Г.Ф. Палеоантропология окуневской культуры // Палеоантропология Сибири / отв. ред.: А.П. Окладников, В.П. Алексеев. М.: Наука, 1980. С. 7–8.
- Дремов, 1980 — Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль // Там же. С. 19–46.
- Довгялло, 1937 — Довгялло Н.Д. О росте черепа человека // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1937. Т. XVII. № 1. С. 30–71.
- Зубов, 1980 — Зубов А.А. Характеристика зубной системы в черепной серии из Окуневского могильника // Палеоантропология Сибири / отв. ред.: А.П. Окладников, В.П. Алексеев. М.: Наука, 1980. С. 9–18.
- Иванова, 1966 — Иванова Л.А. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1966. № 3. С. 82–91.
- Казарницкий, 2012 — Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Киргинеков, 2022 — Киргинеков Э.Н. Впускной окуневский курган в долине речки Камышта Хакасско-Минусинской котловины // АВ. 2022. № 34. С. 130–146.
- Ковалев, 2005 — Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Сб. науч. трудов, посвящ. 60-летию со дня рожд. Юрия Федоровича Кирюшина / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 178–184.
- Ковалева и др., 2010 — Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Афанасьевский сборник / отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 108–121.
- Козинцев, 2016 — Козинцев А.Г. О некоторых аспектах статистического анализа в краниометрии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 381–390.
- Козинцев, 2020 — Козинцев А.Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // АЭАЕ. 2020. Т. 48. № 4. С. 135–145.
- Козинцев, 2021 — Козинцев А.Г. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики) // АЭАЕ. 2021. Т. 49. № 4. С. 140–151.
- Козинцев, 2022 — Козинцев А.Г. Аборигены или мигранты? Дискуссия о происхождении окуневцев на новом этапе // АЭАЕ. 2022. Т. 50. № 4. С. 129–136.
- Козинцев, 2023 — Козинцев А.Г. Окуневская культура и дене-кавказская макросемья // АЭАЕ. 2023. Т. 51, № 2. С. 66–73.
- Козинцев, Селезнева, 2015 — Козинцев А.Г., Селезнева В.И. Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2014 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 418–429.
- Козинцев и др., 1995 — Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г. Американойды на Енисее? (Антропологические параллели одной гипотезе) // Проблемы изучения окуневской культуры: Тезисы докладов конф. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 74–77.
- Круц, 2017 — Круц С.И. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев; Берлин: Издатель Олег Филук, 2017. 202 с. (Курганы Украины; т. 5).
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: ИИМК РАН и др., 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, 2017 — Лазаретов И.П. К относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея, или Хорошо забытое старое // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. Т. 8 (20). С. 8–34.
- Лазаретов, 2019а — Лазаретов И.П. Окунево-чемурчекская общность: феномен эпохи ранней бронзы и проблема синхронизации культур // Маргулановские чтения — 2019: Материалы Междунар. археолог. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: Глобус, 2019. С. 132–144.
- Лазаретов, 2019б — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. № 4 (28). С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Лазаретов и др., 2023 — Лазаретов И.П., Лазаретова Н.И., Лурье В.М., Малютина А.А., Миклашевич Е.А. Погребения разлиевского хронологического горизонта окуневской культуры могильника Усть-Камышта-1 (курган 10N) // Записки ИИМК РАН. 2023. № 29. С. 93–106.
- Леонтьев, 2001 — Леонтьев С.Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая XI // АЭАЕ. 2001. № 4. С. 116–123.
- Липский, 1952 — Липский А.Н. Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 67–77.
- Липский, 1963 — Липский А.Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Археология / отв. ред. А.Н. Липский. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. С. 57–89.
- Литвиненко, 2022 — Литвиненко Р.А. Шкура копытного в курганных погребениях бронзового века: жертва или психопомп // Stratum plus. 2022. № 2. С. 105–137.
- Максименков, 1965 — Максименков Г.А. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. № 4. С. 204–211.

- Мамонова, 1986 — Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // ВА. 1986. Вып. 71. С. 88–103.
- Медникова, 1995 — Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири. Палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН, 1995. 216 с.
- Мерц, 2022 — Мерц И.В. Алкабекский тип памятников: проблема выделения культуры // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / отв. ред.: М.Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 95–98.
- Перевозчиков, 1993 — Перевозчиков И.В. Палеоантропологические материалы с территории Минусинской котловины // Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина) / отв. ред. Т.И. Алексеев. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 69–79.
- Поляков, 2017 — Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков, 2020а — Поляков А.В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // НОСА. 2020. № 1 (25). С. 3–6.
- Поляков, 2020б — Поляков А.В. Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры // АВ. 2020. Вып. 26. С. 98–110.
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков, Лазаретов, 2019 — Поляков А.В., Лазаретов И.П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / отв. ред.: Ю.А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Поляков, Святко, 2009 — Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // ТПАИ. 2009. № 5. С. 20–56.
- Поляков и др., 2018 — Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // НОСА. 2018. № 1 (21). С. 14–22.
- Постникова, 1974 — Постникова Н.М. Одонтологическая характеристика краниологических серий Минусинской котловины // Расогенетические процессы в этнической истории / отв. ред. И.М. Золотарева. М.: Наука, 1974. С. 243–250.
- Пугачева и др., 2022 — Пугачева Е.В., Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В. Анализ 3D-моделей черепов с искусственной деформацией методами геометрической морфометрии // АЭАЕ. 2022. Т. 50. № 3. С. 140–147.
- Рыкушина, 1976 — Рыкушина Г.В. К антропологии эпохи энеолита — бронзы Красноярского края // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира / отв. ред. Г.В. Рыкушина. М.: [б. и.], 1976. С. 18–201.
- Савинов, 1997 — Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: ПетроРИФ, 1997. С. 7–18.
- Савинов, 2005 — Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТПАИ. 2005. Вып. 1. С. 28–34.
- Солодовников, 2003 — Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. 2003. № 10. С. 3–27.
- Солодовников, 2006 — Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 25 с.
- Солодовников, 2021 — Солодовников К.Н. К проблеме определения половой принадлежности по черепу древнего человека (на материалах афанасьевской культуры Минусинской котловины) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. А.В. Поляков, Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 149–150.
- Солодовников, Лазаретов, 2021 — Солодовников К.Н., Лазаретов И.П. О различиях антропологического типа населения разных этапов окуневской культуры // Там же. С. 154–155.
- Солодовников, Эрдэнэ, 2022 — Солодовников К.Н., Эрдэнэ М. Феномен высокорослости афанасьевцев Алтая и Хангая: влияние среды или восточно-европейское наследие? // Stratum plus. 2022. № 2. С. 373–394.
- Сысак, 1960 — Сысак Н.С. Материалы для возрастной морфологии черепа человека // Антропологический сборник / отв. ред.: Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. С. 29–41. (ТИЭ; т. I).
- Теплоухов, 1927 — Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л.: Издание Гос. Рус. музея, 1927. Т. III. Вып. 2. С. 57–112.
- Хохлов, 2010 — Хохлов А.А. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича / отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2010. Ч. 2. С. 112–132.
- Хохлов и др., 2016 — Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВБАЭ. 2016. № 3 (34). С. 86–106.
- Худавердян и др., 2017 — Худавердян А.Ю., Гаспарян Б.З., Пинхаси Р., Канаян А.С., Ованесян Н.А. Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1 // ВБАЭ. 2017. № 2 (37). С. 72–93.
- Чикишева, 2000 — Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита — бронзы // АЭАЕ. 2000. № 1. С. 139–148.

- Шевченко, 2004 — Шевченко А.В. Действительно ли древнеегипетская культура определяла когда-то духовную жизнь Хакаско-Минусинских аборигенов? // Сб. МАЭ. 2004. Т. 49. С. 220–229.
- Яблонский, 1977 — Яблонский Л.Т. Серия черепов из раннеславянского городища у с. Супруты // ВА. 1977. Вып. 54. С. 190–211
- Allentoft et al., 2015 — Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarycz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522 (7555). P. 167–172.
- Childebayeva et al., 2024 — Childebayeva A., Fricke F., Rohrlach A.B., Huang L., Schiffels S., Vesakoski O., Mannermaa K., Semerau L., Aron F., Solodovnikov K., Rykun M., Moiseyev V., Khartanovich V., Kovtun I., Krause J., Kuzminykh S., Haak W. Bronze age Northern Eurasian genetics in the context of development of metallurgy and Siberian ancestry // *Communications Biology*. 2024. Vol. 7 (1). P. 723.
- Damgaard et al., 2018 — Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J.V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Biddanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin-Orlando A., Yediy F.E., Ullah I., Sjögren K.G., Iversen K.H., Choin J., de la Fuente C., Ilardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Senyurt S.Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M.H., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Novembre J., Weber A.W., Orlando L., Allentoft M.E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A.K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // *Science*. 2018. Vol. 360. Art. no. 6396. <https://science.sciencemag.org/content/360/6396/eaar7711>
- Erdene, Solodovnikov, 2024 — Erdene M., Solodovnikov K.N. Morphogenetic connections of the Early Bronze Age populations from Mongolia: Craniofacial morphology perspective // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2024. Vol. 17. No. 9. P. 1652–1665.
- Hollard et al., 2018 — Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between Bronze Age Siberian populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. No. 167. P. 97–107.
- Kazarnitsky et al., 2023 — Kazarnitsky A.A., Gromov A.V., Uchaneva E.N., Pugacheva E.V. Cranial deformation in the northwestern Caspian Sea region in the Bronze Age: Siberian parallels // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2023. Vol. 33 (1). P. 26–38.
- Kovalev, 2022 — Kovalev A.A. The Chemurchek (Qie'muerqieke) Cultural Phenomenon As a Result of Western European Migration to Dzungaria and the Mongolian Altai (on Archaeological Data) // *Cultures in Contact: Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission* / Ed. by Ch. Baumer et al. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. S. 531–555. (Schriften zur vorderasiatischen Archäologie; Bd. 19).
- Lazaridis et al., 2023 — Lazaridis I., Patterson N., Anthony D., Vyazov L., Fournier R., Ringbauer H., Olalde I., Khokhlov A.A., Kitov E.P., Shishlina N.I., Ailincăi S., Agapov D.S., Agapov S.A., Batieva E., Baitanayev B., Bereczki Z., Buzhilova A., Changmai P., Chizhevsky A.A., Ciobanu I., Constantinescu M., Csányi M., Dani J., Dashkovskiy P.K., Évinger S., Faifert A., Flegontov P.N., Frînculeasa A., Frînculeasa M.N., Hajdu T., Higham T., Jarosz P., Jelínek P., Khartanovich V.I., Kirginekov E.N., Kiss V., Kitova A., Kiyashko A.V., Koledin J., Korolev A., Kosintsev P., Kulcsár G., Kuznetsov P., Magomedov R., Mamedov A.M., Melis E., Moiseyev V., Molnár E., Monge J., Negrea O., Nikolaeva N.A., Novak M., Ochir-Goryaeva M., Pálfi G., Popovici S., Rykun M.P., Savenkova T.M., Semibratov V.P., Seregin N.N., Šefčáková A., Mussayeva R.S., Shingiray I., Shirokov V.N., Simalcsik A., Sirak K., Solodovnikov K.N., Tárnoki J., Tishkin A.A., Trifonov V., Vasilyev S., Akbari A., Brielle E.S., Callan K., Candilio F., Cheronet O., Curtis E., Flegontova O., Iliev L., Kearns A., Keating D., Lawson A.M., Mah M., Micco A., Michel M., Oppenheimer J., Qiu L., Workman J.N., Zalzal F., Szécsényi-Nagy A., Palamara P.F., Mallick S., Rohland N., Pinhasi R., Reich D. The Genetic Origin of the Indo-Europeans // *bioRxiv*. 2024. 04.17. Art. no. 589597. <https://doi.org/10.1101/2024.04.17.589597>
- Zeng et al., 2023 — Zeng T.C., Vyazov L.A., Kim A., Flegontov P., Sirak K., Maier R., Lazaridis I., Akbari A., Frachetti M., Tishkin A.A., Ryabogina N.E., Agapov S.A., Agapov D.S., Alekseev A.N., Boeskorov G.G., Derevianko A.P., Dyakonov V.M., Enshin D.N., Fribus A.V., Frolov Y.V., Grushin S.P., Khokhlov A.A., Kiryushin K. Yu., Kiryushin Y.F., Kitov E.P., Kosintsev P., Kovtun I.V., Makarov N.P., Morozov V.V., Nikolaev E.N., Rykun M.P., Savenkova T.M., Shchelchkova M.V., Shirokov V., Skochina S.N., Sherstobitova O.S., Slepchenko S.M., Solodovnikov K.N., Solovyova E.N., Stepanov A.D., Timoshchenko A.A., Vdovin A.S., Vybornov A.V., Balanovska E.V., Dryomov S., Hellenenthal G., Kidd K., Krause J., Starikovskaya E., Sukenik R., Tatarinova T., Thomas M.G., Zhabagin M., Callan K., Cheronet O., Fernandes D., Keating D., Candilio F., Iliev L., Kearns A., Özdoğan K.T., Mah M., Micco A., Michel M., Olalde I., Zalzal F., Mallick S., Rohland N., Pinhasi R., Narasimhan V., Reich D. Postglacial genomes from foragers across Northern Eurasia reveal prehistoric mobility associated with the spread of the Uralic and Yeniseian languages // *bioRxiv*. 2023. 10.01. Art. no. 560332. <https://doi.org/10.1101/2023.10.01.560332>

Приложение 1. Индивидуальные измерения изолированных нижних челюстей из погребений окуневской культуры

№	Могильник	Курган, могила	Местонахождение, район	Пол	Возраст	Место хранения и инвентарный №
1.	Камышта II	Кург. 1, мог. 1 (ск. 1)	РХ, Азскизский	М	35–45	ХНКМ
2.	Камышта II	Кург. 1, мог. 1 (ск. 2)	РХ, Азскизский	М	18–20	ХНКМ
3.	Камышта II	Кург. 1, мог. 1 (ск. 3)	РХ, Азскизский	Ж	50–60	ХНКМ
4.	Черновая XI	Кург. 1, мог. 5	РХ, Богградский	Ж?	30–35	МРКМ 6/№

Автор и год раскопок	68(1)	79	68	70	71a	65	66	67	69	69(1)	69(3)	∠С'
Киргинеков Э.Н., 2015	112?	109	91	73	37.9	131?	94	52.5	35.0	33.3	12.5	69
Киргинеков Э.Н., 2015	–	–	–	–	41.5?	–	–	–	–	35.6	14.2	–
Киргинеков Э.Н., 2015	103	119	77	64	32.0	112?	98	47.7	36.0	–	–	72
Леонтьев С.Н., 1999	102	111	81	70	35.0	118	100	48.5	30.8	27.0	11.4	79

Примечания: см. Приложение 2.

Приложение 2. Индивидуальные измерения черепов из погребений окуневской культуры

№	Могильник	Курган, могила	Местонахождение, район	Пол	Возраст	Место хранения и инвентарный №
1.	Камышта II	Кург. 1, мог. 4	РХ, Азскизский	М	20–25	ХНКМ
2.	Моисеиха	Кург. 5, мог. 1	КК, Минусинский	М?	20–25	МРКМ № 6398
3.	Афанасьева Гора	Мог. 6а	РХ, Богградский	М	40–50	КА ТГУ № 303
4.	Саргов	Мог. 3, ск. 3	РХ, Богградский	М	25–30	ИАЭТ №7/2
5.	Узунчул-33	Кург. 3, могила	РХ, Азскизский	М?	45–55	КраснГМА
6.	Уйбат V	Кург. 1, мог. 2а	РХ, Усть-Абаканский	–	13–14	КраснГМА
7.	Уйбат V	Кург. 1, мог. 7(?)	РХ, Усть-Абаканский	–	9–11	КраснГМА
8.	Черновая XI	Кург. 1, мог. 1	РХ, Богградский	Ж	20–25	МРКМ 6/№

№	Автор и год раскопок	1b	1	8	8:1	17	17:1	17:8	20	20:1	20:8	5
1.	Киргинеков Э.Н., 2015	187	192	151	78.6	139	72.4	92.1	121	63.0	80.1	100
2.	Старущенко В.И., 1959	163	166	142	85.5	130	78.3	91.5	106	63.9	74.6	101
3.	Теплоухов С.А., 1921	194	201	155	77.1	142	70.6	91.6	120	59.7	77.4	115?
4.	Пшеницына М.Н., 1965	178	181	146	80.7	129	71.3	88.4	111	61.3	76.0	103
5.	Готлиб А.И., 1993	164?	165?	148?	–	–	–	–	103?	62.4?	–	–
6.	Лазаретов И.П., 1993	169	169	142	84.0	–	–	–	104	61.5	73.2	–
7.	Лазаретов И.П., 1993	179	178	156	87.6	134	75.3	85.9	119	66.9	76.3	97
8.	Леонтьев С.Н., 1999	175?	174?	145	83.3?	126	72.4?	86.9	111	63.8?	76.6	91

№	9	ВПИЛ	∠ПИЛ	9:8	10	9:10	11	12	29	Sub.N8	Sub.N8: 29	30	31	OS
1.	101.0	21.0	134.8	66.9	121	83.5	134	118	117	24.2	20.7	128	92	33.8
2.	83.5	12.5	146.7	58.8	110	75.9	130	110	102	18.3	17.9	98	92	22.1
3.	111.5	27.5	127.5	71.9	134	83.2	137	122	118	23.0	19.5	123	99	32.0
4.	93.3	18.3	137.2	63.9	122	76.5	132	116	105	21.2	20.2	103	90	26.5
5.	91.5	14.6?	144.6?	–	124?	73.8?	135??	113	113	29.0	25.7	105	80	24.5
6.	84.1	11.8	148.6	59.2	112	75.1	128	109?	102	23.6	23.1	100	82	30.0
7.	97.2	20.2	134.9	62.3	127	76.5	135	112	107	24.4	22.8	112	88	29.4
8.	91.8	14.5	144.9	63.3	122	75.2	122	110	101	25.6	25.3	114	84	–

№	23a	24	25	26	27	28	26:25	27:25	28:25	28:27	7	16	16:7	32	GM/FH
1.	537	338	390	130	142	118	33.3	36.4	30.3	83.1	36.4	28.5	78.3	81	70
2.	477	302	324	110	108	106	34.0	33.3	32.7	98.1	38.2	31.2	81.7	74	68
3.	553	340	390	130	137	123	33.3	35.1	31.5	89.8	37.0	–	–	73*	–
4.	511	322	342	117	114	111	34.2	33.3	32.5	97.4	38.9	27.8	71.5	73	64
5.	495	–	345	132	115	98	38.3	33.3	28.4	85.2	–	–	–	–	–
6.	497?	304	336	116	111	109	34.5	33.0	32.4	98.2	–	–	–	77	73
7.	527	343	354	121	123	110	34.2	34.7	31.1	89.4	39	26.4	67.7	87	79
8.	503	317	–	116	121	–	–	–	–	–	39.7	29.2	73.6	90	86

№	33(1)	33(2)	33(4)	34	НП (1-6)	НД (1-3)	НЗБ (0-5)	СО (1-3)	Форма череп	40	40:5	45	48	47
1.	85	23	108	-5	5	3	3	3	ellips.	101	101	147?	65	111
2.	87	39	126	-1	3	2	1	3	sphen.	99	98	136	68	-
3.	-	-	121	-	5	3	3	3	ovoid.	-	-	145?	73*	-
4.	77	41	118	-12	5	3	3	2	sphen.	102	99	142	74	-
5.	-	-	117	-	3	2	1	2	sphen.	-	-	-	76??	-
6.	89	17?	106?	-	2	2	1	2	sphen.	-	-	120?	63	107
7.	84	29	113	-8	2	2	1	2	eurypent.	88	90.7	129-130?	71	116
8.	-	-	-	-8	2	2	-	2	pent.	86	94.5	124	64	105

№	47:45	45:8	48:17	9:45	43	46	60	61	61:60	62	63	63:62	51	51a
1.	75.5?	97.4?	46.8	68.7?	116	99	56	70	125.0	47.5	40.6	85.5	45.8	44.3
2.	-	95.8	52.3	61.4	103	95	53	64	120.8	45.0	42.2	93.8	40.6	37.7
3.	-	93.5?	51.4*	76.9?	122	-	-	-	-	-	-	-	-	45.0*
4.	-	97.3	57.4	65.7	110	100	55	68	123.6	46.4	42.0	90.5	45.6	41.1
5.	-	-	-	-	109	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6.	89.2?	84.5?	-	70.1?	99	95	51	60?	117.6?	-	35.5?	-	41.0	37.5
7.	-	-	53.0	-	105	90	-	59	-	59.0	45.4	76.9	42.5	39.7
8.	84.7	85.5	50.8	74.0	103	90	48	57	118.8	40.3	35.1	87.1	41.0	38.8

№	52	52:51	52:51a	55	54	54:55	НКГО	ПНО (1-5)	SC	SS	SS:SC	MC	MS	MS: MC
1.	29.2	63.3	65.5	47.2	26.3	55.7	anth.	3	7.3	3.7	50.7	20.0	6.6	33.0
2.	33.7	83.0	89.4	51.1	21.5	42.1	anth.	3	4.8	3.2	66.7	14.8	6.0	40.5
3.	33.0*	-	73.3*	51.0*	27.0*	52.9*	f.pr.*	1*	-	-	-	-	-	-
4.	31.8	69.7	77.4	52.2	26.3	50.4	fos.pr.	3	7.6	2.2	28.9	18.8	4.3	22.9
5.	-	-	-	52.5??	25.3	-	fos.pr.	2	-	-	-	-	-	-
6.	32.0	78.0	85.3	46.2	26.2	56.7	fos.pr.	-	5.5	3.3	60.0	17.0	6.0	35.3
7.	36.1	84.9	90.9	48.5	20.9	43.1	infant.	3	8.5?	2.8	32.9?	18.5	5.4	29.2
8.	32.3	78.8	83.2	47.6	21.1	44.3	anth.	3	6.8	3.0	44.1	17.9	5.9	33.0

№	DC	DS	DS:DC	FC	Hz	Bz	lhz	43(1)	BH	77	ЗМШ	BC	∠Zm'	72
1.	22.8	10.2	44.7	3.5	10.2	60.7	16.8	106.6	17.1	144.4	100.0	23.5	129.7	84
2.	17.9	11.3	63.1	4.6	9.7	51.7	18.8	93.9	13.3	148.4	94.9	24.3	125.8	83
3.	-	-	-	-	-	-	-	111.0	23.0?	135.0?	-	-	-	85*
4.	23.3	9.9	42.5	4.0	10.8	57.0	18.9	103.3	18.5	140.6	99.1	23.3	129.6	87
5.	-	-	-	-	-	-	-	101.0?	15.7	145.5?	-	-	-	-
6.	-	-	-	2.4	10.0пр	43.2пр	23.1	92.2	11.7	151.5	93.2	19.5	134.6	83
7.	21.4	9.8	45.8	2.6	9.8пр	49.5пр	19.8	97.5	17.5?	140.5?	88.2	18.2	135.1	92
8.	20.0	9.0	45.0	2.2	8.7	51.4	16.9	94.7	15.4	144.0	89.7	19.9	132.1	87

№	73	74	75	75(1)	68(1)	79	68	70	71a	65	66	67	69	69(1)	69(3)	∠C'
1.	89	75	45	39	106	106	91	69	43.9	132	98	50.3	35.0	32.9	16.8	73
2.	86	73	55	28	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3.	-	-	-	17*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4.	92	76	70	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	36.5	-	-	-
6.	89	70	55	28	-	-	-	-	-	-	-	46.7	30.2	29.0	11.8	63
7.	96	82	66	26	-	140?	67	51пр	34.0пр	-	99?	47.5	28.4?	29.0	13.4	61?
8.	91	77	62	25	98	124	69	60	29.3	114	88	41.5	28.4	25.4	12.2	65

Примечания: РХ — Республика Хакасия; КК — Красноярский край; ХНКМ — Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан; МРКМ — Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск; ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; КА ТГУ — Кабинет антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск; КраснГМА — Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск. Приняты следующие сокращения для признаков, не имеющих общепринятых обозначений: ВПИЛ — высота поперечного изгиба лба; ∠ПИЛ — угол поперечного изгиба лба; OS — высота

изгиба затылка; НП — надпереносье; НД — надбровные дуги; СО — сосцевидный отросток; НЗБ — наружный затылочный бугор; НКГО — нижний край грушевидного отверстия; ПНО — передненосовая ость; Hz — высота изгиба скуловой кости; Bz — ширина скуловой кости; lhz — указатель изгиба скуловой кости; ВН — высота назиона; ЗМШ — зигомаксиллярная ширина; ВС — высота субспинале; * — измерения Г.Ф. Дебеца (Дебец, 1932. Прил. 1) лицевой части черепа, утерянной в процессе длительного хранения. На основании этих данных вычислены соответствующие указатели; ?? — признаки не включены в подсчет индексов.

Приложение 3. Подлинные и «взрослые» размеры черепов неполовозрелых субъектов из погребений кургана 1 могильника Уйбат V

Курган, могила, возраст	Курган 1, могила 2а, 13–14 лет			Курган 1, могила 7(?), 9–11 лет		
Признак по Мартину и др.	Подлинные размеры	Коэффициент увеличения или уменьшения	«Взрослые» размеры	Подлинные размеры	Коэффициент увеличения или уменьшения	«Взрослые» размеры
1. Продольный диаметр	169	103.3	174.5	178	106.4	189.4
8. Поперечный диаметр	142	102.2	145.2	156	103.8	161.9
8:1. Черепной указатель	84.0		83.2	87.6		85.5
17. Высотный диаметр от ба.	–	102.0	–	134	105.7	141.7
17:1. Высотно-продольный указатель от ба.	–		–	75.3		74.8
17:8. Высотно-поперечный указатель от ба.	–		–	85.9		87.5
20. Высотный диаметр от ро.*	104	111.8	116.3	119	110.8	131.9!
20:1. Высотно-продольный указатель от ро.	61.5		66.6	66.9		69.6
20:8. Высотно-поперечный указатель от ро.	73.2		80.1	76.3		81.4
5. Длина основания черепа	–	106.3	–	97	110.8	107.5
9. Наименьшая ширина лба*	84.1	102.9	86.5	97.2	103.6	100.7
9:8. Лобно-поперечный указатель	59.2		59.6	62.3		62.2
10. Наибольшая ширина лба	112	102.9	115.3	127	104.6	132.9
9:10. Лобный указатель	75.1		75.1	76.5		75.8
11. Ширина основания черепа*	128	105.5	135.1	135	108.7	146.8
12. Ширина затылка	109?	99.6	108.6	112	104.3	116.8
29. Лобная хорда	102	104.1	106.2	107	105.6	112.9
Sub. №. Высота изгиба лба*	23.6	105.8	25.0	24.4	90.8	22.2
Sub. №:29. Указатель выпуклости лба	23.1		23.5	22.8		19.6
30. Теменная хорда	100	101.7	101.7	112	104.5	117.0
31. Затылочная хорда	82	101.2	83.0	88	106.8	94.0
23а. Горизонтальная окружность***	497?	103.2	512.9	527	105.6	556.6
24. Поперечная дуга	304	109.4	332.7	343	111.7	383.1
25. Сагиттальная дуга	336	101.3	340.4	354	104.4	369.5
26. Лобная дуга	116	102.7	119.2	121	104.0	125.9
27. Теменная дуга	111	101.8	113.0	123	105.4	129.6
28. Затылочная дуга	109	100.4	109.5	110	105.4	116.0
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	34.5		35.0	34.2		34.1
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	33.0		33.2	34.7		35.1
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	32.4		32.2	31.1		31.4
28:27. Затылочно-теменной указатель	98.2		96.9	89.4		89.5
7. Длина затылочного отверстия	–	101.2	–	39.0	103.5	40.4
16. Ширина затылочного отверстия	–	101.4	–	26.4	101.6	26.8
16:7. Указатель затылочного отверстия	–		–	67.7		66.5
32. Угол профиля лба от п.*	77	92.5	71.2	87	89.7	78.0
GM/FH. Угол профиля лба от gl.*	73	91.3	66.7	79	87.0	68.8
33 (1). Угол верхней части затылка*	89	99.8	88.8	84	99.4	83.5
33 (2). Угол нижней части затылка*	17?	89.0	15.1	29	86.3	25.0
33 (4). Угол перегиба затылка	106?		103.9	113		108.5
34. Угол затылочного отверстия*	–	114.5	–	–8	87.2	–7.0

Курган, могила, возраст	Курган 1, могила 2а, 13–14 лет			Курган 1, могила 7(?), 9–11 лет		
Признак по Мартину и др.	Подлинные размеры	Коэффициент увеличения или уменьшения	«Взрослые» размеры	Подлинные размеры	Коэффициент увеличения или уменьшения	«Взрослые» размеры
40. Длина основания лица*	–	107.4	–	88	113.6	100.0
40:5. Указатель выступления лица	–	–	–	90.7	–	93.0
45. Скуловой диаметр	120?	108.7	130.4	129–130?	112.7	145.4–146.6
48. Верхняя высота лица	63	113.7	71.6	71	122.1	86.7
47. Полная высота лица*	107	112.8	120.7	116	123.9	143.8
48:45. Верхний лицевой указатель	52.5?	–	54.9	–	–	–
47:45. Полный лицевой указатель	89.2?	–	92.5	–	–	–
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	84.5?	–	83.1	–	–	–
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	–	–	–	53.0	–	61.2
9:45. Лобно-скуловой указатель	70.1?	–	63.8	–	–	–
43. Верхняя ширина лица*	99	106.6	105.5	105	109.7	115.2
43 (1). Биорбитальная ширина*	92.2	103.1	95.0	97.5	108.9	106.2
46. Средняя ширина лица*	95	110.7	105.2	90	114.7	103.2
60. Длина альвеолярной дуги*	51	110.8	56.5	–	123.9	–
61. Ширина альвеолярной дуги*	60?	106.1	63.7	59	109.2	64.4
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	117.6?	–	112.7	–	–	–
62. Длина нёба	–	110.6	–	59.0	116.5	68.7
63. Ширина нёба	35.5?	113.8	40.4	45.4	118.9	54.0
63:62. Нёбный указатель	–	–	–	76.9	–	78.6
72. Общий лицевой угол*	83	100.0	83.0	92	95.8	88.2
77. Назо-малярный угол*	151.5	101.4	153.6	140.5?	99.9	140.3
$\angle Zm'$. Зиго-максиллярный угол*	134.6	98.5	132.5	135.1	98.2	132.7
51. Ширина орбиты от mf.*	41.0	103.3	42.4	42.5	109.1	46.4
51a. Ширина орбиты от d.**	37.5	109.6	41.1	39.7	109.6	43.5
52. Высота орбиты	32.0	104.3	33.4	36.1	106.2	38.3
52:51. Орбитный указатель от mf.	78.0	–	78.8	84.9	–	82.6
52:51a. Орбитный указатель от d.	85.3	–	81.2	90.9	–	88.1
55. Высота носа	46.2	112.7	52.1	48.5	118.6	57.5
54. Ширина носа	26.2	109.5	28.7	20.9	119.6	25.0
54:55. Носовой указатель	56.7	–	55.1	43.1	–	43.4
75(1). Угол выступления носа*	28	120.7	33.8	26	133.3	34.7
SC. Симметрическая ширина*	5.5	106.0	5.8	8.5?	107.2	9.1
SS. Симметрическая высота*	3.3	131.3	4.3	2.8	175.0	4.9
SS:SC. Симметрический указатель	60.0	–	74.3	32.9?	–	53.8
DC. Дакриальная ширина*	–	115.0	–	21.4	111.4	23.8
DS. Дакриальная высота*	–	108.7	–	9.8	127.3	12.5
DS:DC. Дакриальный указатель	–	–	–	45.8	–	52.5
68. Длина нижней челюсти от углов*	–	110.4	–	67	122.9	82.3
70. Высота ветви нижней челюсти*	–	124.9	–	51	132.5	67.6
71a. Наименьшая ширина ветви*	–	110.7	–	34.0	117.2	39.9
65. Мыщелковая ширина*	–	109.1	–	–	113.8	–
66. Угловая ширина	–	110.1	–	99?	118.0	116.8
67. Передняя ширина*	46.7	108.8	50.8	47.5	108.6	51.6
69. Высота симфиза*	30.2	109.3	33.0	28.4?	136.3	38.7
69 (1). Высота тела нижней челюсти*	29.0	121.5	35.2	29.0	139.3	40.4
69 (3). Толщина тела нижней челюсти*	11.8	108.7	12.8	13.4	98.3	13.2

Примечания: * — размеры взяты только по Н.С. Сысаку; ** — размеры взяты только по Н.Д. Довгялло;

*** — использованы коэффициенты для горизонтальной окружности через глабеллу (№ 23 по Мартину и др.).

Materials for the anthropology of the Okunev culture: craniological finds from the burials of the Uybat and Razliv stages

Konstantin N. Solodovnikov¹⁰

Craniological sources on the Okunevo culture of the Early Bronze Age of the Khakassia-Minusinsk Basin in South Siberia are analyzed. A review of anthropological research is presented, and the development of the discussion on the origin of the Okunevo culture population is noted. In the author's opinion, this discussion is largely based on the apparent contradiction between the Eastern European cultural impulse determined on archaeological materials and underlying the basis of the culture's formation, and the anthropological data establishing the Okunevo population's belonging to the autochthonous populations of South Siberia. The database of craniological data of the Okunevo culture is formed, and some new materials, mainly from old excavations, which had previously remained out of the researchers' field of vision and stored in academic institutions of different Siberian cities, are introduced into scientific turnover. The diversity of forms of transition from the predominance of Caucasoid or Mongoloid morphological features on the skulls of the early Uybat stage of the culture to the general belonging of the Okunevo population on average to the intermediate Mongoloid-European anthropological type of local origin. A craniological find from a burial site of the late Razliv stage of the Okunevo culture demonstrates an example of a stable mestizo type. Promising issues of research into the origin of the Okunevo culture based on the analysis of paleoanthropological sources are outlined. On the example of craniological materials from the Early Bronze Age burial site Aimyrlyg XIII and XXVII in Tuva, the anthropological heterogeneity of the population of the Okunevo circle cultures or Okunevo-Chemurchek community of South Siberia and Central Asia in relation to the incoming Caucasoid and local Asian anthropological components is demonstrated. The necessity of studying anthropological features of the Okunevo culture bearers on the basis of its developed chronology and periodization is stated, as well as the study of the origin of the Okunevo culture taking into account anthropological materials not only of the suite of related cultural formations of the Early Bronze Age of the vast territories of South Siberia and Central Asia, but also of the remote western regions of Eurasia. Using the latest palaeogenetic data, the hypothesis of the Yenisei linguistic affiliation of the Okunevo culture bearers is rejected.

Keywords: *Middle Yenisei, Bronze Age, Okunevo culture, paleoanthropology, craniometry*

¹⁰ Konstantin N. Solodovnikov — Tyumen Scientific Centre SB RAS, 86 Malygin st., Tyumen, 625026, Russian Federation; e-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219.

ИСКУССТВО И РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Жертвоприношение быка в окуневской культуре Южной Сибири¹

Ю.Н. Есин², А.В. Поляков³

В статье рассматривается роль крупного рогатого скота в обрядах и верованиях окуневской культуры Минусинской котловины середины III — начала II тыс. до н.э. Исследованы (а) изображения обособленной головы быка и некоторых фигур быка на скалах, стелах и плитах, (б) захоронения головы домашнего быка, преимущественно обнаруженные на территории могильников. Они интерпретированы как разные проявления одного ритуала жертвоприношения. Установлено, что декор на голове и теле быков, изображенных на камне, передает реальную раскраску и убранство подготовленных к ритуалу животных. Специфическая стилистическая группа окуневских изображений быков, отличающаяся лишенным объема и плоти телом с неестественно узкой головой, иногда с крыльями, интерпретирована как изображения душ принесенных в жертву животных. Истоки этого ритуала прослежены на памятниках III тыс. до н.э. в степях Северо-Западного Прикаспия.

Ключевые слова: Минусинская котловина, ранний бронзовый век, окуневская культура, наскальное искусство, жертвоприношение, бык, вол

Введение

Этап становления скотоводческого хозяйства, обеспечившего стабильный источник мясной и молочной пищи и тягловую силу для ранних форм транспорта, исключительно важен для изучения истоков многих традиций населения Евразийского степного пояса. К востоку от Алтайских гор он охватывает конец IV — III тыс. до н.э. В это время домашний скот, и прежде всего бык, начал играть суще-

ственную роль в обрядах и верованиях населения, его образ занял значительное место среди петроглифов региона (Леонтьев, 1980; Новгородова, 1989. С. 93, 104; Дэвлет, 1993; Есин, 2010б. Рис. 1; Кубарев, 2010. Рис. 39–44; Төрбат, 2019; Ковалев, Мунхбаяр, 2022. С. 87). Вместе с тем конкретные формы этих обрядов и роль быка в верованиях — это сложная и малоизученная исследовательская проблема.

Одной из ранних культур скотоводов на востоке Евразийского степного пояса, материалы которой могут помочь в изучении данной темы, является окуневская археологическая культура Южной Сибири. Она существовала на территории Минусинской котловины в бассейне р. Енисей около 2600–1700 гг. до н.э., занимая хронологическую позицию между афанасьевской и андроновской культурами (Поляков, 2017). В наскальном искусстве окуневской культуры имеется не только большое число полных фигур крупного рогатого скота, но и особая, довольно необычная серия изображений в виде головы быка (Леонтьев

¹ А.В. Поляков подготовил свою часть исследования в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Юрий Николаевич Есин — Leibniz-Zentrum für Archäologie, Ludwig-Lindenschmit-Forum 1, 55116, Mainz, Germany; e-mail: esin2013@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4291-3313.

³ Андрей Владимирович Поляков — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

и др., 2006. Рис. 19, 5). Эта серия еще не становилась предметом специального исследования, более того, ключевые памятники все еще не опубликованы или должным образом не введены в научный оборот.

Традиция создания самостоятельных изображений головы быка имеет сходство с традицией захоронения голов быка на территории нескольких памятников окуневской культуры (Леонтьев, 1980; Наглер, Парцингер, 2006; Поляков и др., 2018). К настоящему времени они обнаружены в 15 ямах и двух могилах на семи памятниках Минусинской котловины. По заключению зоолога А.К. Каспарова, окуневские быки принадлежат к очень крупной для раннего бронзового века породе (высота взрослых особей в холке составляла около 1,4–1,5 м), а Н.М. Ермолова осмотренные ею находки идентифицировала еще детальнее — как части скелета волов, т.е. кастрированных самцов крупного рогатого скота (см.: Леонтьев, 1980. С. 31). Эти материалы полноценно не введены в научный оборот, а их осмысление ограничивалось лишь констатацией очевидного факта ритуального назначения.

С целью изучения роли быка в обрядах и верованиях ранних скотоводов Минусинской котловины в статью включены: 1) описание и анализ изображений и захоронений голов быка в окуневской культуре, их археологический контекст и хронология; 2) сравнительный анализ обеих групп материала для выяснения возможной взаимосвязи; 3) реконструкция обряда, элементы которого проявляются в анализируемых материалах; 4) сопоставление предложенной реконструкции с археологическими материалами других древних сообществ Евразийского степного пояса и с ранними сведениями письменных источников о жертвоприношении животных у скотоводов континента для выявления типологически близких ритуальных практик.

Изображения обособленной головы быка

Окуневское искусство демонстрирует особое отношение к голове как человека, так и самых разных животных. Среди животных это прежде всего касается крупного рогатого скота — самой многочисленной группы изображений, представленной на памятниках разного типа: скалах, стелах и плитах.

Наиболее показательные выбитые на скалах изображения открыты в 1974 г. Н.В. Леонтьевым на южном склоне горы Ильинская (рис. 1) в долине р. Иня (Минусинский район Красноярского края). Плоскость

с изображениями располагается на нижнем (основном) ярусе скальных обнажений, обращена на ЮЮВ. Она является нижней частью высокого останца из коричневого песчаника. Длина плоскости — 2,02 м, высота рисунков от склона горы — 1,86 м. Основание скалы наклонное, что позволяет подняться ближе к рисункам. Изображения двух голов быка нанесены выбивкой, расположены в ряд и обращены мордой в одну сторону — на СВ и к вершине горы (рис. 2, а, б). Они близки по размеру (левая голова — 0,27×0,24 м, правая голова — 0,29×0,31 м) и одинаковы по исполнению: обе выбиты однотипным отбойником по контуру. У обоих голов идентично показаны уши; в обоих случаях изображен рот, но не изображены глаза. При этом есть и некоторые отличия: по форме рогов и форме самой головы, у левой показан контур верхней части шеи, у правой — нижней части шеи. В эпоху раннего железа и позднее здесь были выбиты и другие фигуры (рис. 2, в–д). На этой же горе возле вершины имеется еще одна плоскость с изображениями раннего бронзового века — полными фигурами лося и быка (Шер, 1980. Рис. 62; Есин, 2010а. С. 41, рис. 11; 2012а. Рис. 3, 3).

Иным типом памятника является стела у с. Московское (Усть-Абаканский район Республики Хакасия). Она установлена в северо-восточном углу ограды кургана раннего этапа тагарской культуры, находящегося в 10 км к северу от с. Московское. Стела изготовлена из красновато-коричневого песчаника и имеет размеры 1,36×0,6×0,19 м. Все изображения нанесены на одной широкой стороне, обращенной на ЮВ. Поверхностная корка камня в верхней части частично утрачена вместе с фрагментами рисунков. Первоначально на стеле была изображена крупная фигура, обращенная головой налево. Она сочетает признаки хищного зверя (голова, лапы, длинный хвост) и человека (рис. 3, а). Затем в нижнем ярусе выбиты головы двух быков, обращенных мордами вправо. Левая из них имеет замкнутый контур, два показанных по контуру уха, один длинный рог, показанный по контуру овальный глаз, рот. На голове нанесен крест (рис. 3, б). Правая голова более схематична: четко прослеживается только верхний ее контур и рот, один рог, линия уха, выбитый в виде лунки глаз (рис. 3, в). Позднее она оказалась перекрыта фигурой персонажа, подобного основному образу стелы, но в этом случае с ногами и телом человека и головой медведя; его руки завершаются крупными кинжалами или иными остриями (рис. 3, д). В это же время, возможно, выбита голова

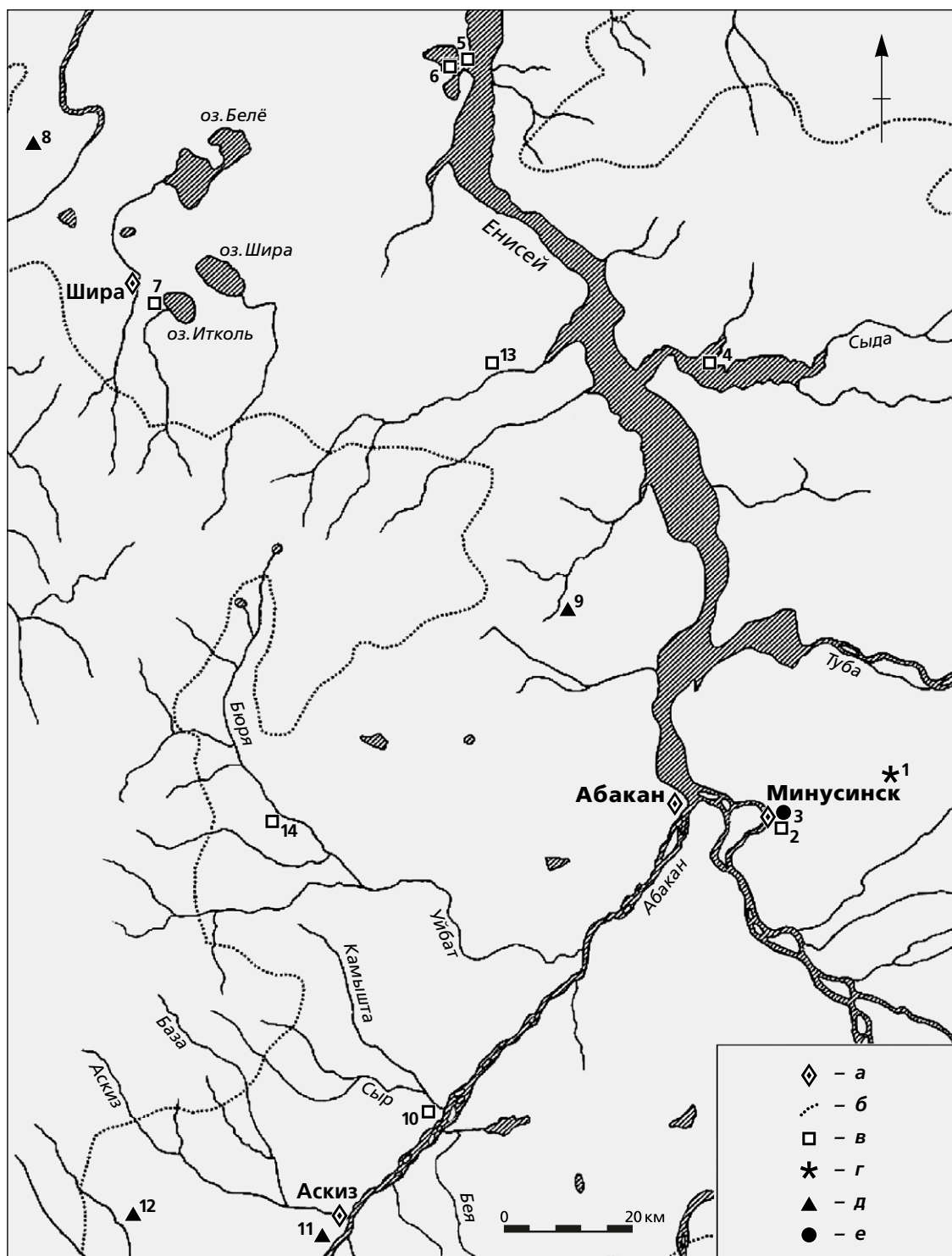

Рис. 1. Карта памятников окуневской культуры, упомянутых в статье: 1 — Ильинская, 2 — База Минторга, 3 — Минусинск, 4 — Сыда V, 5 — Черновая VIII, 6 — Разлив X, 7 — Итколь II, 8 — Июс, 9 — Московское, 10 — Усть-Камышта-1, 11 — Аскиз, 12 — Кызлас, 13 — Знаменка, 14 — Уйбат V. Условные обозначения: а — город или поселок; б — граница лесной зоны; в — могильник; г — наскальные изображения; д — стела; е — яма с черепами быков

Fig. 1. A map of Okunevo culture sites named in the article: 1 — Ilyinskaya; 2 — Baza Mintorga; 3 — Minusinsk; 4 — Syda V; 5 — Chernovaya VIII; 6 — Razliv X; 7 — Itkol II; 8 — Iyus; 9 — Moskovskoye; 10 — Ust-Kamyshta-1; 11 — Askiz; 12 — Kyzlas; 13 — Znamenka; 14 — Uybat V. Legend: а — town or village; б — border of forest zone; в — burial ground; г — rocken gravings; д — stele; е — pit with bull skulls

Рис. 2. Плоскость с изображениями голов быка (а, б) на горе Ильинская. Визуализация на основе 3D-модели (Ю.Н. Есин)

Fig. 2. A plane with bull heads' images (a, б) on the mount Ilyinskaya. A visualization based on 3D model (by Yuri N. Yesin)

лося, показанная, в отличие от соседних голов быка, с частью шеи (**рис. 3, з**). В «тагарское» время в верхней части камня выбиты схематичная человеческая фигура анфас, кабан (**рис. 3, е, ж**) и, вероятно, круглые лунки.

Уникальным является изображение головы быка анфас на стеле столбообразной формы у пос. Июс (Ширинский район Республики Хакасия). Стела переиспользована на поминальнике таштыкской культуры, расположенном в 5 км от пос. Июс. Это коричневатый песчаник размерами 2,3×1,14×0,28 м. Изображение в виде головы быка, отсутствующее в прежних публикациях (см.: *Леонтьев и др.*, 2006. № 288), обнаружено на узкой задней грани стелы, на небольшом выступе в ее нижней части. Выбитой линией показан контур нижней части морды, переходящий в два рога. Два овальных глаза тоже очерчены по контуру. На лбу головы силуэтом выбит кружок (**рис. 4**). Изображение этой головы, вероятно, одновременно основной композиции стелы, так как на аналогичном месте окуневских стел и их миниатюрных копий несколько раз зафиксированы изображения антропоморфных лиц или голов животных (см.: *Леонтьев и др.*, 2006. № 194, 195; *Поляков, Есин*, 2015. Рис. 9, 1b, 4b).

Самостоятельные изображения голов животных имеют сходство с традицией обособлять голову жи-

вотного при изображении полной фигуры. В одном варианте это достигается с помощью поперечной линии на шее. В другом — изображение головы выполнено силуэтом, а туловища — контуром (*Есин*, 2018a. Рис. 1, 3). Специального внимания заслуживает также вариант, когда изображены только голова и передние ноги (**рис. 5, б**) (*Поляков и др.*, 2018. Рис. 23). В некоторых случаях гравировкой изображена полная фигура животного, но выбивкой проработаны только голова и передние ноги (**рис. 5, в, г**). На плите кургана 1 могильника Итколь II (обнаружена в перевернутом виде в западной части северной стенки ограды кургана) все эти варианты показаны рядом с самостоятельным изображением головы быка (**рис. 5, а**).

Часто обособление головы сочетается с поперечной линией, отделяющей заднюю часть животного, в результате чего вся фигура разделена на три части. Реже наряду с обособленной головой у фигуры показано еще две поперечных линии, разделяющих на три части уже только туловище. Эти приемы часто дополняются элементами «рентгеновского стиля» или еще более сложным оформлением (**рис. 6**).

По форме головы рассмотренные изображения можно подразделить на два типа: 1) голова короткая и широкая; 2) голова удлинённая и узкая. Последний тип включает два подтипа: а) относительно реали-

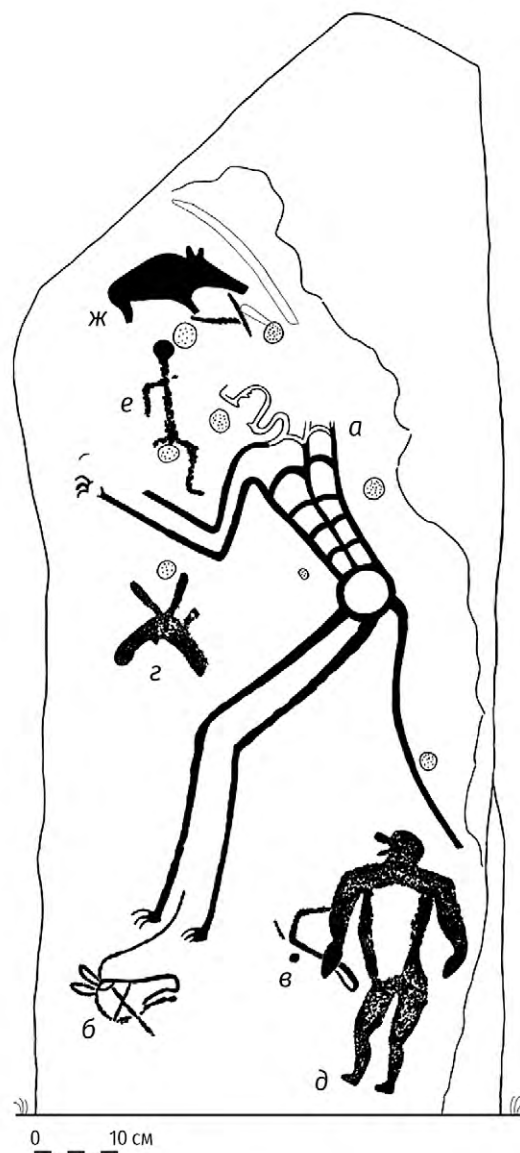

Рис. 3. Стела у с. Московское: б, в — головы быка; з — голова лося (фото и прорисовка Ю.Н. Есина)

Fig. 3. A stele near Moskovskoye village: б, в — bull heads; з — moose head (photo and drawing by Yuri N. Yesin)

стичные изображения; б) сильно стилизованные, которые по находкам в кургане Разлив Х получили название «разливский стиль» (Леонтьев, 1980. С. 33; Савинов, 2004). Голова первого типа у полных фигур всегда сочетается с крупной и низко опущенной мошонкой между задних ног и явно связана с образом быка-производителя (рис. 6, 1–3). У фигур с головой второго типа такие яркие половые признаки отсутствуют (рис. 5, ж), либо между задних ног даже показано вымя; только у этого типа в носу иногда показана петля с поводом для управления животным (рис. 6, 4), а само животное может быть запряжено в повозку (рис. 6, 5). Поэтому второй тип в окунев-

ском искусстве связан с образами волов и коров. Различия в изображении головы коррелируют с биологическими различиями между формами головы быка и головы коровы, вола. В таком контексте описанные выше парные головы животных с горы Ильинская и стелы у с. Московское могут быть отнесены ко второму типу.

Помимо головы быка среди окуневских изображений на камне встречаются самостоятельные изображения головы лошади (?) (Есин, 2012б. Рис. 4; 5; Леонтьев и др., 2006. № 300), лося (Леонтьев и др., 2006. № 46), барана (Там же. № 95, 111), кабана (Поляков, Есин, 2015. Рис. 11). Головы некоторых животных

Рис. 4. Голова быка на стеле у с. Июс
(прорисовка Ю.Н. Есина)

Fig. 4. A bull head on the stele near Iyus village
(drawing by Yuri N. Yesin)

и птиц найдены также вырезанными из рога или кости (Там же. Рис. 8). В окуневском искусстве обособление головы встречается и у полных фигур животных, и птиц разных видов. Это позволяет рассматривать обособление головы как универсальный прием, передающий какое-то важное для носителей культуры содержание, возможно, связанное с обрядовой практикой (см. ниже).

Захоронения головы быка

Впервые голова крупного рогатого скота на памятнике окуневской культуры обнаружена в ходе раскопок кургана 3 могильника Сыда V (Красноту-

ранский район Красноярского края) в 1965 г.: череп комолого животного находился в юго-западном углу могилы 4, где выявлено потревоженное погребение подростка в возрасте около 12 лет. В том же кургане в потревоженной могиле 9 в заполнении найден череп лошади. Часть черепа еще одной лошади найдена в насыпи кургана 4 (Грязнов, Комарова, 2006).

Другая заслуживающая внимания находка была сделана в ходе раскопок кургана окуневской культуры Разлив X (Богградский район Республики Хакасия) в 1973–1974 гг. Вблизи середины восточной стенки ограды кургана здесь расположены две ямки (размерами по 0,3×0,3 м), обставленные по стенкам плитками, ориентированными аналогично ограде кургана. В одной из них, перекрытой плиткой, находился полный череп быка и две его метаподии (Пшеницына, Пяткин, 2006. С. 83, рис. 1).

Сразу несколько голов быка обнаружено в 1978 г. на могильнике База Минторга. Памятник располагался на современной юго-восточной окраине г. Минусинск, на вершине небольшой возвышенности 1-й надпойменной террасы р. Енисей (Леонтьев, 1979; Вадецкая, 1986. С. 39; Наглер, Парцингер, 2006). Его особенностью является отсутствие ограды кургана, напоминающее традиции тувинского варианта окуневской культуры. Десять ритуальных ям располагались рядом с пятью окуневскими погребениями. Три ямы содержали черепа крупных копытных: 1) на дне округлой ямы (диаметром 1,65 м и глубиной 0,45 м) находилось шесть черепов быка, три из кото-

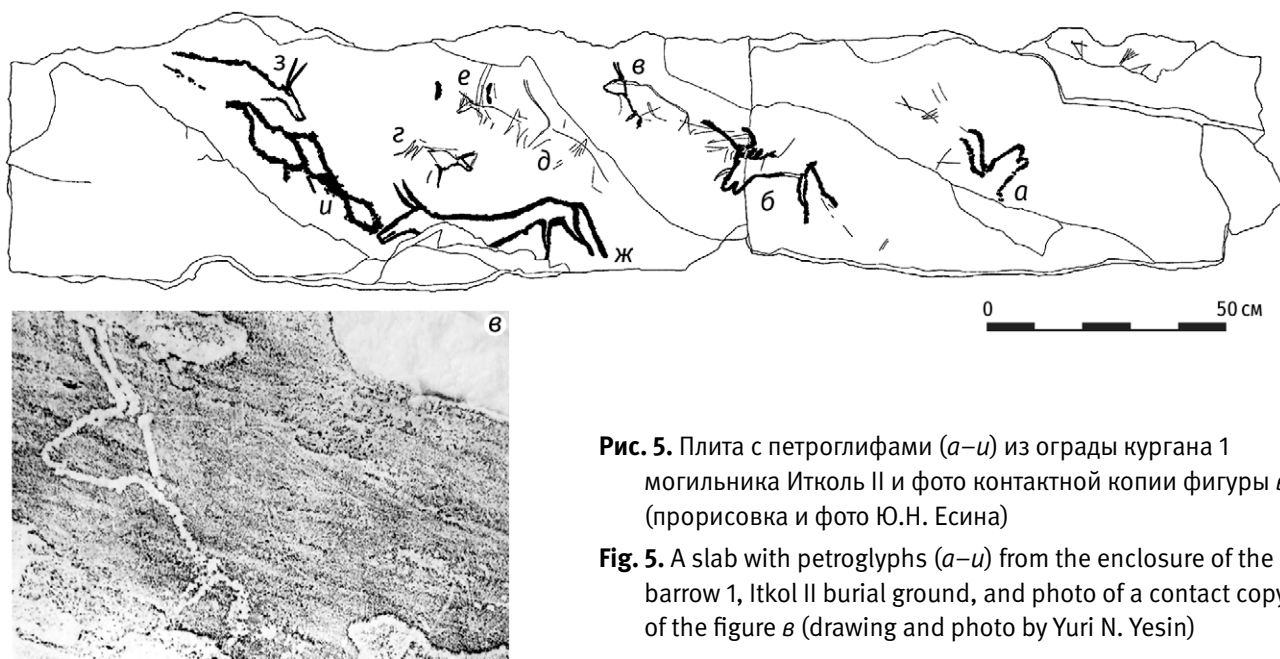

Рис. 5. Плита с петроглифами (а–и) из ограды кургана 1
могильника Итколь II и фото контактной копии фигуры в
(прорисовка и фото Ю.Н. Есина)

Fig. 5. A slab with petroglyphs (a–u) from the enclosure of the
barrow 1, Itkol II burial ground, and photo of a contact copy
of the figure в (drawing and photo by Yuri N. Yesin)

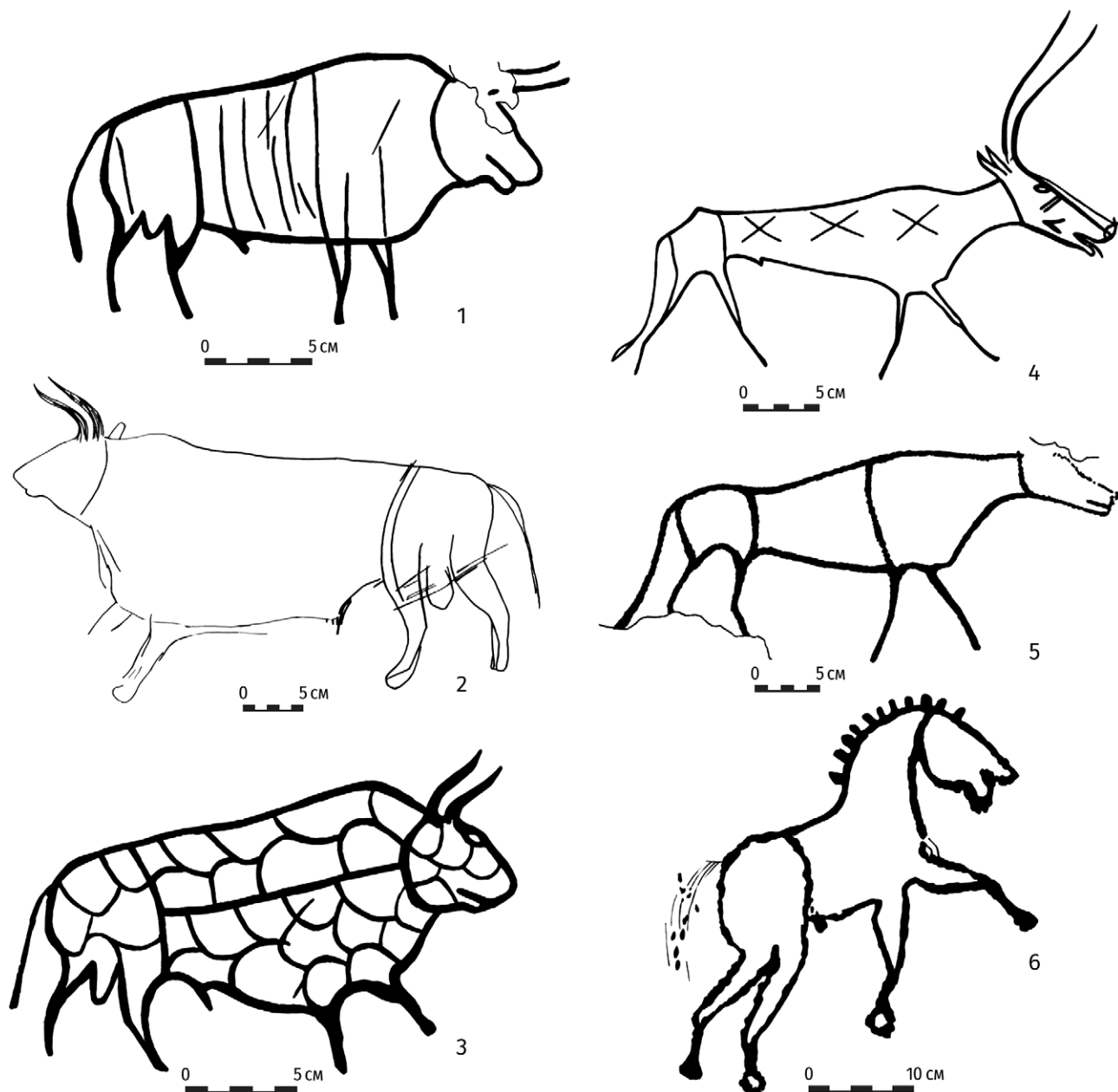

Рис. 6. Фигуры крупных копытных с обособленной головой: 1–3 — быки-производители; 4, 5 — волы; 6 — лошадь (1 — Итколь II, курган 26; 2–4 — Черновая VIII; 5 — Знаменка, 6 — Тюре-таг (прорисовка Ю.Н. Есина)

Fig. 6. Images of large ungulates with detached head: 1–3 — stud bulls; 4, 5 — bullocks; 6 — horse (1 — Itkol II, barrow 26; 2–4 — Chernovaya VIII; 5 — Znamenka, 6 — Tyure-tag (drawing by Yuri N. Yesin)

рых направлены мордами на СВ, а другие три — в противоположную сторону; слева от каждого черепа находились нижние части двух передних ног животного (фаланги и пястные кости); сверху этого яруса находился еще один (плохо сохранившийся) череп быка; 2) в овальной яме (размерами 1,1×0,95 м и глубиной 0,45 м) находились четыре черепа быка мордами на СВ, сверху них положены их нижние челюсти и нижняя часть передних ног; 3) в округлой

яме (диаметром 0,9 м и глубиной 0,45 м) обнаружены череп лошади (мордой в восточную сторону) и барана, сверху которых тоже находились нижние челюсти и нижние части передних ног. Три ямы содержали черепа и кости ног овцы. Четыре ямы были заполнены мелкими камнями и содержали небольшие фрагменты костей животных.

С точки зрения взаимосвязи ям с конкретными погребениями можно отметить, что круглая яма

с семью черепами располагалась по оси могилы 1, примерно в 4,5 м к СВ от нее. Яма с черепом лошади выкопана в ногах погребенного могилы 2, немного нарушив ее северо-восточную стенку. Яма с четырьмя черепами быка располагалась на северо-восточной периферии всей группы погребений и в 3,8 м от могилы 4. Остальные ямы и ямки располагались к СЗ или З от могил. В целом соотношение количества могил и ям, разное содержание ям могло отражать либо разные стороны одного обряда, либо неоднократное (скорее, двукратное) проведение обрядов поминального характера при различии в их масштабе на разных этапах проводок умерших (рис. 7).

К СВ от всей этой группы объектов (в ногах захороненных людей) и в 10 м от ямы с четырьмя черепами быков находилась ритуальная прямоугольная площадка (размерами 7,6×4,9 м), огороженная вертикально врытыми плитками и разделенная ими же на части. Внутри этой площадки найдено более 70 зубов домашних копытных, каменный нож, несколько фрагментов окуневской керамики и др. (Наглер, Парциггер, 2006. Рис. 10). Подобные ритуальные площадки сейчас хорошо известны и, вероятно, располагались к востоку от всех курганов окуневской культуры, являясь неотъемлемой частью погребально-ритуального комплекса (Поляков, 2010; 2014; Поляков и др., 2018. С. 136). Более того, аналогичные сооружения известны для синхронных культур окуневского круга Тувы и Монгольского Алтая (Тишкин и др., 2012;

Лазаретов, Поляков, 2018). В центральной части таких площадок обычно располагался прямоугольный или округлый очаг-жертвенник, содержащий продукты горения и небольшие обугленные фрагменты костей копытных. На территории Базы Минторга он находился снаружи середины западной стенки площадки и имел вид длинной неглубокой ямы размерами 2,2×0,8×0,18 м.

В 2016–2017 гг. новые ямы с черепами быков найдены в ходе раскопок двух курганов могильника Итколь II (Ширинский район Республики Хакасия). Две ямы были впущены в верхнюю часть насыпи кургана 25, относящегося к афанасьевской культуре (Поляков и др., 2018. С. 125–126). Видимо, в период существования окуневской культуры пространство внутри круглой ограды этого кургана было использовано в качестве ритуальной площадки. Возможно, это было связано с проведением погребальных и поминальных обрядов для какого-то из близлежащих окуневских курганов (скорее всего, ближайшего кургана 26, который расположен в нескольких метрах восточнее), так как внутри афанасьевской ограды окуневских могил нет. В центр ограды была впущена овальная яма, вытянутая по линии ЮЗ–СВ, заполненная камнями, с темным органическим заполнением между ними и на дне. Она напоминает ямы возле окуневских стел, которые могли использоваться для слива крови жертвенных животных. Менее чем в 1 м к западу от этого объекта выявлена оваль-

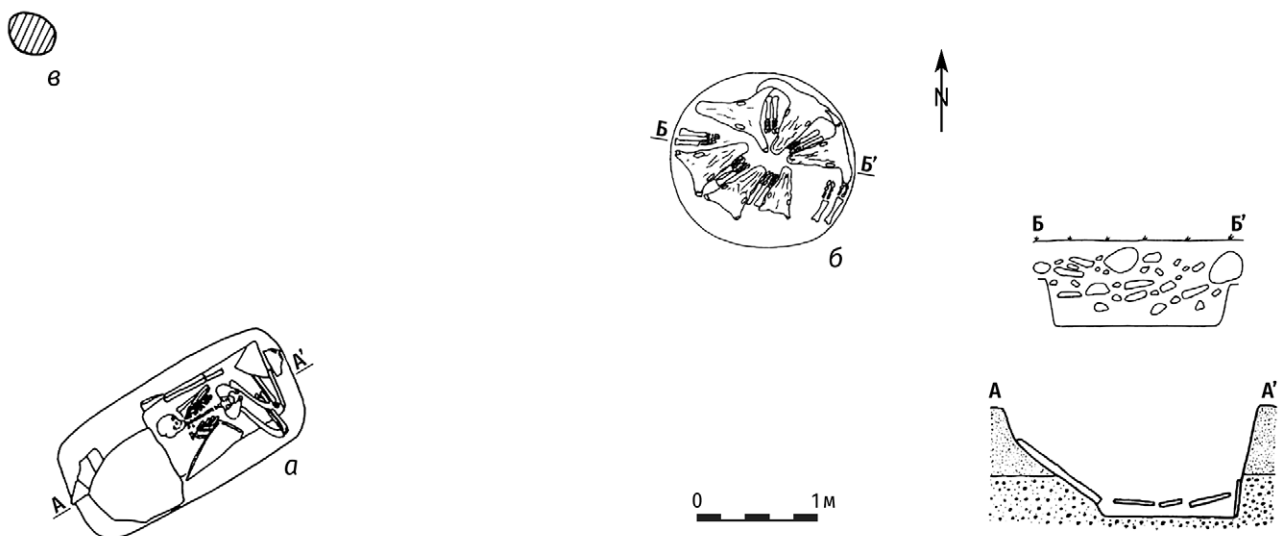

Рис. 7. База Минторга, план могилы 1 (а) и ближайших к ней жертвенных ям (б, в): б — яма с черепами быка; в — ямка с нижней челюстью и костями ноги овцы (по чертежам Н.В. Леонтьева)

Fig. 7. Baza Mintorga, plan of the grave 1 (a) and adjacent sacrifice pits (б, в): б — a pit with bull skulls; в — a pit with mandible and leg bones of a sheep (after drawings by Nikolay V. Leontyev)

ная яма (размерами 1,5×1,2 м и глубиной около 0,5 м), вытянутая по линии С–Ю. В яме находились уложенные друг на друга черепа и концы передних ног восьми быков. В нижнем ярусе три черепа обращены мордами в восточную сторону (рис. 8, б), в верхнем ярусе — один череп лежал аналогично предыдущим, а другой — в прямо противоположном направлении. Еще два черепа были уложены вдоль западного края ямы мордой на север, один — вдоль северного края мордой на запад (рис. 8, а). Сверху черепа были накрыты несколькими плитами песчаника. На перекрытии ямы и рядом с ней обнаружено два каменных песта, очевидно, использовавшихся в ходе проводившихся на площадке обрядов. В 3,5 м к ВСВ востоку от центрального объекта обнаружена прямоугольная яма (размерами 0,95×0,6 м и глубиной около 0,3 м) с округленными углами, обставленная по стенкам каменными плитками и перекрытая плитками (рис. 8, в). В нее помещен один череп быка мордой

на ВСВ с концами передних ног по бокам (рис. 8, г). Крупная плитка западной стенки ямы выступала на поверхности кургана.

Еще две неглубокие ямы с черепами быка впущены в насыпь кургана 1, относящегося к позднему этапу окуневской культуры (Поляков и др., 2018. С. 135, рис. 16). Они найдены в свободной от погребений восточной части ограды кургана. Один череп находился в грунтовой яме прямо по центральной оси кургана и был направлен мордой на восток (рис. 9, а, 1), в сторону центрального объекта находившейся рядом ритуальной площадки. На лобной кости (*os frontale*) черепа прослеживается округлое пятно красной краски с нечеткими краями — очевидно, остатки раскраски на голове быка, которая была нанесена сверху шкуры перед забоем. Менее четкие подобные же следы имеются на носовой кости (*os nasale*) — вероятно, остатки узкой поперечной линии (рис. 9, б, в). В качестве пигмента, видимо, использован гематит

Рис. 8. Две ямы с черепами быков из кургана 25 могильника Итколь II: а, б — яма 1; в, г — яма 2 (фото А.В. Полякова)

Fig. 8. Two pits with bull skulls, barrow 25, Itkol II burial ground: а, б — pit 1; в, г — pit 2 (photo by Andrey V. Polyakov)

(см.: Есин и др., 2014). Другой череп был помещен в яме, обставленной каменными плитками (рис. 9, а, 2). Она расположена к югу от каменной гробницы в СВ углу ограды, ориентирована длинными сторонами аналогично этой гробнице и параллельно восточной стенке ограды. Этот череп обращен мордой на юг, в сторону предыдущего черепа.

Выявление подобных объектов продолжается и в ходе новых раскопок. Так, в 2022 г. при исследовании могильника Усть-Камышта-1 (Аскизский район Республики Хакасия) зафиксировано сразу шесть объектов окуневской культуры, содержащих кости быков. Они образуют две группы.

К одной группе принадлежат две частично разрушенные ямы, впущенные в насыпь мультикультурного кургана 10N и обставленные по стенкам камнями или плитками и перекрытые плитками. Первоначальное сооружение было возведено в период существования афанасьевской культуры. Позднее в него были впущены сооружения и могилы окуневского времени, относящиеся к различным хронологическим этапам. Наиболее поздние из них на основании суммы признаков могут датироваться разливским этапом, определяемым сейчас около XIX–XVIII вв. до н.э. (Polyakov, Lazaretov, 2020. Р. 4). Одна яма с черепом и костями передних ног, ориентированными на восток, расположена в 0,5 м на СВ от такой поздней могилы в восточной части впуск-

ного окуневского кургана. Во второй яме, обнаруженной в 3,5 м на запад от первой, найдены остатки двух черепов с концами передних ног, уложенные мордами и копытами навстречу друг другу по оси С–Ю.

Другая группа представляет собой цепочку ям за пределами оград курганов. В одной из них был найден фрагмент сосуда окуневской культуры, что позволяет относить к этому времени всю цепочку. Череп быков найдены в трех ямах. Первая из них (диаметром 2,5 м и глубиной 0,15 м от уровня материковой поверхности) расположена в 1 м к СВ от ограды кургана 10N, другие — более удалены от кургана в том же направлении. Во второй яме (размерами 3,2×2,8 м и глубиной до 1 м), имевшей уступ в нижней части, обнаружены остатки практически полной туши быка: в сочленении, но по отдельности найдены крестец с прилегающей нижней частью позвоночника; верхняя часть позвоночника с ребрами; кости черепа, ног, лопатки. В последней яме овальной формы (вытянута по линии С–Ю, размерами 2,5×1,9 м и глубиной 1 м) обнаружены четыре черепа быка и три отдельных рога: верхняя часть черепной коробки с рогами уложена в центральной части, под ней располагалась часть черепа с верхней челюстью; ниже по уровню, ближе к западной стенке, находился перевернутый целый череп без нижней челюсти; к ЮЗ от него располагался рог, под рогом и черепом — верхняя часть черепа с рогами;

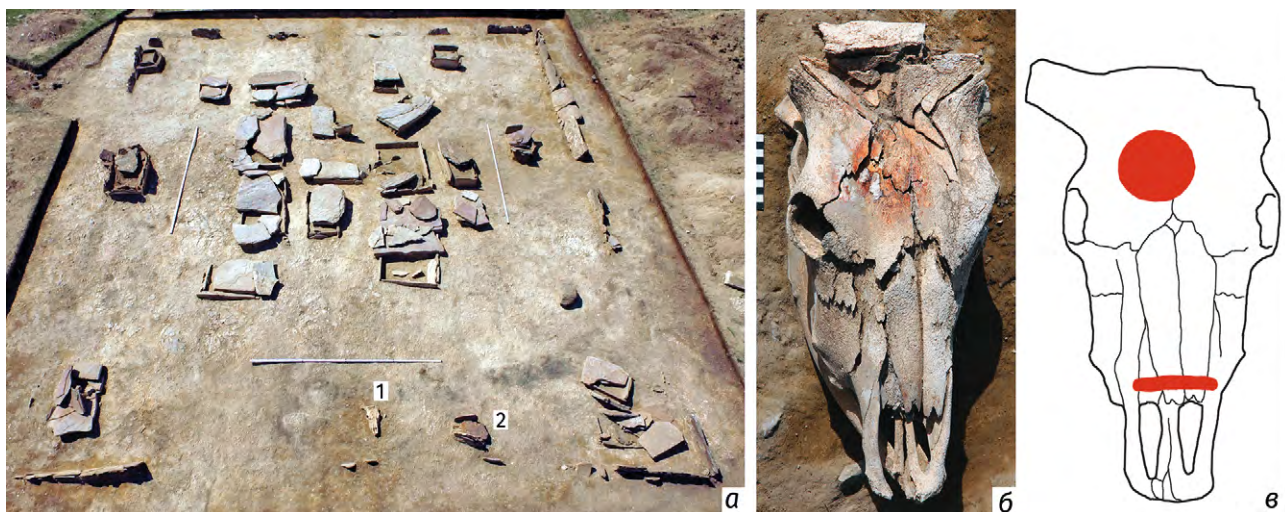

Рис. 9. Черепа быков (1, 2), захороненные в восточной части ограды кургана 1 могильника Итколь II: а — план кургана; б — следы красной краски на черепе 1; в — реконструкция раскраски на черепе 1 (а — фото А.В. Полякова; б, в — фото и рисунок Ю.Н. Есина)

Fig. 9. Bull skulls (1, 2) buried in the eastern part of the enclosure of the barrow 1, Itkol II burial ground: а — plan of the barrow; б — traces of red color on the skull 1; в — reconstruction of the coloration on the skull 1 (а — photo by Andrey V. Polyakov; б, в — photo and drawing by Yuri N. Yesin)

в северо-восточной части ямы находились два отдельных рога.

Некоторые ямы с черепами быков найдены за пределами могильников. В частности, одна яма с черепом быка найдена в конце 1980-х гг. в котловане песчаного выдува в 1 км к северу от Базы Минторга, на краю другой возвышенности. Вокруг черепа собраны фрагменты кремневых наконечников стрел, из которых удалось склеить несколько целых изделий, переданных в Минусинский краеведческий музей (Есин, 2010б. С. 44, рис. 4). Очевидно, что наконечники были намеренно сломаны перед тем, как оказались около головы быка. В середине 1990-х гг. Н.В. Леонтьев и Ю.Н. Есин смогли осмотреть место находки, но других археологических памятников не обнаружили.

В 1984 г. на стоянке Тоора-Даш тувинского варианта окуневской культуры в Саянском каньоне р. Енисей (Улуг-Хемский район Республики Тыва) найдена перекрытая камнями яма (размерами 0,8×0,9 м) с черепами двух быков и трех козлов (или баранов) мордами на СВ. Яма располагалась рядом с алтарем прямоугольной формы из вертикально вкопанных плиток (размерами 1,00×0,85 м и высотой 0,2 м) с прокалом внутри и несколькими ямками, заполненными дроблеными костями животных. Сверху этого комплекса был устроен очаг (размерами 1,3×1,3 м; мощность 0,1 м), вокруг и внутри которого найдено большое количество кремневых отщепов, чешуек, три сломанных наконечника стрел и скребок (Семенов, 2018. С. 153–154).

Уникальный, но частично разрушенный ритуальный комплекс окуневского времени, не связанный с погребальным контекстом, открыт на памятнике Хондергей 22 в более южном районе Тувы (Дзун-Хемчикский район Республики Тыва) (Килуновская и др., 2021. С. 155–156; Килуновская, 2023. С. 150–151). Его можно интерпретировать как ритуальную площадку с центральным объектом в форме крупного контурного изображения быка из вкопанных на ребро камней. Первоначальные размеры фигуры составляли около 4×6 м, но ее передняя часть уничтожена современной дорогой. Голова быка, аналогично черепам в ямах на других памятниках, была направлена в восточную сторону. С западной стороны от фигуры обнаружены ямы глубиной около 0,5–1,0 м, заполненные камнями с угольками.

В целом перечисленные памятники свидетельствуют об особом отношении к голове быка и других животных, о существовании устойчивого ритуала,

предполагавшего отрезание головы животного и ее захоронивание в яме. По контексту такие объекты можно разделить на две группы: 1) обнаруженные на территории могильников; 2) не связанные с погребальными памятниками. Абсолютное большинство находок пока принадлежит к первой группе. Несмотря на ограниченность материалов, в размещении объектов этой группы заметны некоторые различия. Возможно, отчасти они связаны с разными датировками памятников, принадлежащих к нескольким хронологическим этапам и горизонтам окуневской культуры (Лазаретов, 2019; Поляков, Лазаретов, 2020. Р. 4). Первоначально (на уйбатском и тасхазинском горизонтах) головы животных, часто сразу по несколько экземпляров, захоронивались в больших грунтовых ямах неподалеку от оград курганов (три ямы могильника Усть-Камышта-1) или рядом с отдельными могилами (База Минторга); в обоих случаях — к СВ. К этой же группе примыкают ямы на особой ритуальной площадке (Итколь II, курган 25) к западу от окуневского кургана (Итколь II, курган 26; лебязинский горизонт). К более позднему времени относятся находки черепов копытных непосредственно в гробницах людей одного из курганов (Сыда V, курган 3; черновской горизонт). На заключительном этапе (разливский горизонт) окуневской культуры черепа быков размещаются по одному или по два в ямках, обычно обставленных плитками, внутри ограды кургана в восточной его части (Разлив X; Итколь II, курган 1; Усть-Камышта-1, курган 10N) (Поляков, 2021. С. 173–174).

Часть черепов явно сопровождали конкретных погребенных, но черепа, захороненные в восточной части курганов по их оси (рис. 9, а), видимо, связаны с курганом в целом, с началом или с завершением его использования как места погребения членов коллектива. Коллективный адресат возможен и для быков, захороненных за пределами оград окуневских курганов (Итколь II, курган 25; Усть-Камышта-1, три ямы).

В большинстве случаев, когда определено первичное положение черепа животного, он был направлен мордой в восточную сторону. Иная ориентировка встречается, когда черепов в яме много либо захоронена пара. В последнем варианте черепа могли быть направлены мордами навстречу друг другу. Доминирующая ориентировка указывает на связь смысловой части обряда с восходом солнца.

На всех этапах вместе с головой животного часто захоронены нижние части передних ног. Аналогичный обряд порой распространялся и на других

копытных — овец и лошадей. Черепа овец (тоже часто вместе с концами ног), кроме того, помещались на дно ям особых святилищ перед установкой каменных стел столбообразной формы (Кызласов, 1986. С. 102–125; Леонтьев и др., 2006. С. 14–15). Высказывалось предположение, что наличие костей нижней части ног указывает на захоронение головы вместе со шкурой животного (см.: Грязнов, 1977). Однако это вряд ли можно считать общим правилом. В ряде случаев размеры ямы не допускают размещения объемной шкуры крупного копытного, скорее можно предполагать захоранивание головы только с передней частью шкуры или головы и концов ног вообще без шкуры. В тех случаях, когда нижние челюсти помещены отдельно, имела место более глубокая разделка забитого животного. В некоторых случаях, наоборот, объектом захоронения могли быть только шкуры, так как на памятнике Итколь II, курган 25, были найдены две ямы, не содержавшие костей животных, но аналогичные по устройству ямам с черепами и копытами.

Сопоставление двух групп материалов и реконструкция обряда

Сравнение двух групп материалов одной культуры — изображений обособленных голов животных и черепов животных в ритуальных ямах — представляется наиболее естественным вариантом объяснения первых и одновременно расширяет контекст для понимания вторых. Такой сравнительный анализ показывает, что обе группы — это разные проявления одного круга идей и ритуальных действий.

В пользу этого свидетельствует не только общее сходство образа на камне и объекта ритуала, но и совпадение важной детали: изображение головы животного с передними ногами соответствует находкам аналогичных комплектов в ритуальных ямах — череп и части только передних ног.

Еще одна важная общая деталь: округлое пятно красной краски на лобной кости черепа быка из кургана 1 могильника Итколь II соответствует силуэтному кругу на лбу головы быка, изображенной анфас на стеле у пос. Июс. С этими кружками сопоставимы также контурные кружки возле лба у полных фигур быка в профиль, прочерченных на плитке песчаника из могильника Разлив X и стеле с р. Аскиз (рис. 10, 1, 2). Обе фигуры отличаются очень узким корпусом и головой и могут быть отнесены к разливскому стилю, т.е. хронологически близки кургану 1 могильника Итколь II.

Петля в носу с протянутым к рогам поводом позволяет идентифицировать в этих рисунках тягловых животных (Есин, 2018а). В связи с последним нужно отметить, что черепа животных с Базы Минторга зоологом Н.М. Ермоловой определены не просто как быки, но как волы (Леонтьев, 1980. С. 31). Парность голов быка на горе Ильинская и на стеле у с. Московское также может быть связана с намерением изобразить рабочий скот, составляющий упряжку повозки. При этом имеющиеся различия между соседними головами представляются намеренным противопоставлением внутри пары, подобно различиям в изображении запряженных животных и даже правого и левого колеса окуневских повозок (см.: Есин, 2012б). Аналогичное объяснение не исключено и для парных черепов в некоторых ямах.

Прагматика захоронений голов быка возле погребений людей, благодаря этому соседству, явно связана с погребально-поминальными обрядами. Вероятно, такие жертвы адресованы умершим. При этом помещение в яму головы, концов передних ног (в каких-то случаях вместе с передней частью шкуры) не является подношением порции мясной пищи, но символизирует принесенное в жертву целое животное (подобно полной туше быка в одной из ранних жертвенных ям Усть-Камышты-1). Видимо, оно должно было оказаться в ином мире совместно с умершим и помочь ему в этом пути, на что указывает идентичная ориентировка могил людей и голов животных в ямах. С предстоящим перемещением связано и частое помещение вместе с черепом быка его ног. Морды животных, как и лица умерших людей в могилах, обращены к восходу солнца, что связывает представление о пути в иной мир с траекторией движения солнца (от уровня земного горизонта — на небо). С солнцем же, видимо, связан и кружок на лбу или возле лба животных; в одном случае у такого кружка показаны лучи (рис. 10, 2)⁴.

Полные фигуры животных в профиль с отделенной головой, представленные в окуневском искусстве очень широко, содержат дополнительную информацию о ритуале, в процессе которого забивалось животное. Некоторые изображения быков, туловища которых «расчерчены пересекающимися прямыми

⁴ Размещение символа светила на лбу быка имеет хронологически и территориально наиболее близкий аналог на голове быка из золота в жреческом погребальном комплексе Алтын-депе (Туркменистан), около середины III тыс. до н.э. Однако в последнем случае изображен символ в виде полумесяца (Массон, 1981. Табл. XXIII, 1).

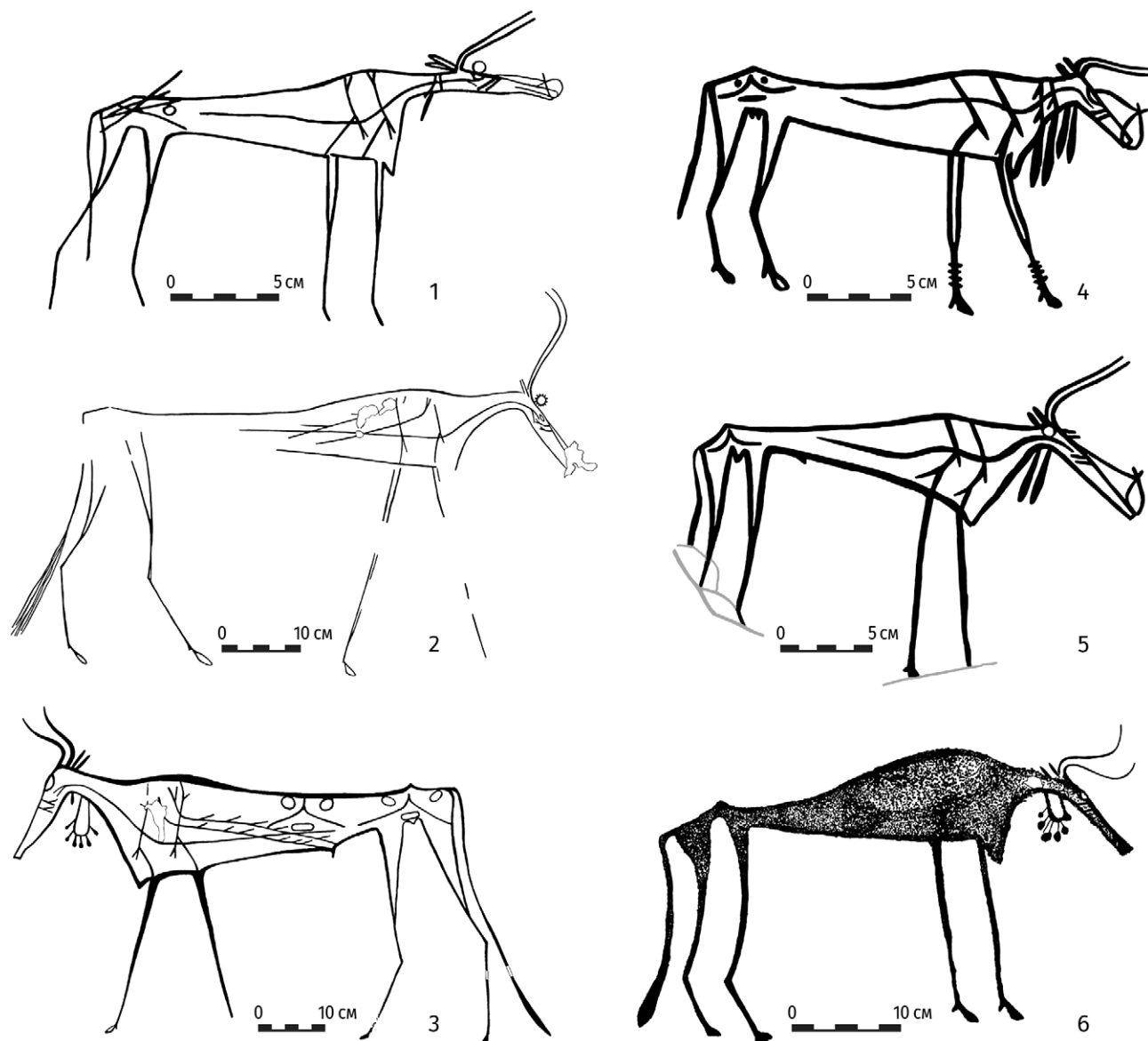

Рис. 10. Фигуры быков с неестественно узким телом и головой (разливский стиль): 1, 4, 5 — Разлив X; 2, 3 — Аскиз; 6 — Знаменка (прорисовки Ю.Н. Есина)

Fig. 10. Images of bulls with unnaturally narrow body and head (Razliv style): 1, 4, 5 — Razliv X; 2, 3 — Askiz; 6 — Znamenka (drawing by Yuri N. Yesin)

или волнистыми линиями, образующими иногда нечто очень похожее на схемы разделки туши, вывешиваемые в наших мясных магазинах», уже предлагалось связывать с предписаниями, как следует разделять тушу жертвенного быка (Шер, 1992. С. 37). Регулярное повторение на фигурах животных места размещения такого рода линий действительно демонстрирует наличие определенных правил, среди которых основополагающее — деление туши животного на три части. Эти же три главные части идентифицируются в обособленных частях скелета быка из

жертвенной ямы Усть-Камышты-1: голова, верхняя часть позвоночника, нижняя часть позвоночника с крестцом. У некоторых быков, изображенных на камне, наряду с делением тела на крупные части показаны важные для ритуала внутренние органы и элементы скелета. Трехчастность фигур быков, помимо этого, имеет параллели с трехчастной композицией окуневских стел и изображений голов божеств, поэтому должна рассматриваться не просто как схема разделки, а как схема отождествления частей тела животного с частями мира (см.: Есин, 2012a).

Подобные схемы отождествления лежали в основе жертвоприношений в древности и наполняли ритуал смыслом. Пример близкой схемы сохранился в ритуальных текстах скотоводов северо-западной части Индостана, описывающих практику XV–V вв. до н.э. Базовой моделью обряда являлось первое жертвоприношение, в результате которого был создан мир (РВ. X. 90)⁵. Жертвоприношения разных животных — варианты этой модели. Например, все части принесенного в жертву коня отождествлялись с частями мира (передняя часть — восток, задняя часть — запад, спина — небо, живот — воздушное пространство; и др.) и теми или иными явлениями (времена года, дни и ночи; и др.) (The Early Upanisads, 1998. P. 37; Маламуд, 2005. С. 342). При этом, учитывая различия в ареалах и возрасте, конечно, не нужно ожидать полного совпадения от сравнения окуневской системы отождествлений с той или иной конкретно-исторической традицией.

Частью подготовки быка к участию в окуневском обряде было нанесение на его шкуру раскраски. Ее остатки сохранились на черепе быка из кургана 1 могильника Итколь II, однако более полное представление о ней можно получить по изображениям животных на камне. Самый простой вариант раскраски — одна или две поперечные линии на морде животного. Более сложные варианты включают также уголок возле края рта (рис. 6, 4; 11), кружок на лбу, косые кресты и другие изображения на теле.

Наиболее сложные композиции показаны на теле животных, выполненных в разливском стиле. Среди них специально стоит отметить длинные парные наклонные линии с короткими черточками вдоль одного края (рис. 10, 2, 3), которые в контексте окуневской изобразительной традиции идентичны изображениям крыльев птиц (рис. 12). Это хорошо соответствует цели обряда, в результате которого жертва должна отправиться на небо — в мир богов и предков. Сам по себе разливский стиль изображения животных, прежде всего волов и коров, тоже соответствует этой цели — лишенные объема и плотноты корпус и морда наглядно показывали, что изображено не реальное животное, а только его душа, способная перемещаться между миром живых и небом (рис. 10).

Нужно отметить, что животные разливского стиля отличаются от более реалистичных фигур не

только отсутствием плоти и наличием крыльев, но и отсутствием поперечных линий, делящих тело на три части. В контексте обряда это выглядит как воссоздание целого из частей, на которые оно было разрезано в процессе жертвоприношения. При этом лик на задней части крупа быка сопоставим по своей структуре с ликом на вершине ряда окуневских каменных стел, пищевод в виде змеи — со змеем, спускающимся вниз от вершины стелы, а голова быка — с главным ликом стелы (рис. 13). Таким образом, части тела животного наглядно соотнесены с разными окуневскими мифологическими персонажами и, одновременно, со структурой мира, воплощенной в вертикальной композиции каменных стел. Существенно, что голова животного (а значит, и животное в целом) уподоблена главному божеству на стелах⁶.

Характерный атрибут быков разливского стиля — ошейник. По форме он может иметь вид простой петли (Есин, 2012б. Рис. 5; 7, 2; 2016. Рис. 13, 2), но, как правило, украшен серией небольших подвесок (рис. 10, 1) или парой крупных кистей (рис. 10, 4 — у этой коровы показано сразу два ошейника). Вероятно, реальное изделие изготавливалось из кожи, а кисти, возможно, из шерсти (крупные кисти по форме напоминают хвосты быков). По расположению на животном можно выделить три варианта изображения ошейника: 1) показан в виде поперечной линии, которая пересекает всю шею и плотно ее облегает, а вниз от нее обычно свисают подвески и кисти (всего учтено три изображения на двух памятниках — рис. 10, 1, 4; аналогичным способом показан ошейник без подвесок на шее лошади — см.: Леонтьев и др., 2006. № 181); 2) плотно облегающий ремень не изображен, но его наличие предполагается, так как возле шеи показаны пары свисающих кистей (рис. 10, 5; всего учтено семь фигур на двух памятниках); 3) ошейник свободно свисает с шеи, как будто развязан, при этом шею не пересекает (рис. 10, 3; всего учтено восемь фигур на шести памятниках). Количественное соотношение разных вариантов демонстрирует, что ошейник редко изображали пересекающим шею (возможная причина этого будет рассмотрена ниже).

⁵ Здесь и далее тексты приводятся по изданию: The Rigveda, 2014.

⁶ Схожая, но гораздо более сложная система отождествлений частей жертвенного быка и коровы с различными божествами представлена в Атхарваведе (AB. IX. 7 и 4). В одном случае такие божества подаются как получатели соответствующей доли жертвы (приведено по изданию: Атхарваведа, 2007).

Рис. 11. Фрагмент плиты с изображениями, Итколь II, курган 1: *а-в* — фигуры быков; *з* — лодка с пассажирами (прорисовка Ю.Н. Есина)

Fig. 11. A fragment of the slab with images, Itkol II, barrow 1: *a-b* — bulls; *z* — a boat with sitters (drawing by Yuri N. Yesin)

Способ и место жертвоприношения

Специального изучения зоологов заслуживает вопрос, как именно животные, головы которых захоронены в ямах, умерщвлялись. Пока, ввиду отсутствия явных следов этого действия на черепах, вероятным способом кажется удушение, использование которого в ходе жертвоприношений скотоводами степного пояса и родственными им племенами более южных земель конца II—I тыс. до н.э. зафиксировано в письменных источниках. Такой способ, например, в середине I тыс. до н.э. для всех животных использовали скифы, проживавшие в западной части Евразийского степного пояса (Hdt. IV. 60)⁷. Он же практиковался скотоводами-индоариями на северо-западе Индостана, поскольку зафиксирован в ритуальных текстах о жертвоприношении коня и мелких копытных, описывающих практику XV–V вв. до н.э.

Жрецы при этом избегали говорить об убийстве, опасаясь негативных последствий для исполнителей обряда, поэтому называли удушение животного его «усмирением» (Маламуд, 2005. С. 238, 243; Kane, 1941. P. 1122). Возможно, этим же методом, преимущественно умерщвлялись лошади, черепа которых были захоронены возле керексуров Монголии в конце II — начале I тыс. до н.э., поскольку свидетельства, которые могут указывать на иные методы, — следы ударов тем или иным орудием по голове или неясные следы ножа на шейных позвонках (см.: Taylor et al., 2020), единичны. Аналогичная ситуация наблюдается с черепами лошадей из курганов раннескифского времени Аржан-1 и Аржан-2 в Туве, и она резко отличается от практики убийства лошадей ударом чекана в пазырькской культуре VI–III вв. до н.э. (см.: Lepetz et al., 2020). Традиция умерщвления жертвенных животных похожим ударом в голову зафиксирована у некоторых групп населения синташтинской

⁷ Приведено по изданию: Herodotus, 1928.

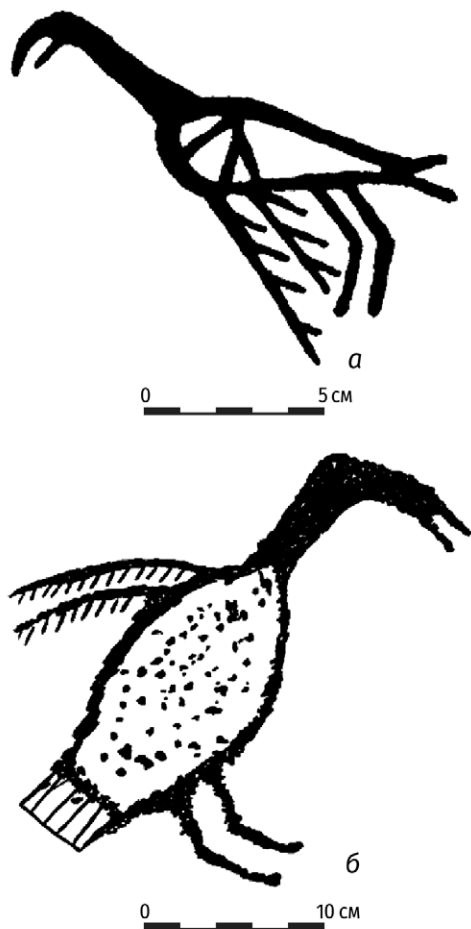

Рис. 12. Изображения птиц: *a* — тетерев, Бутрахты (по: Леонтьев и др., 2006); *б* — водоплавающая птица, Итколь II, курган 1 (прорисовка Ю.Н. Есина)

Fig. 12. Images of birds: *a* — lyrebird, Butrakhty (after Леонтьев и др., 2006); *б* — waterfowl, Itkol II, barrow 1 (drawing by Yuri N. Yesin)

культуры начала II тыс. до н.э. в степях Южного Урала и Северо-Западного Казахстана; одновременно другие синташтинские группы отдавали предпочтение иному методу, возможно, удушению (см.: Генинг и др., 1992. С. 381; Зданович, 2005. С. 12).

Анализ окуневских изображений жертвенных животных в контексте возможных способов их убийства заставляет снова обратить внимание на ошейник. Этот неоднократно показанный и богато украшенный атрибут (рис. 10, 1, 3) явно играл важную роль в ритуале. Можно предположить, что именно он использовался для удушения: аналогично описанной Геродотом практике скифов, для удушения достаточно было вставить в ошейник короткую палку

и закрутить. Такая двойственная функция ошейника в окуневском ритуале — не только украшение, но и орудие убийства — могла бы хорошо объяснить странное стремление избегать показа ремня ошейника пересекающим шею (подобно табу на упоминание убийства в текстах о жертвоприношении животных индоарийских племен).

Для того чтобы сковать движения приготовленного к умерщвлению животного, скифы связывали ему веревкой передние ноги, а затем, потянув за нее, заставляли упасть. Вариант описанного Геродотом обряда в визуальной форме представлен в сцене жертвоприношения коня на металлическом сосуде из скифского кургана Чертомлык (Кузьмина, 1976. С. 72; Мачинский, 1978. С. 237). Племена скотоводов на северо-западе Индостана поступали иначе — они привязывали животное к столбу. Одновременно, видимо, тоже связывали ему передние ноги: ножные путы упомянуты вместе со столбом в гимне о жертвоприношении коня в Ригведе (РВ. I. 162.16). Возле столба жертва не только убивалась, но и разделывалась (РВ. I. 162.9). Анализ различных косвенных свидетельств позволил реконструировать практику отделения головы жертвы после ее удушения, существовавшую на раннем этапе бытования обряда (Heesterman, 1985. P. 48, 51).

Носители окуневской и родственных ей культур эпохи бронзы Саяно-Алтая при жертвоприношении использовали столб, что нашло отражение в некоторых композициях наскального искусства (рис. 14). У наиболее подробного изображения короткая веревка показана обвязанной вокруг основания рогов, что позволяло обезопасить исполнителей обряда от грозного естественного оружия животного. При исполнении погребального обряда умерщвление животных могло совершаться где-то на территории самого могильника, однако ранее такие места здесь не были идентифицированы. На нескольких хорошо изученных ритуальных площадках, прилегавших к курганам с востока, их признаки отсутствуют. Эти площадки, главным объектом которых являлся большой очаг, имели иное предназначение.

Думается, что местом умерщвления животных являлся комплекс, состоящий из двух объектов — деревянного столба и заполненной камнями ямы. Лучшее всего он сохранился в кургане 2 могильника Уйбат V (рис. 15): 1) в центре ограды кургана (к северу от имеющихся в ограде могил) здесь выявлена яма (диаметром 0,7 м и глубиной 0,5 м) с остатками основания деревянного столба, укрепленного по краям

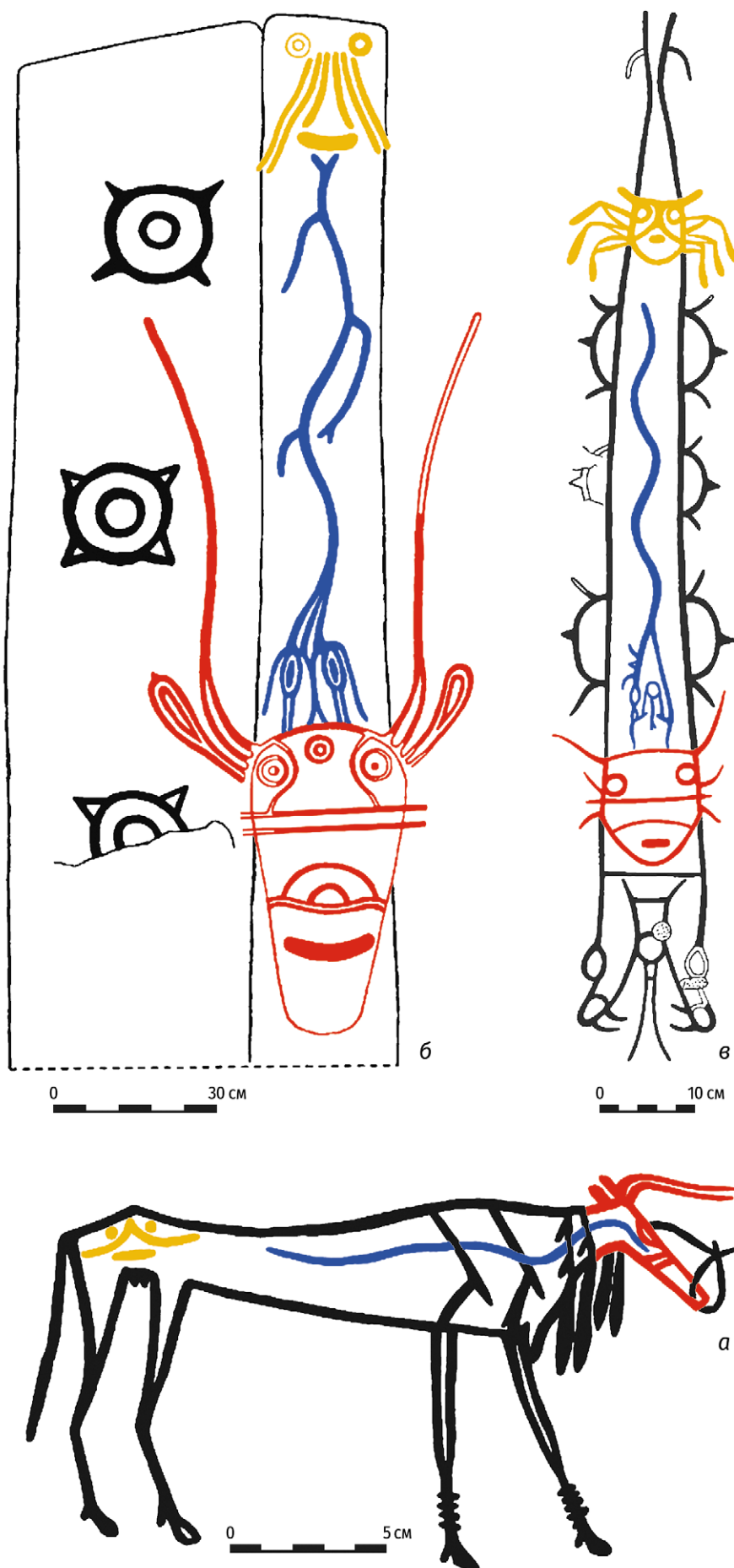

Рис. 13. Типичная композиция на теле быков разливского стиля и ее аналоги в ином контексте (сопоставимые элементы выделены одним цветом): *а* — изображение коровы, Разлив X, могила 8; *б* — каменная стела, Кызлас; *в* — мифический столб, изображенный на лицевой стороне стелы у с. Июс (*а, в* — прорисовки Ю.Н. Есина; *б* — на основе рисунка Н.В. Леонтьева по: Леонтьев и др., 2006. № 252)

Fig. 13. A typical composition on the body of Razliv style bull and its analogies in other contexts (comparable elements are highlighted with the same color): *a* — image of a cow, Razliv X, grave 8; *б* — a stone stele, Kyzlas; *в* — a mythical pole depicted on the front of the stele near Iyus village (*а, в* — drawings by Yuri N. Yesin; *б* — based on Nikolay V. Leontyev's drawing, after Леонтьев и др., 2006. No. 252)

камнями; 2) в 1 м к западу от этого столба располагалась большая овальная яма (вытянутая в направлении С–Ю, длиной 1,5 м и глубиной 1,8 м), полностью заполненная камнями (Лазаретов, 1997. С. 25–26, табл. VII). Такая же яма изучена в центре ограды кургана 25 (бывшего кургана афанасьевской культуры) могильника Итколь II, но следы установки столба здесь не были идентифицированы. Таким образом, если в одном случае этот комплекс был расположен внутри ограды окуневского кургана (в центре и к западу от центра), то во втором — за пределами ограды (к западу от ближайшего окуневского кургана). Ямы с камнями обнаружены на площади еще нескольких окуневских курганов, и именно этот объект следует рассматривать как наиболее надежный индикатор места ритуального умерщвления животных, так как небольшие и неглубокие ямы от столбов, выкопанные в насыпях (особенно не обставленные по стенкам камнями), выявить сложнее. Поскольку при значительном количестве раскопанных оград окуневских курганов лишь единичные из них содержали ямы с камнями, можно ожидать, что вариант размещения этих объектов за пределами оград курганов был более распространен. Наиболее перспективным местом

поиска таких объектов является территория к западу и северу от курганов.

Описанному ритуальному комплексу из заполненной камнями ямы возле деревянного столба очень близок комплекс из ямы с камнями возле каменной стелы или менгира (см.: Кызласов, 1986. Рис. 35; 38–40; 50). Это свидетельствует о функциональной близости объектов. Более того, особенности композиции на лицевой стороне таких стел (узкая и вытянутая по вертикали) соответствуют естественной форме столба, указывая, что именно столб был первоначальной формой такого объекта. Однако связь изученных каменных столбообразных стел с могильниками не установлена, и более вероятной представляется гипотеза об их сооружении для проведения главных календарных праздников (Леонтьев и др., 2006. С. 15). Видимо, при той же основной структуре самого ритуала жертвоприношения его контекст и цель в этом случае были иными. Этим же обусловлено иное расположение ям относительно стел и менгиров (чаще всего к югу), что, видимо, предполагало иное положение жертвенных животных в процессе обряда. Также более сложным был сам процесс установки каменной столбообразной

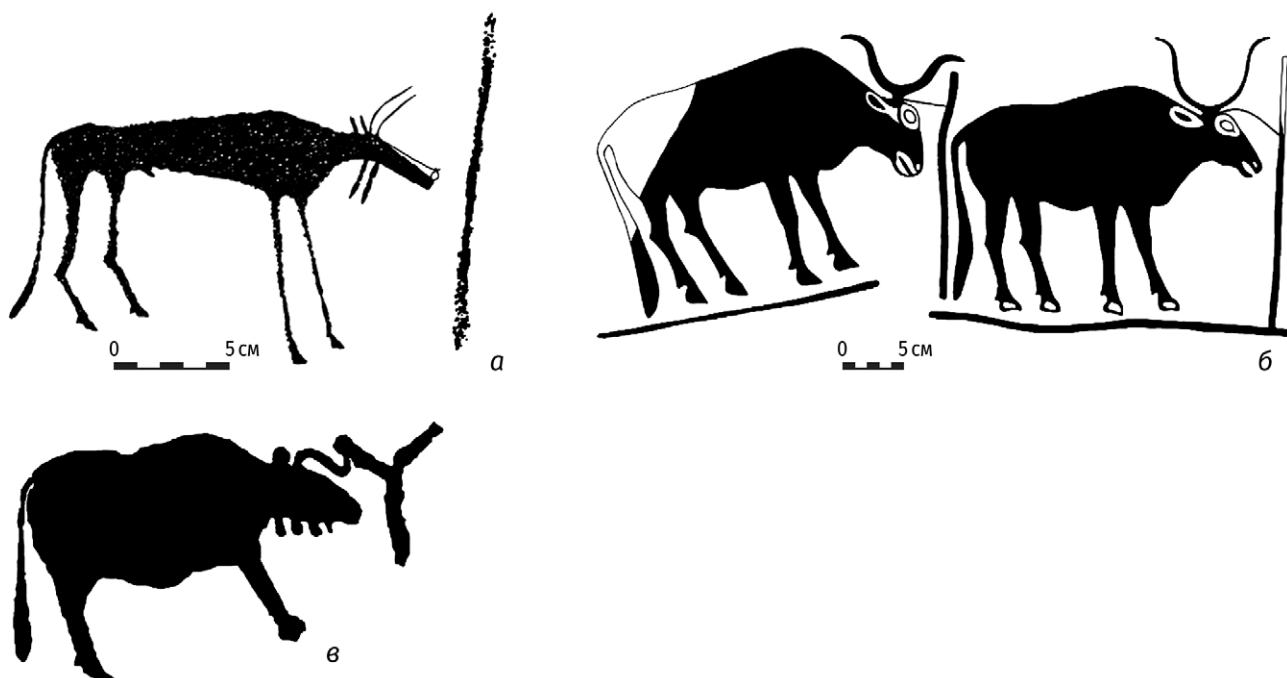

Рис. 14. Изображения быков эпохи бронзы Саяно-Алтая в композиции с деревянными столбами: а — Разлив X, могила 9 (Минусинская котловина); б — Озерное (Российский Алтай); в — Догээ (Тува) (а, б — прорисовки Ю.Н. Есина; в — по рисунку К.В. Чугунова: Чугунов, Роусон, 2019. Рис. 4)

Fig. 14. Bull images of the Sayan-Altai Bronze Age in the composition with wooden poles: а — Razliv X, grave 9 (Minusinsk basin); б — Ozeroye (Russian Altai); в — Dogee (Tuva) (а, б — drawings by Yuri N. Yesin; в — after drawing by Kostantin V. Chugunov: Чугунов, Роусон, 2019. Рис. 4)

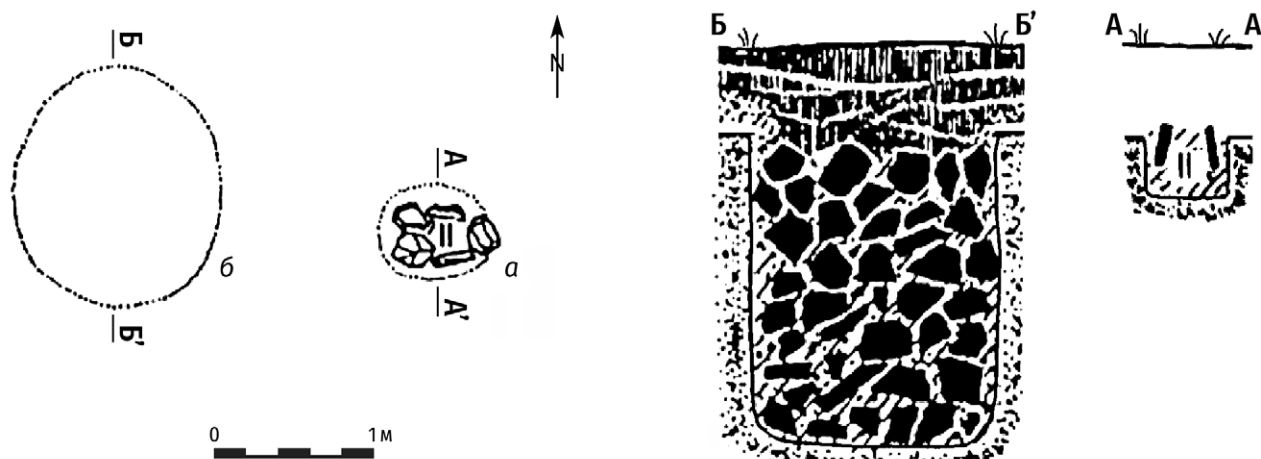

Рис. 15. Комплекс для жертвоприношения животных на могильнике Уйбат V, курган 2: *a* — яма с остатками деревянного столба, основание которого укреплено камнями; *б* — заполненная камнями яма (по чертежам И.П. Лазаретова)

Fig. 15. Complex for animal sacrifice, Uybat V burial ground, barrow 2: *a* — a pit with remnants of a wooden pole with a base firmed with stones; *b* — pit filled up with stones (after drawings by Igor P. Lazaretov)

стелы, включавший размещение шкуры и отдельных частей жертвы на дне ямы для стелы. Среди костей жертвенных животных на таких святилищах преобладает мелкий рогатый скот.

Для понимания функции ямы с камнями важно учесть два обстоятельства: 1) расположение ямы вблизи жертвенного столба и ее большие размеры; 2) наличие черного органического заполнения и отсутствие находок (в ямах возле каменных стел между камней встречались фрагменты костей животных, попавших туда в процессе строительства). В контексте жертвоприношения местоположение и размеры ямы имеют значение с точки зрения размеров и веса убитого животного, тушу которого нецелесообразно перемещать для разделки далеко от столба, поэтому, возможно, разделка производилась над самой этой ямой или рядом. Заполнение ям черным гумусом позволяет предполагать, что они служили для слива крови и содержимого других органов (мочевой пузырь, кишечник, желудок) жертвенных животных. Стоит отметить, что это действие могло рассматриваться в качестве жертвоприношения духам Нижнего мира⁸, в отличие от подношений кусков мяса в огонь ритуального очага, которые вместе с дымом отправлялись в Верхний мир.

⁸ Как, например, у скотоводов на северо-западе Индостана в середине II — I тыс. до н.э. (Маламуд, 2005. С. 239).

Некоторые параллели в других археологических культурах

Окуневский обряд, предполагавший захоронение голов и нижней части ног животного на территории мест погребения людей, имеет параллели в целом ряде культур скотоводов эпохи бронзы Евразийского степного пояса. При этом центр формирования такой традиции может быть локализован в степях к северу от Кавказских гор: древнейшие единичные примеры относятся ко времени ямной культуры (представлены в основном овцами), а наибольшее их число (и регулярное использование быка) датируется временем катакомбной культуры (Литвиненко, 2022a).

В последующем в западном ареале евразийских степей эта традиция находит продолжение в срубной культуре (Литвиненко, 2022b). К востоку от нее ритуальные захоронения голов и копыт животных многочисленны на могильниках синташтинской культуры начала II тыс. до н.э. Они тоже представляют собой дальнейшее развитие традиции, восходящей к культурам катакомбной культурно-исторической общности (Генинг и др., 1992. С. 234–237; Зданович, 2005. С. 17). Однако на новом этапе роль быка в таком обряде существенно снижается. В дальнейшем восточнее Урала этот обряд зафиксирован на некоторых памятниках андроновской и карасукской культур (Грязнов, 1977).

В восточных евразийских степях такой обряд наиболее ярко представлен в культуре керексуров и оленных камней Монголии XII–IX вв. до н.э. Так же как и на окуневских памятниках, головы животных здесь захоронены в неглубоких ямах к востоку от могил людей (*Lepetz et al.*, 2019) или от стел, символизовавших умерших (*Ковалев и др.*, 2014. С. 50; *Есин*, 2018б), и направлены мордами на восход солнца. Так же как в раннем бронзовом веке, цель этого обряда — сопроводить умерших домашним скотом, отправляемым таким образом в иной мир (*Esin et al.*, 2021. Р. 11). При этом место быка теперь полностью заняла лошадь, а число сопроводительных жертвоприношений многократно возросло, отражая изменения, которые произошли в хозяйстве и социальной структуре общества. С образом быка разливского стиля в этой культуре сопоставимы изображения оленей в монголо-забайкальском стиле, среди отличительных признаков которых — неестественно узкие морда и тело. Иногда олени показаны с использованием приемов «рентгеновского стиля», т.е. тоже наглядно лишены плоти (*Bayarsaikhan*, 2022. Fig. 16, B, E). В отличие от окуневских изображений, у них нет крыльев, но вместо крыльев на связь с образом птицы (и, соответственно, со способностью перемещаться по небу) указывает необычная форма морды, больше всего напоминающая длинный клюв журавля. Нередко на оленных камнях, подобно окуневской традиции, изображена только голова или голова и передняя нога животного. Порой фигуры оленей в монголо-забайкальском стиле сочетаются с символом солнца (*Esin et al.*, 2021. Fig. 2). По-видимому, и в таком случае это изображения не реальных животных, а душ оленей, которые помогают умершим людям и их лошадям найти дорогу в потусторонний мир.

С точки зрения проблемы генезиса окуневского обряда жертвоприношения крупного рогатого скота наибольшего внимания заслуживает обряд катакомбных племен Северо-Западного Прикаспия. По сравнению с другими катакомбными группами здесь широко распространено помещение голов быка не в могилу, на ее перекрытие или во входе в катакомбу, а в специальные ямы на горизонте или в восточной части насыпи кургана. Правда, как и в других территориальных группах катакомбных памятников, вместе с головой быка захоранивались концы всех четырех ног (*Кекеев*, 2019). В сравнении с этим обычаем окуневская традиция помещения только передних ног выглядит упрощенным вариантом. В связи с использованием в окуневском обряде тягловых живот-

ных отдельно можно отметить захоронение пары голов волов с металлическими петлями в носу в более раннем погребении майкопской культуры степного Предкавказья (*Канторович и др.*, 2019). Судя по изображениям на плитах, часть окуневских волов тоже приносилась в жертву с орудием для управления в носу. Однако изготовленные из дерева окуневские петли (как, возможно, и катакомбные) (*Есин*, 2018а; 2020) вряд ли имели шанс сохраниться.

Важно, что у катакомбного населения степей к северу от Кавказа имелись и другие близкие окуневским традиции: аналоги устройству ранних окуневских могил (катакомбы и ямы с уступом по периметру) и типу искусственной деформации головы людей (*Лазаретов*, 1997. С. 39–40; *Поляков*, 2020; *Kazarnitsky et al.*, 2023); конструкция двухколесной повозки из погребения катакомбной культуры (*Кореневский и др.*, 2007. С. 41, рис. 23; *Кайзер*, 2014), схожая с конструкцией окуневских, известных благодаря петроглифам (*Есин*, 2012б. Рис. 9); форма специфических керамических сосудов на поддоне («курильниц») для ритуального огня; изображения стоп человека; использование оловянной бронзы; и др. Появление всех этих традиций в Южной Сибири было взаимосвязанным, поэтому реконструированный выше обряд жертвоприношения быка и соответствующие верования следует связывать с западным, суперстратным компонентом окуневской культуры. Этот компонент наиболее отчетливо прослеживается в ДНК мужской части окуневской популяции и представлен гаплогруппой R1b. Ранее исследователи предполагали его связь с наследием носителей афанасьевской культуры, принадлежавшим к ямной популяции (*Damgaard et al.*, 2018; *Allentoft et al.*, 2024. Р. 307; *Поляков*, 2019. С. 100–101; *Козинцев*, 2020. С. 139). Однако в контексте перечисленных здесь окуневских традиций его следует связывать со следующей волной миграции скотоводов с запада, так как при смене ямной культуры катакомбной серьезная трансформация многих культурных традиций не сопровождалась значительной генетической трансформацией (*Wang et al.*, 2019). Поскольку степной регион к северу от Кавказа, где имеются эти параллели, в III тыс. до н.э., несомненно, входил в ареал индоевропейского языка и культуры (*Narasimhan et al.*, 2019; *Heggarty et al.*, 2023), то системное сходство с ритуальными традициями индоариев конца II — I тыс. до н.э., которое демонстрируют приведенные выше примеры по данным письменных источников, получает вполне логичное объяснение.

Одновременно, конечно, нужно отметить и существенное отличие культуры ранних скотоводов Енисея. Прежде всего это касается их богатого искусства, которое представляет несомненный феномен, отличный от традиций скотоводов западной части евразийских степей и северо-запада Индостана. Самостоятельные изображения лиц божеств — еще одна центральная тема окуневского искусства (наряду с образом быка) — позволяет рассматривать его как северо-западную периферию обширного ареала, включающего север современного Китая и Монголию. В окуневской культуре эта тема, видимо, связана с наследием местной, субстратной основы⁹. Последняя оказала значительное влияние на культуру, принесенную западными группами скотоводов, что позволило визуализировать мифологические образы и ритуальные формулы, бытовавшие в устной традиции культуры скотоводов.

Заключение

Сравнительное изучение изображений голов быка в окуневом искусстве и захоронений реальных голов позволяет рассматривать их как взаимосвязанные проявления одного ритуала жертвоприношения. Этот ритуал включал несколько этапов и ключевых действий, которые теперь, благодаря информативному искусству этой культуры, удалось реконструировать.

На первом этапе проводились отбор и подготовка животных для обряда. Петля в носу у многих изображенных на камне фигур указывает, что значительная их часть была рабочим скотом. Декор голов и фигур быков в окуневском искусстве передает реальную раскраску и убранство подготовленных к ритуалу животных. В частности, наблюдается прямое сходство между нанесенными красной краской кругом и поперечной полосой, которые сохранились на одном из черепов, и орнаментом на головах быков, изображенных на стелах и плитах. Столь же реальными были и другие элементы декора, представленные на изображениях крупного рогатого скота в петроглифах окуневской культуры. Помимо нанесения росписей на животных надевали особый ошейник-ожерелье, вероятно, сплетенный из кожи.

⁹ Изобразительную традицию местных рыболовов и охотников III тыс. до н.э. отразил джойский стиль, представленный именно серией изображений антропоморфных ликом. Первоначально он считался поздней стадией развития окуневского искусства. Позднее, с накоплением фактов, стало понятно его параллельное существование со степной окуневской культурой, но в иной экологической нише — в лесных и лесостепных районах на юге Минусинской котловины (Есин, 2012в).

Затем животное привязывалось к деревянному столбу, вкопанному недалеко от кургана или внутри ограды самого кургана, и умерщвлялось, видимо, с помощью удушения ошейником. В ходе разделки туши использовалась выкопанная возле столба и полностью заполненная камнями большая яма, служившая для стока крови и других жидкостей. Тело животного сначала разрезалось на три крупные части, которые обособлены как на изображениях, так и у полной туши быка в одной из ранних жертвенных ям. В контексте всего искусства окуневской культуры можно предполагать, что эти три части отождествлялись с тремя частями мира. Некоторые окуневские изображения животных демонстрируют еще более сложную систему отождествлений частей тела, лежавшую в основе окуневского ритуала.

Мясо жертвы использовалось во время церемонии в качестве пищи. Порции мяса, предназначенные для душ недавно умерших людей, предков и для богов, находящихся в Среднем и Верхнем мире, сжигали на огне жертвенников ритуальных площадок к востоку от окуневских курганов, так как жертвенники содержат мелкие обгоревшие фрагменты костей крупного рогатого скота.

Голова животного, которая, вероятно, отделялась первой и считалась вместилищем его души, затем захоранивалась в яме и символизировала целое животное. Скот (в качестве менее значимых жертв использовались также мелкие копытные и лошадь), похороненный таким образом возле могил людей, должен был уйти вместе с ними в потусторонний мир. Путь туда связывался с траекторией движения солнца (от линии горизонта на небо), и морды животных обычно ориентировали в сторону его восхода. Их передние ноги, часто положенные рядом с головами, тоже связаны с темой этого пути.

Особая группа изображений быков, которая выделяется благодаря лишенным объема и плоти корпусу и голове, иногда с крыльями, может быть интерпретирована не как фигуры реальных животных, а как изображения их душ, способных перемещаться по небу, и, видимо, помогать умершим людям попасть в иной мир. Специфический (разливский) изобразительный стиль таких фигур, наиболее типичных для позднего этапа окуневской культуры, воплощает это их особое содержание.

Причины показа объектов жертвоприношений и их результатов на камне те же, что у иных образов этой изобразительной традиции. Они связаны с особой ролью искусства в окуневском обществе, которое,

видимо, рассматривало создание изображений как важный канал коммуникации с миром духов и богов. Дополнительным аргументом в пользу такого объяснения служит изображение быка, выложенное из мелких камней на ритуальной площадке памятника Хондергей 22 в Туве. После завершения ритуала, выполнив свою функцию, изображения теряли значение, поэтому для окуневской культуры типично многократное использование одной и той же плиты или стелы для нанесения новых рисунков поверх старых и использование уже ненужных плит с изображениями как строительного материала (рис. 5; 11) для каменных гробниц, оград курганов и ритуальных площадок (Esin, 2000).

Не все окуневские ямы с головами животных имеют погребально-поминальный контекст, поэтому аналогичное или подобное по действиям жертвоприношение могло иметь и иное предназначение. На это указывают одиночные ямы с головами копытных на стоянке Тоора-Даш и на юго-восточной окраине г. Минусинск. Об этом же свидетельствуют головы овец на окуневских святилищах с каменными столбообразными стелами, вероятно устанавливавшимися в периоды календарных праздников. Возможно, такого рода жертвоприношение могло проводиться и в других местах, пока остающихся вне поля зрения археологов.

Ранние параллели окуневскому обряду жертвоприношения скота датируются III тыс. до н.э. и выявлены в степях Северо-Западного Прикаспия. Наиболее яркие поздние параллели имеются в культуре керексуров и оленных камней Монголии конца II — начала I тыс. до н.э., где вместо быка уже используется лошадь. Значительное количество совпадений обнаруживается также в древнейших описаниях обрядов жертвоприношений животных у скифов и индоариев. Весь этот круг аналогий хорошо вписывается в гипотезу о миграциях близких в культурном отношении групп скотоводов, восходящих к ямной и катакомбной культурно-историческим общностям, которые сформировались в степях к северу от Кавказских гор.

Литература

- Атхарваведа, 2007 — Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. М.: Восточная литература, 2007. Т. 2: кн. VIII–XII. 293 с. (Памятники письменности Востока; т. CXXXV, 2).
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Генинг и др., 1992 — Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Ч. 1. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 448 с.
- Грязнов, 1977 — Грязнов М.П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / отв. ред. Н.Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 80–88.
- Грязнов, Комарова, 2006 — Грязнов М.П., Комарова М.Н. Сыда V — могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Электис Принт, 2006. С. 53–58.
- Дэвлет, 1993 — Дэвлет М.А. О наскальных изображениях быков в Туве // Современные проблемы изучения петроглифов / отв. ред. О.С. Советова. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1993. С. 74–87.
- Зданович, 2005 — Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.
- Есин, 2010а — Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / отв. ред.: Е.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.
- Есин, 2010б — Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2010. 184 с.
- Есин, 2012а — Есин Ю.Н. Анатомический код в искусстве самусьской и окуневской культур // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева / отв. ред.: М.П. Черная, Л.А. Чиндина. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 102–107.
- Есин, 2012б — Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // НОСА. 2012. № 1 (3). С. 14–47.
- Есин, 2012в — Есин Ю.Н. Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы // АЭАЕ. 2012. № 3 (51). С. 67–75.
- Есин, 2016 — Есин Ю.Н. Петроглифы окуневской культуры на севере Хакасии // НОСА. 2016. № 1 (13). С. 85–123.
- Есин, 2018а — Есин Ю.Н. Древнейшее приспособление для управления тягловыми животными на востоке Евразийского степного пояса // НОСА. 2018. № 1 (21). С. 115–125.
- Есин, 2018б — Есин Ю.Н. Об истоках иконографии оленных камней // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы IX Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.) / отв. ред.: Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. 1. С. 103–108.
- Есин, 2020 — Есин Ю.Н. Орудие для управления рабочим скотом в Восточном Тибете // АЭАЕ. 2020. Т. 48. № 3. С. 107–116.
- Есин и др., 2014 — Есин Ю.Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины // РА. 2014. № 3. С. 79–88.

- Кайзер, 2014 — Кайзер Е. О происхождении ранних колесниц в Евразии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е.Е. Кузьминой / отв. ред.: В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 424–431.
- Канторович и др., 2019 — Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Открытие древнейших бронзовых носовых колец для управления быками в погребении майкопской культуры в Центральном Предкавказье // Горы Кавказа и месопотамская степь на заре бронзового века. Сб. к 90-летию Р.М. Мунчаева / отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: ИА РАН, 2019. С. 53–72.
- Кекеев, 2019 — Кекеев Э.А. Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности) // Oriental Studies. 2019. Iss. 4. С. 580–600.
- Килуновская, 2023 — Килуновская М.Е. Ритуальные памятники эпохи бронзы в Туве // Тропою тысячелетий. Памяти М.А. Дэвлет / отв. ред.: Г.Г. Король, Е.А. Миклашевич. М.: ИА РАН, 2023. С. 144–153. (Труды САИПИ; вып. XIII).
- Килуновская и др., 2021 — Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., Ключников Т.А., Галухин Л.Л., Денисенко В.Л., Кириллов Е.Л., Лазаревская Н.А., Монгуш К.М., Монгуш М.А., Семенов А.В. Раскопки в долине р. Хондергей в 2021 г. // Бюллетень ИИМК РАН. 2021. № 11. С. 139–160.
- Ковалев, Мунхбаяр, 2022 — Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Петроглифы на чемурчекских ритуальных оградах в высокогорье Монгольского Алтая (3 тыс. до н.э.): репертуар образов // Төв Азийн эртний нүүдэлчдийн хадны зураг (Чулуун зэвсгийн сүүл, хүрлийн эхэн үе). Улаанбаатар, 2022. С. 84–93.
- Ковалев и др., 2014 — Ковалев А.А., Рукавишникова И.В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни — это памятники-кенотафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 41–54.
- Козинцев, 2020 — Козинцев А.Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // АЭАЕ. 2020. Т. 48. № 4. С. 135–145.
- Кореневский и др., 2007 — Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 2007. 227 с.
- Кубарев, 2010 — Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 444 с.
- Кузьмина, 1976 — Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. 1976. № 3. С. 68–75.
- Кызласов, 1986 — Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1986. 302 с.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. Т. 2. № 4. С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Святилище раннего бронзового века в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 83–93.
- Леонтьев, 1979 — Леонтьев Н.В. Работы в Минусинском районе // АО 1978 года / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 242–243.
- Леонтьев, 1980 — Леонтьев Н.В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 27–34.
- Леонтьев и др., 2006 — Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневой культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Литвиненко, 2022а — Литвиненко Р.А. Шкура копытного в курганных погребениях бронзового века: жертва или психопомп // Stratum plus. 2022. № 2. С. 105–137.
- Литвиненко, 2022б — Литвиненко Р.А. Шкури тварин у похованнях зрубної культурної області // Археологічні студії: здобутки та перспективи. Київ, 2022. С. 57–67.
- Маламуд, 2005 — Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии / пер. с фр. и вступ. ст. В.Г. Лысенко. М.: Восточная литература, 2005. 350 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Массон, 1981 — Массон В.М. Алтын-Депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (Труды ЮТАКЭ; т. XVIII).
- Мачинский, 1978 — Мачинский Д.А. О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии: Сб. статей в память профессора М.И. Артамонова / отв. ред.: А.Д. Столяр. Л.С. Клейн. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1978. Вып. II. С. 232–240.
- Наглер, Парцингер, 2006 — Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 104–119.
- Новгородова, 1989 — Новгородова Е.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 381 с.
- Поляков, 2010 — Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама, Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2010 г. / ред. колл.: В.А. Алёхин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 75–80.

- Поляков, 2014 — Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред.: А.Г. Ситдинов и др. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 478–481.
- Поляков, 2017 — Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков, 2019 — Поляков А.В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // ТПАИ. 2019. № 2 (26). С. 91–108.
- Поляков, 2020 — Поляков А.В. Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры // АВ. 2020. Вып. 26. С. 98–110.
- Поляков, 2021 — Поляков А.В. К вопросу о выделении разливского этапа окуневской культуры // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. С. 170–175.
- Поляков, Есин, 2015 — Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // АЭАЕ. 2015. Т. 43. № 2. С. 43–57.
- Поляков и др., 2018 — Поляков А.В., Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Иткуль в 2016–2017 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8. С. 123–139.
- Пшеницына, Пяткин, 2006 — Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Курган Разлив X — памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 82–94.
- Савинов, 2004 — Савинов Д.Г. О стиле «тощих быков» в окуневской изобразительной традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: Материалы тематич. науч. конф., Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 246–254.
- Семенов, 2018 — Семенов Вл.А. Тоора-Даш — многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2018. 340 с.
- Тишкин и др., 2012 — Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Пять плюс, 2012. С. 104–114.
- Төрбат, 2019 — Төрбат Ц. Хэмцэгийн соёлын хадны зураг // Археологийн Судлал. 2019. Т. XXXVIII/1-11. Т. 5–16 (на монг. яз.).
- Чугунов, Роусон, 2019 — Чугунов К.В., Роусон Дж. Жертвенный бык и «господин коней» в Китае // ПИФК. 2019. № 2. С. 262–278.
- Шер, 1980 — Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шер, 1992 — Шер Я.А. К происхождению корриды // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова) / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 35–37. (Археологические изыскания; вып. 2).
- Allentoft et al., 2024 — Allentoft M.E., Sikora M., Refoyo-Martínez A., Irving-Pease E.K., Fischer A., Barrie W., Ingason A., Stenderup J., Sjögren K.-G., Pearson A., Sousa da Mota B., Schulz Paulsson B., Halgren A., Macleod R., Schjellerup Jørvok M.L., Demeter F., Sørensen L., Nielsen P.O., Henriksen R.A., Vimala T., McColl H., Margaryan A., Ilardo M., Vaughn A., Mortensen M.F., Nielsen A.B., Hede M.U., Johannsen N.N., Rasmussen P., Vinner L., Renaud G., Stern A., Jensen T.Z.T., Scorrano G., Schroeder H., Lysdahl P., Ramsøe A.D., Skorobogatov A., Schork A.J., Rosengren A., Ruter A., Outram A., Timoshenko A.A., Buzhilova A., Coppa A., Zubova A., Silva A.M., Hansen A.J., Gromov A., Logvin A., Gotfredsen A.B., Nielsen B.H., González-Rabanal B., Lalueza-Fox C., McKenzie C.J., Gaunitz C., Blasco C., Liesau C., Martinez-Labarga C., Pozdnyakov D.V., Cuenca-Solana D., Lordkipanidze D.O., En'shin D., Salazar-García D.C., Price T.D., Borić D., Kostyleva E., Veselovskaya E.V., Usmanova E.R., Cappellini E., Petersen E.B., Kannegaard E., Radina F., Yediay F.E., Duday H., Gutiérrez-Zugasti I., Merts I., Potekhina I., Shevnina I., Altinkaya I., Guilaine J., Hansen J., Aura Tortosa J.E., João Zilhão, Vega J., Pedersen K.B., Tunia K., Zhao L., Mylnikova L.N., Larsson L., Metz L., Yepiskoposyan L., Pedersen L., Sarti L., Orlando L., Slimak L., Klassen L., Blank M., González-Morales M., Silvestrini M., Vretemark M., Nesterova M.S., Rykun M., Rolfo M.F., Szmyt M., Przybyła M., Calattini M., Sablin M., Dobisíková M., Meldgaard M., Johansen M., Berezina N., Card N., Saveliev N.A., Poshekhonova O., Rickards O., Lozovskaya O.V., Gábor O., Uldum O.C., Aurino P., Kosintsev P., Courtaud P., Ríos P., Mortensen P., Lotz P., Persson P., Bangsgaard P., de Barros Damgaard P., Petersen P.V., Pilar Prieto-Martínez M., Włodarczak P., Smolyaninov R.V., Maring R., Menduina R., Badalyan R., Iversen R., Turin R., Vasilyev S., Wählin S., Borutskaya S., Skochina S., Sørensen S.A., Andersen S.H., Jørgensen Th., Serikov Yu.B., Molodin V.I., Smrcka V., Merts V., Appadurai V., Moiseyev V., Magnusson Y., Kjær K.H., Lynnerup N., Lawson D.J., Sudmant P.H., Rasmussen S., Korneliussen T.S., Durbin R., Nielsen R., Delaneau O., Werge T., Racimo F., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. 2024. Vol. 625. P. 301–311. <https://doi.org/10.1038/s41586-023-06865-0>

- Bayarsaikhan, 2022 — Bayarsaikhan J. Deer Stones of Northern Mongolia. Washington: Smithsonian Institution, 2022. 285 p.
- Damgaard et al., 2018 — Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J.V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Biddanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin-Orlando A., Yediay F.E., Ullah I., Sjögren K.G., Iversen K.H., Choin J., de la Fuente C., Ilardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Senyurt S.Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M.H., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Novembre J., Weber A.W., Orlando L., Allentoft M.E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A.K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // *Science*. 2018. Vol. 360. Art. no. 6396. <https://science.sciencemag.org/content/360/6396/eaar7711>
- Esin, 2000 — Esin Y.N. The stone statue from the village of Verkhny Askiz, and the problem of the chronology of the Okunevo culture's imagery // *Siberian Association of Prehistoric Art Researchers Bulletin*. 2000. Vol. 3. P. 18–21.
- Esin et al., 2021 — Esin Y., Magail J., Gantulga J.-O., Yeruul-Erdene Ch. Chariots in the Bronze Age of Central Mongolia based on the materials from the Khoid Tamir river valley // *Archaeological Research in Asia*. 2021. Vol. 27. P. 1–14.
- Heesterman, 1985 — Heesterman J.C. The case of the severed head // Heesterman J.C. *The inner conflict of tradition. Essays in Indian ritual, kingship, and society*. Chicago, 1985. P. 45–58.
- Heggarty et al., 2023 — Heggarty P., Anderson C., Scarborough M., King B., Bouckaert R., Jocz L., Kümmel M.J., Jügel T., Irlinger B., Pooth R., Liljégren H., Strand R.F., Haig G., Macák M., Kim R.I., Anonby E., Pronk T., Belyaev O., Dewey-Findell T.K., Boutilier M., Freiberg C., Tegethoff R., Serangeli M., Liosis N., Stroński K., Schulte K., Gupta G.K., Haak W., Krause J., Atkinson Q.D., Greenhill S.J., Kühnert D., Gray R.D. Language trees with sampled ancestors support a hybrid model for the origin of Indo-European languages // *Science*. 2023. Vol. 381 (6656). Art. no. eabg0818. DOI: 10.1126/science.abg0818
- Herodotus, 1928 — Herodotus. With an English translation by A.D. Godley. London; New York: W. Heinemann; G.P. Putnam's Sons, 1928. Vol. II: Books III–IV.
- Kane, 1941 — Kane P.V. *History of Dharmasāstra (Ancient and Mediaeval Religious and Civil Law)*. Vol. II. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1941. 1368 p.
- Kazarnitsky et al., 2023 — Kazarnitsky A.A., Gromov A.V., Uchaneva E.N., Pugacheva E.V. Cranial deformation in the northwestern Caspian Sea region in the Bronze Age: Siberian parallels // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2023. Vol. 33 (1). P. 26–38. <https://doi.org/10.1002/oa.3171>
- Lepetz et al., 2019 — Lepetz S., Zazzo A., Bernard V., de Larm-inat S., Magail J., Gantulga J.-O. Customs, rites, and sacrifices relating to a mortuary complex in Late Bronze Age Mongolia (Tsatsyn Ereg, Arkhangai) // *Anthropozoologica*. 2019. Vol. 54 (1). P. 151–177.
- Lepetz et al., 2020 — Lepetz S., Debue K., Batsukh D. To accompany and honour the deceased: the horses from the graves of the Pazyryk culture // *Masters of the Steppe: The Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia: Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017* / eds. S. Pankova, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 227–247.
- Narasimhan et al., 2019 — Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R., Mallick S., Lazaridis I., Nakatsuka N., Olalde I., Lipson M., Kim A.M., Olivieri L.M., Coppa A., Vidale M., Mallory J., Moiseyev V., Kitov E., Monge J., Adamski N., Alex N., Broomand-khoshbacht N., Candilio F., Callan K., Cheronet O., Culleton B.J., Ferry M., Fernandes D., Freilich S., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney É., Harper T.K., Keating D., Lawson A.M., Mah M., Mandl K., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zalzal F., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A.N., Bagnera A., Baitanayev B., Bendezu-Sarmiento J., Bissembaev A.A., Bonora G.L., Chavgynov T.T., Chikisheva T., Dashkovskiy P.K., Derevianko A., Dobeš M., Douka K., Dubova N., Duisengali M.N., Enshin D., Epimakhov A., Fribus A.V., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Grushin S.P., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Krygin A.P., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Mamedov A.M., Mamirov T.B., Meiklejohn C., Merrett D.C., Micheli R., Mochalov O., Mustafokulov S., Nayak A., Pettener D., Potts R., Razhev D., Rykun M., Sarno S., Savenkova T.M., Sikhymbaeva K., Slepchenko S.M., Soltobaev O.A., Stepanova N., Svyatko S., Tabaldiev K., Teschler-Nicola M., Tishkin A.A., Tkachev V.V., Vasilyev S., Velemínský P., Voyakin D., Yermolayeva A., Zahir M., Zubkov V.S., Zubova A., Shinde V.S., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D.J., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D. The formation of human populations in South and Central Asia // *Science*. 2019. Vol. 365 (6457). Art. no. eaat7487. <https://doi.org/10.1126/science.aat7487>
- Polyakov, Lazaretov, 2020 — Polyakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in Southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 29. P. 1–18.
- Taylor et al., 2020 — Taylor W., Fantoni M., Marchina Ch., Lepetz S., Bayarsaikhan J., Houle J.-L., Pham V., Fitzhugh W. Horse sacrifice and butchery in Bronze Age Mongolia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 31. Art. no. 102313. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102313>
- The Early Upanisads, 1998 — The Early Upanisads. Annotated Text and Translation by P. Olivelle. Oxford: Oxford University Press, 1998. 704 p.

The Rigveda, 2014 — The Rigveda: the Earliest Religious Poetry of India / translated by S.W. Jamison and J.P. Brereton. Oxford: Oxford University Press, 2014. Vol. 1. 1725 p. (South Asia research).

Wang et al., 2019 — Wang C.-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong Ch., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.Ch., Magomedov R.G., Philipp L. Kohl Ph.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H.,

Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky Ju., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham Th., Berezin Ya.B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. 2019. Vol. 10. Art. no. 590. <https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8>

Bull sacrifice in the Okunevo culture of the South Siberia

Yuri N. Yesin¹⁰, Andrey V. Polyakov¹¹

The article is devoted to the study of the role of cattle in the rites and beliefs of the Okunevo culture of the Minusinsk Basin in the middle of the 3rd — beginning of the 2nd millennium BC. Two groups of materials are studied: a) images of the detached bull's head and some bull figures on rocks, stelae and slabs; b) burials of domestic bull's head, mostly found in the burial mounds. They are interpreted as different manifestations of one ritual of sacrifice. Their joint study made it possible to reconstruct the content and purpose of this ritual. It was established that the decorations on the head and body of the bulls depicted on the stone convey the real colouring and decoration of the animals prepared for the ritual. The sacrificed animal was tied to a wooden pole next to a stone-filled pit and killed by strangulation with a collar. Its body was cut into three parts, which were metaphorically identified with parts of the world. The meat portions intended for the souls of the deceased members of the collective and the gods in the Upper World were burnt on an altar east of the mound. The head was buried in a pit near people's graves. It symbolized a whole animal that went with the dead to the netherworld. The way there was connected with the trajectory of the sunrise, as animal faces, like human faces, are usually orientated to the east. A specific stylistic group of Okunevo images of bulls, characterized by a body devoid of volume and flesh with an unnaturally narrow head, sometimes with wings, has been interpreted as representations of the souls of sacrificed animals. The origins of this ritual can be traced back to monuments of the 3rd millennium BC in the steppes of the Northwestern Caspian Sea.

Keywords: *Minusinsk Basin, Early Bronze Age, Okunevo culture, rock art, sacrifice, bull, bullock*

¹⁰ Yuri N. Yesin — Leibniz-Zentrum für Archäologie, Ludwig-Lindenschmit-Forum 1, 55116, Mainz, Federal Republic of Germany; e-mail: esin2013@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4291-3313.

¹¹ Andrey V. Polyakov — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18A Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: poliakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3418-2469.

Антропоморфные изображения раннего бронзового века из Тепсейского археологического микрорайона¹

О.С. Советова²

Аннотация. Статья посвящена наскальным рисункам раннего бронзового века, выявленным в Тепсейском археологическом микрорайоне — это ранее известные маски-личины, а также новые изображения женских и мужских персонажей. Если «роженицы» уже были известны (открытое Я.А. Шером изображение местонахождения Усть-Туба III), то профильные «одноногие» мужские персонажи встречены в Минусинской котловине впервые. Поражает их сходство с подобными фигурами, известными в наскальном искусстве обширной территории, включающей Казахстан, Алтай, Монголию и другие области. По мнению И.П. Лазаретова, отмеченная близость может быть связана с художественной деятельностью носителей изобразительных традиций, влившихся в миграционный поток конца первой половины – середины III тыс. до н.э., перемещавшийся на территории, которые ранее занимали «афанасьевцы». Еще один новый образ, характерный для наскального искусства Алтая, но неизвестный в Минусинской котловине, — профильная фигурка «солнцеголового» персонажа, зафиксированная на усть-тубинском склоне горы.

Ключевые слова: Минусинская котловина, окуневская культура, антропоморфные изображения, «роженицы», «одноногий» профильный персонаж, «солнцеголовые»

Дмитрий Глебович Савинов всегда был неравнодушен к наскальному искусству и оценивал его как глубокий и очень важный археологический источник. Трудно перечислить все темы, связанные с наскальным искусством, которые так или иначе он затрагивал в своих статьях и книгах (см.: Профессор..., 2023). Из-под его пера вышло много важных, знаковых публикаций, позволивших познакомиться с новыми группами источников и убедительными обоснованиями датировок целых пластов рисунков, особенно на основе материалов, полученных из «закрытых комплексов» при раскопках, которые нередко проводились с его участием (изображения эпохи бронзы, «тесинские» лабиринты и др.). Отдельный интерес у него вызывали теоретические и семантические разработки, как и вопросы сохранности памятников наскального искусства, примером чего

служит подготовленная им программа по спасению рисунков Тепсея — одного из выдающихся археологических комплексов Минусинской котловины (Савинов, 2011). С этим микрорайоном было связано его участие в работе Красноярской археологической экспедиции ЛОИА СССР под руководством М.П. Грязнова в 1970-х гг. (Грязнов и др., 1979). В те годы по собственной инициативе он исследовал рисунки на камнях тагарских курганов под горой Тепсей и в Малиновом логу. Некоторые из них позднее были им опубликованы (Савинов, 1976).

Настоящая статья посвящена одному из направлений разносторонних интересов Дмитрия Глебовича Савинова — наскальным рисункам раннего бронзового века, выявленным в Тепсейском археологическом микрорайоне.

Материалы окуневской культуры, полученные в результате проводившихся в микрорайоне раскопок, крайне немногочисленны. Во время раскопок Красноярской экспедиции была открыта одна частично разграбленная могила окуневского времени в пункте Тепсей VIII. Это было погребение девушки. Из инвентаря сохранились небольшой глиняный горшок, игольник из птичьей кости с костяной иглой в нем, бронзовое шило, подвеска из клыка хищника

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/> «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н.э. по материалам петроглифов».

² Ольга Сергеевна Советова — Кемеровский государственный университет, пр. Советский, д. 73, Кемерово, 650000, Российская Федерация; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0733-8245.

и аргиллитовые бусы (Грязнов, 1979. С. 28). Аналогичная бусина была найдена в одном из окуневских курганов могильника Лебяжье (Лазаретов, 2019. С. 23). Тепсейская окуневская могила была датирована XXIII в. до н.э. (Поляков, Святко, 2009. С. 29). Исследователи не исключают, что здесь был целый окуневский могильник, уничтоженный при сооружении кладбища более позднего времени (см.: Грязнов, 1979. С. 27).

Исследовательский интерес к окуневским рисункам горы Тепсей связан прежде всего с работой Каменского отряда Красноярской экспедиции под руководством Я.А. Шера. Считалось, что разнообразные рисунки окуневского круга на горе Тепсей и ее отрогах в основном локализованы на скалах Усть-Тубы, как и самые ранние серии изображений, но открытия последних лет показали, что окуневские изображения сосредоточены и на юго-западном склоне горы. Не исключено, что они встречаются и в других местах микрорайона.

Отдельный интерес вызывают тепсейские антропоморфные серии изображений, в том числе личины-маски. Мы предпринимали попытки найти все изображения личин, выявленные нашими предшественниками (Шер, 1980. Рис. 116; Леонтьев и др., 2006. Рис. 6), но по разным причинам обнаружили только несколько из них. Некоторые изображения, возможно, утрачены окончательно, одна из личин, выполненная выбивкой, оказалась не настолько разрушенной, как это было представлено на прорисовке Я.А. Шера (Шер, 1980. Рис. 116, 5). Несмотря на некоторую заветренность камня и трещину, частично разрушившую рога личины, их форма достаточно хорошо просматривается и сегодня, что позволило сделать новую прорисовку, уточняющую детали изображения (рис. 1, 1, 2).

Поскольку новые изображения личин нами выявлены не были, отметим лишь самые существенные результаты анализа изображений, выполненного нашими предшественниками. Антропоморфные фигуры и личина с Усть-Тубы V отнесены ими к ранней «тасхазинской» группе (Леонтьев, 1978. С. 89–97). На Усть-Тубе III известны пять неоконтурных личин, выполненных красной охрой. Н.В. Леонтьев, В.Ф. Капелько и Ю.Н. Есин выделили несколько вариантов личин Тепсея. Три личины, выполненные красной, были отнесены к джойскому типу — неоконтурные, с вильчатыми окончаниями поперечных полос (Леонтьев и др., 2006. Рис. 6, 6; Шер, 1980. Рис. 116), аналогии которым имеются на Джойской (Дэвлет, 1997. С. 244–245), Шалаболинской писаницах (Заика,

Солодейников, 2018. Рис. 2) и на других памятниках. Они отнесены к личинам джойского типа — одного из поздних в ряду окуневских антропоморфных образов (Леонтьев и др., 2006. С. 20; Савинов, 2006. С. 168). По мнению И.П. Лазаретова, крупнейшие скопления личин джойского типа были приурочены к древним путям, связывающим районы Верхнего и Среднего Енисея. Эти перемещения происходили по льду замерзших рек. Одна из таких троп находилась в устье реки Тубы, в месте ее впадения в Енисей, где в 1969 г. Я.А. Шер в пункте Усть-Туба V открыл окуневскую писаницу с личинами джойского типа; тропа связывала восточные районы Минусинской котловины с Тоджинской котловиной Тувы (Лазаретов, 2011. С. 62).

Одно из уникальных изображений Усть-Тубы II характеризуется как антропоморфный лик, у которого вместо рта показано изображение повозки в плане (Леонтьев и др., 2006. Рис. 9, 1; Есин, 2012) (рис. 1, 3). Другая личина как бы «собрана» из трех солнцеобразных кружков, два из которых расположены параллельно и представляют собой глаза, а третий находится ниже, образуя рот (рис. 1, 4). Ю.Н. Есиным была обоснована ее окуневская принадлежность и проведена параллель с группой «солнцеголовых» персонажей раннеокуневского искусства (Есин, 2010. С. 69). Здесь присутствуют и сердцевидные личины, имеющие, по мнению А.Л. Заики, автохтонное происхождение на территории Среднего Енисея (Заика, 2013. С. 48. Рис. 1). В целом, по классификации Н.В. Леонтьева, тепсейские личины и антропоморфные фигуры могут относиться к разным хронологическим группам и таким образом быть разновременными в рамках единой окуневской изобразительной традиции, представляя собой как минимум два хронологических пласта.

В последнее время корпус наскальных изображений Тепсейского археологического микрорайона, соотносимых с окуневской изобразительной традицией, пополнился новыми изображениями женских («роженицы»), а также уникальных для этой территории мужских персонажей (профильные фигуры «одноногих»). Несмотря на определенную вариативность, главным женским персонажем остается «роженица», на скалах Тепсея впервые обнаруженная Я.А. Шером. Как правило, фигуры этой серии узнаваемы по своеобразной позе, когда женщина показана анфас с согнутыми в коленях и широко разведенными в стороны ногами или «присевшей». В настоящее время стало понятно, что позы «рожениц» более разнообразны, как и сами женские персонажи. На Тепсее

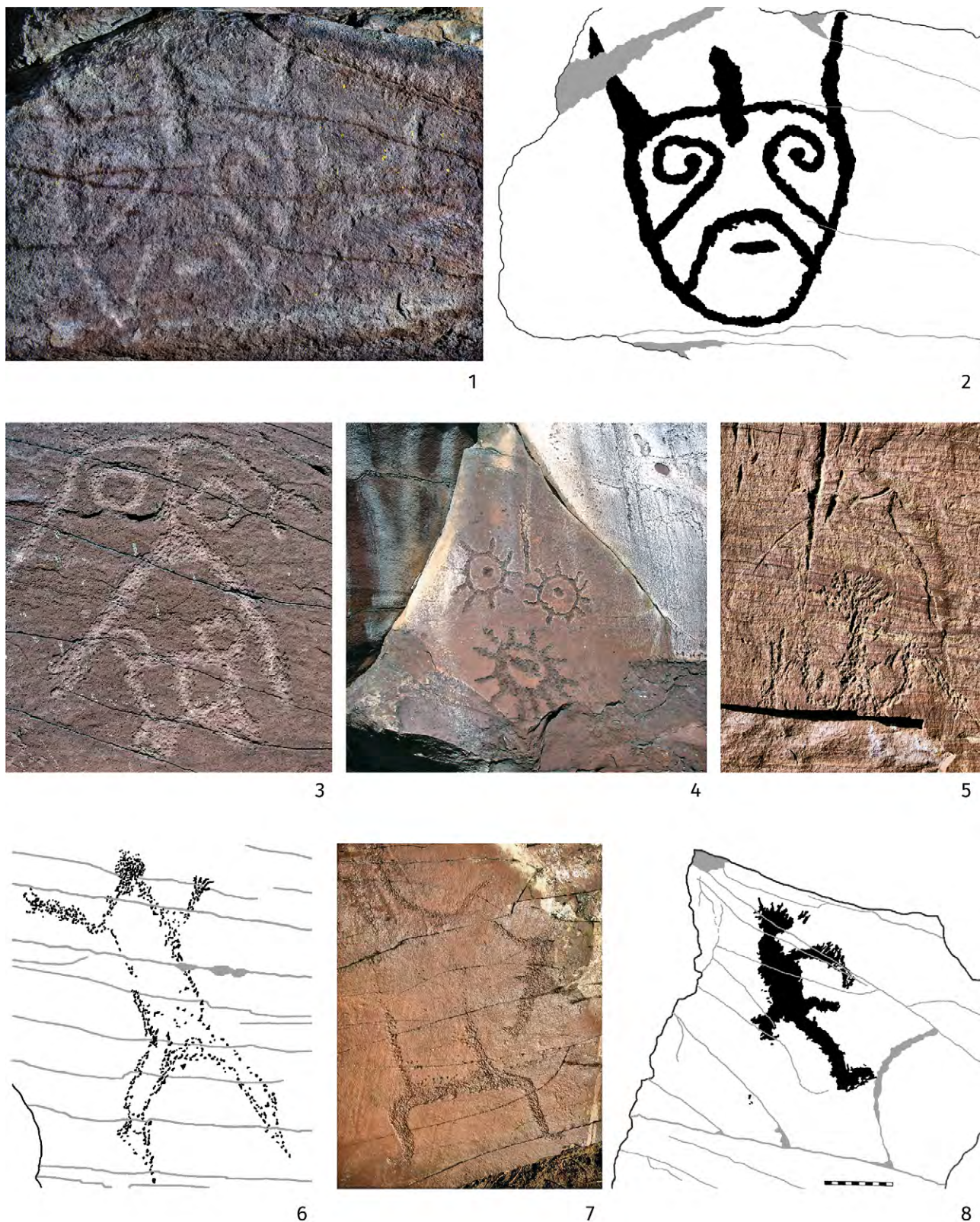

Рис. 1. Антропоморфные изображения раннего бронзового века из Тепсейского археологического микро-района: 1, 2 — Усть-Туба VI; 3, 4 — Усть-Туба II; 5 — Тепсей II (Волчий лог); 6 — Тепсей I; 7 — Тепсей III; 8 — Тепсей IV (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 1. Anthropomorphic images of the Early Bronze Age from the Tepsey archaeological microdistrict: 1, 2 — Ust-Tuba VI; 3, 4 — Ust-Tuba II; 5 — Tepsey II (Volchiy Log); 6 — Tepsey I; 7 — Tepsey III; 8 — Tepsey IV (references to the sources of illustrations — see in text)

было выявлено три новые женские фигуры, две из которых отнесены к «роженицам». Еще Каменским отрядом Красноярской экспедиции была обнаружена сцена с «роженицей» на Усть-Тубе III, введенная в научный оборот Я.А. Шером, где женский персонаж изображен на фоне быка (Шер, 1980. Рис. 125, 1). К сожалению, к настоящему времени от этой композиции сохранились лишь отдельные фрагменты. Другая «роженица», представленная в аналогичной позе, зафиксирована в Волчьем логоу (Тепсей II) (рис. 1, 5). Ее отличительной чертой являются торчащие на голове «волосы». Вокруг этой фигуры размещены другие изображения, среди которых — вертикально ориентированный бык с передней рудиментарной ногой, фигура, напоминающая перевернутую лодку с пассажирами, а также фрагменты непонятных изображений (Советова и др., 2021. Рис. 188–190).

Другой вариант женской фигуры расположен на юго-западном склоне горы, на самом нижнем ярусе выходов девонского песчаника. Здесь, на каменном выступе очень поверхностной выбивкой (возможно, это эскиз) нанесен обнаженный женский персонаж с расставленными ногами и с поднятыми руками, на которых прорисованы пальцы (Там же. Рис. 59, 1). Эта фигура напоминает некоторые изображения женщин с Калбак-Таша, хотя там они менее реалистичны (Кубарев, 2010. Рис. XIV, 3, 4).

Другая фигура обнаружена на том же склоне горы, выше предыдущего изображения. Она представляет собой «роженицу», изображенную в сопровождении профильного «одноногого» мужского персонажа. Фигура любопытна тем, что в ней сочетаются антропоморфные и зооморфные черты: нижняя часть человеческого, шея и голова напоминают животное (Советова и др., 2021. Рис. 411; Кубарев, 2000). Поза «роженицы» отличается тем, что она показана «присевшей». Мужская профильная фигурка небольшая по размерам, обращена к женщине (рис. 1, 7). Профильные мужские изображения, прежде не выявлявшиеся на Тепсее, теперь зафиксированы дважды: одно из них (в указанной сцене) явно эротического характера, другое — самостоятельный персонаж (Советова и др., 2021. Рис. 466) (рис. 1, 8). Такие фигуры «одноногих»/профильных мужских персонажей хорошо известны в наскальном искусстве обширного ареала, но в Минусинской котловине, судя по публикациям, встречены впервые. Представляется, что наиболее близкие аналогии профильным «одноногим» персонажам представлены в наскальном искусстве Монголии (Новгородова, 1984; 1989; Ковалев, 2015.

Рис. 28; 35; Ковалев, Мунхбаяр, 2022), Казахстана (Самашев и др., 2014. Рис. 430; 434; 466), Горного Алтая (Окладникова, 1987; 1989; Кубарев, 2010. Рис. XIV; и др.).

А.А. Ковалев и Ч. Мунхбаяр, характеризуя чемурчечские изображения на плитах высокогорья Монгольского Алтая, в бассейне верхнего течения реки Ховд, отмечают, что вторым по частоте встречаемости изображением являются антропоморфные фигуры с туловищем анфас и ногами в профиль, в большинстве своем — с выраженными мужскими половыми признаками и «топорами», привязанными к поясу (Ковалев, Мунхбаяр, 2022. С. 87). Этим «одноногим» мужским персонажам практически аналогичен тепсейский, на поясе которого также подвешен топор. Определенное сходство можно обнаружить и со сценой из Калбак-Таша, в которой профильная мужская фигура с эрегированным фаллосом направляет лук в сторону женского персонажа (Кубарев, 2010. Рис. XIV), а также с недвусмысленной композицией из Сауыскандыка (Казахстан), где аналогичный мужской персонаж представлен в эротической сцене (Самашев и др., 2014. Рис. 609). В наскальном искусстве Казахстана схожие изображения в большом количестве зафиксированы на склонах хребта Каратау (Рогожинский и др., 2004. С. 91; Самашев и др., 2014. Рис. 465–470; 476–478), а также встречаются и довольно далеко от района Среднего Енисея — в наскальном искусстве Фенноскандии (Лобанова, 2013. Рис. 2, 41–43; 5, 17, 18). Возможно, в последнем случае они несут иную семантическую нагрузку, но есть и сцены с профильными мужскими фигурами явно эротического характера (Там же. Рис. 4, 2, 5, 10–12, 14). Нередко «одноногие» запечатлены в момент ритуального поединка или пляски рядом с ряженой фигурой (возможно, женской, за которую идет борьба), как это представлено на ритуальном комплексе Хар чулуут 1 (Монголия) (Ковалев, 2015. Рис. 28), в другом случае на том же памятнике — без третьего персонажа (Там же. Рис. 35).

А.А. Ковалев и Ч. Мунхбаяр отмечают, что в Узбекистане, на поселении Тилла Булак, относящемся по данным радиоуглеродного анализа к ранней фазе культуры позднего бронзового века Сапалли, найдена каменная печать с изображением танцующего «одноногого» персонажа (Ковалев, Мунхбаяр, 2022). Учитывая эту датированную находку, можно предварительно считать появление петроглифов с чемурчечскими признаками на юго-западе следствием влияния чемурчечского феномена. «Одноногие» антропоморфы представлены также в уникальной галерее древнего искусства в урочище Оленты в Павло-

дарской области (*Самашев и др.*, 2014. С. 22–24). Эти изображения выполнены глубокой резьбой, как на памятниках IV — начала III тыс. до н.э. в Северном Причерноморье (Каменная Могила, рисунки на ранних стелах). По мнению исследователей, возможно, этот памятник оставлен на пути древней миграции предков чемурчекского населения из Европы на Монгольский Алтай (*Ковалев, Мунхбаяр*, 2022. С. 88).

Д.В. Черемисин назвал сюжет, в котором запечатлены женщина и «одноногий» профильный персонаж, — «"Женщина-дом" и "одноногий" у порога» (*Черемисин*, 2015). Он отметил, что графические аналогии Калбак-Ташским петроглифам единичны и единственным памятником, на котором зафиксированы подобные сцены, является памятник Чулуут в Монголии (Там же. С. 79–80). Видимо, теперь следует признать, что одной из близких аналогий можно считать тепсейскую сцену, хотя женщина в данном случае представлена «роженицей», а не «женщиной-домом». Здесь, как мы отмечали, фигура «роженицы» довольно крупная, а расположенный рядом с ней «одноногий» мужской персонаж намного меньше ее и показан в возбужденном состоянии.

Д.В. Черемисин отмечает, что наскальные изображения мужских фаллических персонажей, показанных в профиль, часто с гипертрофированными стопами, широко известны в традициях наскального искусства Евразии и интерпретированы В.А. Семеновым в контексте индоевропейских мифологем (*Черемисин*, 2015. С. 89–90; *Семенов*, 1998). Отметим, что в Волчьем логу на одной из плоскостей имеется сцена совокупления женского персонажа с рогатым мужским персонажем (*Советова и др.*, 2021. Рис. 60). Не исключено, что смысл всех этих сцен можно связать с многогранной темой плодородия.

Набор женских образов раннего бронзового века пока ограничивается перечисленными персонажами, хотя можно привести еще один вариант, уникальный для Минусинской котловины, — «решетчатую» фигуру, выявленную Е.А. Миклашевич на горе Суханихе (*Черемисин*, 2015. Рис. 11).

Так как образ женского божества является одним из центральных в окуневской изобразительной традиции и тесно связан с культом плодородия в широком смысле слова (см.: *Вадецкая*, 1970. С. 261; *Шер*, 1980; *Есин*, 2010. С. 113; и др.), можно уверенно говорить о существовании общей мифологической парадигмы, распространенной в эпоху бронзы на обширной территории Средней и Центральной Азии и согласиться с Ю.Н. Есиным, который писал, что «изображения

окуневских богинь были приурочены к обряду, связанному с темой плодородия животного и растительного мира, во время которого люди стремились заручиться ее покровительством». Он справедливо полагает, что сводить иконографически разные рисунки к образу одной богини вряд ли правильно. Скорее всего, в окуневской ритуально-мифологической системе имелись различные женские божества с разными функциями, как в древнеиндийской, греческой, переднеазиатских и других мифологиях (*Есин*, 2010. С. 102). На наш взгляд, новые материалы этот вывод наглядно подтверждают.

Еще один новый персонаж совсем недавно был открыт на Тубинском склоне горы Тепсей (Усть-Туба III) на одной из труднодоступных плоскостей. Это небольшая профильная антропоморфная фигурка «солнцеголового» с пучком «лучей» на голове. На этой же плоскости расположены многочисленные целые и парциальные фигуры, не объединенные в какую-то общую композицию. Они разбросаны по плоскости и выполнены в разной технике относительно мелким пикетажем. Среди наиболее ранних фигур здесь имеются головы животных и упомянутая фигурка «солнцеголового» персонажа. Изображение выполнено неглубокими мелкими выбоинами, персонаж передан в профиль, с присогнутой ногой, на его голове расположены небольшие «лучи», руки плохо различимы. Он также напоминает профильные каракольские фигуры (*Кубарев*, 2013. Рис. 89, 2, 7).

Таким образом, наряду с хорошо известными темами и образами в наскальном искусстве раннего бронзового века Тепсея к настоящему времени выявлены новые, не только пополнившие базу персонажей типа «рожениц» или личин, но и совсем новые, прежде не встречавшиеся здесь профильные мужские фигуры («одноногие»). Обращает на себя внимание их сходство с подобными фигурами в наскальном искусстве обширной территории, включающей памятники Казахстана, Алтая, Монголии и других областей. По мнению И.П. Лазаретова, отмеченная близость может быть связана с художественной деятельностью носителей изобразительных традиций, влившихся в миграционный поток конца первой половины — середины III тыс. до н.э., перемещавшийся на территории, которые ранее занимали «афанасьевцы» (*Лазаретов*, 1994). Он полагает, что истоки этого события уходят в далекие районы Северо-Западного Прикаспия — в среду разноэтничных групп позднеямно-раннекатакомбного периода. Это новое население продвигалось через Восточный Казахстан

и расходилось по двум направлениям: одна группа на Алтай, а затем в Хакаско-Минусинскую котловину и Туву; другая — в Синцзян и Западную Монголию. Вся эту совокупность памятников исследователь предлагает рассматривать в рамках окуневско-чемурчекской культурно-исторической общности раннего бронзового века (Лазаретов, 2017; 2019). Следует отметить, что отдельные женские персонажи, в том числе тепсейская фигура с поднятыми руками, суханинская «решетчатая», а также мужские профильные фигуры, столь популярные в наскальном искусстве Средней Азии и Монгольского Алтая, остаются уникальными в наскальном искусстве Минусинской котловины.

Литература

- Вадецкая, 1970 — Вадецкая Э.Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1970. С. 261–264. (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь; вып. 3).
- Грязнов, 1979 — Грязнов М.П. Окуневская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / ред. М.П. Грязнов. Новосибирск: Наука, 1979. С. 27–28.
- Грязнов и др., 1979 — Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / ред. М.П. Грязнов. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Дэвлет, 1997 — Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 240–250.
- Есин, 2006 — Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Есин, 2010 — Есин Ю.Н. Изображение «богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 3: Археология и этнография. С. 111–122.
- Есин, 2012 — Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // НОСА. 2012. № 1 (3). С. 14–47.
- Заика, 2013 — Заика А.Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // НОСА. 2013. № 1 (5). С. 35–51.
- Заика, Солодейников, 2018 — Заика А.Л., Солодейников А.К. Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы // Уч. записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 8. С. 56–67.
- Килуновская, 2001 — Килуновская М.Е. Женщина-одежда-жилище — знаки-символы первобытного искусства // Проблемы развития зарубежного искусства: Науч. конф. памяти М.В. Доброклонского. СПб.: Санкт-Петербургский гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 2001. С. 3–7.
- Ковалев, 2015 — Ковалев А.А. (ред.). Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синцзяна и окраинных земель. СПб.: МИСР, 2015. 320 с.
- Ковалев, Мунхбаяр, 2022 — Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Петроглифы на чемурчекских ритуальных оградах в высокогорье Монгольского Алтая (3 тыс. до н.э.): репертуар образов // Төв Азийн эртний нүүдэлчдийн хадны зураг (Чулуун зэвсгийн сүүл, хүрлийн эхэн үе). Улаанбаатар, 2022. С. 84–93.
- Кубарев, 2000 — Кубарев В.Д. Мифологический сюжет: «женщина и зверь» и его эволюция в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. 6. С. 312–318.
- Кубарев, 2009 — Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 420 с.
- Кубарев, 2010 — Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2010. 444 с.
- Кубарев, 2013 — Кубарев В.Д. Загадочные росписи Каракола. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2013. 75 с.
- Лазаретов, 1994 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники долины реки Уйбат (к вопросу о второй волне индоевропейцев в Южной Сибири) // Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму ИИМК 5–7 апреля 1994 г. / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 20–24. (Археологические изыскания; вып. 14).
- Лазаретов, 2011 — Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа — маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: Материалы междунар. науч. конф. / сост. и тех. ред.: Л.Н. Ермоленко и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Т. 2. С. 59–64. (Труды САИПИ; вып. VIII).
- Лазаретов, 2017 — Лазаретов И.П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе / отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. Т. I. С. 284–289.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Окуневско-чемурчекская общность: феномен эпохи ранней бронзы и проблема синхронизации культур // Маргулановские чтения — 2019: Материалы Междунар. археолог. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: Глобус, 2019. С. 132–144.
- Леонтьев, 1978 — Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: неолит и эпоха металла / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1978. С. 88–118.
- Леонтьев, 2002 — Леонтьев Н.В. Изображение матери-прародительницы на курильнице окуневской культуры из Новой Сыды // Вестник САИПИ. 2002. Вып. 5. С. 34–36.
- Леонтьев и др., 2006 — Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Лобанова, 2013 — Лобанова Н.В. Антропоморфные образы в наскальном искусстве Северной Фенноскандии //

- Труды КарНЦ РАН. 2013. № 4. Сер.: Гуманитарные исследования. Вып. 4. С. 3–15.
- Новгородова, 1984 — Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова, 1989 — Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.
- Окладникова, 1987 — Окладникова Е.А. Хронология наскального искусства горы Калбак-Таш // Новые памятники эпохи металла на нижнем Амуре / отв. ред.: Ю.С. Худяков, С.А. Гладышев. Новосибирск: [Б.и.], 1987. С. 98–110.
- Окладникова, 1989 — Окладникова Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 11. Вып. 2. С. 61–64.
- Поляков, Святко, 2009 — Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // ТПАИ. 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Профессор..., 2023 — Профессор Дмитрий Глебович Савинов. Сводная и тематическая библиография / отв. ред.: Н.Ю. Смирнов, М.Т. Кашуба. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 112 с.
- Рогожинский и др., 2004 — Рогожинский А.Е., Аубеке-ров Б.Ж., Сала Р. Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, документирование / отв. ред. А.Е. Рогожинский. Алматы: [Б.и.], 2004. С. 60–64.
- Савинов, 1976 — Савинов Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху / отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1976. С. 52–72. (ИЛАИ; вып. 8).
- Савинов, 2006 — Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 157–190.
- Савинов, 2011 — Савинов Д.Г. Проект программы «Тепсейский петроглифический микрорайон (сохранение, консервация и использование)» // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова / ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 22–26. (Труды САИПИ; вып. VII).
- Самашев и др., 2014 — Самашев З.С., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 374 с.
- Семенов, 1998 — Семенов В.А. Знаки-индексы в наскальном искусстве Северной Евразии // Международная конференция по первобытному искусству: Тез. докл., Кемерово, 3–8 авг. 1998 г. / отв. ред. Я.А. Шер. Кемерово: НИКАЛС, 1998. Т. 1. С. 49–52.
- Советова и др., 2021 — Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.
- Черемисин, 2015 — Черемисин Д.В. Об интерпретации одного сюжета в петроглифах Алтая эпохи бронзы («женщина-дом» и «одноногий» у порога) // Искусство бронзового века: Материалы междунар. симпоз., 15–19 апреля 2013 г., Штральзунд, Германия / отв. ред.: В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: РИУ НГУ, 2015. С. 79–93.
- Шер, 1980 — Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Anthropomorphic images of the Early Bronze Age from the Tepsey archaeological microdistrict³

Olga S. Sovetova⁴

The article discusses rock images of the Early Bronze Age found in the Tepsey archaeological microdistrict. In addition to previously known face images, the considered materials include also new images of female and male characters. If the “women in labor” were already known (the image of the Ust-Tuba III site discovered by Yakov A. Sher), the “one-legged” male characters shown in profile were found in the Minusinsk Basin for the first time. They have a striking resemblance to similar figures in the rock art of a vast territory including Kazakhstan, Altai, Mongolia and some other regions. According to Igor P. Lazaretov, the noted proximity of depictive materials may be associated with the bearers of visual traditions who joined the migration flow of the first half — middle of the 3rd millennium BC, moving to the territories previously occupied by the Afanasievo population. Another new image, characteristic of Altai rock art but unknown in the Minusinsk Basin, is a profile figurine of a “solar-headed” character recorded on the Ust-Tuba slope of the mountain.

Keywords: *the Minusinsk Basin, the Okunevo culture, anthropomorphic images, “women in labor”, “one-legged” profile character, “solar-headed”*

³ The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/> “Unexplored pages of the history and culture of the South Siberia population during the 2nd millennium AD based on petroglyphic materials”.

⁴ Olga S. Sovetova — Kemerovo State University, 78 Sovetskaya ave., Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgasovetova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0733-8245.

Окуневские изображения на скалах Батенёвского кряжа

А.Л. Заика¹, Т.А. Ключников², В.Е. Матвеев³

Статья посвящена новым петроглифам, обнаруженным весной 2025 г. на северо-западе Хакасии. Основной сюжет рисунков — антропоморфные личины. Рассматриваются вопросы хронологии и интерпретации изображений. Основная группа изображений относится к ранним этапам развития окуневского искусства. Выявленные объекты связаны с горными гротами и нишами, маркируют древние культовые места, что требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: Хакасия, окуневская культура, петроглифы, личины, хронология, семантика

Введение

Окуневское искусство Среднего Енисея широко представлено в различных видах: наскальные рисунки, изваяния, мелкая пластика, рисунки на керамике и др. Выявленные объекты, как правило, приурочены к степной и лесостепной зонам региона. Известные местонахождения в таежной и горно-таежной местности единичны (Леонтьев и др., 2006. Рис. 1). Более того, территория Батенёвского кряжа в этом отношении практически не изучена, поэтому любая информация об окуневских изображениях, обнаруженных в данной местности, актуальна и вызывает большой научный интерес.

Писаницы обнаружены и обследованы авторами в марте 2025 г. по информации краеведа Дмитрия Алексеевича Грачева. Они расположены в 12 км к ЮЗ (аз. 204°) от д. Белелик Богградского района Республики Хакасия, на вершине Косинского хребта (абсолютные

отметки до 1015 м) в центральной части Батенёвского кряжа и приурочены к одной из его вершин — Большому Чалпану (967 м) (рис. 1). Рельеф местности среднегорный, растительность представлена березой, лиственницей, реже осиной, сосной, елью. Геология района расположения археологических объектов представлена как породами интрузивного магматического происхождения (граносиениты), так и породами метаморфического и осадочного типов. Разрывные нарушения зафиксированы непосредственно в границах описываемой территории. Участниками отряда проведено внешнее обследование объектов, их описание и фотофиксация.

Белелик. Петроглифы 1 (Писаница Большой Чалпан 1)

Объект представляет собой глыбу гранита, выступающую из осыпей южного склона хребта. Высота каменного блока составляет ~5–6 м, ширина — 7–8 м. Южная нижняя часть его обвалилась на высоте 2,5 м, раскололась почти пополам и внешний сегмент длиной 3 м съехал по осыпи вниз на расстояние 2 м, образовав скальную нишу и узкий проход между ними. Внутри ее на тыловой поверхности ниши и внешней грани «внутреннего» сегмента обвалившегося блока выявлены рисунки, выполненные красной охрой различных оттенков (рис. 2).

Плоскость 1 находится в левой верхней части внешней грани «внутреннего» сегмента обвалившегося блока высотой 2 м и шириной 2,7 м, который отслоился от глыбы гранита на расстояние 0,2–0,3 м. Рисунки, выполненные охрой светло-бордового от-

¹ Александр Леонидович Заика — Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, ул. Ады Лебедевой, д. 89, Красноярск, 660049, Российская Федерация; e-mail: zaika_al@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2704-0988.

² Тимофей Александрович Ключников — Автономная некоммерческая организация «Археологическое исследование Сибири», пр. Мира, д. 25, стр. 1, Красноярск, 660049, Российская Федерация; e-mail: klyuchnikoff.t@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3519-1287.

³ Вячеслав Евгеньевич Матвеев — Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания», пр. Мира, д. 25, стр. 1, Красноярск, 660049, Российская Федерация; e-mail: rasty05@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7774-1796.

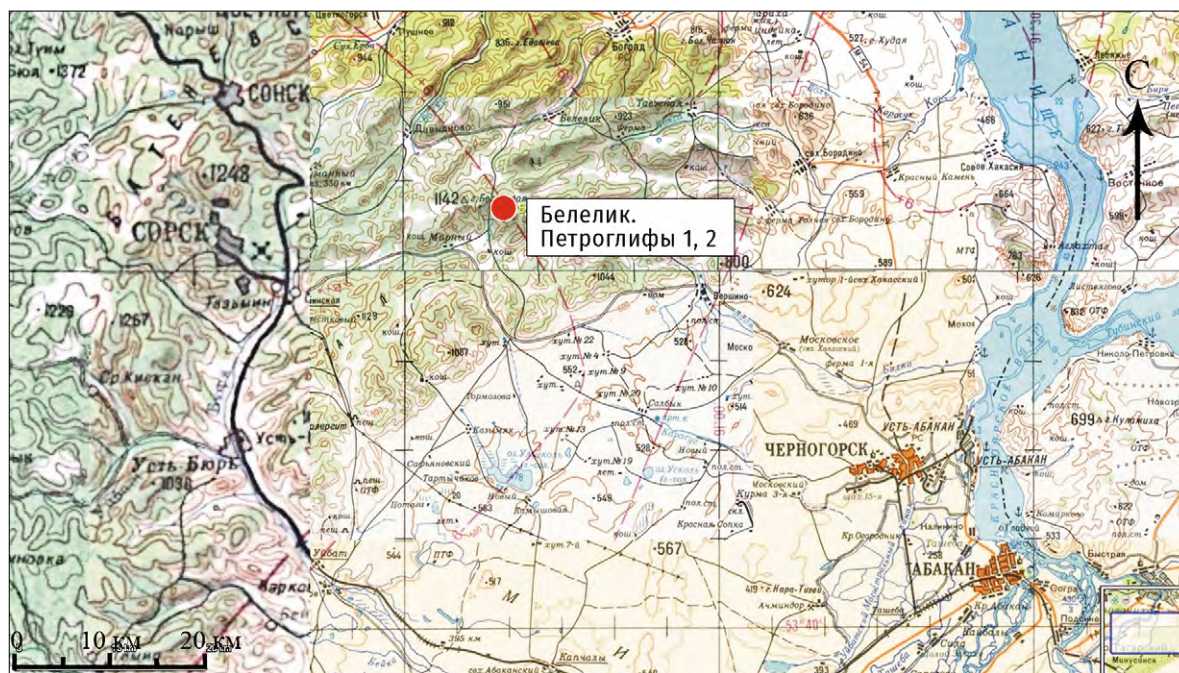

Рис. 1. Карта расположения объектов

Fig. 1. Map of the location of objects

тенка, выявлены на высоте 0,5–1,5 м от подножия и занимают площадь шириной 1,5 м. Поверхность грани сравнительно ровная, повреждена локальными участками отслоения скальных пород на глубину до 1,5 см. Плоскость вертикальная, под небольшим положительным углом наклона ($+10^\circ$) обращена на ЮЗ (аз. 300°).

В верхней части плоскости изображена крупная антропоморфная личина шириной около 1 м (рис. 2, 1). Сохранились боковые фрагменты, по всей видимости, ее полукруглого контура, который ограничен верхним краем каменного блока. Хорошо прослеживаются две вертикальные дуги «татуировки», между которыми вверху показаны два пятна широко расставленных глаз, внизу — короткой дугой — улыбающийся рот. Выше глаз нанесена горизонтальная дуга, концы которой обрываются верхним краем камня. Между ними выступ обвалившегося блока промазан охрой, обозначая треугольный контур верхней части личины.

Ниже, вдоль левого края камня выявлена фрагментарно сохранившаяся орнито-антропоморфная фигура (рис. 2, 2), обращенная в правую сторону (к личине). По размерам она соответствует радиусу контура личины. Фигура фас-профильная: голова и ноги ее показаны в профиль, туловище и верхние конечности — в фас. Полукруглый контур головы

имеет впереди небольшой выступ с загнутой линией клюва, позади — обрамлен радиально расходящимися линиями-лучами, которые имеют точечные окончания. Внутри него отмечен глаз и фрагменты неопределенных линий. Туловище вертикально вытянутое, видимо, подпрямоугольной формы, по краям имеет «бахрому» наклонных росчерков. Линии верхних конечностей, широко расставленных в стороны и немного поднятых вверх, также имеют свисающую вниз «бахрому». Линии ног расставлены в стороны, заканчиваются короткими «ступнями», обращенными в правую сторону. Изображение сильно пострадало вследствие осыпания внешней поверхности камня.

Плоскость 2 расположена за пределами отслоившегося блока, на расстоянии 1 м левее плоскости 1 и практически на одном уровне с ней — на соседней обнажившейся поверхности гранитной глыбы. Шириной в 0,9 м, на высоте 1,35 м от подножия под небольшим отрицательным углом наклона (-18°) она обращена на ЮЮВ (аз. 253°). Плоскость сравнительно ровная, покрыта широкой полосой известковых натеков, в границах которой хорошо видны широко расставленные округлые пятна двух глаз личины, ниже — короткая наклонная полоса рта; все выполнено ярко-красной охрой вишневого оттенка (рис. 2, 3). Также хорошо прослеживаются длинные вертикальные полосы

Рис. 2. Белелик. Петроглифы 1. Прорисовка изображений (выполнена авторами статьи)

Fig. 2. Belelik. Petroglyphs 1. Drawing of the images (by authors of the article)

подтеков краски, появившиеся вследствие размыва красящего пигмента проникающими под навес потоками воды.

Белелик. Петроглифы 2 (Писаница Большой Чалпан 2)

Объект находится в 330 м к СЗ от первого местонахождения (аз. 330°) на вершине хребта и представляет собой столбовидный гранитный останец. На ЮЗ стороне вследствие обвала скальных блоков образовался небольшой грот (вход шириной ~2 м), к которому приурочены рисунки.

Плоскость 1 высотой 2,35 м и шириной 3,3 м является правой стенкой грота, имеет крутой наклон (-60°), обращена на СЗ (аз. 40°). Рядом с входом на протяжении ~2 м встречаются следы древней краски, которые трудно вписать в узнаваемые контуры изображений. Однако в одном случае фрагменты линий могут формировать рисунок копытного животного, обращенного в левую сторону. С определенной долей вероятности можно полагать, что изображен бык в позе «внезапной остановки» (рис. 3, 1). Его вертикальные, чуть изогнутые рога показаны в фас, едва намеченная голова — в профиль. Фрагментарно прослеживается передняя часть туловища с высоким горбом и сравнительно узкая короткая шея. Пара передних конечностей вынесена вперед, показана

широкой одинарной линией. Фрагменты другой наклонной линии, выявленной правее, видимо, моделируют задние конечности. Над спиной животного нанесен короткий росчерк охры.

Плоскость 2 находится в 3,4 м левее входа в грот на широком скальном фризе. Высота ее составляет 2 м, ширина — 1,4 м. Плоскость вертикальная, под небольшим отрицательным углом наклона (-15°), обращена на ЮЗ (аз. 160°). В центре плоскости зафиксирована антропоморфная неоконтуренная личина, выполненная красной охрой бурого оттенка (рис. 3, 2). У нее показаны две окружности широко расставленных на одном уровне глаз. Непосредственно под ними нанесена горизонтальная линия. Другая линия проходит выше глаз, ниже ее, сверху под наклоном к контуру левого глаза нанесена прямая линия (рог?). В нижней части личины показан в виде уплощенного горизонтально вытянутого овала контур широко раскрытого рта. Выше его зафиксирован короткий росчерк охры.

Вопросы хронологии и интерпретации рисунков

В первом пункте, несмотря на различную геоморфологическую историю каменных полотен, на которые нанесены рисунки и разные тона красящего пигмента, изображения составляют общую компо-

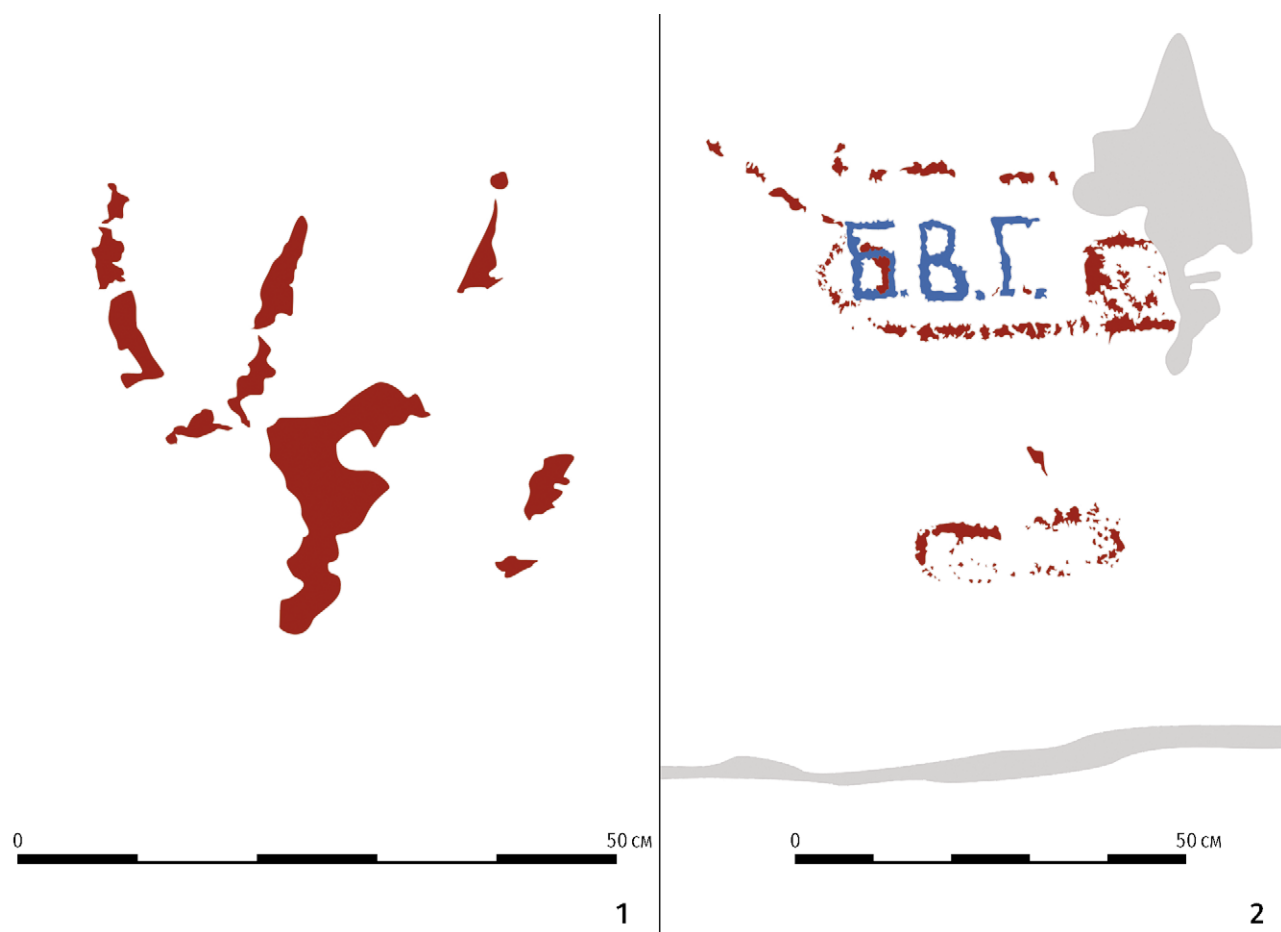

Рис. 3. Белелик. Петроглифы 2. Прорисовка изображений: 1 — плоскость 1; 2 — плоскость 2 (выполнена авторами статьи)

Fig. 3. Belelik. Petroglyphs 2. Drawing of the images: 1 — plane 1; 2 — plane 2 (by authors of the article)

зицию, появившуюся практически одновременно. Об этом в первую очередь свидетельствует отсутствие случаев палимпсеста, свободное расположение рисунков, их планиграфическая упорядоченность, сюжетное единство в композиционном построении образов. Композиционно центральное место занимает птицевидный антропоморф, фланкируют его две крупные личины, к одной из которых он обращен. Глаза и рот личин дублируют друг друга. Различие только в наличии элементов внешнего контура и внутреннего оформления у правого лика.

Первоначально, видимо, была нанесена простая личина в удобном, хорошо просматриваемом месте — на плоскости 2. Затем на одном уровне с ней появился более сложный лик на соседнем каменном блоке. В данном случае древний автор вынужден был «приподнять» рисунок к верхнему краю камня, в определенной степени пожертвовав верх-

ним антуражем образа. Затем, чтобы поместить зооантропоморфную фигуру в центр композиции, ему пришлось сместить ее к самому левому краю выступающего каменного блока.

Судя по стилистическим и иконографическим признакам, а также сюжетным характеристикам рисунков, их следует соотносить со временем существования окуневской культуры раннего бронзового века Хакаско-Минусинской котловины. Антропоморфные лики имеют многочисленные изобразительные аналогии среди сюжетов окуневского искусства, как в наскальном творчестве, так и на могильных плитах и изваяниях. Левая простая личина и по размерам, и по своей иконографии соответствует изображениям на широких гранях стел (Леонтьев и др., 2006. № 158; 160; 233; 261; 280 и др.).

Наиболее близкая изобразительная параллель прослеживается на территориально близком объекте,

который расположен также в подтаежной зоне в 20,5 км к ЗСЗ на западном берегу оз. Дикое и представляет собой гранитный менгир, на широкой стороне которого (90 см) в технике выбивки с последующей шлифовкой нанесена простая неоконтуренная личина (Там же. С. 101). Подобного вида образы относятся к раннему этапу развития окуневского искусства (Савинов, 2015. С. 34). Это подтверждается и результатами археологических раскопок, где были зафиксированы стелы с простыми неоконтуренными ликами, — например в кургане 1 могильника Уйбат III (Лазаретов, 1997. Табл. XI, рис. 1–6). Данные материалы исследователи соотносят с наиболее ранним уйбатским этапом окуневской культуры, который датируется концом XXVI — XXIII в. до н.э. (Поляков, 2022. С. 190).

Правый, более сложный лик, частично оконтуренный и включающий дугообразные линии «татуировки», имеет, на первый взгляд (учитывая последнюю деталь), многочисленные аналоги среди личин сравнительно поздней «Кок-Хаинской группы изображений» (см.: Савинов, 2006. С. 167, рис. 13). Вместе с тем, если обратить внимание на ряд образов, выполненных в тасхазинской изобразительной традиции (Савинов, 2006. Рис. 2, 1; Леонтьев и др., 2006. Рис. 20, 1), то изобразительные параллели будут выглядеть более убедительными. В данном случае представляет интерес уникальная находка, полученная в результате археологических раскопок на ж/д станции Аскиз (Паульс, 1997. С. 126). На фрагменте тулова глиняного сосуда путем прочерка был нанесен антропоморфный образ с округлым ликом, обрамленным радиально расходящимися линиями-лучами. Внутри контур личины делят три сходящиеся в верхней части, как и у белеликского образа, дугообразные линии, между которыми небольшими вдавлениями обозначены глаза и рот (рис. 4, 3). «Солнцеголовость» личины в данном случае маркирует наряду с другими деталями образа ранний этап развития окуневского искусства (Савинов, 2015. Рис. 10, 23). Можно предположить, что правая личина, как и левый образ на писанице Белелик, может хронологически соотноситься с ранним периодом существования окуневской культуры.

Птицеголовый персонаж имеет прямые аналогии с рисунками на плитах окуневского кургана Тас-Хазаа (Липский, Вадецкая, 2006. Табл. XIV; XIX; рис. 4). Наиболее иконографически и стилистически близкой изобразительной аналогией в данном случае является фигура орнитоморфа в левой части многофигурной композиции на плите перекрытия моги-

лы 1 (рис. 4, 1). Он также показан в фас-профильном ракурсе, обращен в правую сторону, голова его имеет птицевидный облик, обрамлена радиально отходящими линиями. Бахрома таких же линий свисает с правой части туловища и верхних конечностей. Однако у белеликского образа показаны две руки, как и у другого птицеголового персонажа, расположенного правее на тас-хазинской плите. Также голова имеет более ярко выраженный «орлиный» клюв, характерный для образа дневных пернатых хищников, нередко присутствующих в композициях на плитах кургана Тас-Хазаа (Там же. Табл. XVI; XVII; XIX) (рис. 4, 2).

Таким образом, композиция на писанице **Белелик. Петроглифы 1** в большей степени соответствует изобразительным традициям раннего этапа развития окуневского искусства на территории Хакасско-Минусинской котловины. В семантическом плане можно полагать, что, исходя из композиционного построения фигур, изображена мифологическая сцена с участием находящихся в бинарной оппозиции образов духов-божеств в виде антропоморфных ликов, где ключевая роль посредника между ними отведена птицеголовому персонажу. Не исключено, что подобная мифологема представлена в композиции на плите 1 погребения 5 могильника раннего бронзового века Каракол на Алтае (Кубарев, 2009. С. 21, рис. 88). Здесь между статичными фронтальными антропоморфными фигурами с различными масками-личинами помещена динамичная фас-профильная фигура зооантропоморфа, обращенная в правую сторону к одному из персонажей, антиподально расположенному солнцеголовому антропоморфу. У «посредника» также голова показана в профиль, обрамлена лучами-перьями, только, в отличие от белеликского персонажа, она имеет звероподобный облик (рис. 4, 4). В данном случае хронологические и изобразительные параллели позволяют трактовать данные композиции в общем семантическом поле, несмотря на территориальную удаленность объектов друг от друга.

Антропоморфная личина на другом белеликском объекте также находит многочисленные изобразительные аналогии среди известных изображений в окуневском искусстве (Леонтьев и др., 2006. № 71; 80; 119; 152; 250; 255; 278 и др.). Наиболее иконографически близкий образ, на первый взгляд, представлен на боковой грани углового камня могильной ограды тагарского кургана на территории Кызласского чаатаса (Аскизский район Республики Хакасия). Здесь

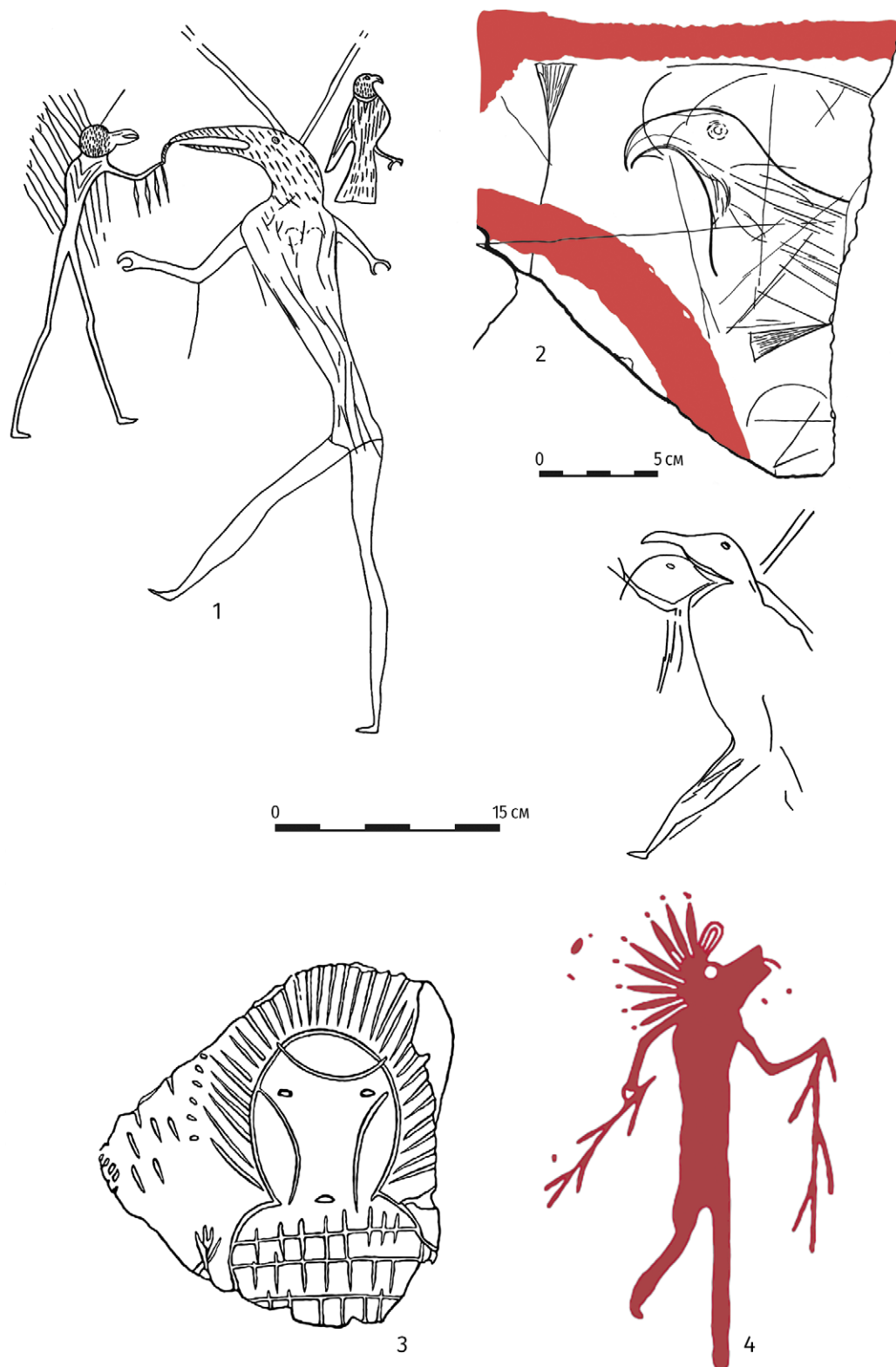

Рис. 4. Изображения раннего бронзового века: 1, 2 — копии петроглифов на плитах могильника Тас-Хазая (личный архив В.Ф. Капелько); 3 — прорисовка личины на керамике (по: Лазаретов, 1997. С. 126); 4 — крашенная фигура зооантропоморфа на плите могильника Каракол (по: Кубарев, 2009. С. 196, рис. 128, 4)

Fig. 4. Images of the Early Bronze Age: 1, 2 — copies of petroglyphs on the slabs of the Tas-Khazaa burial ground (personal archive of Vladimir F. Kapelko); 3 — drawing of a face on ceramics (after Лазаретов, 1997. С. 126); 4 — painted figure of a zoo-anthropomorph on the slab of the Karakol burial ground (after Кубарев, 2009. С. 196, рис. 128, 4)

личина, как и белеликская, показана без внешнего контура, с двумя глазами и едва намеченным «рогом» над правым глазом. Рот также имеет вид горизонтально вытянутого узкого овала. Между ним и глазами нанесена горизонтальная линия. На широкой плоскости камня выбивкой нанесена развернутая композиция, где присутствуют «одеяния» на шестах, «тощие» быки и другие животные, крупное контурное изображение птицы, показанной в профиль (*Леонтьев и др.*, 2006. С. 99, № 255). Многие исследователи склоняются к версии о сравнительно позднем появлении изображений «тощих быков» в окуневском искусстве (*Савинов*, 2006. С. 163–165). Неясно, одновременны ли изображения на гранях камня, но при внимательном рассмотрении черт личины, которая, судя по описанию, сохранилась фрагментарно, можно полагать, что она соответствует сравнительно поздней тейской группе окуневских личин (Там же. Рис. 14). Для этой группы характерна двуглазость образа, горизонтальное выполнение «татуировки» и наличие трех прямых «рогов» с характерным расширением в основании. Последняя деталь хоть и фрагментарно, но четко прослеживается над правым глазом личины Кызласского чаатаса. У белеликской личины линия «рога» диагонально отведена в сторону, что не соответствует «тейской» традиции и поэтому следует обратить внимание на другой образ, который зафиксирован в том же Аскизском районе, также на угловом камне тагарского кургана, но на широкой стороне плиты (*Леонтьев и др.*, 2006. С. 103, № 299). Частично рисунок перекрыт солярными знаками и личиной, которая нанесена на боковую грань камня. Этот лик со сложной символикой графически соответствует изображениям в составе тазминской группы изваяний, которая знаменует расцвет окуневского монументального искусства (*Савинов*, 2006. С. 165–166, рис. 7). Личина на широкой стороне плиты гораздо более простая и занимает практически всю ширину камня. У нее обозначены два глаза и рот, полоса между ними, как у белеликского образа, горизонтальной чертой показан верхний край контура и косая линия «рога». Вместе с тем при всем наборе схожих черт присутствуют немаловажные отличия: глаза и рот аскизской личины силуэтно минимизированы, тогда как у белеликского образа они показаны хорошо выраженными контурами. Поэтому на данном этапе исследований, учитывая фрагментарность выявленного изображения, пока трудно более конкретно определить стратиграфическое место данной белеликской личины в рамках окуневской изобразительной традиции. Можно предварительно полагать, что личина на второй писанице выполнена относительно позднее, чем композиция в первом пункте наскальных изображений.

Что касается зооморфного образа, то он также сохранился фрагментарно и с определенной долей вероятности может интерпретироваться как рисунок быка, показанного в позе «внезапной остановки». Примечательной особенностью образа являются рога, которые развернуты фронтально по отношению к профилю туловища и головы. В подобном ракурсе показаны рога на гравированном рисунке быка в границах *све* Кызыл-Хая, также расположенного на вершине горной гряды, где зафиксированы артефакты окуневской культуры. Расположен объект на правом берегу р. Черный Июс в Хакасии (*Кириллова, Подольский*, 2006. С. 140–143, рис. 11). Авторы этой находки справедливо отмечают необычность данной трактовки рогов для наскального искусства Минусинской котловины. Подобная традиция более характерна для петроглифов эпохи бронзы в Туве и на Алтае.

Например, на писанице Калбак-Таш выявлены аналогичные изображения быков в позе «внезапной остановки», у которых рога развернуты анфас (*Кубарев*, 2010. Рис. 41). Вместе с тем, если обратиться к материалам Шалаболинской писаницы на р. Тубе (правый приток Енисея), то среди петроглифов раннего бронзового века можно встретить подобные образы (*Пяткин, Мартынов*, 1985. Табл. 17, рис. 7). Причем манера изображать рога анфас гораздо более широко представлена здесь на примере лосей и маралов (Там же. Табл. 17; 19–21; 23; 25; 27 и др.). То есть данный художественный прием не являлся необычным для древнего искусства Среднего Енисея, однако не получил широкого распространения в петроглифах на примере образа быка. Соответственно, белеликский зооморфный образ заслуживает особого внимания при дальнейшем исследовании памятника.

Судя по топографическим и геоморфологическим характеристикам местонахождений с наскальными рисунками, они приурочены к скальным нишам, образовавшимся вследствие разрушения горных пород. Данные обстоятельства, как и характер сюжетов, могут свидетельствовать о сакральной значимости объектов. Не исключено, что в данных местах совершались культовые обряды, посвященные объектам поклонения и связанным с ними мифологическим сюжетам, зафиксированным на скальных плоскостях.

Заключение

Новые находки изображений на Батенёвском кряже расширяют ареал окуневского наскального искусства. Их топографические и природно-ландшафтные характеристики позволяют обоснованно скорректировать устоявшиеся представления о приоритетах в выборе мест для наскального творчества населением раннего бронзового века Хакасско-Минусинской котловины. Во всяком случае, окуневские изображения на вершинах хребтов в горно-таежной местности и вдали от водотоков зафиксированы впервые. Петроглифы могут маркировать культовые места, где совершались обряды, посвященные, вероятно, «хозяевам» местности, духам гор или были необходимы для преодоления горного перевала. Не исключено, что они обозначают границы ойкумены, определенной этнокультурной общности или, наоборот, ее сакральный центр. В любом случае, необходимы дальнейшие исследования этих значимых объектов.

Литература

- Кириллова, Подольский, 2006 — Кириллова Д.А., Подольский М.Л. Све Кызыл-Хая на севере Хакасии // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 130–145.
- Кубарев, 2009 — Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
- Кубарев, 2010 — Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 444 с.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / ред.-сост.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Леонтьев и др., 2006 — Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Липский, Вадецкая, 2006 — Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазаа // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 9–52.
- Поляков, 2022 — Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Паульс, 1997 — Паульс Е.Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 121–127.
- Пяткин, Мартынов, 1985 — Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1985. 188 с.
- Савинов, 2006 — Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / ред. колл.: Д.Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 157–190.
- Савинов, 2015 — Савинов Д.Г. Стратиграфия окуневского искусства // Искусство бронзового века: Материалы междунар. симпозиума, 15–19 апреля 2013 г., Штральзунд, Германия / под ред. С. Ханзена, В.И. Молодина. Новосибирск; Берлин: Изд-во НГУ, 2015. С. 19–53.

Okunevo images on the rocks of the Batenevsky ridge

Aleksandr L. Zaika⁴, Timofey A. Klyuchnikov⁵, Vyacheslav E. Matveev⁶

Okunevo art of the Middle Yenisei is widely represented in various types (rock paintings, sculptures, small plastics, drawings on ceramics, etc.). The identified objects are usually confined to the steppe and forest-steppe zones of the region. Known locations in taiga and mountain-taiga areas are few. Therefore, new petroglyphs discovered in the spring of 2025 in the northwest of Khakassia are of interest. They are located on the top of a mountain ridge up to 1015 m high, covered with coniferous forests, 12 km from the village of Belelik. The first object (Belelik. Petroglyphs 1) is located in a niche of a large granite stone on the mountainside. The almost synchronous composition in red paint is also revealed. Two large anthropomorphic faces are depicted, between which there is an anthropomorphic figure with the head of a bird of prey. Anthropomorphic faces have numerous pictorial analogies among the subjects of Okunevo art, both in rock art and on tombstones and stelae. The bird-headed character has direct analogies with drawings on the slabs of the Okunevo barrow Tas-Khazaa.

⁴ Aleksandr L. Zaika — Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 82 Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; e-mail: zaika_al@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2704-0988.

⁵ Timofey A. Klyuchnikov — Autonomous non-profit organization "Archaeological research of Siberia", 25 Mir ave., 1 building, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; e-mail: klyuchnikoff.t@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3519-1287.

⁶ Vyacheslav E. Matveev — Scientific and production association "Archaeological Design and Research", 25 Mir ave., 1 building, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; e-mail: rasty05@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7774-1796.

Apparently, it depicts a mythological scene where spirits-deities in the form of anthropomorphic faces are in binary opposition. The role of an intermediary between them is played by a character with a bird's head. The second object (Belelik. Petroglyphs 1) is located 339 m to the NW at the top of the ridge, where a small cave was formed. Fragments of a zoomorphic figure resembling a bull were found on its right wall. Near the entrance there is face of anthropomorphic creature painted in red, which also finds numerous pictorial analogies among the known images in Okunevo art. Okunevo images on ridge tops in mountainous taiga areas, far from water-courses, have been recorded for the first time. They are confined to rock niches. Apparently, cult rites were performed in these places, were dedicated to the objects of worship and related mythological plots, recorded in rock paintings. Petroglyphs mark cult places where rites were performed, probably dedicated to the spirits of the area, spirits of the mountains, were necessary to overcome the mountain pass. It is not excluded that petroglyphs mark the boundaries of the oecumene, a certain ethno-cultural community or, on the contrary, its sacral center. Further research of the sites will be continued.

Keywords: *Khakassia, Okunevo culture, petroglyphs, masks, chronology, semantics*

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург
АН	— Академия наук
АО	— Археологические открытия. Москва
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
Б.и.	— Без [указания] издательства
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр СО РАН. Улан-Удэ
БСВ	— Балтийская система высот
ВА	— Вопросы антропологии. Москва
ВБАЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН	— Институт археологии РАН. Москва
ИЛАИ	— Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
КарНЦ РАН	— Карельский научный центр РАН. Петрозаводск
КемГУ	— Кемеровский государственный университет. Кемерово
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. Москва
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
МГУ	— Московский государственный университет. Москва
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НОСА	— Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, Москва
РА	— Российская археология. Москва
РАН	— Российская академия наук
СА	— Советская археология. Москва
САИПИ	— Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово
СО РАН	— Сибирское отделение РАН
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
СЭ	— Советская этнография. Москва
ТПАИ	— Теория и практика археологических исследований. Барнаул
ТИЭ	— Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Москва
ХакНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан
ХО ВООПИК	— Хакаское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Абакан
ЮСФ ИИМК РАН	— Южносибирский филиал ИИМК РАН. Абакан
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Научное издание

ОКУНЕВСКИЙ СБОРНИК

Вып. 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД,
АНТРОПОЛОГИЯ, ИСКУССТВО
И РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Редакторы: *М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов*

Верстка и художественное оформление *И.Н. Лицук*

Корректор *А.М. Никитина*

Подписано в печать 07.07.2025. Формат 60×90 1/8.

Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,5.

Тираж 150 экз. Заказ 704

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А.М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

THE OKUNEVO COLLECTION

VOL. 3

"The Okunevo Collection 3" is a new issue of the ongoing series of the Institute for the History of Material Culture of the RAS, the purpose of which is to present the results of the latest field research as well as to introduce in the scientific turnover the materials of old excavations and present global concepts and parochial hypotheses related to the study of sites of the Okunevo archaeological culture. The structure and principles of data presentation of the present issue continue the traditions laid down by the founder of the series and editor of the first two collections (1997, 2006) — Doctor of History, Professor Dmitriy G. Savinov (1941–2023) and is dedicated to his memory.

ISBN 978-5-6052467-4-9

